

**СОВРЕМЕННЫЙ
ТЕРРОРИЗМ:
СОСТОЯНИЕ
И ПЕРСПЕКТИВЫ**

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ЦЕНТР КОНФЛИКТОЛОГИИ
ИНСТИТУТ СОЦИОЛОГИИ
*Навстречу I Конгрессу
Международной Ассоциации
конфликтологов*

**СОВРЕМЕННЫЙ
ТЕРРОРИЗМ:
СОСТОЯНИЕ И ПЕРСПЕКТИВЫ**

СОСТОЯНИЕ И ПЕРСПЕКТИВЫ

Ответственный редактор *Е. И. Степанов*

Эдиториал УРСС Москва 2000

*Настоящее издание осуществлено при финансовой поддержке
Российского гуманитарного научного фонда*

Серия «Социальные конфликты: экспертиза, прогнозирование,
технологии разрешения»

Главный редактор: Е. И. Степанов

Редакционная коллегия:

А. А. Галкин, А. В. Дмитриев, Л. М. Дробижева, В. К. Егоров,
А. Г. Здравомыслов, В. Н. Кудрявцев, Л. И. Никовская, Л. М.
Романенко,

Т. С. Сулимова, В. А. Тишков, П.Н. Шихирев, В. А. Ядов
Современный терроризм: состояние и перспективы. Под ред. Е. И.
Степанова. М: Эдиториал УРСС, 2000. - 240 е.

ISBN 5-8360-0103-0

В книге нашли систематическое освещение основные аспекты
конфликтологического анализа терроризма как социально опасного явления.
Рассмотрены его история, социально-политические основания, типология,
формы и механизмы осуществления, факторы обострения и нейтрализации,
средства и способы предотвращения и преодоления. Особое внимание
уделено состоянию и перспективам террористических и
антитеррористических действий в современной России.

Для обществоведов, политиков, всех интересующихся проблематикой
социальных напряжений и конфликтов.

Группа подготовки издания:

Директор — Доминго Марин Рикой

Заместители директора — Наталья Финогенова, Ирина Макеева

Компьютерный дизайн — Виктор Романов

Верстка — Наталия Бекетова

Редакционно-корректорские работы — Елена Кудряшова

Графические работы — Елена Ефремова

Обработка текста — Вадим Устьянский

Техническая поддержка — Лариса Кирдяшкина

Издательство «Эдиториал УРСС». 113208, г. Москва, ул. Чертановская,
д. 2/11, к.п. Лицензия ЛР №064418 от 24.01.96 г. Гигиенический сертификат
на выпуск книжной продукции № 77.ФЦ.8.953.П.270.3.99 от 30.03.99 г.
Подписано к печати 17.03.2000 г. Формат 60х84/16. Печ. л. 15. Зак. №301.

Отпечатано в множительной лаборатории Кольчугинского завода
технических изделий. 601750, Владимирская обл., г. Кольчугино, ул.
Добровольского, 2.

Эдиториал УРСС ISBN 5-8360-0103-0

научная и учебная литература

Тел./факс: 7(095)135-44-23

Тел./факс: 7(095)135-42-46

Центр конфликтологии

E-mail: urss@nrss.ru

Каталог изданий в *Internet*: <http://urss.ru>

ИС РАН, 2000

© Эдиториал УРСС

2000

Содержание

Е. И. Степанов (*Центр конфликтологии Института социологии РАН*)

Введение: терроризм как предмет конфликтологической
экспертизы..... 5

ИСТОРИЯ

В. Е. Петрищев (<i>Экспертный совет Комитета ГД ФС РФ по безопасности</i>)	
История терроризма в России.....	9
О. М. Хлобустов (<i>Фонд национальной и международной безопасности</i>)	
Терроризм в России и большевики.....	28
ОБЩИЕ ПРОБЛЕМЫ	
Ю. И. Авдеев (<i>Академия ФСБ России</i>)	
Терроризм как социально-политическое явление	36
Ю. И. Авдеев (<i>Академия ФСБ России</i>)	
Типология терроризма.....	54
ЭКСПЕРТИЗА	
<i>Общесоциальный аспект</i>	
О. М. Хлобустов (<i>Фонд национальной и международной безопасности</i>), С. Г. Федоров (<i>Депутатская группа «Российские регионы»</i>)	
Терроризм: реальность сегодняшнего состояния	72
<i>Национально-этнический аспект</i>	
В. Е. Петрищев (<i>Экспертный совет Комитета ГД ФС РФ по безопасности</i>)	
Роль национализма в воспроизводстве терроризма.....	97
К. Х. Ипполитов (<i>Российский союз предприятий безопасности</i>), С. А. Гончаров (<i>Ассоциация ветеранов подразделения «Ачъфа»</i>)	
Разрастание угрозы терроризма в регионе Северного Кавказа.....	104
Д. Д. Гакаев (<i>Чеченский Культурный Центр</i>)	
Чеченский кризис: новая фаза развития и терроризм	120
<i>Духовный аспект</i>	
А. Б. Наумец (<i>Академия ФСБ России</i>)	
Влияние религиозного фактора на возникновение политического экстремизма и терроризма.....	133
4	
<i>Содержание</i>	
А. Г. Ткаченко (<i>Академия ФСБ России</i>)	
Терроризм: духовно-нравственный аспект.....	139
<i>Международный аспект</i>	
В. Е. Петрищев (<i>Экспертный совет Комитета ГД ФС РФ по безопасности</i>)	
Проблема международного терроризма в свете событий в Югославии.....	ISO
ПРОГНОЗИРОВАНИЕ	
Ю. И. Авдеев (<i>Академия ФСБ России</i>)	
Основные тенденции современного терроризма.....	157

ТЕХНОЛОГИИ ПРЕДОТВРАЩЕНИЯ ТЕРРОРИЗМА И БОРЬБЫ С НИМ

Информационный аспект

О. М. Хлобустов (*Фонд национальной и международной безопасности*)

Средства массовой информации и борьба с терроризмом 176

Правовой аспект

Е. В. Сарбатов (*Академия ФСБ России*)

Правовые проблемы борьбы с захватом заложников как формой террористической деятельности 181

В. А. Кригоузов (*Академия ФСБ России*)

Борьба правоохранительных органов России с похищением людей и захватом заложников на Северном Кавказе..... 189

В. Е. Петрищев (*Экспертный совет Комитета ГД ФС РФ по безопасности*)

Российское законодательство: профилактика терроризма 200

МЕЖДУНАРОДНЫЙ ОПЫТ

Правовой аспект

В. Е. Петрищев (*Экспертный совет Комитета ГД ФС РФ по безопасности*) Антитеррористическое законодательство за рубежом..... 217

Военный аспект

В.Л.Суворов (*Институт военной истории*)

Мировой опыт антипартизанских и антиповстанческих действий армии как формы борьбы с терроризмом 235

Е. И. Степанов

Введение: терроризм как предмет конфликтологической экспертизы
Нет сейчас у нас такого средства массовой информации —

электронного или печатного, — которое обходило бы в своих сообщениях проблему терроризма и борьбы с ним. Нет такого публичного политика, который не высказал бы того или иного к нему отношения — общего или конкретного, связанного с очередным террористическим актом. Нет, наконец, такого гражданина, к какой бы общественной группе он ни принадлежал, который, внимая этим сообщениям или комментариям, не испытывал бы определенной душевной тревоги. И все это — потому, что терроризм «захлестнул» сейчас нашу повседневную жизнь, стал как бы ее неременной составляющей.

Произошло это весьма стремительно, примерно с той же стремительностью, с которой происходили существенные изменения в основных сферах жизни российского общества — экономике, политике, межнациональных отношениях, идеологии и культуре. И это «совпадение» темпов, как мы постараемся показать ниже, вовсе не случайно. Наоборот, оно явственно показывает, что «корни» возникновения и распространения терроризма как социального феномена нужно искать в самих социальных

условиях и процессах, складывающихся в современном российском обществе и приобретающих все более определенную направленность.

Но эти «корни» далеко не столь явственны и открыты восприятию, как связанный с ним рост проявлений террористической активности. Чтобы разобраться в них и адекватно их охарактеризовать и оценить, обществоведам предстоит предпринять серьезные исследовательские усилия по изучению самых разных аспектов террористической деятельности. Речь, по существу, должна идти о всесторонней экспертизе этой деятельности, ее структуры, функций, мотивов и форм, притом экспертизе, осуществляемой в постоянном, «мониторинговом» режиме, с тем, чтобы не только выявить механизмы возникновения и усиления терроризма в различных сферах и регионах российского общества, но и дать научно обоснованные рекомендации политикам и всем тем, кто так или иначе причастен к антитеррористической деятельности по предотвращению и преодолению этого социально опасного феномена.

Особенно важную роль в этом отношении, как представляется, призваны сыграть такие обществоведческие дисциплины, как конфликтология и ее особое направление, активно развиваемое в последние годы, — террология. Некоторые их основные задачи на ближайшую перспективу и хотелось бы здесь рассмотреть хотя бы в самом общем и предварительном плане.

С начала 90-х годов терроризм в России все отчетливее начал проявлять себя как опасная форма поведения отдельных индивидов и целых организованных групп, которая взрывает общественный порядок, создает ситуации резкой конфронтации и тем самым дестабилизирует и нарушает весь ход общественной жизни. Поэтому уже в 1995 г. «Деловой мир», помещая комментарий

специалистов по поводу событий в Буденновске, ставших в то время наиболее ярким проявлением этой тенденции, вполне справедливо представил их под общим заголовком: «Терроризм — это уже и о нас».

Выступая следствием разворачивающихся в российском обществе кризисных процессов и тесно связанных с ними социальных, политических, межнациональных и других конфликтов, терроризм сам, в свою очередь, их предельно обостряет и осложняет. Поэтому осмысление его природы, средств и методов борьбы с ним становится важной и неотложной проблемой социальной теории и практики, особенно в период перехода от тоталитаризма к демократии, который проходит сейчас наше общество, испытывая череду серьезных кризисов и даже катастроф, тяжело отзывающихся на жизни и судьбе больших масс населения.

Всю совокупность экспертно-аналитических задач по изучению терроризма можно распределить на три относительно самостоятельных «блока»: теоретико-методологический, концептуальный и технологический.

Первый, *теоретико-методологический*, блок задач охватывает общие подходы к анализу терроризма и тот понятийный аппарат, с помощью которого этот анализ становится достаточно эффективным. Решение этих

исследовательских задач необходимо прежде всего для того, чтобы сформулировать достаточно четкие критерии, позволяющие вычленить собственно терроризм среди общей совокупности социально опасных действий и тем самым — создать основания, с одной стороны, для накопления точных статистических данных о количестве осуществляемых террористических актов, а с другой, — для дальнейшего концептуального анализа их основных сторон, форм и механизмов осуществления, а также для тех конкретных особенностей, которые они приобретают в зависимости от условий места и времени. Представляется, что только таким путем можно, в частности, избежать достаточно распространенного сейчас как в публицистике, так и в исследовательской работе расширительного применения понятия терроризма, когда под него подводится все что угодно, начиная от самих по себе случаев захвата самолетов и кончая кровавыми криминальными «разборками».

В ряду теоретико-методологических проблем первой, разумеется, стоит проблема точного определения самого понятия терроризма, решение которой призвано помочь прояснению сути этого явления и критериев идентификации тех или иных его конкретных выражений и форм. В имеющейся литературе, по существу, общепринятым становится указание на два основных признака собственно террористических действий — насилие и его необходимое следствие — устрашение. И с этим нельзя не согласиться. Но вместе с тем следует особо подчеркнуть и вот что. Вспомним известную сталинскую формулу: «нет человека — нет проблемы». Является ли она выражением принципа терроризма? Нет! Ибо если террорист просто уничтожит человека — он тем самым уничтожит и ту проблему, ради решения которой он предпринимает свои действия. А вот если он не уничтожит человека посредством применения к нему насилия, а заставит его с помощью мер устрашения, «наведения ужаса» подчиняться себе, своим интересам, изменяя таким путем его прежние намерения и интересы, — вот здесь, как представляется, и начинается терроризм. Поэтому не само по себе насилие и устрашение, как получается у многих, — конечная цель и конечный результат терроризма и его субъекта в конфронтации с противником (а *всякий* терроризм — выражение именно такой конфронтации, решительного противостояния, бескомпромиссного противоборства). Такой конечной целью

и конечной задачей террориста является стремление **заставить подчиниться**. И упускать этого в определении сути терроризма, думается, никак нельзя.

В *концептуальном блоке задач* сейчас наиболее важной для адекватного понимания и практического решения представляется проблема взаимоотношения терроризма и демократии. Кое-кому хотелось бы приписать взрыв терроризма, наблюдающийся сегодня не только у нас, но и в других странах, в том числе и таких демократически развитых, как Япония и США, самой демократизации общественной жизни. Это, разумеется, совершенно неверно. Терроризм имеет весьма почтенный стаж, кочуя из

эпохи в эпоху, из одной общественной системы в другую и принимая при этом самые многообразные формы, зависящие от особенностей места, времени и конкретных идейных побуждений. Ибо в любом обществе всегда находились крайне радикалистские, экстремистские силы, недовольные теми или иными сложившимися условиями и стремившиеся преобразовать их с помощью применения для устрашения и принуждения своих противников насильственных средств, вплоть до самых варварских и бесчеловечных.

Больше того, именно демократия, по мере своего развития, создает все более действенные механизмы согласования интересов различных общественных групп вместо их противопоставления и «продавливания» одних вопреки другим посредством «силовых» мер, как это принято при других режимах. И этим она не только смягчает жестокость, по природе присущую террористическим актам, но и все более выбивает у них из-под ног идейную и социальную почву. Кто станет предъявлять и реализовывать свой интерес таким опасным и антигуманным способом, если он может быть учтен и обеспечен значительно более легко и просто путем нормальных переговоров с оппонентами и определения совместных и взаимовыгодных для всех мер?

И если теракты все-таки происходят даже в наиболее демократически развитых странах, как мы это сегодня видим на примере ряда террористических взрывов в США или газовых атак в Японии, то этим обнаруживается как раз «недоработка» демократии в деле выявления и согласования каких-то важных групповых и общественных интересов и вытекающая из нее необходимость дальнейшего совершенствования демократических начал, а вовсе не их свертывания и тем более отрицания.

Кстати сказать, это соображение имеет принципиальное значение для решения и блока «технологических» задач борьбы с терроризмом. Современная конфликтология и террология, как ее составная часть, и возникли как эффективные средства совершенствования демократических начал общества, различных его сфер и сторон. Поскольку их основная задача состоит в том, чтобы обосновать и предложить для реализации такие способы и меры урегулирования социальных конфликтов, которые переводили бы поведение их участников из формы конфронтации, ориентированной главным образом на применение насилия по отношению друг к другу, принуждение оппонента действовать во что бы то ни стало «как надо», по выгодному тебе сценарию, в правовую форму, ориентированную на поиск возможного компромисса или даже консенсуса с оппонентом, то есть частичного или полного взаимопонимания с ним, позволяющего наладить взаимовыгодное сотрудничество.

Какое отношение сказанное имеет к преодолению «корней» терроризма в нашей сегодняшней российской действительности? Думается, самое непосредственное. Лишь совершенно несведущий человек мог бы утверждать, что терроризм у нас возник только сейчас, в переходный период. Наоборот, тоталитаризм, от которого наше общество начало, наконец, избавляться, по природе

своей представлял собой такой режим, который широко и охотно брал насилие, а значит и терроризм, как его крайне агрессивное проявление, «на государственное довольствие» и вооружение. Больше того, он монополизировал его, превратив в универсальное орудие государственного управления. Отсюда те многообразные формы терроризирования населения, всех его групп и слоев под видом «борьбы с врагами народа», которые так ярко и многократно описаны в нашей журналистике, публицистике, художественной литературе последних лет.

В настоящее время, благодаря начавшимся демократическим преобразованиям, тоталитаризм как общественный строй, как система определенных социальных отношений у нас в основе своей разрушен. Но наивно думать, что от него уже не осталось никакого следа. Наоборот, одно из самых неприятных последствий тоталитаризма состоит в том, что он наложил тяжелый отпечаток на сознание, привычки, стереотипы массового поведения, которые то и дело проявляются в нашей повседневной жизни. Сложившись и выросши при этом режиме, мы все еще, подобно Гамлету, «в подданстве у своего рожденья». Разве не от этого строя, опиравшегося на тотальное насилие, у нас такая массовая «нетолерантность», нетерпимость друг к другу, готовность в спорных случаях немедленно превратить нашего оппонента во врага, к которому необходимо применить силу, подавить его, а если он «не сдастся», сопротивляется этому, то и уничтожить? И разве не здесь общие идейные истоки и благодатная почва для любого терроризма, какие бы масштабы и специфические формы он ни принимал?

Особенно наглядно сохранение прежних стереотипов массового сознания и поведения проявляется в представлениях о том, что такое «сильное государство» и «сильная политика». Не только в массе населения, но что еще более тревожно — в массе политиков, «государственных мужей» преобладает мнение, что сильным является государство, способное силой принудить к выполнению того, чего оно хочет, что стремится реализовать, исходя из принципа «в силе — право». Соответственно и политика оценивается как сильная, когда она опирается на силовые методы обеспечения политической воли.

Современный подход к политической власти, провозглашаемый в развитых демократических странах, совершенно иной. Там власть и политика считаются сильными и легитимными лишь в той мере, в какой они способны стать привлекательными для основной массы граждан, получить с их стороны одобрение. Ясно, что среди таких граждан, не обойденных вниманием государства и удовлетворенных его политикой, террористы не могут иметь ни почвы, ни поддержки.

Еще слабее эта почва и сильнее отпор терроризму там, где население не только удовлетворено деятельностью государства, но и само активно, самодеятельно, самоорганизовано, контролируя и решая собственные проблемы так, как считает нужным. В такой социальной среде терроризм лишен внутренних условий для возникновения, а если он появляется извне,

то встречает дружное и эффективное сопротивление.

* * *

Все изложенные выше основные аспекты конфликтологической экспертизы терроризма как социально опасного явления, касающиеся его сути, форм и методов, а также подходов к борьбе с ним, так или иначе представлены и конкретизированы в представленной читателям книге.

ИСТОРИЯ

В. Е. Петришев История терроризма в России

Терроризм как явление социально-политической жизни, отражающее конфликтное взаимодействие различных сил в государстве, как правило, находящихся на различных уровнях иерархии власти, известен в России с первых шагов ее существования. Страна, находившаяся под постоянной угрозой внешней агрессии, раздираемая внутренними междоусобицами, накопила богатый опыт разрешения острых политических противоречий путем использования крайних, жестких форм борьбы, к которым в первую очередь следует отнести террористические. Последние предполагают применение предварительно просчитываемых по своим последствиям мер устрашения политических противников, причем устрашение это не адекватно существующей для субъекта террора угрозе и применяется «с запасом», а зачастую сопряжено и с физическим ущербом для здоровья противостоящей стороны в целом или ее отдельных сторонников. Подчеркнем, что по своим целям и сущности такого рода акции устрашения не претерпели изменений в течение веков, о чем свидетельствует и история нашего отечества. В зависимости от расстановки политических сил, приоритетов внешней и внутренней государственной политики, местных традиций, состояния общественного сознания могли меняться оценки террористических проявлений со стороны аппарата управления, официальной церкви, всего общества или отдельных слоев населения. Террор верховной власти по отношению к оппозиционно настроенным согражданам и злоумышления последних против власть предержащих, ожесточенная борьба за трон, — в основе таких действий всегда находился либо конфликт интересов претендентов на верховный государственный пост, либо конфликт классов или социальных групп, обладавших антагонистическими мировоззрениями.

Вероятно, первые попытки определения террористических по своему содержанию проявлений следует отнести к XVI веку, когда формировалось понятие «хитрости» (аналог «прямого умысла» в современном праве). Появление этого признака «предумышления» было весьма важно для развития объективной оценки сущности и содержательной стороны актов терроризма, так как последние не могут совершаться случайно, по неосторожности, а предполагают наличие ясной цели и «злого умысла». Уже Судебник 1550 г. весьма широко использует термин «хитрость». Трансформировавшись в течение столетия в «умышление», это понятие в Соборном Уложении 1649 г. представлено в трех

формах: умышление татей на убийства; воровской умысел, то есть совершение наиболее тяжких общеуголовных преступлений

организованными преступными группами; государственные преступления и посягательства против государя (умышление на его здоровье, на завладение государством, на поджог города и др.)¹.

В Судебнике 1589 г. наметились признаки формирования субъекта террористической деятельности, так как именно в этом правовом акте проводится разграничение виновных лиц по видам преступной деятельности: тать, разбойник, зажигальник, грабитель, миропродавец, душегуб, государственный убойца, крамольник и т. д.²

Естественно, что в средневековье не могло быть и речи о криминализации актов террора, осуществляемых самим царем в отношении собственного народа. Так, на фоне безмерного превознесения монархической власти не могли рассматриваться как противоправные явно террористические по своей сути методы правления Ивана IV в 1565-1584 гг.

Действительно, в конце 1564 г. царь неожиданно выехал с ближайшим окружением из Москвы в Александровскую слободу (ныне г. Александров Владимирской области), фактически «самоотлучив» себя от трона. В январе 1565 г. он обратился с грамотами к митрополиту, а также к «гостям, купцам и ко всему православному христианству города Москвы», в которых обвинил бояр и воевод в многочисленных изменах. В качестве условия возвращения на царство Иваном IV устанавливалось образование нового государственного учреждения — Опричнины, основной целью которой были ведение строго продуманной и беспощадной борьбы с боярством и замена последнего на дворянство — более надежную опору царского режима. Условия монарха были приняты, а его руки — развязаны для мести оппозиционно настроенным боярам.

Опричники, количество которых быстро росло, наделялись царем земельными угодьями, отбираемыми у уличенных в измене бояр. Зачастую они злоупотребляли царским доверием, и это приводило к массовым репрессиям россиян. Сам термин «опричина» стал в русском языке нарицательным.

Опричина, посредством которой Иван IV стремился укрепить монархическую власть на Руси, обладает всеми необходимыми элементами и признаками государственного терроризма и, по существу, является первым опытом такового в нашем государстве. Действительно, жестокие методы подавления любого инакомыслия, любой оппозиции преследовали явно политические цели, характерные для терроризма. Воздействие на сопротивлявшихся царской воле бояр проводилось в формах и масштабах, явно неадекватных угрозе, которая исходила от боярского «диссидентства». Это воздействие было направлено на превентивное устрашение населения, на снижение психологической готовности отстаивать собственное, отличное от царской воли, мнение, на подавление любых самостоятельных шагов под страхом тяжкого наказания и смерти. Опричина содержала и соответствующим образом оформленную государственно-идеологическую концепцию, и специаль-

См.: *Рогов В. А.* История уголовного права, террора и репрессий в

Русском государстве XV-XVII вв. М., 1995. С. 54-59. Там же. С. 69.

но созданные военно-организационные структуры, и собственно террористическую деятельность, то есть включала в себя три необходимых элемента терроризма.

И после кончины в 1584 г. Ивана Грозного к методам устрашения в отношении своих противников и даже к убийствам по политическим мотивам в целях укрепления своих позиций прибегали многие представители верховной власти. Так, уже при инфантильном царе Федоре Иоанновиче Русью начал править Борис Годунов, который при возникновении малейшей угрозы своей власти предпринимал безотлагательные меры для психологического устрашения и физического устранения своих недоброжелателей — князей Шуйских, Татьевых, Урусовых, Колычевых, Быкасовых и других. В результате после смерти Федора в 1597 г. у Годунова не было достойных соперников из числа претендентов на престол, и он был избран на царство. Будущая царица Екатерина II в 1762 г. стала самодержицей, отлучив от власти и фактически санкционировав убийство своего мужа, Петра III, внука Петра I. В 1801 г. заговорщиками был убит царь Павел, в результате чего к власти пришел его сын Александр³. Таким образом, история российского самодержавия представляется цепью заговоров и политических убийств. Однако было бы некорректно отождествлять те и другие с собственно терроризмом. Акция терроризма предполагает наличие двух этапов достижения поставленной цели. Первый включает в себя оказание морально-психологического давления, запугивание, подавление воли к сопротивлению путем использования угрозы применения насилия в различных формах или осуществления такового. Второй этап заключается в принуждении противостоящей стороны к выполнению требований субъекта террористической деятельности.

В случае же политически мотивированных убийств царствующих особ или высокопоставленных вельмож достижение цели осуществлялось «одноходовой» комбинацией — физическое устранение политических противников сразу же, автоматически приводило к ожидаемому результату. Поэтому такого рода деяния, на наш взгляд, не могут квалифицироваться как собственно террористические акты в современном содержательном наполнении этого термина. Целью террористического акта является изменение политического курса, сторонником которого было устраняемое лицо, нарушение устоявшегося функционирования политической машины, внесение инноваций в политическое или общественное устройство (неважно, прогрессивного или регрессивного свойства). Совершение же политического убийства в целях замены одного сановника или царской особы другой равнозначной фигурой никак не влияет на сложившуюся систему отношений, да и не ориентировано даже на достижение такого результата.

Совсем иные цели преследовали, а следовательно, и иное содержание имели покушения на членов царской семьи и представителей органов власти, которые стали множиться в России, начиная с выстрела студента Д.

Каракозова в Александра II 4 апреля 1866 г.

Для того, чтобы объективно оценить и правильно понять мотивацию, движущие силы и цели противомонархического и антиправительственного

* См.: *Кошель П. А.* История российского терроризма. М., 1995. С. 215-224.

12

терроризма, вспыхнувшего в последней четверти XIX века в России⁴, надо проанализировать сложившуюся к тому времени в нашей стране социально-политическую атмосферу. Определенный интерес в этом отношении представляет проведенное М. Ф. Одесским и Д. М. Фельдманом семантико-историческое исследование «Поэтика террора»⁵. Авторы работы убедительно доказывают, что латинский по своему происхождению термин «террор» пришел в Россию из Франции, где он был введен в политический лексикон жирондистами и якобинцами, объединившимися в 1792 г. для подготовки народного восстания и свержения «с помощью устрашения и приведения в ужас» кабинета министров при короле Людовике XVI. Террор воспринимался и употреблялся идеологами французской революции в контексте подготовки восстания народных масс и захвата власти.

Однако, захватив рычаги управления страной, вчерашние революционеры отнюдь не отказались от столь эффективного оружия как террор, который прежде использовался ими в качестве инструмента борьбы с монархической диктатурой. Апеллируя к модели «осажденной крепости», в роли которой выступала молодая Французская Республика, противостоявшая коалиции европейских монархий, руководители Конвента обратили террор против собственных сограждан. Уже 2 октября 1792 г. был создан особый орган для проведения чрезвычайных мер по защите республики от внешних и внутренних врагов — Комитет общественной безопасности. Судебная процедура была предельно упрощена, а понятие политического преступления трактовалось исключительно широко: казни подлежали все, «кто пытался унижить или уничтожить Народный Конвент». Естественно, что под эту диспозицию можно было подвести любые действия и любое высказывание: угроза быстрой расправы висела над каждым французом. Вошедшее в обиход слово «террор» вполне оправдывало свое изначальное значение — «страх», «ужас».

Информация о революционных событиях конца XVIII века во Франции через различные каналы и в различной интерпретации переносилась на территорию России, становилась предметом обсуждений в различных, в первую очередь просвещенных, слоях населения. Идеи Великой французской революции еще активнее стали проникать в российское общество после победоносного завершения войны с Наполеоном I и возвращения русской армии из освободительных заграничных походов по странам Европы 1813-1814 гг. В частности, они сыграли не последнюю роль в идеологическом обеспечении подготовки и попытки осуществления государственного переворота 14 декабря 1825 г. группой гвардейских офицеров.

Восстание декабристов побудило российского императора Николая I

усилить централизацию государственной власти, активизировать борьбу с тайными обществами и инакомыслием, ужесточить контроль за исполнением законов. В этих целях им были предприняты шаги по реорганизации структуры Собственной его императорского величества канцелярии. Николай I даже удалил от руководства ею всеильного генерала А. А. Аракчеева и принял ее под личное

Существует даже точка зрения, что именно в эти годы в России впервые появился политический терроризм. См., например: *Нечипоренко О. М.* Истоки и специфика российского политического терроризма // *Актуальные проблемы Европы.* 1997. № 4. С. 165-172.

Одесский М. Ф., Фельдман Д. М. Поэтика террора. М., 1977.

13

управление. В 1826 г. она была разделена на три отделения. Прежняя канцелярия составила I отделение. II отделение, которое возглавил М. М. Сперанский, занялось кодификацией законов. Перед сотрудниками III отделения, главным начальником которого 3 июля 1826 г. был назначен генерал-лейтенант А. Х. Бенкендорф, поставлена была задача «следить за неуклонным выполнением законов». Несмотря на небольшой штат сотрудников (в 1826 г. — 16 человек, в 1880, к моменту ликвидации, — 72 человека), отделение располагало неплохими возможностями для контроля за ситуацией в стране, так как почти одновременно с назначением А. Х. Бенкендорфа главным начальником Третьего отделения по его же инициативе он был назначен и шефом жандармов, 60 подразделений которых, насчитывавших в своем составе 4278 военнослужащих (включая 3 генералов, 41 штаб-офицера, 160 обер-офицера, 3617 нижних чинов, 457 нестроевых) превращались в исполнительные органы отделения и призваны были заниматься политическим розыском. Таким образом, в России была создана тайная полиция, в функции которой, в частности, вменялось: собирать сведения о числе существующих в государстве разных сект и расколов; о всех состоящих под надзором полиции людях; высылать и размещать людей «подозрительных и вредных»; заведовать всеми местами заточения, в которых содержатся государственные преступники; наблюдать за поведением пребывающих в России иностранцев; осуществлять сбор сведений по компетенции полиции⁶.

Постепенно работа самого Третьего отделения, первоначально состоявшего из четырех экспедиций, усложнялась, его функции расширялись. Уже в 1828 г. к кругу его деятельности была причислена и театральная цензура, в 1842 г. выделенная в специальную Пятую экспедицию⁷.

То обстоятельство, что сотрудники тайной полиции взяли под жесткий контроль театральную жизнь, а чуть позже — и содержание периодических изданий и литературных произведений, активизировав розыскную деятельность в среде творческой интеллигенции, свидетельствует о том, что руководители Третьего отделения придавали серьезное значение степени влияния печатной продукции на общественное сознание. Следя за

умонастроениями в различных социальных средах, сотрудники этой спецслужбы, исходя из анализа развития обстановки, прогнозировали ее будущее состояние, выявляли опасные тенденции и принимали меры к недопущению противоправных, антигосударственных и противомонархических проявлений.

Приоритет профилактической направленности в деятельности специальных служб Российской империи подчеркивает Л. С. Яковлев. Ссылаясь на Положение об охранных отделениях, он отмечает содержащееся там требование: «Начальники охранных отделений обязаны руководствоваться тем соображением, что главным мериллом успешности их деятельности будет всегда не количество произведенных ими ликвидаций, а число предупрежденных преступлений и процентное отношение обысканных лиц к количеству тех из них, которые подверглись судебной каре»⁸.

См.: Рууд Ч., Степанов С. А. Фонтанка, 16: политический сыск при царях. М., 1993. С. 43-48.

См.: Кошель П. А. История сыска в России. Кн. 1. Минск, 1996. С. 174.

См.: Яковлев Л. С. Агентурно-розыскные методы борьбы с политическим терроризмом и ее правовое обеспечение в дореволюционной России // Государство, право, безопасность. Вып. 3, 1994. С. 10.

14

Реализация профилактики революционно-террористических проявлений в стране находила, в частности, свое выражение в проводимых по инициативе Третьего отделения мерах социальной профилактики в рабочей среде. Так, например, в 1841 г. под председательством генерал-майора корпуса жандармов графа Буксгевдена была учреждена особая комиссия для исследования быта рабочих людей и ремесленников в Санкт-Петербурге. Представляемые ею сведения сообщались соответствующим министрам и инициировали принятие некоторых социальных и административных мер, содействовавших улучшению положения рабочих столицы и снижавших уровень наблюдавшихся там социальных напряжений⁹.

Таким образом, Третье отделение играло роль органа, собиравшего и анализировавшего информацию о настроениях в обществе, назревающих угрозах существующему политическому режиму и помогавшего таким образом органам верховной исполнительной власти вырабатывать меры по приемлемому для нее разрешению накопившихся в России социальных и политических проблем. В качестве иллюстрации выполнения спецслужбой данной функции может служить Инструкция, составленная 9 февраля 1861 г. руководителем Третьего отделения князем В. А. Долгоруковым для сотрудников Пятой экспедиции (Пятого секретариата) отделения, в которую регулярно поступали для анализа номера ста отобранных российских печатных изданий. В.А.Долгоруков требовал от своих подчиненных, чтобы они при работе с литературными и публицистическими произведениями особое внимание обращали на полезные замечания и комментарии по общественным вопросам¹⁰.

Однако постепенное, эволюционное преобразование политического устройства и общественных отношений в России, которым, используя свои специфические силы и средства, стремились максимально содействовать и сотрудники Третьего отделения, не устраивало радикальных представителей интеллигенции и студенческой молодежи, с энтузиазмом включавшихся в борьбу за переустройство российской действительности и коренную ломку установившегося порядка управления. Обращаясь к примерам западноевропейских государств, отказавшихся от монархического устройства, подпитываясь революционными идеями эмигрировавшего в Лондон А. И. Герцена, руководивших журналом «Современник» публицистов Н.Г.Чернышевского и Н.А.Добролюбова, эти, по большей части романтически настроенные, борцы за «светлое будущее человечества» искренне верили, что наиболее эффективным и единственно правильным путем построения новых, справедливых, демократических отношений в России является путь антиправительственного террора.

Весной 1862 г. в камере тверской полицейской части оказался студент Московского университета П. Зайчневский, арестованный за свои противомо-нархические убеждения, изложенные им в перехваченном полицией письме к товарищу. Здесь же, в камере, Зайчневский составил прокламацию «Молодая Россия». В этом документе автор, указывая на царящую в обществе социальную несправедливость, призывал к осуществлению революционного государственного переустройства. При этом основным инструментом решительных преобразований он объявлял революционный террор. В прокламации,

См.: *Кошель П. А.* История сыска в России. Кн. 1. Минск, 1996. С. 185.

См.: *Рууд Ч., Степанов С.А.* Фонтанка, 16: политический сыск при царях. М., 1993. С.57.

I

15

в частности, говорится: «Выход из этого гнетущего, страшного положения, губящего современного человека и на борьбу с которым тратятся его лучшие силы, один — революция, революция кровавая и неумолимая... Мы не страшимся ее, хотя и знаем, что прольется река крови, что погибнут, может быть, и невинные жертвы... Мы не испугаемся, если увидим, что для ниспровержения современного порядка придется пролить втрое больше крови, чем якобинцами в 90-х годах... Мы издадим один крик: "В топоры!" — и тогда... бей императорскую партию, не жалея, как не жалеет он нас теперь, бей на площадях, если эта подлая сволочь осмелится выйти на них, бей в домах, бей в тесных переулках городов, бей на широких улицах столиц, бей по деревням и селам! Помни, что тогда, кто будет не с нами, тот будет против, тот наш враг, а врагов следует истреблять всеми способами...»¹¹.

Поиск наиболее эффективных путей осуществления социальных преобразований в стране стал модной темой, обсуждаемой в появившихся к началу 60-х годов кружках либерально настроенной интеллигенции, деятельность которых, впрочем, не шла дальше разговоров о необходимости

переустройства общества . Один из таких кружков в 1863 г. был создан вольнослушателем Московского университета Н. Иштутиным. Однако, в отличие от других «тайных обществ» такого типа, разглагольствования собиравшихся в нем радикалов инициировали покушение на цареубийство со стороны посещавшего иштутин-ский кружок экспансивного и психически неуравновешенного Д. Каракозова.

Несмотря на то, что выстрел Каракозова не достиг цели, он, тем не менее, способствовал переходу революционно настроенных группировок от теоретических рассуждений к террористической практике. Уже 25 мая 1867 г. во Франции А. Березовский стреляет (и также промахивается) в Александра II, когда тот вместе с Наполеоном III и свитой проезжает через Булонский лес.

На наш взгляд, широкому распространению революционных идей в России и активизации террористической деятельности способствовало и то обстоятельство, что в 1865 г. из ведения Третьего отделения изъяли цензуру, что не могло не ослабить превентивной, профилактической функции спецслужбы. Возможно, чтобы как-то повысить эффективность предупредительного воздействия по отношению у разрастающейся угрозе терроризма, вектор которой был направлен в первую очередь на монархию, в 1866 г. при Канцелярии Санкт-Петербургского градоначальника было создано секретно-розыскное отделение, в задачи которого входила охрана императора и профилактика государственных преступлений, включая террористические акты¹³.

Определенную роль в популяризации и распространении идей террора в России сыграл С. Г. Нечаев. Будучи авантюристом от природы, он активно включился зимой 1868-69 гг. в студенческие волнения в Санкт-Петербурге и даже пытался взять на себя роль их лидера. В этом же 1869 г. он распространил слух о своем аресте и бегстве из Петропавловской крепости, после чего выехал за границу, где сблизился с анархистом М.А.Бакуниным и соратником А. И. Герцена Н. П. Огаревым. Принял участие в издании нескольких

Цит. по: *Вудницкий О. В.* История терроризма в России. Изд. 2-е. Ростов-ш-Дону, 1996. С. 5-31. Примером таких объединений единомышленников может, в частности, служить созданное в 1862 г. Н. П. Огаревым, А. А. Слепцовым, Н. Н. Обручевым и др. общество «Земля и воля». См.: *Головное Г. З., Вурин С. Я.* Канцелярия непроницаемой тьмы. М, 1994. С. 19.

ультрареволюционных манифестов и написал «катехизис революционера» — своеобразный кодекс, определяющий цели, жизненные принципы и правила поведения человека, посвятившего себя борьбе с существующим строем. Характерно, что в данном документе содержатся не только призывы к террору против членов царской семьи и высокопоставленных государственных чиновников, но и приветствуются репрессии со стороны последних по отношению к народу. Действительно, в разделе «Отношение революционера к обществу», где население

подразделяется на шесть «категорий», читаем:

«...§15. Все это поганое общество должно быть раздроблено на несколько категорий. Первая категория — неотлагаемо осужденных на смерть. Да будет составлен товариществом список таких осужденных по порядку их относительной зловредности для успеха революционного дела, так, чтобы предыдущие нумера убралась прежде последующих.

§ 16. При составлении такого списка и для установления вышереченного порядка должно руководствоваться отнюдь не личным злодейством человека, ни даже ненавистью, возбуждаемой им в товариществе или в народе.

Это злодейство и эта ненависть могут быть даже отчасти полезными, способствуя к возбуждению народного бунта. Должно руководствоваться мерою пользы, которая должна произойти от его смерти для революционного дела. Итак, прежде всего должны быть уничтожены люди, особенно вредные для революционной организации, и такие, внезапная и насильственная смерть которых может навести наибольший страх на правительство и, лишив его умных и энергических деятелей, потрясти его силу.

§ 17. Вторая категория должна состоять именно из тех людей, которым даруют только временно жизнь, дабы они рядом зверских поступков довели народ до неотвратимого бунта...»¹⁴

Призывы Нечаева были взяты на вооружение некоторыми русскими революционерами, утвердившимися в мысли, что Россию можно привести к обществу социальной справедливости только через террор. Эти идеи встречали если не одобрение, то понимание в весьма широких слоях российской либеральной общественности. Доказательством справедливости этого утверждения является оправдательный приговор, вынесенный судом присяжных народнице В.Засулич, 24 января 1878 г. стрелявшей в градоначальника Ф.Ф.Трепова и тяжело ранившей его.

С позиций восстановления объективной картины возникновения и развития терроризма в России и противодействия ему отечественных спецслужб в 70-х годах XIX века, весьма интересной представляется точка зрения Н.Д.Литвинова, который приходит к выводу о том, что дестабилизировавшие внутреннюю социально-политическую обстановку в стране и ослаблявшие позиции России на международной арене революционные процессы и терроризм были инициированы и финансировались зарубежными спецслужбами, в частности, английскими и германскими, так, как рост авторитета России входил

Цит. по: *Будницкий О. В.* История терроризма в России. Изд. 2-е. Ростов-на-Дону, 1996. С. 51, 52.

17

в противоречие с экспансионистскими колониальными планами этих мощных европейских держав¹⁵.

Со ссылкой на активного участника революционных событий прошлого века О.В.Аптекмана, Н.Д.Литвинов уточняет ту конкретно-историческую обстановку, в которой зародился организованный

антигосударственный терроризм в России. В конце 60-х - начале 70-х годов XIX века Российская империя успешно укрепляла свои южно-азиатские границы. Учитывая частые набеги на приграничные селения вооруженных отрядов Бухарского, Хивинского и Коканского ханств, захват населения и последующую его продажу в рабство, войска Александра II вторглись в эти ханства. В 1868 г. эмир бухарский запросил мира, «открыл свободную торговлю для российских купцов в своем ханстве, уничтожил невольничество». В 1873 г. по аналогичному пути пошел и хивинский хан. Эти геополитические успехи России вызывали большую обеспокоенность Англии, опасавшейся распространения влияния Российской империи на Индию.

В 1873 г. один из идеологов народничества, полковник российской армии Петр Лавров, бежавший за рубеж, открывает в Цюрихе типографию, в которой начинает издавать журнал «Вперед», ориентирующий граждан России, в первую очередь молодежь, студенчество и интеллигенцию, на «поход в народ» и провоцирование народных бунтов. Однако уже после выхода всего двух номеров журнала П. Лавров вместе со своими сподвижниками неожиданно переезжает в Лондон, где не только продолжает издавать журнал, но и приступает к выпуску одноименного «двухнедельника».

Не менее интересны и версии Н.Д.Литвинова о причастности к германским спецслужбам революционерки В. Засулич и крупнейшего за всю историю российских спецслужб провокатора Е. Азефа.

Безнаказанность Засулич за покушение на террористический акт не могла не стимулировать новых покушений. В мае 1878 г. народник Г. Попко в соответствии со старинными традициями тираноборства, берущими свое начало с террористических актов эпохи античности, кинжалом заколол адъютанта начальника Киевского губернского жандармского управления Г.Э. Гейкинга. 4 августа 1878 г. народник С. Степняк-Кравчинский точно таким же способом убивает в Санкт-Петербурге начальника Третьего отделения и шефа жандармов Н. В. Мезенцева, после чего скрывается с места преступления и, как и Засулич, переправляется в Швейцарию.

Александр II распорядился, чтобы впредь все политические убийства и насильственные действия рассматривались не в судах присяжных, а передавались в ведение военного суда. Таким образом, активизация террористических проявлений со стороны революционеров детерминировала ужесточение репрессивных мер со стороны властей.

¹⁵ См.: *Литвинов Н.Д.* Основные направления борьбы с антигосударственным терроризмом в современной России // Актуальные проблемы борьбы ФСБ России и МВД России с терроризмом, организованной преступностью и коррупцией в современных условиях. 1997: *Калинин А. П., Литвинов Н.Д.* История и министерство внутренних дел России. Проблемы взаимоотношений // Спецслужбы России. История и современность. 1998.

Весной 1879 г. совершаются два неудачных покушения на теракт: 13

марта — студента Л. Мирского на нового главу Третьего отделения А. Р. Дрентельна и 2 апреля — А. Соловьева на Александра II.

Император созвал Особое совещание для выработки чрезвычайных мер борьбы с революционерами-террористами. Военно-полевым судам разрешалось на месте судить тех, кто совершил нападение на должностных лиц или оказал им вооруженное сопротивление. Было решено дела задержанных рассматривать незамедлительно на закрытых процессах, а апелляций не принимать¹⁶.

Однако более опытными и организованными становились и представители революционно-террористических структур. Они стремились осваивать специальные методы работы, активно применявшиеся против них сотрудниками Третьего отделения. Так, прекрасный организатор, член «Земли и воли», а затем «Народной воли» А.Д.Михайлов с конца 1878 г. разрабатывает план внедрения в Третье отделение своего агента, на роль которого выбран Н. В. Клеточников. Осуществляется классическая операция по его подставе связанной с жандармами содержательнице меблированных комнат на Невском проспекте А. П. Кутузовой, которая рекомендует его заведующему 3-й экспедиции (сыскная полиция) Третьего отделения генералу Г. Г. Кириллову. Начав службу рядовым филером, Н. В. Клеточников достаточно быстро сделал карьеру, став к январю 1881 г. младшим помощником делопроизводителя Департамента полиции и получив доступ ко многим секретам политического сыска¹⁷.

Совершенно не случайно специалисты, обращавшиеся к истории терроризма в России, характеризую период конца 1870-х - начала 1880-х гг., чаще всего упоминают народников. Возникнув в августе 1879 г. в Санкт-Петербурге, организация «Народная воля» стала одной из самых крупных и значительных революционных организаций России (около 500 активных членов, несколько тысяч участников движения)¹⁸. За непродолжительное время Исполнительный комитет «Народной воли», который возглавляли А.И.Желябов, А.Д.Михайлов, С.Л.Перовская, предпринял целый ряд покушений на террористические акты, в том числе и на императора Александра II, очередное из которых, состоявшееся 1 марта 1881 г., достигло цели ~- царь был убит. На наш взгляд, успех данной террористической акции в определенной степени был связан и со снижением эффективности оперативно-розыскной деятельности из-за реорганизации спецслужб: в августе 1880 г. Александр II упразднил Третье отделение и передал его функции Департаменту государственной полиции МВД.

В 1882 г. министром внутренних дел был назначен граф Д.А.Толстой, человек образованный, умный и жесткий. Он развернул решительную и бескомпромиссную борьбу с революционерами. Были увеличены штаты сыскной полиции. Благодаря принятым мерам уже к середине 1880-х годов была полностью ликвидирована еще совсем недавно мощная «Народная воля». 7 октября 1884 г. был схвачен один из руководителей организации Г.А.Лопатин, у которого были обнаружены списки ее членов. В результате удалось арестовать

См.: Рууд Ч., Степанов С. А. Фонтанка. 16: политический сыск при царях. М., 1993. С. 76. См.: Головков Г. З., Бурт С. И. Канцелярия непроницаемой тьмы. М., 1994. С. 23, 24. См.: Советский энциклопедический словарь. М., 1981. С.870.

19

около 500 человек. Были пресечены попытки совершения ряда террористических актов (в частности, покушение на Александра III 1 марта 1887 г., которое готовили студенты В.Д.Генералов, А.И.Ульянов, П.И.Андреюшкин, В. С. Осипанов и П.Я. Шевырев). Многие народовольцы после удачных операций полиции и широких арестов бежали за границу: в Париж, Берлин, Женева. Терроризм в России пошел на убыль.

Интересно, что именно в это время, в конце XIX столетия, предпринимаются первые попытки мирового сообщества объединить усилия в борьбе с нарастающей угрозой терроризма. Так, в декабре 1898 г. по инициативе итальянского правительства в Риме проводится международная конференция, посвященная проблемам защиты социального строя от анархистов. По итогам работы форума представители 20 государств подписали предложения Римской конференции, еще 17 стран приняли ее рекомендации без всяких оговорок. Подписанный 21 декабря 1898 г. Акт включал в себя целый ряд мероприятий, затрагивающих область административного, законодательного и политического характера¹⁹. Вероятно, активизация совместных антитеррористических усилий европейских государств способствовала тому, что терроризм в России пошел на убыль.

Однако уже в конце 1901 - начале 1902 г. в результате слияния «Аграрно-социалистической лиги», «Южной партии социалистов-революционеров» и «Северного союза социалистов-революционеров» образовалась партия эсеров, в деятельности которой террор занял центральное место.

Характерно, что народовольцы и эсеры, одинаково активно используя террористический метод, различно оценивали его роль в политической борьбе. Так, исполнительный комитет «Народной воли» считал, что террористическая деятельность, состоящая в уничтожении наиболее вредных лиц правительства, в защите партии от шпионства, в наказании наиболее вышающих случаях насилия и произвола со стороны правительства, администрации и т.п., имеет целью подорвать обаяние правительственной силы, дает непрерывное доказательство возможности борьбы с властью, поднимает таким образом революционный дух народа, веру в успех дела и, наконец, формирует годные и привычные к бою силы²⁰. Таким образом, народовольцы рассматривали террор как орудие возмездия и сплочения своих рядов, придавая ему тем самым характер второстепенного, вспомогательного инструментария в политической борьбе.

Иначе воспринимали террор эсеры. В 1900 г. заграничным «Союзом русских социалистов-революционеров» издается программная брошюра «Наши задачи. Основные положения программы союза социалистов-революционеров», в которой о главном предназначении террора говорится

так: «Систематический террор совместно с другими, получающими только при терроре огромное решающее значение, формами открытой массовой борьбы (фабричные и аграрные бунты, демонстрации и пр.) приведет к дезорганизации врага. Террористическая деятельность прекратится лишь с победой над самодержавием, лишь

¹⁹ См.: *Чирикин В. А.* Международное сотрудничество правоохранительных органов в борьбе с анархо-терроризмом в дореволюционный период // Проблемы борьбы с терроризмом на современном этапе. Владимир, 1996. С. 18-19.

²⁰ См.: *Кошель П. А.* История российского терроризма. М, 1995. С.281.

20

с полным достижением политической свободы. Кроме главного своего значения, как средства дезорганизующего, террористическая деятельность послужит вместе с тем средством пропаганды и агитации... Наконец, террористическая деятельность является для всех тайной революционной партии, средством самозащиты и охранения организации от вредных элементов — шпионов и предателей» .

Следовательно, эсерами террор воспринимался как главное средство, стержень тактики политической борьбы, вокруг которого в качестве дополняющих выступали иные методы: забастовки, демонстрации, агитационно-пропагандистская деятельность.

Политическая практика эсеров подтвердила, что провозглашение ими террора в качестве приоритетного направления революционной деятельности является не только программной деютарацией. В начале 1900-х годов эсерами совершен целый ряд покушений на жизнь членов царской семьи и высокопоставленных чиновников. Многие террористические акты достигли цели: в 1901 г. убит министр просвещения Н.Боголепов, в 1902 г. — министр внутренних дел Д. Сипягин, генерал-губернаторы: Вильно — В. Валь и Харьков — И.Оболенский, в 1903 г. — генерал-губернаторы: Уфы — Н.Богданович и Финляндии — Н. Бобриков, в 1904 г. — министр внутренних дел В. Плеве, в 1905 г. — генерал-губернатор Москвы, Великий Князь С.Романов²².

Департамент полиции предпринимал меры по активизации агентурно-оперативной разработки партии эсеров. Самым удачным результатом этих усилий было внедрение в руководство Боевой организации партии эсеров Евно Азефа, еще в 1893 г. инициативно предложившего жандармам свои услуги. С лета 1902 г. Азеф являлся членом ЦК партии. Когда в декабре 1905 г. на I съезде эсеров состав ЦК партии уменьшили до пяти человек, одним из них стал агент Департамента полиции Азеф, причем ему поручают продолжать руководить террористической деятельностью, так как он уже с мая 1903 г. фактически возглавлял главный центр террора — Боевую организацию.

Азеф так вжился в роль эсера-боевика, что его товарищи по партии длительное время воспринимали исключительно как попытку скомпрометировать партийного лидера и ослабить революционную борьбу

доходившие до них сведения о тайном сотрудничестве Азефа с полицией. Даже известный разоблачитель агентов и провокаторов в революционной среде В.Л.Бурцев, опираясь на показания бывшего сотрудника Варшавского охранного отделения М. Е. Бакая и экс-директора Департамента полиции А.А.Лопухина²³, в августе 1908 г. настоявший на проведении революционного суда эсеров над Азефом²⁴, не смог переубедить лидеров партии, продолжавших доверять агенту охраны, состоявшему в тот период на службе у руководителя Петербургского охранного отделения А. В. Герасимова. Лишь в декабре 1908 г. уже бежавший от своих товарищей по партии Азеф был объявлен ими провокатором.

Кошель П. А. История российского терроризма. М., 1995. С. 281.

См.: *Раззаков Ф. И.* Век террора: хроника покушений. М., 1997. С. 409.

См.: *Гояевков Г. З., Бурт С. В.* Канцелярия непроницаемой тьмы. М., 1994. С. 161-165.

См.: *Бурцев В. Л.* В погоне за провокаторами. Репр. изд. М., 1959. С. 87-137.

21

При анализе событий, связанных с терроризмом в России в конце XIX - начале XX вв., весьма интересным представляется вопрос об обоснованности обвинения российских полицейских органов в активном применении института провокации. До недавнего времени зачастую утверждалось, что понятие «агент», «внутренний агент» и «провокатор» определяют одно и то же явление. Мало того, в качестве аргумента для доказательства этого тезиса можно даже процитировать высказывания самих бывших сотрудников российского политического розыска. Например, упоминавшийся уже руководитель Петербургского охранного отделения А. В. Герасимов утверждал, что его коллега, начальник Московского охранного отделения С. В. Зубатов «наряду с задачей перетягивания на сторону своих идей отдельных улавливаемых душ из революционной среды и вербовки их на роль тайных агентов, стремился наиболее непримиримых революционеров, не поддававшихся его увещаниям, толкать влево, в радикализм, в террор, рассчитывая таким образом их скорее и легче обезвредить и ликвидировать»²⁵.

В 1913 г. выходит книга А. Морского «Зубатовщина. Странички из истории рабочего движения в России», в которой автор также обвинял С.В.Зубатова в провокационных методах вербовки и использования агентуры. Между тем, агентурно-оперативная деятельность сотрудников Департамента полиции велась на основании законов, а последние не допускали использования провокационных методов. Даже версия о том, что руководство политического розыска расширяло установленные законами рамки полномочий за счет произвольного их толкования во внутриведомственных нормативных актах, не подтверждается. В качестве доказательства можно привести выдержки из совершенно секретной Инструкции по организации и ведению внутренней агентуры, составленной при Московском охранном отделении, где в разделе III устанавливается:

«Приступая к работе с сотрудником, надлежит и объявить и внушить ему следующее:

...6) Партийная работа сотрудника, по возможности, должна быть сведена к посреднической и исполнительской, отнюдь не созидательной, но в то же время к такой работе, чтобы при ликвидации членов группы, им обслуживаемой, в случае даже дачи откровенных показаний последними, сам сотрудник не мог бы быть изобличен в преступной деятельности;

7) Без ведома заведующего агентурой сотрудник не должен принимать к себе на хранение литературы, оружия, бомб, взрывчатых веществ и проч.;

8) На каждую активную работу и поручение, возлагаемые на сотрудника сообществом, он каждый раз и до исполнения их, обязан испрашивать разрешения заведующего агентурой;

9) Сотрудники, состоя членами революционных организаций, ни в коем случае не должны подстрекать других на преступные деяния и, таким образом, подводить их под ответственность за сделанное по их же наущению;

Герасимов А. В. На лезвии с террористами. М., 1991. С. 18.

22

10) Все сведения должны доставляться им заведующему агентурой, по возможности, немедленно по получении и обязательно с таким расчетом, чтобы по ним можно было принять предупредительные меры...»²⁶

Сам А. В. Герасимов подчеркивает: «Словом "провокация" у нас очень злоупотребляют. И по смыслу самого этого слова, и по законодательству всех стран провокатором является тот, кто сначала подбивает людей на те или иные революционные действия, а затем передает их полиции»²⁷. А именно такая линия поведения, как свидетельствует приведенный выше пункт 9 Инструкции по организации и внутренней агентуры, категорически запрещалась.

В этой связи представляет интерес анализ методов агентурно-оперативной деятельности, разработанных и активно применявшихся С. В. Зубатовым для борьбы с террористами и снижения остроты политической конфронтацией -ности в обществе на фоне набравших силу социал-демократических идей. Руководивший Московским охранным отделением с 1896 по 1902 г., чуткий психолог, талантливый оперработник и горячий патриот, С. В. Зубатов поставил целью своей деятельности оторвать втянутые в революционный процесс массы рабочих, переориентировав их на осуществляемую в конституционных рамках борьбу за улучшение экономических условий своего существования. Это не было просто тактическим маневром, «отвлечением на негодный объект». С. В. Зубатов принимал активное личное участие в улучшении быта рабочих, организации в их среде просветительской работы.

Сам С. В. Зубатов в письме к Л. А. Ратаеву так объясняет смысл своей деятельности: «В русском движении, да, пожалуй, и в еврейском, я с успехом убеждаю публику, что рабочее движение — одно, а социал-демократическое — другое. Там целью является копейка, здесь — идеологическая теория.

Рабочий должен стремиться к гражданскому уравниванию с так называемыми "привилегированными" классами (что вовсе не требует ни социализма, ни политической свободы, а также ни ума, знания и самостоятельности); социал же демократы, игнорируя непосредственные его интересы, зовут его помочь "привилегированным" классам в достижении их интересов (совершить революцию), обещая после этого ему всяких благ. Очевидно, только глупость и серость рабочих делают их неспособными видеть эту передержку и вопреки смыслу упускать синицу из рук и гнаться за журавлем в небе»²⁸.

Методы С. В. Зубатова, ориентированные на отвлечение трудящихся от революционного движения за счет вовлечения в процесс улучшения своего материального и экономического положения, по существу, являлись методами социальной профилактики опасных и масштабных политических конфликтов, чреватых массовыми протестными акциями и терроризмом. Объективно оценивая складывавшуюся в империи социально-политическую обстановку и прогнозируя ее развитие, С. В. Зубатов чувствовал необходимость проведения в стране уже давно назревших реформ. Он осознавал, что нежелание верховной власти изменять внутреннюю политику в соответствии с реалиями

Цит. по: Тайны политического сыска. Инструкция о работе с секретными сотрудниками. СПб., 1992. С. 7, 8.

Герасимов Л. В. На лезвии с террористами. М., 1991. С. 139.

Цит. по: *Голоеков Г.З., Бурин СИ.* Канцелярия непроницаемой тьмы. М., 1994. С. 213, 214.

23

времени способно породить социальный взрыв и, практически выходя за рамки ведомственной компетенции, прилагал все силы для его предотвращения.

Следует подчеркнуть, что С. В. Зубатов в среде руководителей Департамента полиции не был одинок в определении приоритета именно профилактического направления в борьбе с терроризмом и грядущей революцией. Так, руководитель Киевского охранного отделения полковник А. И. Спиридович писал: «В борьбе с революционным движением на местах практиковались тогда два метода. Первый состоял в том, что организации давали сплотиться, а затем ликвидировали ее, чтобы передать прокуратуре сообщество с большими, по возможности, доказательствами виновности. Второй же заключался в систематических ударах по революционным деятелям, дабы мешать работе, не позволять сорганизоваться, проваливать их в глазах их же товарищей, как деятелей не конспиративных, что влечет удаление от работы и *т.д.*, иными словами, действовать системой предупреждения преступлений, а не только пресечением. Первый был более эффектен по результатам, второй более правилен по существу. Я был сторонником второго метода»²⁹.

Нетрудно убедиться, что при общем превентивном подходе к борьбе с революционной опасностью в России позиции и методы практической реализации принципа приоритета предупредительных мер над карательными

у С. В. Зубатова и А. И. Спиридовича серьезно отличаются друг от друга. Действительно, у А. И. Спиридовича объектом предупреждения является преступление, в то время как С. В. Зубатов ставит более масштабную, хотя и требующую соответственно больших затрат усилий и интеллекта задачу: предупредить само формирование революционных, конфликтогенных политических процессов, не допустить вовлечения в них широких слоев трудящихся. Задачу, решение которой необходимо было осуществлять на уровне политического руководства России, с привлечением комплекса подчиненных единому замыслу экономических, социальных, идеологических, воспитательных мер.

Очередная волна террора в России поднялась после Великой октябрьской социалистической революции 1917 г. Она была вызвана исключительно острой политической борьбой, развернувшейся на территории страны между новой властью и контрреволюционными силами, поддерживаемыми извне и заинтересованными в реставрации прежнего режима. О степени бескомпромиссности конфликта и масштабах применения методов террора в этих условиях могут свидетельствовать, например, такие данные: «Только в июне 1918 г. контрреволюционеры расстреляли в 22 губерниях РСФСР 824 человека, в июле — 4141, в августе — 339, в сентябре — свыше 6 тысяч»³⁰.

20 июня 1918 г. в Петрограде эсер Сергеев застрелил комиссара по делам печати, пропаганды и агитации В. Володарского. 30 августа 1918 г. юнкером Каннегисером был убит председатель Петроградской ЧК М. Урицкий, в этот же день состоялось и покушение эсерки Ф. Каплан на В. И. Ленина. 5 сентября 1918 г. Совет Народных Комиссаров принял постановление о красном терроре как чрезвычайной мере защиты молодого советского государства. В этой ситуации впервые в России власть прибегла к захвату заложников, в качестве которых были арестованы наиболее крупные представители буржуазии,

Спиридович А. И. Записки жандарма. Харьков, 1928. С. 143. Цит. по: Красная книга ВЧК. Изд. 2-е. Т. 1. М., 1989. С. 6.

24

царского генералитета, видные деятели прежнего режима, активные члены оппозиционных партий. Часть из них была расстреляна.

Приходится констатировать, — и история России, в том числе и новейшая, дает тому много ярких примеров, — что попытки разрешить серьезные политические противоречия исключительно силовыми методами изначально обречены на неуспех. Стремление прибегнуть к крайне жестким мерам в случае конфликтного взаимодействия двух сторон способно лишь инициировать применение нарастающих жестких мер противостоящей стороной. Так, например, в ответ на расстрел Чрезвычайным военно-революционным трибуналом 17 июня 1919 г. в г. Харькове семи членов штаба Махно, 25 сентября 1919 г. анархистами из «Всероссийского Повстанческого Комитета Революционных Партизан» было взорвано здание Московского комитета РКП, в результате чего 12 человек погибли, а еще 55 получили

ранения. Во время похорон жертв террористической акции в г. Москве выступавшие на траурных митингах, в свою очередь, призывали ужесточить террор в отношении врагов революции. Таким образом, в годы становления советской власти в России и в ходе сопутствовавшей этому процессу гражданской войны красный и белый террор подпитывали друг друга.

Однако террористический метод, столь активно эксплуатировавшийся в целях борьбы за власть, не был снят с вооружения и после прекращения гражданской войны. Сталин уже с конца 20-х годов стал прибегать к террору, используя его в качестве укрепления и централизации государственной власти.

Стержнем теоретико-политического обоснования необходимости применения террора во внутренней и внешней политике была идея обострения классовой борьбы в ходе построения социализма в СССР. Особенно активно механизм политических репрессий заработал после убийства Л. Николаевым 1 декабря 1934 г. члена Политбюро ЦК ВКП(б), первого секретаря Ленинградского обкома партии С. М. Кирова. Была распространена официальная версия о том, что данное убийство является террористическим актом, подготовленным пребывавшим в г. Москве Зиновьевым и находившимся за границей Троцким, создавшими в Советском Союзе широкую сеть лодтюльных организаций и ставившими целью свержение советской власти в стране³¹. Один из современников и активных участников событий тех лет, ебтрудник НКВД П. А. Судоплатов вспоминал: «Сознательно или бессознательно мы позволили втянуть себя в работу колоссального механизма репрессий... Масштабы этих репрессий ужасают меня. Давая сегодня историческую оценку тому времени, времени массовых репрессий — а они затронули армию, крестьянство и служащих, — я думаю, их можно уподобить расправам, проводившимся в царствование Ивана Грозного и Петра Первого» .

Признавая факт проводившихся в предвоенном Советском Союзе акций государственного терроризма, следует учитывать и ту атмосферу, в которой формировалась политика СССР. Так, в тот период серьезной угрозой для мирового сообщества становился фашизм, набиравший силу в Западной Европе (Германия, Италия, Испания). Стремление укрепить идейно-политическое

См.: *Зеньковский Н.* Вожди на мушке: теракты и инсценировки. Минск, 1996. С. 119. См.: *Судоплатов П. А.* Разведка и Кремль. М., 1996. С. 63, 64.

25

единство советского общества с использованием в том числе и метода массовых репрессий обуславливалось, как нам представляется, в первую очередь необходимостью мобилизации всех военных, экономических, политических и идеологических ресурсов страны для адекватного противодействия расширяющему свою географию фашизму.

И крайне некорректными выглядят в этой связи попытки отдельных исследователей поставить знак равенства между понятиями «социализм» и «фашизм». Так, например, О. М. Нечипоренко, отталкиваясь от общего

признака — использования государственного терроризма в целях централизации и укрепления власти Сталиным в СССР и Гитлером в Германии, — приводит к выводу об идентичности содержательной стороны научного социализма (коммунизма) и национал-социализма. Он, в частности, утверждает: «Идеи насилия, заложенные в названных учениях, были реализованы в создании тоталитарных режимов, сущностью которых и является государственный террор». Последнему О. М. Нечипоренко дает и свое определение: «Террор — массовые насильственные действия государственной власти в течение определенного периода времени в отношении социальных, профессиональных, этнических и иных групп населения в своей стране»³⁴.

Представляется, что в приведенной редакции дефиниции «террор» ее автором осуществлена подмена внутреннего государственного терроризма на основной метод практической его реализации. Кроме того, исходя из данного определения, не могут идентифицироваться как террор, например, массовые репрессивные действия властей на временно оккупированных территориях или террористические проявления, когда насильственные действия в целях устрашения осуществляются представителями одной этнической, социальной или религиозной общности по отношению к представителям другой общности в каком-то регионе страны.

Естественно, что при таком предвзятом подходе за рамками анализа остались вопросы о движущих силах, целях и сущности социализма, с одной стороны, и его антипода — фашизма, с другой. Если бы такое сравнение было проведено, нетрудно было бы убедиться, что если в Советском Союзе акции внутреннего государственного терроризма инициировались стремлением верховной власти укрепить интернациональное по своей сущности социалистическое единство народов и преследовали цель улучшения жизни рядовых тружеников, то фашистские диктатуры в Европе изначально были расистскими, не скрывали своих экспансионистских планов во внешней политике и опирались на поддержку буржуазии, военной аристократии, банкиров и промышленников, интересы которых и отстаивали.

Подобная предвзятость анализа либо политическая ангажированность некоторых исследователей приводит к тому, что и в наши дни осуществляются попытки подвести под один термин совершенно несовместимые понятия. Так, например, образована и даже весьма часто употребляется официальными средствами массовой информации и представителями власти эклектичная по своему содержанию дефиниция «красно-коричневые». Прибегают к ней и лица,

Нечипоренко О. М. Состояние и перспективы развития терроризма на рубеже XX века // Анализ систем на пороге XX века. Т. 4. Кн. 1. М., 1996. С. 439. Там же.

26

являющиеся носителями ученых степеней и званий. Так, уравнивает между собой как лидеров «красно-коричневых деспотий» Сталина, Гитлера и Пол Пота ГО. М. Антонян³⁵.

С началом в сентябре 1939 г. второй мировой войны масштабы политических репрессий в Советском Союзе резко сократились. Были восстановлены в своих званиях и должностях многие отбывавшие тюремное заключение «враги народа» из числа военачальников и специалистов народного хозяйства. Выселение же целых народов из мест их постоянного проживания (немцы, калмыки, крымские татары, балкарцы, чеченцы, ингуши, карачаевцы и др.) или жесткое и подозрительное отношение советских властей к своим гражданам, возвращавшимся из фашистского плена, во многом объяснялось исключительной остротой политической и военной ситуации в стране и на международной арене и вряд ли может быть идентифицировано как государственный терроризм, хотя подобные попытки и имеют место.

В военное и послевоенное время в стране обозначились два региона, где активно проявился политический терроризм: это Прибалтика и Западная Украина. Здесь местные сепаратисты, опиравшиеся в своей деятельности на идеологию национализма и воинствующего клерикализма, с момента присоединения данных территорий к СССР стремились развернуть бескомпромиссную борьбу с центральной властью. Во время Великой отечественной войны, когда западные районы Советского Союза были оккупированы немецкими фашистами, националисты тесно сотрудничали с ними. Достаточно вспомнить в этой связи масштабные террористические акции по уничтожению львовской творческой интеллигенции или истреблению еврейского населения бойцами фашистско-националистического батальона «Нахтигаль», созданного главарем ОУН С. Бандерой по поручению Абвера-П еще весной 1941 г. Характерно и то обстоятельство, что диверсионно-террористическая деятельность батальона «Нахтигаль» осуществлялась с благословения наместника папы, главы греко-католической церкви в Западной Украине графа Андрея Шептицкого, а многие униатские священники вступили в батальон и с оружием в руках принимали активное участие в карательных операциях. Данное обстоятельство еще раз свидетельствует, что воинствующий клерикализм и национализм способны, подпитывая друг друга, порождать масштабные проявления терроризма.

После окончания Великой Отечественной войны националисты в республиках Прибалтики и Западной Украины, лишившиеся мощной военной поддержки германских фашистов, при которых исполняли второстепенные, подчиненные роли, будучи неспособными открыто противостоять мощи всего государства, вынуждены были уйти в подполье и еще более активно прибегать к террористическим методам в борьбе с советской властью.

О масштабах этой преступной деятельности можно судить, например, обратившись к материалам уголовного дела лишь одного из украинских националистов, руководителя ново-ярычевского районного «провода» ОУН Романа Щепанского, осужденного в октябре 1954 г. Военным трибуналом Прикарпатского военного округа к высшей мере наказания. В приговоре* в

частности,

См.: Терроризм: криминологическое и уголовно-правовое исследование. М., 1998. С 135.' См., например: Сборник законодательных и нормативных актов о репрессиях и реабилитации жертв политических репрессий. М., 1993.

27

констатировалось: «За время пребывания Щепанского в ОУН по его указанию и с его личным участием подчиненными ему бандитами на территории Львовской области и города Львова совершен ряд террористических актов над представителями органов советской власти и советскими активистами и ряд злодеяний в отношении советских граждан, во время которых девяносто три человека было убито и семнадцать ранено»³⁷.

К началу 50-х годов терроризм как один из наиболее эффективных инструментов организованной политической борьбы с существующим строем в Советском Союзе прекратил свое существование, так как и сами организационные структуры сепаратистского терроризма были к этому времени ликвидированы.

Можно утверждать, что с середины 50-х годов до конца 80-х терроризм как системное социально-политическое явление исчез из жизни государства и общества. Однако отдельные проявления террористического характера, иллюстрирующие тезис о том, что для каждого правила существуют исключения, все же имели место. Наиболее ярким примером применения политически мотивированного насилия, также выросшего из идеологии национализма, вероятно, может служить серия взрывов, осуществленных в конце 1978 г. в Москве (на ул. 25 Октября, в магазине на площади Дзержинского и в метро) членами нелегальной партии «Дашнакцутюн» Затикяном, Степаняном и Багдасаряном. От взрыва их самодельного взрывного устройства, сработавшего в вагоне метро между станциями «Измайловский парк» и «Первомайская», погибло 29 человек. По заявлениям террористов, они «боролись против советского строя, а следовательно, против Москвы. Они решили мстить русским, неважно, кому именно: женщинам, детям, старикам — главное, русским» .

В период с середины 50-х до конца 80-х годов имели место и проявления так называемого центрального террора, когда в качестве объектов покушений выступали представители верхнего эшелона власти. Однако ни один из них не был продуктом серьезной подготовки иностранной спецслужбы или террористической организации внутри страны. Все выявленные факты такого рода носили характер проявлений индивидуального терроризма, причем — и это следует подчеркнуть — исполнителями таких покушений чаще всего были лица с серьезными отклонениями психики. Так, шизофреником оказался В. Ильин, намеревавшийся 22.01.69 г. стрелять в Л.Брежнева, невменяемым признал Московский городской суд А. Шмонова, пытавшегося 7.11.90 г. на Красной площади произвести выстрел из обрезка охотничьего ружья в М. Горбачева³⁹.

Но уже к началу 90-х годов крайне противоречивые болезненные

процессы, протекавшие в стране, породили целую гамму обстоятельств, благоприятствующих возникновению террористических намерений и, самое главное, успешной их реализации. Терроризм в России «взорвался».

Штг. но: *Беляев В. П.* Я обвиняю! Изд. 2-е, доп. М., 1984. С. 222.

Бобков Ф.Д. Кремль и власть. М., 1995.

См.: *Зенькович И.* Вожди на мушке: теракты и инсценировки. Минск, 1996. С. 200-215, 242-258.

О. М. Хлобустов Терроризм в России и большевики

Существует мнение, что большевики якобы являлись сторонниками «революционного террора»¹. О. В. Будницкий, например, по этому поводу пишет, что террористических идей «не чуждались, вопреки распространенному мнению, не только эсеры и анархисты, но и социал-демократы»². Наиболее обстоятельно эту тему развивает американский исследователь А. Гейфман³, однако, на наш взгляд, она недостаточно глубоко изучила директивные установки руководства большевиков, не анализировала публикации партийной прессы, что важно для понимания теоретико-идеологической позиции партии по вопросу о терроризме. В этой связи то, что в уголовно-правовой науке называется «эксцессом исполнителя» необоснованно экстраполируется на позицию партии по столь важному и актуальному вопросу.

Меньшевики же, с которыми большевики вели полемику в вопросе о терроризме, показаны как более последовательные противники террора, хотя автор и признает, что они и национальные социал-демократические группы также участвовали в террористических актах и экспроприациях⁴.

Однако проведенный анализ заставляет усомниться в правильности подобных утверждений.

В этой связи мы приведем некоторые высказывания российских социал-демократов, включая и лидеров большевиков, по вопросу о терроризме.

Это делается, во-первых, для того, чтобы показать их принципиальное отношение к «революционному авантюризму».

Во-вторых, чтобы показать содержание дискуссии по вопросу о «допустимости и правомерности» терроризма в конце XIX века.

В-третьих, чтобы представить развернутые и обоснованные аргументы для борьбы с экстремистско-террористическими настроениями и пропагандой, что может быть использовано в целях предупреждения и предотвращения роста экстремистских и террористических настроений.

Германский исследователь Х. Линке, профессор университета Св. Августина, также подчеркивал отрицание К. Марксом и Ф. Энгельсом терроризма, сформировавшееся в процессе спора с анархистами (М. А. Бакунин и другие).

Их позицию по этому вопросу Х. Линке подытоживает следующим образом:

Его, в частности, неоднократно, но бездоказательно, высказывал О. М. Нечитюренко. См., например, его статью «Истоки и специфика российского

политического терроризма» в сборнике «Проблемы терроризма» // Актуальные проблемы Европы. Проблемно-тематический сборник. Выпуск 4. М., 1997. С. 165-168.

См.: История терроризма в России. Составитель *О. В. Будницкий*. Ростов-на-Дону, 1997. С. 16. *Гейфман Л.* Революционный террор в России. 1894-1917 гг. М., 1997. С. 121-174. См.: там же. С. 138-171.

29

- индивидуальный террор не разрушает государственную систему, но во всяком случае ведет к замене руководящих персон и таит в себе опасность, что атакуемый режим, обороняясь, станет еще более жестоким и репрессивным;

- опыт показывает, что при применении террора убивают больше не причастных к нему лиц из числа того самого народа, за интересы которого якобы ведется борьба, чем действительно виновных в его угнетении;

- террор не воодушевляет угнетенные массы, но делает их недееспособными и обостряет чувство бессилия и апатию".

Подытоживая эти возражения, Х. Линке считает, что их можно привести к одному общему знаменателю: индивидуальный терроризм, т. е. террор против конкретных лиц, больше чем преступление, это — политическая ошибка .

Отметим, что аналогичную точку зрения высказывал и старший криминолог Австралийского Института криминологии Гранд Вордлоу⁷.

Обратимся теперь непосредственно к работам на эту тему одного из признанных лидеров российской социал-демократии В.И.Ленина (Ульянова).

Был ли Ленин, являвшийся одним из признанных идеологов и вождей российской социал-демократии, сторонником политического, пусть и «революционного» терроризма? Как нам представляется, отнюдь нет.

Еще в 1897 г., в написанной в ссылке брошюре «Задачи русских социал-демократов», явившейся своеобразным ответом на развернувшуюся в обществе дискуссию о месте терроризма в политической борьбе, Ленин писал о предшественниках партии социалистов-революционеров: «безыдейность и беспринципность ведут их на практике к "революционному авантюризму", выражающемуся... в их шумной проповеди "систематического" террора...» (*Ленин В.И.* Полное собрание сочинений. 5-е издание. Т. 2. С. 439. Далее по тексту в скобках будут указываться соответствующие тома и страницы этого издания).

Как видно из приведенной цитаты, Ленин не только терроризм, но и пропаганду его относил к «революционному авантюризму». В 1899 г., в «Проекте программы нашей партии», говоря о вопросах тактики, он отмечал: «сюда же относится... и вопрос о терроре: обсуждение этого вопроса, и, конечно, не с принципиальной, а с тактической стороны, непременно должны поднять социал-демократы, ибо рост движения сам собой, стихийно приводит к участвовавшим случаям убийств шпионов, к усилению страстного возмущения в рядах рабочих и социалистов, которые видят, что все большая и большая часть их товарищей замучивается насмерть в одиночных тюрьмах

и в местах ссылки. Чтобы не оставлять места недомолвкам, оговоримся теперь же, что, по-нашему лично мнению, террор является... нецелесообразным средством борьбы, что партия (как "партия") должна отвергнуть его... и сосредоточить "все свои силы" на укреплении организации и правильной доставке литературы» (Т. 4. С. 223).

Линке Х. Корни терроризма в России и Германии: общие черты и различия // Проблемы терроризма. М., 1997. С. 138. ⁶ См.: там же. С. 138. См.: *Wardlaw J.* Political terrorism. Theory, tactics and counter-measures. Cambridge, 1989. P. 23.

30

Как видим из уже приведенных цитат, вопрос о терроризме широко обсуждался в то время. Достаточно сказать, что в начале 900-х годов определенную его «допустимость» признавал и будущий лидер кадетов Павел Николаевич Милюков, славившийся за либерала. При встрече с Лениным в 1903 г. в Лондоне «он очень упрекал искровцев за полемику против террора и уверял, что "еще один-два удачных террористических акта — и мы получим конституцию"»⁸.

В статье «Попятное направление в русской социал-демократии», появившейся в 1899 г., Ленин, передавая психолого-политическую атмосферу того времени, писал: «В либеральных и радикальных салонах буржуазного "общества" социал-демократы могли слышать нередко сожаления о том, что революционеры оставили террор: люди, дрожавшие больше всего за свою шкуру и не оказавшие в решительный момент поддержки тем героям, которые наносили удары самодержавию, эти люди лицемерно обвиняли социал-демократов в политическом индифферентизме и жаждали возрождения партии, которая бы таскала для них каштаны из огня. Естественно, что социал-демократы проникались ненавистью к подобным людям и их фразам и уходили в более мелкую, но зато более серьезную работу пропаганды среди фабрично-заводского пролетариата» (Т. 4. С. 266-267).

Однако сторонниками террора выступала не только партия эсеров, но и некоторые зарубежные эмигранты, связанные как с «экономизмом» (журнал «Рабочее дело»), так и ставшие впоследствии меньшевиками (В.И.Засулич, Ю. О. Мартов и другие).

Газета «Искра» в номере за 1 мая 1901 г. писала: «Нам говорят уже, что "исторический момент" выдвинул перед партией "совершенно новый" вопрос — о терроре... Вопрос о терроре совершенно не новый вопрос, и нам достаточно вкратце напомнить установившиеся взгляды русской социал-демократии».

Приводимая далее цитата из центрального органа РСДРП, на наш взгляд, однозначно свидетельствует об отрицательном отношении будущих большевиков к терроризму: «Суть дела именно в том, что террор выдвигается как самостоятельное и независимое от всякой армии средство единоличного нападения. Да при отсутствии центральной и слабости местных революционных организаций террор и не может быть ничем иным. Вот

поэтому-то мы решительно объявляем такое средство борьбы при данных обстоятельствах несвоевременным, нецелесообразным, отвлекающим наиболее активных борцов от их настоящей, наиболее важной в интересах всего движения задачи, дезорганизующей не правительственные, а революционные силы... Наш долг со всей энергией предостеречь от увлечения террором, от признания его главным и основным средством борьбы, к чему так сильно склоняются в настоящее время очень и очень многие» (Т. 2. С. 7-8).

Далее по этому поводу в декабре 1901 г. Ленин писал в «Искре», что «не взяв в свои руки руководство общедемократическим движением, социал-демократия не может свергнуть самодержавия» (Т. 5. С. 365).

В предисловии к программной работе «Что делать? Наболевшие вопросы нашего движения», написанной в январе 1902 г., Ленин вновь подверг критике

«Пролетарская революция». Т. 3(26). М., 1924. С. 152.

31

журнал «Рабочее дело», который «в одно и то же время» преподносит нам заявление: «мы думаем, что задачей социал-демократии не может и не должно быть противодействие подъему террористических настроений» («Р.Д.», №10. С. 23) и резолюцию съезда: «Систематический наступательный террор съезд (зарубежных российских социал-демократических организаций) — признает несвоевременным...»

«Как это замечательно ясно и связно! — иронизировал Ленин. — Не противодействуем, но объявляем несвоевременным, притом объявляем так, что несистематический, а оборонительный террор "революцией" не отменяется!» (Т. 6. С. 73).

Понятно, что в работе, призванной стать своего рода альфой и омегой партии, требовалось дать ясный и недвусмысленный ответ на отношение этой партии к терроризму. Причем ответ этот не мог быть лишь для «внутреннего употребления», а должен был стать составной частью партийной идеологии.

И, разбирая одну из публикаций того времени, Ленин дает обстоятельный ответ всей «философии терроризма», которой, по его мнению, страдали тогдашние, — да и многие нынешние, — «революционисты». Отметим попутно, что эта «критика из прошлого» объективно оказывается направленной и против эсеровской и бакунинской апологии терроризма, которая, по-нашему мнению, служила также и идейно-теоретической базой «левого» терроризма 50-80-х годов нашего века на Западе.

«Очень интересно отметить ту особенную аргументацию в защиту террора, которую выдвинула "Свобода" (журнал одной из революционно-социалистических групп российских эмигрантов, издававшийся в Швейцарии. — О. М.).

Устрашающую роль террора она "совершенно отрицает"..., но зато выдвигает его "эксциративное (возбуждающее) значение". Это характерно, во-первых, как одно из стадий разложения и упадка того традиционного (до

социал-демократического) круга идей, который заставляет держаться за террор. Признать, что правительство теперь "устрашить", а следовательно, и дезорганизовать террором нельзя, значит, в сущности, совершенно осудить террор как систему борьбы, как программой освещаемую сферу деятельности.

Во-вторых, это образец непонимания наших насущных задач в деле "воспитания революционной активности масс". "Свобода" пропагандирует террор как средство "возбуждать" рабочее движение, дать ему "сильный толчок". Трудно себе представить аргументацию, которая бы более наглядно опровергала сама себя! Неужели, спрашивается, в русской жизни мало ещё таких безобразий, что нужно выдумывать особые "возбуждающие" средства?» (Т. 6. С. 76-77).

По ироничному ленинскому определению, «"революционисты" пасуют перед господствующим кустарничеством, не верят в возможность избавления от него, не понимают нашей первой и самой настоящей задачи: создать организации революционеров...» (Т.6. С. 105).

И вновь возвращаясь к казавшейся ему крайне актуальной критике идеологии террора, Ленин пишет: «Группа "Свобода", внося в программу террор, тем самым зовет к организации террористов, а такая организация действительно отвлекла бы наше войско от сближения его с толпой, которая еще,

к сожалению, не спрашивает или мало спрашивает нас о том, когда и как открывать военные действия» (Там же. С. 175).

В связи с опубликованием Донским комитетом РСДРП прокламации «К русским гражданам» по поводу убийства эсерами министра внутренних дел Сипягина он рекомендовал товарищам не впадать «в ту ошибку, которую делают социалисты-революционеры. На первый план социал-демократы выдвигают рабочее (и крестьянское) движение. Требования к правительству они ставят от имени рабочего класса и всего народа (здесь и далее разрядка моя. — О. М.), а не с угрозой дальнейших покушений и убийств» (Т. 6. С. 371).

В мае 1902 г. в редакционной статье «Смерть Сипягина и наши агитационные задачи»⁹, Георгий Валентинович Плеханов, предупреждая об опасности «заражения идеей террора», писал: «Русское "общество" опять переживает теперь то оппозиционное настроение, в котором оно находилось лет двадцать тому назад и благодаря которому оно сочувствовало "террористической борьбе" партии Народной воли... Некоторые социал-демократы начинают поговаривать о том, что демонстрации обходятся слишком дорого и что террористические действия скорее поведут к цели. Опыт семидесятых годов показал, что от таких разговоров недалеко и до мысли о "систематическом терроре". Но тут и заключается серьезная опасность для нашего освободительного движения. Если бы это движение стало террористическим, то оно тем самым подорвало бы свою собственную силу. Его сила состоит в том, что идея политической свободы, увлекавшая некогда одну интеллигенцию, проникла в некоторые слои рабочего класса.

Сознательная часть пролетариата является теперь самым надежным борцом за политическую свободу... Терроризм при наших нынешних условиях привел бы к тому, что из нее (революционной армии рабочего класса. — *О. Л./.*), выделились бы и слились бы с терроризмом отдельные личности и группы личностей, вся же остальная масса ее стала бы гораздо менее активной».

Как видим, Плеханов повторяет основные доводы Ленина, что можно считать общей позицией будущей группы большевиков и ЦК РСДРП по вопросу о терроризме и отношении к нему.

В следующем номере «Искры» в сообщении об избиении по приказу виленского губернатора фон Валя участников первомайской демонстрации, упоминалось, что «вполне достойным и при данных условиях необходимым ответом явилось произведенное 5-го мая покушение на фон Валя» (Валь был легкоранен, покушавшийся Г. Д. Леккертер - казнен. — *О. М.*).

Однако и это замечание вызвало резкие возражения Плеханова, в связи с чем Ленину пришлось специально разъяснить, что эта строчка стала вынужденным компромиссом, поскольку члены редколлегии — Ю. О. Мартов и В. И. Засулич считали необходимым выразить «моральную солидарность» с Леккертером (см.: Т. 46. С. 449).

По просьбе Ленина Плеханов подготовил для очередного номера «Искры» пространную статью «Русский рабочий класс и полицейские розги», в которой, в частности, писал: «герой погиб, но иго царизма по-прежнему давит на израненные плечи рабочего класса, и по-прежнему розги угрожают всему

⁹ «Искра», Г* 20, 1 мая 1902 г.

трудящемуся населению России за малейшее проявление самосознания и независимости. Как избавиться от этой угрозы, одно существование которой есть кровная обида всему трудящемуся населению?

Наша ближайшая практическая задача не в том, чтобы карать отдельных слуг царя, — мы все равно не в состоянии были бы покарать каждого из них, — а в том, чтобы вообще отбить у правительства охоту отвечать на демонстрации розгами».

На покушение Леккертера откликнулся и Виктор Михайлович Чернов, один из лидеров партии социалистов-революционеров.

В статье «Террористический элемент в нашей программе», солидаризируясь с Лениным в том, что «вопрос о своевременности или несвоевременности, вреде или пользе террористических действий вновь возродился в революционной литературе», он заявлял: «сколько ни высказывалось сомнений, сколько возражений ни выставляли против этого способа борьбы партийные догматики, жизнь в который раз оказывалась сильнее их теоретических предубеждений, террористические действия оказывались не то что просто "нужными" и "целесообразными", а "необходимыми, неизбежными"».

Здесь мы видим прямо противоположную точку зрения по вопросу о терроре, что подтверждает и сам автор цитируемой статьи: «Даже "Искра",

выставившая в последнее время положения, что терроризм изолирует революционную партию и тем "обрекает ее на поражение", "террор мешает организации, а следовательно, и вообще политическому воспитанию рабочих", — даже "Искра" не может закрывать глаза на действительность, и все ею сообщаемые фактические известия идут вразрез с принципиально антитеррористической тенденцией газеты... Но "Искра" против террора. Ей кажется почему-то, что такой поворот в современном революционном движении... "означал бы его сужение и грозил бы ему неудачей"».

В июле 1902 г. Ленин писал: «ставя в свою программу террор и проповедуя его как средство политической борьбы в современной ее форме, социалисты-революционеры приносят этим самым серьезный вред движению, разрушая неразрывную связь социалистической работы с массой революционного класса... Организация террористических актов отвлекает наши крайне немногочисленные организаторские силы от их трудной и далеко еще не выполненной задачи организации революционной рабочей партии,... на деле террор социалистов-революционеров является не чем иным как "единоборством", всецело осужденным опытом истории.

Даже иностранные социалисты начинают смущаться той крикливой проповедью террора, которую ведут теперь наши социалисты-революционеры... Эти вредные иллюзии могут привести только к быстрому разочарованию и к ослаблению работы по подготовке натиска масс на самодержавие» (Т. 6. С. 375-376).

В августе и сентябре того же года «Искра» (№№ 23 и 24) поместила статью Ленина «Революционный авантюризм», в которой, констатируя «новый поворот к террору в настроениях некоторых революционеров», он подчеркивал: «социалисты-революционеры наивно не замечают того, что их склонность

См., например, №20 от 1-го мая.

34

к террору связана самой тесной причинной связью с тем фактом, что они с самого начала стали и продолжают стоять в стороне от рабочего движения, не стремясь даже сделаться партией ведущего свою классовую борьбу революционного класса» (Т. 6. С. 380-384).

В ноябре («Искра», № 26) тот же автор вновь бичует «голоса в пользу повторения старой тактики отдельных политических убийств как необходимого и обязательного в настоящее время приема политической борьбы», «нелепость и вред предпринятой социалистами-революционерами попытки реставрировать народовольчество со всеми его теоретическими и тактическими ошибками» (Т. 7. С. 58-59).

Полемика большевиков по вопросу о терроре с эсерами и их печатным органом «Революционная Россия» продолжалась и позднее.

Летом 1903 г. Ленин подготовил ко II съезду РСДРП резолюцию, специально посвященную вопросу о терроре, в которой говорилось: «съезд решительно отвергает террор... как способ политической борьбы, в высшей степени нецелесообразный... отвлекающий лучшие силы от насущной и

настоятельно необходимой организационной и агитационной работы, разрушающий связь революционеров с массами революционных классов населения, поселяющий и среди самих революционеров и среди населения вообще самые превратные представления о задачах и способах борьбы с самодержавием» (Т. 7. С. 251).

Газета «Вперед», ставшая преемницей большевистской «Искры», в редакционной статье в декабре 1904 г. писала по поводу убийства министра внутренних дел В. К. Плеве «Боевой организацией» социалистов-революционеров: «и чем удачнее было это террористическое предприятие, тем ярче подтверждает оно опыт всей истории русского революционного движения, опыт, предостерегающий нас от таких приемов борьбы, как террор. Русский террор был и остается специфически интеллигентским способом борьбы. И что бы ни говорили нам о важности террора не вместо народного движения, а вместе с ним, факты свидетельствуют неопровержимо, что у нас индивидуальные политические убийства не имеют ничего общего с насильственными действиями народной революции. Массовое движение в капиталистическом обществе возможно лишь как классовое рабочее движение». И продолжала: «у нас так часто встречается сочувствие террору среди радикальных (или радикальничающих) представителей буржуазной оппозиции. Неудивительно, что из революционной интеллигенции особенно увлекаются террором (надолго или на минуты) именно те, кто не верит в жизненную силу пролетариата и пролетарской классовой борьбы» (Т. 9. С. 130).

В вышедшей в феврале 1905 г. редакционной статье в № 7 «Вперед» Ленин писал, что социал-демократия России «боролась всегда не только против террора, но и против тех шатаний в сторону террора, которые обнаруживали не раз представители интеллигентского крыла нашей партии. Как раз поэтому спорила против террора и "старая" "Искра", когда она писала в №48 "теперь же, когда демонстрации переходят в открытое сопротивление власти, наш старый терроризм перестает быть исключительно смелым приемом борьбы. Теперь героизм вышел на площадь; истинными героями нашего времени являются теперь те революционеры, которые идут во главе народной массы..."» (Т. 9. С. 276-277).

Как видим, вопрос об отношении к политическому терроризму в России в начале текущего века обсуждался весьма активно, причем далеко не большевики были его апологетами.

В июле 1908 г. в «Пролетарии» вновь критикуется эсеровская газета «Знамя труда» за «перепев на тысячу ладов призывов к террору, за неумное, неумелое, наивное приспособление к этому якобы новому, а на деле старому и очень старому приему взглядов на революцию, на массовое движение, на значение партии вообще и т.д.» (Т. 17. С. 140).

В 1910 г. в статье «Уроки революции» в качестве первого и основного урока революции 1905 г. Ленин называет тот, что «никакая героическая борьба одиночек-террористов не могла подорвать царского самодержавия» (Т. 19. С. 419).

В резолюции совещания ЦК РСДРП в 1913 г. отмечалось, что «партия социалистов-революционеров продолжает официально отстаивать террор, история которого в России совершенно оправдала социал-демократическую критику этого метода борьбы и закончилась крахом» (Т. 2. С. 60).

В речи на съезде швейцарской социал-демократической партии в ноябре 1916 г. Ленин вновь подчеркивал, что «опыт революции и контрреволюции в России подтвердил правильность более чем двадцатилетней борьбы нашей партии против террора как тактики» (Т. 30. С. 183).

А в интервью корреспонденту шведской газеты «Фолькете дагблат политикен» 1 мая 1918 г. он вновь отмечал, что «история русской революции показывает, что партия всегда прибегает к индивидуальному террору, если она не пользуется поддержкой масс» (Т. 36. С. 482).

Предпринятый экскурс показывает, что проблемы терроризма и борьбы с ним не только волновали, но и широко обсуждались в российском обществе в конце прошлого и в начале века нынешнего. Актуальны они, к сожалению, для нашей страны и сегодня. Вот почему анализ воззрений на сущность терроризма и его роль в общественной жизни страны не утратил своей злободневности.

ОБЩИЕ ПРОБЛЕМЫ

Ю.И.Авдеев

Терроризм как социально-политическое явление

В течение нескольких десятилетий, особенно в период второй половины 20-го столетия, терроризм является объектом интенсивного научного исследования, главным образом — в странах Запада. Спектр этих исследований достаточно широк, значительное место в них занимают проблемы исторического, правового, социально-психологического характера. Во многих трудах подчеркивается необходимость приоритетного изучения правовых аспектов терроризма, исследования его как специфического вида преступности. При всей значимости такого подхода особенно важно, по нашему мнению, углубление знаний о терроризме как социальном явлении, его причинах, структуре, его содержании, формах и т.п. С этих позиций возможно более адекватное раскрытие специфической природы терроризма, в частности, преодоление определенной односторонности в подходе к нему многих авторов, рассматривающих его прежде всего как противоправный феномен, как особо опасное преступление или комплекс преступлений.

На всех этапах своего развития терроризм представлял собой явление, обусловленное многочисленными социальными причинами и развивающееся по мере их изменения. Центральное место в ряду причин терроризма занимают социальные противоречия, не получившие своевременного разрешения и достигающие конфликтной формы, особенно на ее конфронтационной стадии. Обострение социальных противоречий нередко порождает со стороны существующих в обществе отдельных социальных групп, общественных и политических организаций, в случае острого, действительного или мнимого, ущемления их интересов или угрозы им,

различного рода неадекватные реакции на сложившееся положение вещей, в том числе - и использование общественно опасных, нередко противоправных способов их удовлетворения. В целом терроризм может быть отнесен к таким неадекватным реакциям.

Будучи сложным, многоплановым явлением, отражая интересы различных общественно-политических сил, терроризм подчас характеризуется в политике и науке весьма неоднозначно и противоречиво, что мешает поиску оптимальных мер противодействия ему.

Этимологически термин «терроризм» в переводе с латинского, как известно, означает страх, ужас, вызванный жестокими насильственными действиями

властей, организаций, групп или отдельных лиц. В социальном аспекте терроризм нередко понимается как использование подобных методов для обеспечения интересов различных социальных групп.

В мировой науке существует два основных подхода к понятию «терроризм». **Биологический** подход связывает это явление с некоей «насильственной» сущностью человека, «естественным» стремлением людей угрожать интересам других и использовать любые доступные средства для достижения своих целей. **Социальный** подход, хотя и характеризуется большим разнообразием оценок роли и механизма влияния тех или иных социальных факторов, обуславливающих терроризм, исходит из определяющего значения социальных процессов его возникновения. Он является преобладающим среди различных подходов к объяснению природы и формулированию понятий терроризма.

Понятия терроризма весьма многочисленны, по некоторым данным, их число значительно превышает 100.

К достаточно широко распространенным определениям терроризма можно отнести предлагаемую американскими исследователями В. Маллисона и С. Маллисона формулу, согласно которой терроризм — это «систематическое использование крайнего насилия и угрозы насилием для достижения публичных или политических целей».

К данной группе толкований терроризма относятся также положения, принадлежащие видному сотруднику Государственного департамента США Д. Лонгу, который отождествляет его с действиями по свержению существующих режимов, по подрыву международного правопорядка и т. п.

Некоторые исследователи характеризуют терроризм тоже достаточно широко, например, как «войну XX века». Египетский политолог М. Сид-Ахмед отмечает: «Технологическое развитие, достигшее непредвиденных уровней в военной области, привело к тому, что война в классическом смысле слова стала невозможна, если не абсурдна. Поскольку абсурдность войны не означает окончание конфликта, борьба теперь грозит принять другие формы со специфической точки зрения, терроризм может рассматриваться как продолжение войны, а не только политики другими средствами)».

Известному руководителю спецслужб ФРГ Г. Нонлау принадлежит

следующее определение: «...терроризм понимается как вид борьбы, который в политических целях или по политическим мотивам пытается принудить государственные органы или граждан насильем или угрозой к определенным действиям».

Перечень подобных определений терроризма, которые носят, по нашему мнению, излишне широкий характер и позволяют отождествлять с этим явлением целый ряд других форм политического насилия, может быть продолжен. В частности, для указанных выше и целого ряда других аналогичных определений терроризма, хотя и подчеркивающих важные признаки последнего (применение насилия, политическая направленность), тем не менее присущи, по нашему мнению, такие неточности, которые допускают возможность отождествления данного явления с вооруженной борьбой регулярных сил, с партизанскими войнами, с массовыми беспорядками, восстаниями.

Наряду с данным подходом в науке и политике выдвинут также ряд иных толкований терроризма как явления. Например, в докладе межведомственной

38

комиссии по борьбе с терроризмом, созданной в США в 1985 г. Дж. Бушем, бывшим тогда вице-президентом, дано следующее определение: «Терроризм — это противоправное использование или угроза использования насилия против лиц или объектов для достижения политических или социальных целей. Обычно он направлен на запугивание или принуждение правительств, групп, или отдельных лиц для изменения их политики или действий».

Видный российский юрист Л. А. Моджорян приходит к выводу о том, что «терроризм — это акты насилия, совершаемые отдельными лицами, организациями или правительственными органами, направленные на устранение нежелательных государственных и политических деятелей и дестабилизацию государственного правопорядка в целях достижения определенных политических результатов».

Известные российские юристы Н.Б.Крылов и Ю.А.Решетов отмечают, что под «терроризмом в самом широком значении этого термина понимают акты насилия или угрозы насильем, цель которых — внушить страх и заставить действовать или воздержаться от действий в нужном террористам направлении».

Немецкий исследователь политического экстремизма Р. Рупрехт характеризует терроризм как «систематическое применение или угрозы применения насилия, которые направлены на то, чтобы вызвать ужас и достичь политических целей».

Эти и некоторые другие близкие к ним определения терроризма являются, по нашему мнению, более предпочтительными, поскольку они связывают используемое террористами насилье с установкой на устрашение объектов террористических действий. Такой подход позволяет, как нам представляется, отграничить терроризм от других форм насильственной

деятельности, которая не сопряжена с оказанием устрашающего воздействия. Например, от вооруженной борьбы, основное назначение которой состоит в уничтожении людских и материальных сил противника, защите своей территории либо захвате территории противной стороны. Положительная сторона упомянутого выше подхода состоит в том, что он позволяет выработать более целенаправленные меры, адекватные характеру террористической угрозы.

Оценивая существующие представления о терроризме, следует подчеркнуть также, что многие из них, указывая в качестве основных его свойств на применение насилия и стремление к достижению политических целей, вместе с тем ограничивают его суть только борьбой против государства, существующего строя и т. п.

В качестве примера можно сослаться на утверждение одного из ведущих террологов У. Лакера о том, что терроризм есть применение негосударственного насилия или угрозы насилия с целью вызвать панику в обществе, ослабить и даже свергнуть должностных лиц и вызвать политические изменения.

Весьма показательна для данной группы определений терроризма формула, предлагаемая Т. Герцогом: «Под терроризмом следует понимать применение и угрозу применения насилия (1-й признак) частными лицами (2-й признак) по политическим мотивам (3-й признак) в рамках определенной политической стратегии (4-й признак) с целью оказания психического воздействия (5-й признак)».

39

Подобный подход, по нашему мнению, существенно ограничивает понятие терроризма, чрезмерно сужает его, что фактически элиминирует террористическую деятельность, проводящуюся отдельными государствами в различные исторические периоды в их внутренней или внешней политике.

Другим примером неоправданного сужения понятия терроризма является отождествление его с отдельными, единичными актами насильственного уничтожения политических противников, их устрашения, ослабления их организации, оказания влияния на их деятельность. На определенных этапах развития терроризма на ранних этапах) его можно было бы понимать подобным образом. Однако в современных условиях терроризм трансформировался в весьма масштабное и сложное социально-политическое явление, осуществляемое на систематической основе и обусловленное самыми различными противоречиями, существующими в обществе и относящимися к основным сферам жизни последнего.

Связывая терроризм чаще всего с политическими и идеологическими целями тех сил, которые его используют, специалисты выделяют достаточно широкий спектр социальных противоречий и вытекающих из них явлений, обуславливающих его возникновение и развитие. К ним относят социально-экономические, идеологические, политические, межгосударственные, национальные, религиозные и иные противоречия и конфликты.

Следует специально подчеркнуть, что среди значительной части

ученых и политиков распространены мнения о так называемом революционном происхождении терроризма. Его истоки обычно относят к французской революции XVIII века и Октябрьской революции 1917 г. в России. В действительности корни терроризма лежат в глубокой древности, а его практика — в различных формах — присуща различным историческим периодам и многочисленным политическим течениям.

Конечно, революционные события во Франции XVIII века и 1917 г. в России небезразличны для судеб терроризма. Они знаменовали собой появление качественно новых признаков терроризма, новых периодов в его развитии.

Вместе с тем, достаточно многочисленны и те суждения о причинах возникновения и распространения современного терроризма, которые сводят их к тем или иным внешним воздействиям (прежде всего — со стороны бывшего Советского Союза) либо связывают с природой современной западной демократии, которая, де, незащищена перед лицом терроризма.

Так, известный исследователь терроризма Р.Рубинштейн в своей книге «Алхимики революции» указывает на существование в террологии двух известных теорий: «теории красной сети» и «теории общества вседозволенности». Отмечая в первом случае определенное влияние социалистических государств на существование терроризма, он, однако, считает, что абсолютизация внешнего покровителя непродуктивна и что корни терроризма лежат глубже — в социальной жизни общества. Что касается второй из упомянутых выше теорий, то нельзя не признать, что характер демократических режимов, конечно, в определенной степени благоприятствует существованию террористической (^практики, но вовсе не исключает, при определенных условиях, террористических проявлений в политике самих демократических государств. Многие

40

полагают, что терроризм возможен в любом неэффективно управляемом обществе - и демократическом, и тоталитарном.

Как социальное явление терроризм многопланов. Он включает в себя такие основные элементы, как: экстремистская террористическая идеология; комплекс организационных структур для осуществления терроризма в тех или иных его формах; сама практика террористических действий, то есть собственно террористическая деятельность.

Террористическая идеология может быть присуща, как показывает современная политическая история, различным участникам политических отношений: государствам, партиям, общественно-политическим движениям, организациям, группам лиц. В наиболее общем плане к основным видам такого рода идеологии относятся ультрареволюционные, анархистские, нефашистские, национал-экстремистские, расистские идеологии и политические концепции. Идеино-политические обоснования использования террора как метода политической борьбы, основные установки по осуществлению терроризма содержатся либо в более общих идеологических концепциях тех или иных участников политических отношений, либо в

собственно террористических теориях (например, концепция «городских партизан»).

Будучи социальным явлением, терроризм обусловлен социальными процессами, отражающими существующие в обществе социальные конфликты в различных сферах его жизни, например, процессы идеологического и политического противостояния в обществе, межнациональные и межконфессиональные противоборства, трудовые и иные социальные коллизии. На возникновении и развитии терроризма сказываются как долговременные социальные противоречия, так и быстро преходящие.

Среди различного рода условий, которые характеризуют социальную обстановку в той или иной стране или регионе, могут быть выделены те **условия (факторы), которые либо детерминируют возникновение и существование терроризма, либо благоприятствуют ему**, способствуют его распространению.

К **первой** группе могут быть отнесены многие объективные и субъективные факторы: большая острота или непримиримость межгосударственных или внутренних — в той или иной стране — противоречий; чрезмерно глубокая социальная дифференциация и более, чем допустимый, разрыв в уровне материальных условий жизни различных слоев населения; глубокий идеологический раскол общества; колониализм и его рудименты как система политического, национального и социального угнетения; угроза господствующему положению в обществе тех или иных социальных групп; резкое снижение социальной защищенности населения, процессы его маргинализации; распространение идеологии насилия как метода решения общественных проблем, действительная или мнимая невозможность защиты социальных интересов отдельных групп общества и др. Как справедливо отмечается в ряде исследований, терроризм наиболее активен в период экономического неблагополучия и политической нестабильности. При этом едва ли правильно характеризовать терроризм как некую массовую психическую аномалию, как иррациональное насилие в ответ на те или иные общественные или личные коллизии.

К **второй** группе факторов могут быть отнесены, например: неэффективность международной или внутригосударственной системы борьбы с преступ-

ностью, с терроризмом; низкая политическая и правовая культура населения, отдельных его групп; ухудшение межгосударственных отношений, рост социальной напряженности и др.

Имея политическую направленность, существуя в сфере политических отношений, терроризм обслуживает интересы тех или других социальных сил и организаций в их борьбе за власть, за ослабление позиций своих политических противников и укрепление собственных позиций, при этом он используется для достижения как стратегических, так и тактических целей.

Как одно из явлений политической борьбы, терроризм отличает

конспиративный образ действий его субъектов, необходимый для обеспечения успеха подготовки и осуществления конкретных террористических акций и самого существования террористических структур. Вместе с тем для терроризма, по крайней мере, для многих его направлений (левацкого, правового, национал-сепаратистского и др.) характерно стремление субъектов террористических акций обеспечить максимально широкую огласку самого факта совершения того или иного террористического действия, а также рекламу идейно-политических позиций и основных требований террористов. Подобная практика предназначена для обеспечения широкой поддержки экстремистских организаций населением или симпатий с его стороны.

Терроризм относится к той области политической борьбы, которая предполагает использование насильственных форм и методов, осуждаемых правом или общественной моралью, и представляет собой одну из **разновидностей политического экстремизма**. В системе политического экстремизма терроризм занимает одно из центральных мест. Он является едва ли не наиболее опасной для общества разновидностью политического экстремизма, поскольку, в отличие от других видов последнего, нанесение ущерба жизни и здоровью людей и их устрашение сознательно рассматриваются субъектами терроризма в качестве необходимого условия достижения выдвигаемых террористами политических целей.

Следует обратить внимание на основные признаки, которые позволяют отграничить терроризм от иных разновидностей политического экстремизма и отражают его сущность как особого социально-политического явления. К их числу мы относим: применение насилия и устрашения, а также специальных мер по «рекламе» разрушительных последствий террористических актов (публичные объявления о своей причастности к совершенному акту, привлечение отдельных представителей СМИ для освещения требований и действий террористов, героизация лидеров терроризма и т.п.), что достигается использованием особо острых его форм и методов; направленность на достижение политических целей, на ослабление политических противников, укрепление собственных политических позиций; повышенную общественную опасность, связанную с созданием непосредственной угрозы для жизни и свободы людей и готовностью террористов использовать любые средства для достижения своих целей; нелегитимность терроризма как явления, противоречие его основным принципам права и общественной морали; использование конспирации как необходимого условия существования террористических структур и результативности их действий; опосредованный способ достижения планируемого

42

конечного политического результата через совершение посягательств на жизнь и здоровье людей.

Основываясь на указанных выше свойствах терроризма, полагаем, что его можно определить как *систему использования насилия для достижения*

политических целей посредством принуждения государственных органов, международных и национальных организаций, государственных и общественных деятелей, отдельных граждан или их групп к совершению тех или иных действий в пользу террористов во избежание реализации последними угроз по отношению к определенным лицам и группам, а также к объектам жизнеобеспечения общества, источникам повышенной опасности для людей и окружающей среды.

Повышенная общественная опасность терроризма обуславливает признание основных его проявлений международным сообществом и законодательством многих стран в качестве противоправных, преступных деяний. Однако в связи с многочисленностью и различиями подходов в науке и практике к пониманию терроризма как явления, что обусловлено многими сохраняющимися до сих пор противоречивыми интересами участников международного сообщества, различных социальных групп в отдельных государствах, продолжает оставаться высокоактуальной проблема выработки общего унифицированного понимания терроризма и создания эффективных международных и национальных систем борьбы с ним, а также необходимость преодоления вольного или невольного расширительного подхода к нему, в том числе за счет отнесения к терроризму допустимых форм социального протеста, борьбы за интересы страны, больших или малых групп населения в тех или иных экстремальных условиях (например, в условиях оборонительной войны и т.п.). Понятно, что этот вопрос требует особых исследований.

Исследуя терроризм как социально-политическое явление, необходимо, по нашему мнению, рассмотреть более обстоятельно, чем это делается во многих трудах по изучаемой проблеме, основные элементы содержания терроризма. Субъекты терроризма, которые представляют собой важнейший элемент содержания терроризма, как отмечено было выше, образуют в настоящее время весьма разветвленную систему государственных и иных, негосударственных, структур, которые находятся подчас в весьма сложных отношениях взаимодействия или противоборства друг с другом.

Практика политического экстремизма в современных условиях, возрастание роли терроризма на международной сцене и во внутриполитической борьбе многих стран мира привели к вовлечению в политически мотивированную насильственную деятельность большого количества различных политических сил. Часты случаи, когда те или иные террористические структуры находятся в управлении различных крупных политических движений, либо, отпочковавшись от них, соотносят свою деятельность с их политическими установками. Поэтому субъекты терроризма могут быть разделены на две большие группы: во-первых, отдельные государства, политические партии и движения, которые инспирируют или поддерживают отдельные террористические организации, нередко используя их в своих политических интересах; во-вторых, сами террористические или иные экстремистские организации, непосредственно осуществляющие террористические акции.

В современных условиях к **субъектам первой группы** относятся главным образом некоторые ближневосточные государства с авторитарным строем, а также активно действующие во многих регионах мира экстремистские националистические, религиозно-политические, крайне правые или крайне левые движения, общественно-политические организации. В ежегодном докладе Государственного департамента США за 1997 г. к числу государств, причастных к «спонсированию» международного терроризма, как и в прошлые годы, отнесены Куба, Северная Корея, Иран, Ирак, Судан и Сирия. По утверждению авторов доклада, правительства этих государств «сами участвуют в террористической деятельности или предоставляют террористам оружие, убежище, финансовую поддержку и другую помощь».

К субъектам второй группы, то есть к структурам, непосредственно участвующим в террористической деятельности, относятся:

- международные и национальные террористические организации, в числе которых может быть выделен ряд подгрупп: 1) правые террористические организации фашистской, расистской, иной реакционной направленности (например, «Серые волки» (Турция), «Военно-спортивная группа Гофмана» и некоторые другие неонацистские организации (ФРГ), «Расистско-национальный фронт» (Англия); Ку-Клус-Клан, «Арийские нации» (США); 2) левацкие, ультрареволюционные террористические организации («Красные бригады» (Италия), «Фракции Красной армии», «Антиимпериалистическая ячейка сопротивления имени Нади Шебадах» (ФРГ), «Деф-Сол» (Турция), «Сендеро Луминосо» и «Революционное движение Тупака Амару» (Латиноамериканские), «Японская Красная армия» (Япония) и т.д.; 3) националистические сепаратистские («ИРА» (Англия), «ЭТА» — баскская (Испания), «Черный сентябрь» — палестинская, «Фронт национального освобождения Корсики» (Франция), «Тигры освобождения "Тамил и лама"» (Шри-Ланка) и др.); 4) религиозно-политические террористические («Хамас» (Палестина, Израиль), «Хезболла» (Ливан), «Братья-мусульмане» (Египет, Сирия, Саудовская Аравия), «Вооруженная исламская группа» (Алжир, Франция), «Аум Син-рикэ» (Япония) и др.);
- экстремистские организации антиконституционной направленности внутри отдельных стран, использующие насилие как основной метод политической борьбы и допускающие применение терроризма (подобные организации существуют, например, в настоящее время не только в традиционных районах распространения терроризма, но также в России и ряде других стран СНГ);
- преступные мафиозные организации международного и национального уровня, которые во все большей степени прибегают к использованию террористических методов либо осуществляют тесное блокирование с собственно террористическими структурами. Наибольшую активность такого рода проявляют мафиозные наркоструктуры в Латинской

Америке и некоторых других регионах мира.

К числу субъектов террористической деятельности могут быть отнесены также спецслужбы некоторых иностранных государств и их подразделения,

44

предназначенные для совершения террористических акций. Речь идет прежде всего о государствах с антидемократическими, авторитарными режимами, или о странах, находящихся в остром противоборстве со своими внешнеполитическими противниками, ведущих борьбу со «своей» политической оппозицией в среде эмигрантов в зарубежных странах. Практика участия спецслужб в террористической деятельности в настоящее время в целом, под влиянием коренных изменений в международной обстановке и давлением международной общественности, имеет тенденцию к значительному сокращению.

Цели и задачи, выдвигаемые основными субъектами современного терроризма, как уже отмечалось выше, в силу изменений, происходящих во второй половине нашего столетия в различных областях жизни человечества, характеризуются значительной широтой и разнообразием. Это обстоятельство существенно усложняет противодействие террористической деятельности, которая приобретает все большую многоаспектность и обуславливает необходимость включения в антитеррористическую деятельность более широкого круга мер предупреждения и пресечения, чем это имело место в предшествующие исторические периоды.

Для современного терроризма характерной особенностью является, как признают многие исследователи, наличие террористической идеологии, идейно-политических платформ, определяющих деятельность в соответствующих террористических организациях различных направлений. Содержание этих идейно-политических платформ обычно определяет общую стратегическую линию террористической деятельности экстремистских структур, их цели и задачи.

Цели терроризма в значительной мере предопределяют выбор объектов террористических посягательств, методов и средств их совершения. В зависимости от направленности деятельности террористических организаций, от сферы политических отношений, в которых она осуществляется, могут быть выделены с достаточной четкостью как **внутриполитические**, так и **внешнеполитические** цели терроризма.

К внутриполитическим целям террористических организаций, как показывает анализ программных установок многих из них, могут быть, в частности, отнесены: изменение общественного устройства или политического режима страны; подрыв демократических преобразований или затруднение их проведения; дестабилизация внутриполитической обстановки; подрыв авторитета власти и доверия к ней населения; дезорганизация деятельности государственного аппарата; провоцирование государственной власти на совершение действий, которые могут скомпрометировать ее в глазах населения как жестокую, несправедливую,

авторитарную (и т.д.) и оправдать действия террористов; срыв определенных мероприятий органов власти и управления, например, по консолидации внутривластных сил, обеспечению безопасности и порядка в районах распространения кризисных и конфликтных ситуаций и др.; подрыв влияния конкурирующих общественно-политических партий и организаций, в том числе экстремистских; дезорганизация их деятельности посредством организации покушений на их лидеров, активистов и др.

Как показывает деятельность многих левых террористических организаций, например, в Западной Европе, в Латинской Америке, к числу их внутри-

политических целей на протяжении длительного времени, начиная с 60-х годов, относятся установки на ликвидацию «капиталистической системы», подготовку революционных выступлений населения против существующего строя, срыв военных приготовлений стран НАТО и др.

Что касается внутривластных целей ряда правых террористических структур, то наиболее типичными из них являются построение «национальных государств», борьба за «чистоту нации», создание эффективной «сильной власти», борьба «с засильем иностранцев» в своих странах и т. п. Например, как отмечает Брайан Дженкинс, крупнейший американский эксперт по проблемам терроризма, особое распространение в США получил правый экстремизм; его организации постоянно видоизменяются, но общим для них остается проповедь ксенофобии, антисемитизма, превосходства белой расы, ненависть к иммигрантам. Правые экстремисты в США пытаются влиять на иммиграционную политику, выступают с активной пропагандой своих требований и т. д.

Не менее широк в настоящее время круг внешнеполитических целей террористических организаций. Истекшие десятилетия показывают, что наиболее частыми из них являются следующие: изменение отношений той или иной страны с другими иностранными государствами (во имя защиты независимости, национальной культуры, от «американского империализма», от европейской «аморальной культуры», от участия в агрессивных внешнеполитических акциях и т.п.); освобождение от иностранной зависимости; срыв международных акций по разрешению региональных или международных конфликтов; создание неблагоприятных условий для деятельности граждан и учреждений определенной страны за границей; выражение протеста против внешней политики отдельных государств или блоков государств; подрыв авторитета определенных государств на международной арене и т. д.

Например, внешнеполитические цели целого ряда палестинских экстремистских организаций направлены, как известно, на противодействие политике США и Израиля на Ближнем Востоке и защиту любыми средствами национально-государственных интересов арабского населения Палестины.

По признанию официальных лиц США, террористическая деятельность ряда левых, националистических и религиозно-политических экстремистских организаций, направлена против американского лидерства в

современном мире и связана с систематическими террористическими актами против американских граждан, учреждений и собственности за рубежом.

Как показали недавние события по международному урегулированию кризисных ситуаций в Африке (Судан и др.), на Балканах на территории бывшей Югославии), серьезные трудности в их разрешении были связаны, в частности, с деятельностью различных террористических и экстремистских структур.

В зависимости от масштаба и содержания, цели террористических организаций могут быть классифицированы как **стратегические и тактические**. Некоторые исследователи, правда, относят террористическую деятельность лишь к сфере тактики, что, однако, едва ли отвечает современной роли, по крайней мере, некоторых террористических организаций, которую они играют в политической борьбе в отдельных странах и регионах мира.

46

Так, например, стратегический характер носили попытки некоторых латиноамериканских экстремистских организаций по свержению с помощью террористических методов диктаторских режимов в ряде стран этого континента. Стратегическую направленность имеет также деятельность экстремистских организаций исламских фундаменталистов в Алжире по изменению правительственного курса в направлении прекращения связей с западными странами — носителями «растлевающей культуры», возврата к традиционным ценностям ислама в построении алжирского государства и т. д.

Одной из типичных стратегических целей террористических организаций разных направлений являются стремления и попытки дестабилизировать обстановку в отдельных странах и целых регионах. Реализация целей подобного рода является, как показывает практика современного терроризма на разных континентах, необходимым условием реализации программных установок по достижению конечных целей деятельности упомянутых структур: по подготовке «революционных выступлений», по отторжению тех или иных этнических территорий, отстранению от власти политических противников и т. д.

Например, в конце 80-х годов в Испании резко активизировалась деятельность баскского освободительного движения «ЭТА», которая с 50-х годов вела борьбу за предоставление статуса автономии северным районам страны, населенным басками. Для достижения этой цели «ЭТА» широко практиковала, после некоторого спада своей активности, взрывы в крупных городах, на коммерческих объектах, действия против органов безопасности и т. п.

Тактические цели характеризуют повседневную деятельность террористических организаций и носят весьма многообразный характер. Эти цели, как показывает террористическая практика, в самом общем виде направлены, во-первых, на достижение промежуточных, ограниченных результатов для подготовки реализации крупномасштабных, стратегических

целей (акции по популяризации идей и целей террористической организации, совершение отдельных «тревожащих», «демонстративных», «сплывающих» акций, привлечение симпатий населения к террористам, расширение социальной базы экстремистских структур и т.п.). Во-вторых, большое место в круге тактических целей занимает обеспечение материальных и финансовых средств для продолжения деятельности организаций, проведение акций «напоминания» о продолжении существования той или иной конкретной террористической структуры, попытки освобождения из тюремного заключения своих единомышленников и т.д.

Исследование целей террористических организаций ни в коем случае не должно сопровождаться недооценкой их общественно опасного характера как в связи с самим их содержанием, так и, особенно, в связи с теми методами и средствами, с которыми могут быть связаны попытки их достижения. Тем не менее, следует иметь в виду, что нередко выдвижение тех или иных целей носит заведомо пропагандистский характер, связано с попытками заручиться поддержкой населения и никак не может быть обеспечено имеющимся потенциалом отдельных террористических структур. Блеф — это распространенное оружие террористов.

В соответствии с выдвигаемыми в настоящее время целями и задачами, на современном этапе развития терроризма существенно усложнился и расширился круг объектов террористической деятельности. С учетом современной

47

практики терроризма и в силу особенностей механизма осуществления террористической деятельности, есть основание выделить две основных группы таких объектов.

Первую группу составляют общие объекты посягательств, в отношении которых выдвигаются цели их ослабления, подрыва, дезорганизации. К ним относятся международная безопасность, внутренняя и внешняя безопасность страны, ее международные связи, позиции и интересы; основы общественного строя, политическая организация общества, государственная власть и ее институты; общественная безопасность и др. Например, объектом деятельности большинства национал-экстремистских организаций в Европе, в Юго-Восточной Азии является территориальная целостность отдельных государств. Объектом посягательств левацких организаций в странах Латинской Америки, Западной Европы выступает конституционный строй многих государств в этих регионах, их демократические институты.

Вторую группу объектов террористической деятельности составляют жизнь, здоровье, свобода конкретных лиц; безопасность большого числа людей на различных объектах, средствах транспорта, промышленных производствах; существование и нормальное функционирование различных материальных объектов — органов жизнеобеспечения населения, предприятий по производству, использованию или хранению особо опасных

материалов и др. Все они являются объектами непосредственного насильственного, террористического воздействия. Применяя по отношению к ним различные виды насилия или угрожая применить его, террористические организации рассчитывают на устрашение своих политических противников и таким образом предполагают добиться достижения выдвинутых целей и задач.

Террористическая практика второй половины XX века изобилует примерами использования покушений на высших государственных деятелей или лидеров общественно-политических организаций в целях дезорганизации государственного управления, изменения направленности деятельности государственных органов, общественно-политических, международных и национальных структур. Путем захвата заложников террористы нередко пытаются добиться от властей освобождения своих единомышленников, отбывающих наказание за преступную деятельность, получение выкупа для обеспечения деятельности своей организации, изменения политики и т. д.

История свидетельствует о том, что упомянутые и иные террористические акции практикуются нередко в целях признания террористической организации в качестве субъекта для ведения переговоров с политическими противниками по тем или иным вопросам внутренней и внешней политики, а также в целях изменения самой политики противостоящей стороны. Например, в результате активизации террористических акций со стороны ИРА ее политическое руководство признано в настоящее время одним из субъектов мирных переговоров с правительством Англии относительно статуса Ольстера.

В последние годы широкое применение в деятельности террористических организаций различных идейно-политических направлений получила практика шантажа властей угрозами взрыва в общественных местах, высокорисковых производств (особенно АЭС, химических производств, нефтепроводов, и др.).

48

Подобные тенденции в практике современного терроризма свидетельствуют о качественном усилении его общественной опасности, о приобретении некоторыми террористическими акциями характера региональной и международной опасности, что требует использования в антитеррористической деятельности новых подходов к предупреждению, а при необходимости — прекращению этих угроз.

Методы террористической деятельности, как и иные элементы терроризма, претерпели в последние десятилетия серьезные изменения, которые связаны главным образом с научно-технической революцией, а также расширением круга целей и задач, объектов терроризма. Анализ террористических акций, имевших место в разных регионах мира и совершенных различными террористическими структурами, показывают, что в целом методы терроризма могут быть сгруппированы в четыре основных блока.

Первую группу методов террористической деятельности образуют в

принципе традиционные способы осуществления террористического насилия и устрашения. Они связаны с прямым физическим причинением ущерба жизни, здоровью и ограничением свободы людей. Несмотря на появление новых средств и методов террористической деятельности, в террористических акциях широкое применение по-прежнему находят противоправные посягательства на жизнь и здоровье людей (использование огнестрельного и холодного оружия, взрывчатых веществ, ядов и отравляющих материалов и др.), а также лишение или ограничение их свободы посредством незаконных захватов и похищения людей, насильственного лишения их возможностей связей с внешним миром, удержание силой на месте пребывания — в транспортном средстве, служебном помещении и т. п. Эти методы преимущественно используются при посягательствах на персонально определенных людей, в числе которых наиболее частыми объектами террористов являются государственные и общественные деятели, сотрудники правоохранительных органов, их близкие родственники и др. Эти меры в террористической практике последних лет часто используются как для осуществления политической мести, так и для достижения далеко идущих политических целей, склонения тех или иных объектов посягательства к крупным политическим уступкам, к иным действиям в интересах террористов. Классическими примерами подобного рода продолжают, в частности, оставаться покушения на Де Голля, убийств М. Л. Кинга, похищение одного из ведущих политических деятелей Италии А. Моро.

Принципиально новое место в системе методов терроризма занимает материальное разрушительное воздействие на различные неодушевленные объекты - промышленные предприятия, объекты энергетики, объекты жизнеобеспечения населения, коммуникации и т.п. В террористической практике первой половины XX века подобные методы не имели сколько-нибудь широкого применения. В настоящее время они используются в связи с возможностью осуществления таким образом посягательства на большие массы людей, на объекты, разрушение которых может вызвать крупномасштабные экологические катастрофы. Другими словами, качественное возрастание роли методов, относящихся к данной группе, в системе терроризма обусловлено новыми стратегическими установками террористических структур в наше время — стремлением усилить устрашающее воздействие террористических акций на политических

противников террористов, что, по мнению экстремистов, должно повысить вероятность достижения выдвигаемых ими задач и требований.

Существенно повысилось во второй половине настоящего столетия значение методов психологического воздействия. «Психологический террор» принял в деятельности террористических структур различных направлений весьма широкие масштабы, поскольку он достаточно эффективен как метод принуждения и устрашения, но, с другой стороны, в целом ряде случаев позволяет террористам значительно упростить механизм достижения террористических целей, ослабить негативный резонанс на совершаемые ими

с помощью этих методов террористические акции.

Относящиеся к данной группе методы не связаны с непосредственным причинением объектам террористической деятельности сколько-нибудь серьезного физического ущерба. К этим методам относятся главным образом действия, носящие по преимуществу демонстративный, угрожающий характер. Как показывает изучение террористической практики в различных странах мира, в рамках «психологического террора» главное место занимают открытые или анонимные угрозы в адрес должностных лиц, общественных деятелей, которые доводятся до их сведения различным способом и, как правило, содержат угрозы расправой и наступлением других неблагоприятных последствий для адресатов или их близких в случае невыполнения требований террористов. Нередки случаи подобных угроз в листовках, публикациях в прессе для запугивания своих политических противников или других избранных террористами объектов террора. Наблюдались организации террористическими группами целенаправленных и массированных кампаний для оказания устрашающего воздействия в отношении избранных ими жертв.

Как отмечают некоторые исследователи терроризма, при определенных условиях террористические структуры могут прибегать также, в целях устрашения, к нападениям на определенных лиц, повреждению их имущества, к производству погромов в их жилищах и т. п.

Необходимым элементом в системе методов террористической деятельности являются многочисленные способы организации деятельности террористических структур, а также подготовки террористических актов. К этой группе методов (организационного характера) относятся, в частности, вербовка участников террористических структур, организация их обучения в тренировочных лагерях, на конспиративных квартирах, организация снабжения террористов средствами террористической деятельности и обеспечение их финансированием, документами прикрытия, обеспечение конспиративных укрытий для террористов и скрытого содержания их жертв и т. п.

В практике организационной деятельности отдельных иностранных спецслужб и экстремистских политических организаций, международных террористических структур значительное место занимает инспектирование террористических групп и организаций на территории стран, избранных ими в качестве поля для своей общественно-опасной деятельности, «прокладывание каналов» связи со своими единомышленниками и обеспечение их финансовой и материальной помощью для совершения террористических акций. В условиях развития международного терроризма, а также имеющего место в ряде регионов мира вмешательства отдельных иностранных государств во внутренние

50

дела стран — объектов их устремлений практика поддержки террористической деятельности на территории последних имеет в настоящее время значительное распространение.

Характерную особенность развития современного терроризма представляет качественное совершенствование используемых террористическими структурами сил и средств террористической деятельности. В связи с этим прежде всего заслуживает быть отмеченным рост профессиональной подготовки террористов как в рамках создаваемых отдельными спецслужбами боевых, диверсионно-террористических формирований, так и в системе негосударственных террористических структур. В значительной степени это достигается за счет оказания взаимной помощи, обмена опытом между этими структурами, создания (часто на территории зарубежных стран) лагерей по подготовке террористов, распространения практики наемничества, а также организации взаимодействия между родственными по своим идейно-политическим платформам террористическими организациями.

Что касается используемых в террористических акциях средств, то в этой области особенно тревожным симптомом повышения опасности терроризма является расширение использования как обычных средств поражения (взрывные устройства управляемого действия, реактивное оружие и т.п.), так и -пока в редких случаях — обращение террористов к применению нетрадиционных средств насильственного воздействия на большие скопления людей (отравляющие вещества, яды и др.). При определенных условиях специалисты по проблемам терроризма допускают возможность использования террористами ядерных средств поражения, доступ к основным компонентам которых в современных условиях не является невозможным. По мнению некоторых террологов, создание ядерных устройств относительно небольшой мощности для целей терроризма с помощью вовлеченных в политический экстремизм представителей научно-технической интеллигенции, в том числе и учащейся молодежи, широкой популяризации достижений научно-технического прогресса в принципе осуществимо.

Изменение условий распространения терроризма во второй половине XX века, а также серьезные качественные сдвиги в основных элементах содержания терроризма обуславливают развитие форм террористической деятельности.

Формы террористической деятельности по своему характеру, наполнению обуславливаются в первую очередь целями и задачами терроризма, основными объектами устремлений террористических структур.

В настоящее время центральное среди них место занимают:

• **взрывы, поджоги, разрушение и уничтожение материальных объектов.** Особо опасной тенденцией при этом является стремление отдельных террористических организаций к использованию средств массового поражения, к применению передовых технологий. Данная форма террористической деятельности получила в современный период значительно большее распространение, чем в предшествующие полвека. Она используется путем стабильной являющейся на многочисленных возможных и реальных жертвах для де-Терроризма^{334, 111} общественно-политической обстановки в регионах

действия тических групп, оказания давления на государственные органы или на иных политических противников с целью побудить их к уступкам в пользу террористов, а также для устранения конкретных лиц, ответственных за проведение осуждаемых террористами и представляющих опасность для их интересов внешнеполитических или внутривнутриполитических мероприятий;

- **убийства и тяжкие телесные повреждения отдельных лиц** — государственных и политических деятелей, представителей предпринимательских кругов, средств массовой информации, правоохранительных органов, общественно-политических организаций. Данная форма террористической деятельности связана прежде всего с применением огнестрельного оружия, а также взрывов относительно небольшой мощности. Она находит наиболее частое применение в акциях запугивания и устранения нежелательных политических и общественных деятелей, должностных лиц, для осуществления политической мести, при сведении счетов между противоборствующими политическими группировками, для прекращения опасных для террористов уголовных и журналистских расследований преступной деятельности. В рамках данной формы широкое применение, в том числе в условиях современной России, получают так называемые заказные убийства;

- **похищение людей и захват заложников.** Эта форма террористической деятельности является одной из наиболее распространенных во всех регионах мира, а в настоящее время и в России. Преимущественно похищение людей и захват заложников осуществляется террористическими структурами в целях принуждения органов власти, общественных организаций, должностных лиц к удовлетворению требований террористов под угрозой расправ с похищенными лицами и заложниками. Исторически данная форма терроризма преимущественно применялась как за рубежом, так и в России, главным образом в рамках воздушного терроризма. В последние годы захват заложников стал все чаще осуществляться и в других разновидностях — в форме захвата людей в средствах наземного общественного транспорта, в помещениях различного рода учреждений, на трассах следования государственных и общественных деятелей. К числу наиболее вопиющих, устрашающих акций, относится массовый захват заложников в России, в городе Буденновске. В подобных случаях захват заложников приобретает повышенный общественно-опасный характер, так как он связан с возможной гибелью большого числа людей;

- **угрозы расправой в адрес государственных и общественных деятелей,** чья деятельность представляет опасность для террористических организаций, несовместима с их идейно-политическими позициями и, с точки зрения их интересов, требует прекращения. Указанная форма представляет собой адресное публичное или анонимное направление угроз тем или иным конкретным лицам с целью побудить их под угрозой убийства или иных неблагоприятных последствий к совершению действий в интересах террористов. В данном случае речь может идти как о требованиях изменения

государственной политики в центре или на местах, отмены тех или иных управленческих решений, так и об удовлетворении различных материальных притязаний (предоставления выкупа и т. п.). Данная форма терроризма широко распространена в мире. Применительно к России она имеет

очень широкое применение во всех ее разновидностях и главным образом находит свое объяснение в кризисном состоянии России, в ошибках и неудачах в проведении реформ в стране, в пренебрежительном отношении властей к интересам отдельных этнических, профессиональных и других групп населения. Основными субъектами, использующими указанную форму терроризма, являются негосударственные террористические структуры, а также отдельные лица. В числе последних высок процент лиц с различными психическими расстройствами;

- **пропаганда терроризма.** Данная форма террористической деятельности, как правило, связана с попытками публичного оправдания террористической деятельности как формы политической борьбы, обоснованием правомерности ее использования, а также с прямыми призывами к совершению тех или иных террористических акций. Наиболее опасный характер носят публичные призывы к террористическим действиям, которые могут повлечь за собой реальное осуществление тех или иных преступных деяний, вовлечь отдельных граждан и их группы в совершение тяжких насильственных преступлений. Эти призывы реализуются либо устно, либо в виде распространения соответствующих письменных или наглядно-демонстрационных материалов;

- **создание террористических организаций.** Данная форма террористической деятельности получила особенно широкое распространение в послевоенный период в связи с общим процессом увеличения числа террористических организаций различных направлений и расширением социальной опоры терроризма. Она предполагает вербовку участников в состав тех или иных террористических организаций, обучение личного состава методам и приемам совершения террористических акций, вербовку наемников, а также подготовку конкретных террористических акций (проведение репетиций террористических акций, заблаговременная отработка отдельных этапов террористических операций и т.п.). Использование данной формы терроризма часто связано с установлением контактов с другими террористическими организациями, установлением и поддержанием связи со структурами организованной преступности, в том числе с представителями незаконного оружейного бизнеса, наркодельцами и т.д. Для организационной террористической деятельности в высшей степени характерным является соблюдение высокого уровня конспирации, специализация участников террористических структур по конкретным функциям (например, вербовщики, рекогносцировщики, боевики, специалисты по изготовлению боевых средств и документов прикрытия, держатели конспиративных квартир и др.);

- **оказание помощи террористическим организациям.** Эта форма террористической деятельности, по мере создания крупных

террористических структур, активизации их деятельности, перехода к использованию сложных средств террора приобретает растущее значение в системе терроризма. Основными ее разновидностями являются финансирование экстремистских структур, предоставление в их распоряжение средств террористической деятельности, пунктов для обучения террористов, их укрытия после совершения

53

террористических акций и т.п. Практика террористической деятельности показывает, что данная форма терроризма может использоваться как отдельными государствами (так называемыми спонсорами терроризма), так и представителями предпринимательских кругов, этнических и других социальных групп, симпатизирующих тем или иным террористическим организациям или поддерживающих их в силу совпадения политических интересов или прямого привлечения тех или иных экстремистских организаций к выполнению выдвигаемых легальными политическими структурами акций по оказанию насильственного воздействия на их политических противников.

Названные формы террористической деятельности отражают изменения, происходящие в содержании терроризма, и поэтому находятся в состоянии изменения и развития. Это, со своей стороны, ставит задачу совершенствования правовых аспектов противодействия им, обеспечения их максимально адекватного отражения в международном праве и законодательстве отдельных стран, в том числе и России.

Ю.И.Авдеев

Типология терроризма

Сложность терроризма как социально-политического явления предопределяет наличие целого ряда его видов, которые характеризуются спецификой присущих им политических целей, организационных структур, используемых сил и средств, а также других существенных признаков. Проведение научной классификации терроризма, выделение его отдельных видов и их характерных особенностей представляет собой необходимую предпосылку создания системы мер противодействия терроризму как угрозе международной и национальной безопасности.

В качестве оснований выделения отдельных видов терроризма в научной литературе и политической практике используются различные критерии. Так, например, классификация видов терроризма по используемым основным методам предполагает выделение «физического» и «психологического» терроризма; по преследуемым политическим целям — «революционного» и «контрреволюционного», «конфронтационного» и «мобилизационного»; по характеру объектов — «селективного», т.е. направленного на отдельных, специально выделенных террористическими организациями лиц (государственные и общественные деятели, должностные лица и т.п.), и «массового» (или «слепого»). В последнем случае речь идет об осуществлении террористических актов в отношении любого множества людей на том или ином объекте - в общественных местах, средствах

транспорта, на производственных объектах; по субъектам - «государственного» и «негосударственного»; по отношению субъектов терроризма к существующей в обществе власти — «проправительственного» и «оппозиционного».

Вместе с тем нередко встречаются классификации терроризма по регионам его возникновения и осуществления — «европейский», «латиноамериканский», «ближневосточный» и т.д. Если в указанных выше классификациях терроризма имеется достаточное объективное основание, наличие существенной специфики в методах, целях, объектах террористических устремлений, то в последнем случае, то есть в выделении «географических» видов терроризма достаточных оснований, по нашему мнению, не имеется. Каждый из упомянутых выше и иных «географических» видов терроризма не имеет сколько-нибудь серьезной специфики. Для каждого из основных регионов распространения терроризма характерно наличие, по сути дела, всех существующих идейно-политических направлений терроризма, использование указанных выше основных форм террористической деятельности: и общественно опасных способов и средств терроризма, и посягательств на жизнь и здоровье отдельных лиц - жертв террористических устремлений, и захвата заложников и т.д.

Значительное место в современной классификации терроризма занимает выделение его видов по характеру используемых средств. К **традиционному**

55

терроризму относится применение насилия в политических целях, основанное на использовании широко распространенных и издавна известных средств поражения людей и материальных объектов, а именно: холодного и огнестрельного оружия, взрывчатых веществ и т. д. К **технологическому** терроризму относят акции, проведение которых предполагает применение новых средств поражения, основанных на передовых технологиях по использованию радиоактивных материалов, высокотоксичных ядов, химических веществ, биологических культур и т. д.

Опасность технологического терроризма, отдельные попытки которого уже имели место в современной истории, состоит прежде всего в массовом характере его поражающего воздействия в отношении большого числа людей, на значительных территориях), способности оказывать особо сильное устрашающее воздействие, возможности наступления многоплановых, разрушительных и дестабилизирующих последствий как регионального, так и глобального характера.

Наиболее опасным видом технологического терроризма, по общему признанию, является ядерный терроризм, вероятность которого оценивается специалистами в настоящее время достаточно высоко. Особенно подчеркивается при этом наличие таких благоприятствующих факторов, как значительное и продолжающееся распространение ядерного оружия в мире; увеличение числа атомных электростанций (число которых в мире, по некоторым данным, более 400) и промышленных установок по регенерации

ядерного топлива; рост масштабов выработки ядерного сырья; появление и дальнейшее распространение в различных регионах мира контрабанды расщепляющихся материалов; дальнейшее развитие коммерческого производства радиоактивных материалов; расширение транспортировки ядерного оружия и ядерных веществ по всему миру; распространение научных знаний по вопросам оружия массового поражения и ядерной технологии и др. Указанные процессы, имеющие тенденцию к дальнейшему развитию, благоприятствуют террористическим группам в реализации их возможных замыслов как по завладению сырьем и иными компонентами для создания ядерных зарядов, так и по осуществлению в преступных целях доступа к ядерным объектам военного и мирного назначения.

Упомянутые выше критерии для классификации терроризма по его разновидностям имеют различную познавательную, научную ценность, хотя в целом они позволяют видеть многоплановый характер терроризма как явления, способствуют раскрытию его общественно-опасной природы, формированию понятийного аппарата террологии, в определенной мере - разработке адекватной системы мер противодействия рассматриваемому общественно опасному явлению. Однако нередко в предлагаемых исследователями терроризма классификациях одновременно используются разноплановые критерии, что затрудняет адекватное восприятие данного явления на той или иной системной основе. В частности, американский ученый Дж. Белл из Колумбийского университета в разработанной им системе упоминает в одном ряду такие виды терроризма, как психологический, преступный, санкционированный, добровольческий, революционный и др.

Наряду с классификацией терроризма по упомянутым выше основаниям, весьма важное научное и практическое значение имеет типологизация его

56

по идейно-политическим платформам террористических организаций. В связи с этим выделяются такие виды терроризма, как «идеологический», «националистический», «религиозный» и некоторые другие.

К **идеологическому** терроризму относят прежде всего правый и левый терроризм, который в различной, конечно, степени существует во всех основных регионах мира. Отдельные исследователи определяют данную разновидность как «социальный» терроризм (так как его субъекты нередко выдвигают различные варианты социального переустройства мира, страны в соответствии с их идеологическими концепциями) или как политический - в узком смысле - терроризм. Однако, по нашему мнению, оба последних обозначения являются менее корректными с точки зрения использования основных системообразующих признаков и, кроме того, приобретают в настоящее время иное наполнение.

Правый терроризм базируется обычно на платформах, отрицающих демократическую систему организации политической власти, институты политического либерализма, правового государства. В частности, он нередко

основывается на фашистской и неофашистской идеологии и имеет распространение в Германии, Италии, Испании, а также в ряде стран, которые не имеют фашистского прошлого.

К правым террористическим организациям нередко относят также структуры, имеющие открыто расистские или националистические установки, для них характерны лозунги типа «Германия для немцев» и т. п. Для организаций, относящихся к правому терроризму, характерна тенденция к тесному блокированию. В прессе упоминалось, что неонацистские и националистические группировки ряда европейских стран входят в международные объединения «Новый европейский порядок» и «Европейское движение». В настоящее время в ряде европейских стран отмечается значительное оживление правого экстремизма и терроризма.

Идеологические и социально-экономические изменения последнего десятилетия в мире, особенно на постсоветском пространстве, резко изменили роль и место правого и левого терроризма. Как справедливо замечают многие исследователи, правый терроризм в целом превалирует. «Инициатива, — отмечает У.Лакер, — перешла к крайне правым». Например, в США большую известность в связи со взрывом в Оклахома-сити приобрела такая крайне правая организация, как «Народное ополчение».

Левый терроризм, как разновидность идеологического терроризма, основывается на концепциях псевдореволюционного, часто троцкистского и маоистского, а также анархо-коммунистического характера и ориентируется на насильственное упразднение капиталистической системы путем осуществления широкомасштабной стратегии формирования революционной ситуации и массовых выступлений населения. Наибольшее распространение он получил в Европе и Латинской Америке, хотя и другие континенты являются полем действия отдельных левацких экстремистских организаций. Для европейских организаций левого терроризма (наиболее известными из них являются «Фракция Красной Армии» в ФРГ, «Красные бригады» в Италии, формирования «Прямое действие» во Франции, «Народная революционная

57

борьба» в Греции и др.) характерны тенденции к объединению усилий в целях борьбы со структурами НАТО и «империалистическими союзами».

Несмотря на многие свидетельства ученых и политиков о снижении активности левого терроризма во всех основных регионах его распространения и о ликвидации многих прежде наиболее мощных террористических организаций данной направленности, современные социальные процессы в мире создают значительный потенциал для последующей его активизации. К числу таковых относятся, в частности, начавшиеся или углубляющиеся кризисные явления в экономике ряда стран Азии и Европы, усиливающиеся процессы растущего экономического и военно-политического доминирования США и НАТО и т. п.

Другая разновидность терроризма — **националистический** терроризм в современной практике экстремизма, по общему признанию, приобрел

наибольшее распространение, характеризуется, как правило, особой жестокостью, большим числом жертв. Он представляет собой неадекватную форму борьбы против действительного или мнимого ущемления прав и интересов отдельных наций и этносов. Он направлен, в конечном счете, также на достижение политических целей: насильственное изменение существующего конституционного строя, государственного (чаще всего федеративного) устройства страны, правового статуса существующих в стране национально-государственных или административно-территориальных образований и т. п. Значительная активность националистических экстремистских организаций по достижению указанных выше целей наблюдается в Испании, Франции, Англии, Бельгии и ряде других европейских стран. Аналогичные процессы в настоящее время набирают силу также и на территории Российской Федерации, особенно в регионе Северного Кавказа, а также в некоторых других районах мира. К наиболее известным террористическим организациям националистического направления относятся, в частности, ирландская ИРА, баскская ЭТА, «Фронт национального освобождения Корсики», ТОТИ (организация за создание независимого от Шри Ланка тамильского государства) и др.

К числу наиболее опасных устремлений субъектов националистического терроризма относятся попытки нарушения территориального единства страны, выхода тех или иных территориальных единиц из состава государства (национал-сепаратистский терроризм), образования собственного независимого государства. Данное направление националистического терроризма, как показывает опыт его распространения в ряде западно-европейских стран, на Балканах, в странах Юго-Восточной Азии, а теперь также и на территории Российской Федерации, представляется наиболее опасным. Оно часто сопряжено с объявлением властей «своего государства» оккупантами, проводниками национального (этнического) геноцида, нарушителями права на национальное самоопределение. Национал-сепаратистский терроризм нередко сопровождается совершением наиболее острых террористических акций и нередко осуществляется в комплексе с другими формами незаконного политического насилия — повстанческой деятельностью, попытками вооруженного захвата власти, организацией мятежей и иных опасных экстремистских проявлений. Такого рода националистический терроризм издавна и широко представлен в деятельности

58

различного рода «национальных движений» в странах Южной и Юго-Восточной Азии, Тихоокеанского региона и др.

К числу распространенных разновидностей националистического терроризма относятся стремления национал-экстремистских групп обеспечить «чистоту расы», национального состава населения конкретного государства от «засилья» иностранцев. Данная разновидность националистического терроризма особенно характерна для стран с «открытой» иммиграционной политикой, в результате чего в них возникают

крупные колонии выходцев из других государств. Значительное распространение эта разновидность терроризма получила в Германии, Франции, Англии; в США националистический терроризм на почве неприятия массового въезда иностранцев в страну характеризуется нарастающей динамикой.

В настоящее время националистический терроризм относится к числу тех разновидностей последнего, которые находятся на подъеме и со стороны которых возникает все большая угроза международному миру и внутренней безопасности отдельных суверенных государств. Так, например, даже в США, где проблема националистического терроризма не имела длительное время сколько-нибудь значительной остроты, по свидетельству некоторых террористов, опасность создания национал-экстремистских структур и активизации их деятельности становится все более угрожающей. Со стороны ряда испаноязычных групп, широко представленных в США (прежде всего мексиканцами), в настоящее время выдвигаются лозунги борьбы за национальное освобождение, за выход из «колониальной системы гринго». Представители этой этнической группы заявляют о подготовке боевых групп для ведения борьбы за национальное освобождение.

Религиозный терроризм, как одна из распространенных в современных условиях разновидностей терроризма, хотя и осуществляется часто под религиозными лозунгами и нередко связан с использованием тех или иных религиозных догматов, в основном ориентируется также на достижение определенных политических целей. Носителями данной разновидности терроризма в большинстве случаев выступают либо национал-экстремистские, либо религиозно-политические организации различной конфессиональной принадлежности, часто использующие в комплексе лозунги националистического и религиозного характера.

В рамках религиозного, точнее религиозно-политического экстремизма, особую опасность приобретают экстремистские структуры, действующие на основе исламского фундаментализма. В настоящее время террористические организации именно этого направления являются безусловно преобладающими в системе террористических структур, действующих в различных регионах мира (более 150 организаций). В системе религиозно-политических экстремистских организаций наиболее активны в настоящее время «Братья-мусульмане» (широко поддерживаемые Саудовской Аравией), «Хезболла» и «Ать-Джихад аль-ислами» (проиранские), а также ряд палестинских организаций. Особенностью терроризма на основе исламского фундаментализма является особая бескомпромиссность соответствующих структур, активность и наличие значительной социальной базы как в странах традиционного ислама, так и в государствах со значительной исламской диаспорой (прежде всего в Западной Европе).

59

Рассматривая современные течения религиозно-политического терроризма, особенно исламского, и прогнозируя его существование и

расширение в достаточно длительной перспективе, специалисты справедливо подчеркивают важность учета социальных, в том числе глобальных его детерминант, необходимость поиска путей снижения его опасности и масштабов не столько на путях силового противодействия, сколько посредством поиска возможностей «снятия объективных факторов произрастания терроризма».

Круг религиозно-политических террористических и иных экстремистских организаций в настоящее время все более пополняются структурами иной религиозной направленности: особого внимания заслуживает возникновение и интенсивное наращивание активности тоталитарных сект типа «Аум Синри-ке» (Япония).

Таким образом, все указанные выше разновидности терроризма, выделяемые по идейно-политической платформе их субъектов, несмотря на существующие между ними различия в программных установках, идеологических концепциях, социальной направленности деятельности, в конечном счете подчинены достижению политических целей. Поэтому они могут быть отнесены к категории политического терроризма в целом. Именно на этой основе в различные исторические периоды происходило возникновение терроризма как социального явления.

Серьезную проблему типологии терроризма по признаку субъекта и целей деятельности составляет вопрос о так называемом **уголовном терроризме**. Основными носителями уголовного терроризма прежде всего являются структуры организованной преступности, использующие насилие и устрашение для подавления своих конкурентов по незаконному бизнесу в целях перераспределения и закрепления сфер преступного экономического влияния, а также лоббирования своих интересов в государственных учреждениях. Наиболее распространенными проявлениями уголовного терроризма в настоящее время являются различного рода заказные убийства предпринимателей, «разборки» между конкурирующими группами, насильственное вымогательство, расправы с членами законодательных органов, сотрудниками правоохранительных учреждений. Основные мотивации совершаемых субъектами уголовного терроризма преступных действий носят экономический корыстный характер. С точки зрения классического понимания терроризма как социально-политического явления упомянутые выше проявления уголовного терроризма в принципе являются общеуголовными деяниями, часто совершаемыми с отягчающими обстоятельствами.

Вместе с тем тенденции последних лет в развитии уголовного терроризма свидетельствуют об определенной политизации данного явления. Во-первых, это связано с приобретением многими акциями уголовного терроризма большого политического резонанса и наступлением нежелательных для общества, но выгодных для структур организованной преступности политических последствий (ослабление законности, деморализующее воздействие на общественность, на деятельность правоохранительных органов и др.).

Во-вторых, политизация уголовного терроризма происходит на почве усиливающихся стремлений уголовных авторитетов к вхождению во власть. В последнем случае речь идет о насильственных акциях, связанных с устра-

60

нением кандидатов на занятие должностей в органах исполнительной власти, с попытками проникновения в представительные органы и т. п.

Наконец, имеется в виду распространяющаяся практика активного силового противодействия структур организованной преступности политике отдельных государств в тех или иных сферах, например, в разрешении этнических конфликтов, подавлении коррупции, борьбе с наркобизнесом и т. п. Известно, например, о длительной войне колумбийских наркокартелей с правительственными силами страны с целью парализации государственной политики в области защиты общества от наркомафии.

Во всех этих случаях авторитеты уголовного мира, подчиненные им преступные структуры выступают в качестве специфического носителя угроз террористического характера, субъектов применения террористических форм и методов. С учетом сказанного представляется возможным, наряду с указанными выше разновидностями терроризма, которые могут быть в целом объединены в категорию политического терроризма, выделять в качестве самостоятельного вида уголовный терроризм. Современные условия общественного развития, превращение преступности в относительно самостоятельную социальную группу в общественной жизни и существование в течение длительного времени предпосылок для возникновения и распространения криминального терроризма и его связи с политикой подтверждают, по нашему мнению, обоснованность такого вывода.

Характеризуя терроризм по его функциональному назначению в системе общественно-политических отношений, правомерно, как нам представляется, выделение в нем двух противоположных направлений: с одной стороны, защитного, с другой стороны, — наступательного. При этом оба соответствующих направления террористической деятельности могут осуществляться с самых различных идейно-политических позиций, в зависимости от расстановки политических сил в данном конкретном обществе. История подтверждает, что в первом случае речь идет об использовании террористических форм и методов для защиты определенных политико-правовых структур — власти, конституционного строя, существующего режима. Во втором случае террористическая деятельность служит целям нанесения ущерба тем или иным охраняемым институтам, другими словами, для их разрушения, дезорганизации, ослабления.

Одним из представителей указанной точки зрения является западногерманский терролог Карл Хобе. В своей работе «К идеологическому обоснованию терроризма» он, в частности, указывает, что в терроризме, который представляет собой систематическое совершение отдельных насильственных актов для достижения политических целей, могут быть выделены две стороны. Первая — это защита установленных порядков как

самим правительством, так и проправительственными силами (например, «эскадронами смерти» в латиноамериканских странах, Ку-клукс-кланом в США и т.д.). Вторая — состоит в посягательствах на установленный в обществе порядок, субъектами которых нередко выступают социал-революционные, националистические, сепаратистские и др. экстремистские движения, а объектом — как реакционные, диктаторские режимы, например, в ряде стран Латинской Америки, так и демократические, парламентские системы, как например, в Италии, ФРГ, Японии и ряде других стран.

61

Данная классификация терроризма касается лишь наиболее общих подходов к функциональной характеристике данного явления. Очевидно, что она должна быть дифференцирована в соответствии с более частными проявлениями указанных выше функций. В этом случае предложенная классификация имеет определенное практическое значение для изучения организации и тактики терроризма и построения систем мер по противодействию ему.

Центральное место в классификации видов терроризма занимает деление его на **государственный, международный и внутренний терроризм**.

Данная классификация не является идеальной с точки зрения строгости ее основания. Однако она относится к числу наиболее широко распространенных типологий терроризма, имеет не только научно-теоретическое, но и практическое, правовое закрепление. Тем не менее, в этой классификации имеется ряд пробельных мест, противоречий, а также динамических изменений, которые должны быть приняты во внимание.

Сама идея признания существования государственного, международного и внутреннего терроризма как важнейших видов терроризма отчетливо выражена в трудах как многих зарубежных, так и отечественных террологов. Однако, как чисто научные, так и политико-идеологические причины обусловили отсутствие до настоящего времени единого подхода к толкованию содержания указанной триады, подчас весьма значительные расхождения в конкретном идеологическом, организационном и деятельностном наполнении ее подразделений.

Государственный терроризм нередко понимается очень широко — как любое проявление насилия, осуществляемое в отношении иностранных государств и внутренних противников со стороны определенных государств, различных его органов. В этом случае к государственному терроризму часто относят акты военной агрессии, полицейского и судебного произвола и т.п., совершаемые для решения внешнеполитических или внутривнутриполитических задач. Представляется, что для обозначения столь широкой практики применения государством политического насилия более обоснованным является использование понятия террор, а не терроризм. История человеческого общества убедительно показывает, что государственный террор как метод управления обществом посредством насилия и устрашения «своего» населения был прежде всего присущ государствам с диктаторской

системой управления. Этот метод нередко использовался ими в различные эпохи также для удержания завоеванных территорий, осуществления господства на оккупированных землях.

Расширительное толкование понятия «государственный терроризм» иногда предпринимается политическими силами, преследующими прямо противоположные цели. Например, некоторыми развитыми государствами в целях усиления борьбы с противодействующими их экспансионистской, неоколонистской, гегемонистской политике освободившимися странами, бывшими колониями и иными государствами, так и представителями национально-освободительного движения в их стремлении использовать международно-правовые средства для защиты от противоречащей их интересам политики иностранных государств. Расширительный подход к пониманию государственного терроризма (во внешнеполитическом или внутривнутриполитическом аспектах) нередко прослеживается и в оценках ряда террористов.

62

Строго говоря, подобный подход некорректен прежде всего с точки зрения оценки самой сущности терроризма, ибо он стирает границы таких явлений, как, с одной стороны терроризм, а с другой — вооруженная борьба, судебная деятельность, полицейские акции и т.п. Примером в целом достаточно адекватного толкования понятия «государственный терроризм» применительно к его внутривнутриполитической стороне является подход английского специалиста С. Сигеллера, который считает, что данное явление представляет собой превышение власти, использование аппарата принуждения, предназначенного для поддержания общественного порядка, национальной безопасности против собственного народа, для подавления оппозиции. Государственный терроризм, по мнению С. Сигеллера, включает акции незаконного задержания, пытки, тайную депортацию, скрытые убийства, использование так называемых «эскадронов смерти» (негосударственных террористических структур) для расправ с внутривнутриполитическими противниками и т. п.

Некоторые авторы справедливо подчеркивают, что государственный терроризм имеет не только внутренний, но и внешний аспект. «Государственный терроризм в макромасштабах, — отмечает Т. Бояр-Созонович, — явление относительно новое, характерное для XX века, имеющее свои особенности и специфические формы проявления. Однако тенденция его развития находится в общем русле развития современной цивилизации. Если на ранних этапах государственный терроризм осуществлялся преимущественно в рамках одного государства..., то с течением времени происходит его трансформация в сторону перерастания национальных границ».

Внешнеполитический аспект государственного терроризма наиболее ярко выражен в практике вмешательства ряда развитых иностранных государств во внутренние дела других стран. В первые послевоенные десятилетия он был особенно характерен для колониальной политики ряда

этих государств, для осуществления ими военно-политической экспансии, для деятельности по ослаблению и подрыву общественного и государственного строя стран -объектов их подрывной деятельности.

Противоправность государственного терроризма как инструмента внешней политики закреплена в принятой на 39-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН резолюции 39/159 «О недопустимости политики государственного терроризма и любых действий государств, направленных на подрыв общественно-политического строя в других суверенных государствах». В этой резолюции государственный терроризм характеризовался как действия, направленные на насильственное изменение или подрыв общественно-политического строя суверенных государств, дестабилизацию и свержение их законных правительств, а также на поддержку терроризма.

При всей очевидной важности указанного международного акта, можно в качестве его недостатка указать на отсутствие определения государственного терроризма и соотнесения его с такими формами незаконного применения силы в международных отношениях, как прямая и косвенная агрессия, насильственное противодействие самоопределению народов, вмешательство с применением силы во внутренние дела других стран и др.

Наряду с тенденциями к достаточно объективному и полному пониманию государственного терроризма как явления, имеющего внутреннюю и внешнюю

63

сторону, ряд террологов (например, Р. Клаттербак) связывают его толкование только с внутренней стороной. Они характеризуют государственный терроризм лишь как уничтожение оппозиции с использованием репрессивных органов государства. Внешний аспект государственного терроризма в этом случае увязывается ими с международным терроризмом. Подобный подход, по нашему мнению, ведет к неоправданному сужению содержания государственного терроризма и оставляет без необходимого внимания экспансионистскую, агрессивную направленность в практике использования терроризма многими государствами в их внешней политике.

Необходимо подчеркнуть, что отсутствие в течение длительного времени после II-ой мировой войны четкости и однозначности в подходе различных государств и национально-освободительных движений к понятию государственного терроризма используется отдельными странами, группами противоборствующих государств, политическими движениями для обвинения своих противников в терроризме, для применения против них односторонних или международных санкций.

Характеризуя государственный терроризм как разновидность терроризма в целом, следует подчеркнуть, что основные его проявления в принципе аналогичны как для внутреннего, так и для внешнего аспекта этого вида терроризма.

В целом государственный терроризм - в узком смысле этого понятия — представляет собой целенаправленную систему использования государством, государственными органами (прежде всего органами разведки, контрразведки, политической полиции, отчасти вооруженных сил) акций скрытого ослабления и подрыва своих внутренних или внешних политических противников посредством противоправного уничтожения или угрозы уничтожения их ведущих деятелей, активистов и сторонников (лидеров и функционеров оппозиционных партий, государственных и общественных деятелей иностранных государств, видных лидеров и участников национально-освободительного движения), деморализации и запугивания определенных слоев населения, этнических групп, поддерживающих политических противников данного государства, дезорганизации вооруженных сил, системы государственного управления стран -объектов их внешней политики и т. п.

К специфическим особенностям государственного терроризма следует отнести использование властями для целей внутренней и внешней политики негосударственных экстремистских организаций различной идейно-политической направленности, что нередко практикуется в целях сокрытия причастности определенных стоящих у власти политических кругов к террористической деятельности, а также для расширения собственного потенциала этой деятельности как инструмента внутренней и внешней политики. С указанными процессами связано такое достаточно распространенное в настоящее время явление, как спонсорство терроризма, выражающееся в поддержке отдельными государствами в различных формах тех или иных террористических организаций в собственных политических интересах: предоставление своей территории для размещения лагерей и баз террористических организаций, предоставление им оружия и снаряжения, возможностей для укрытия от преследования и восстановления сил тех или иных террористических структур,

64

оказание им финансовой и иной помощи. Очевидная международно-политическая опасность такого рода явления требует в настоящее время выработки единого подхода мирового сообщества к организации борьбы со спонсорством терроризма. Наблюдаемые в настоящее время некоторые тенденции в этой области, наряду с определенными и безусловно заслуживающими поддержки подходами (всеобщее осуждение подобной практики содействия терроризму, расширение взаимодействия демократических государств в борьбе с международным терроризмом и др.), требуют дальнейшего осмысления и высокой политической взвешенности. В частности, речь идет об отношении к имеющим место так называемым военно-политическим санкциям со стороны отдельных государств (прежде всего со стороны США, Израиля, Турции и т.д.) в отношении стран-спонсоров, поскольку весьма вероятны как ошибки в определении характера, масштабов и самих фактов спонсорства, так и крайне опасные возможные последствия применения подобных санкций — вплоть до возможного

возникновения долговременных очагов международной напряженности, резкого обострения взаимоотношений между соответствующими государствами, тяжелых потерь среди гражданского населения суверенных государств.

В современных условиях практика государственного терроризма внутри отдельных стран характерна в большей или меньшей степени для государств с военными режимами, диктаторскими формами правления (в основном в ряде стран Азии, Африки и Латинской Америки). А государственный терроризм вовне (или его инспирирование) в основном присущ государствам, находящимся в особо острых отношениях противоборства (например, в регионе Ближнего Востока).

По степени своего разрушительного воздействия государственный терроризм можно отнести к числу особо опасных разновидностей терроризма, поскольку он нередко распространяется на весьма широкие круги населения, располагает наибольшим потенциалом средств насильственного и устрашающего воздействия, способен спровоцировать тяжелейшие международные катаклизмы.

Международный терроризм, как разновидность терроризма по своему содержанию и основным формам проявления составляет столь же сложное социально-политическое явление, как и терроризм в целом. Его общественная опасность на протяжении последних десятилетий неуклонно возрастает.

Отражением сложности этого вида терроризма является большое количество определений международного терроризма и их противоречивость. А свидетельством опасности его для общества и особой важности создания системы противодействия ему могут служить длительные и настойчивые попытки различных государств и международного сообщества выработать действенные меры защиты против него.

В подходе многих государств, политиков и ученых к толкованию данного вида терроризма нередко достаточно отчетливо прослеживаются, как это отмечено в отечественной и зарубежной террологической литературе, противоположные оценки многих реалий современной международной жизни, так или иначе относящихся к проблемам международного терроризма, а также отсутствие однозначной квалификации различных проявлений насилия на международной арене как международных преступлений террористическо-

65

го характера. Например, в 1973 г. США внесли в Специальный комитет ООН по международному терроризму такое определение последнего, в котором к нему относились противозаконные акты, предпринимаемые иностранцами или против иностранцев и влекущие за собой международные последствия.

В предложении же Великобритании к международному терроризму были отнесены «такие действия отдельных лиц или групп людей, которые при любых обстоятельствах являлись недопустимыми, например, если эти

действия затрагивают невинных лиц, то есть лиц, не имеющих отношения к цели террористических актов».

Наряду с указанными выше и иными аналогичными определениями, которые допускают крайне широкое понимание международного терроризма и могут быть основанием для отнесения к нему различных, в том числе и непротивоправных действий, сопряженных с применением насилия, но не входящих в систему терроризма, в практике выработки единого международного подхода к рассматриваемому явлению имеют место и варианты, достаточно близкие, как нам представляется, к оптимальному. Так, например, Венесуэлой была предложена следующая формулировка международного терроризма: «Любая угроза насилия или акт насилия, подвергающие опасности жизнь невинных людей или вызывающие их гибель, или подвергающие риску основные свободы, совершаемые одним лицом или группой лиц на иностранной территории, в открытом море или на борту самолета, находящегося в полете в воздушном пространстве над открытым или свободным морями, в целях насаждения террора или достижения какой-либо политической цели».

В развитии представлений о международном терроризме значительное место занимает распространившееся в 70-е годы в западной политологии, в науке международного права тенденция расширительного толкования этого явления за счет включения в него различных форм политического насилия, относящегося либо к государственному терроризму, либо к рахтичным видам вооруженной борьбы, что к терроризму не имеет, по нашему мнению, отношения. В первом случае речь идет, например, о террористических акциях, осуществляемых одним иностранным государством против другого в рамках проводимой подрывной деятельности и т. п. Во втором случае к международному терроризму нередко относились гражданские войны, интервенции, малые национально-освободительные войны и др.

Представляется, что объективные причины и мотивы, которые определяют столь значительные различия в подходах субъектов международного сообщества к пониманию международного терроризма как явления, предопределяют сохранение этих различий еще на весьма длительный срок. Это обусловлено существованием среди политических элит различных стран серьезных расхождений в понимании международной и национальной безопасности, наличием многочисленных национальных школ права, противоречиями между национальными интересами многих государств, различным положением последних в системе международных отношений. Многие исследователи подчеркивают нежелание некоторых государств заранее связывать себя некими твердыми обязательствами, исключающими применение ими открытого или тайного насилия во внешней политике, затрудняющими развитие национально-освободительных движений в мире.

66

При всем разнообразии существующих в международно-правовой теории и практике подходов к понятию международного терроризма, в

настоящее время существует широко распространенное мнение о том, что он представляет собой одну из разновидностей терроризма как социально-политического явления более широкого масштаба.

Естественно, как часть терроризма вообще, международный терроризм характеризуется присущими ему как общими признаками (применение насилия, использование принуждения и устрашения и др.), так и специфическими свойствами. К числу последних можно прежде всего отнести следующие:

1. Международно-политическая опасность данного вида терроризма, выражающаяся в том, что наибольшую угрозу он представляет прежде всего для международного правопорядка и межгосударственных отношений, для международной безопасности и международных интересов государства. Это объясняется тем, что акции международного терроризма, независимо от того, в какой форме они совершены (убийство государственных чиновников и обычных граждан, захват заложников, захват и угон транспортных средств и др.), всегда наносит ущерб нескольким (по крайней мере, двум) государствам — состоянию их политических отношений, возможности разрешения существующих между ними проблем и т.п. В связи с этим предупреждение или пресечение такого рода террористических акций обуславливает необходимость сотрудничества государств в защите их общих интересов.

Сказанное не исключает, конечно, того, что международный терроризм представляет угрозу и для внутренней безопасности тех или иных государств, интересы которых он затрагивает. Известно, например, сколь серьезными были политические последствия для взаимоотношений ФРГ и Израиля, а также для внутривнутриполитической обстановки в Западной Германии, от совершения палестинскими экстремистами террористического акта в отношении израильской спортивной делегации в Мюнхене в 1972 году.

2. Главным субъектом международного терроризма являются негосударственные террористические группы или организации. Формально такие структуры не находятся на службе у тех или иных государств, а последние не оказывают им официальной политической или моральной поддержки. Террористические группы и организации, выступающие как субъекты международного терроризма, организационно и политически могут быть самостоятельными либо выступать в качестве составной части других политических организаций или движений. Чаще всего они входят в политические экстремистские движения правой и левой ориентации, националистического или религиозно-политического толка. Нередко они относятся также и к структурам организованной преступности. В последние два десятилетия среди субъектов международного терроризма все большее место принадлежит международным террористическим организациям, которые осуществляют свою деятельность на территории нескольких государств, часто располагают на ней достаточно развитой инфраструктурой (органы управления, лагеря для подготовки боевиков, лаборатории для изготовления средств террористической деятельности и т. п.). К структурам такого типа могут быть отнесены исламская экстремистская организация

«Братья-мусульмане», «Армянская секретная армия освобождения Армении», экстремистская националистическая «Ирландская республиканская армия» и др.

3. Сотрудничество террористических групп и организаций, близких по политической направленности их деятельности, в подготовке и осуществлении актов международного терроризма, установление и поддержание различного рода связей (политических, организационных, финансово-материальных и др.) между террористическими структурами, располагающимися на территории различных государств. Взаимодействие различных террористических организаций, участвующих в акциях международного терроризма, обуславливается прежде всего близостью или совпадением их идейно-политических установок и диктуется потребностью этих организаций в получении той или иной поддержки со стороны.

Как показывает практика экстремистской деятельности таких террористических организаций, как «Прямое действие», «Красные бригады», «Фракции Красной Армии», ряда палестинских организаций и других, взаимная помощь близких по своим политическим ориентирам структур чаще всего касается предоставления документов, прикрытия, каналов проникновения в страну, избранную в качестве поля для проведения террористических акций, обмена информацией, организацией укрытия террористов после совершения террористических акций. В последние годы все более расширяется практика оказания террористическими организациями взаимной помощи друг другу кадровым составом, направлением в распоряжение другой организации своих боевиков, иных участников террористической деятельности. Подобная практика получила наиболее широкое распространение после вывода советских войск из Афганистана.

Для политического противоборства различных сил на международной арене в современных условиях характерно обращение отдельных государств в борьбе с их внешнеполитическими противниками к использованию международных террористических организаций той или иной направленности. В тех случаях, когда такие факты существуют и доказаны, государство, поддерживающее или инспирирующее акции международного терроризма и его организации, в соответствии с международно-правовыми установлениями, подвергается осуждению мировым сообществом за нарушение международной безопасности и к нему, как показывает практика 80 - 90-х годов, могут быть применены политические, экономические и иные санкции.

Внутренний терроризм — третья и в современных условиях весьма распространенная в мире разновидность терроризма. Внутренний терроризм возникает главным образом на почве внутренних, не находящих разрешения противоречий, существующих в той или иной стране, и является одной из наиболее острых форм внутривнутриполитического противоборства. Он имеет два основных проявления: во-первых, как деятельность внутренних, экстремистски ориентированных политических сил, организаций и отдельных лиц по отношению существующей власти (т. н. оппозиционный

терроризм); и во-вторых, как деятельность противоборствующих и не находящихся у власти политических сил и организаций, использующих террористические методы (т.н. междоусобный терроризм).

В первом случае деятельность террористических структур и отдельных лиц выражает их негативное отношение к существующему строю, политической власти, проводимому ею курсу и может быть, как показывает полити-

68

ческая практика второй половины XX века, направлена на насильственную ликвидацию, изменение или ослабление общественно-политического строя, его институтов, проводимой государственной (внутренней или внешней) политики либо на достижение иных политических целей террористов. В частности, в числе этих целей наиболее частыми является демонстрация своей значимости и влияния; демонстрация своего критического отношения к государственной политике, отдельным ее представителям; побуждение официальных властей к признанию террористических структур в качестве политической силы для ведения переговоров; освобождение своих единомышленников из мест заключения и т.п.

Во втором случае цель внутреннего терроризма состоит в ослаблении своих политических противников, не находящихся у власти, устранении их с политической сцены, в подрыве их авторитета, укреплении собственных позиций в стране и др. В качестве политического противника здесь могут выступать как собственно террористические организации «враждебной направленности»; так и соответствующие политические движения, организации и иные структуры. Для данного вида терроризма наиболее характерны ликвидация лидеров и активистов политических противников, разгром их штаб-квартир, запугивание их сторонников и т.п.

Следует подчеркнуть, что в имеющихся в террологической литературе подходах к пониманию внутреннего терроризма существуют большие противоречия. Нередко к нему относят не только террористическую деятельность внутренних политических сил, не находящихся у власти, но и деятельность самого государства по подавлению оппозиции внутренних политических противников. С другой стороны, столь же часто внутренний терроризм увязывается только с насильственной оппозиционной властью деятельностью экстремистских организаций. При этом упускается из виду, что во внутривластной борьбе, особенно в странах с напряженной политической обстановкой, значительное место подчас занимают борьба между неправительственными политическими организациями экстремистского толка, ведущими борьбу за влияние на массы. Как показывает исторический опыт, в этой борьбе могут участвовать не только правые и левые экстремистские организации-противники, но и противоборствующие националистические и религиозные радикальные структуры.

Оба вида внутреннего терроризма, как показывает современная

практика, связаны с применением всех основных форм и средств террористической деятельности. Весьма характерно, что все большее место в антигосударственной практике внутреннего терроризма во многих странах мира (США, ФРГ, Россия и др.) занимает ядерный шантаж.

Для внутреннего терроризма характерен ряд специфических признаков:

1. Направленность внутреннего терроризма против политической системы своей страны, ее правопорядка, общественной безопасности, личных прав и свобод ее граждан. В целом этот вид терроризма представляет главную угрозу прежде всего для конституционного строя данной страны, прав и свобод граждан. Основными общими объектами его посягательств выступают прежде всего формы государственного устройства, территориальная целостность страны, нормальное функционирование государственного механизма, отдельных его звеньев (органов безопасности, судебных органов и др.). В числе других

69

объектов внутреннего терроризма во многих современных государствах фигурируют внутренняя или внешняя политика своих стран, либо отдельные ее аспекты. Например, объектом террористической деятельности левацких экстремистских организаций в Западной Европе в течение длительного периода времени были избраны сотрудничество западноевропейских стран в рамках НАТО. В качестве одного из главных объектов террористической деятельности со стороны структур организованной преступности в Западной Европе, Латинской Америке была избрана политика ряда государств этих регионов, направленная против организованной преступности, наркобизнеса.

2. Двойственность субъектов внутреннего терроризма. Данная особенность существенно отличает внутренний терроризм от государственного и международного терроризма. Она состоит в том, что во внутреннем терроризме организованные структуры не являются единственным типичным субъектом соответствующей террористической деятельности. Для внутреннего терроризма на разных этапах его истории характерно совершение террористических актов не только различными экстремистскими организациями, но и отдельными лицами. Террористические акции в последнем случае также совершаются преимущественно во имя политических целей и детерминируются в основном теми же причинами, что и террористические проявления со стороны экстремистских организаций. Однако в силу большей ограниченности возможностей террористов-одиночек их террористическая деятельность носит обычно значительно менее систематический и долговременный характер. Нередко она вообще рассчитана только на разовые насильственные акции.

Тем не менее, в условиях политической нестабильности, обострения социальных противоречий, роста активности политического экстремизма, а также масштабов маргинализации населения и нарастания процессов ухудшения качества психического здоровья населения во многих странах

мира удельный вес террористических акций, совершаемых отдельными лицами, в рамках всей политически мотивированной преступности возрастает.

3. Тесная связь внутреннего терроризма с массовыми экстремистскими выступлениями. Как и рассмотренные выше разновидности терроризма, внутренний терроризм характеризуется высоким уровнем организованности, в принципе выступает как специфическая форма целенаправленной экстремистской деятельности различных политических и политизированных структур. Но вместе с тем для внутреннего терроризма характерно осуществление террористических акций и на иной, а именно ситуативной основе. В этих случаях террористические акции совершаются спонтанно, без специальной подготовки. К примеру, это может иметь место в ходе массовых выступлений представителей различных социальных групп населения (этнических, профессиональных и других), приобретающих экстремистскую направленность. Динамика развития поведения толпы при определенных условиях предполагает, как известно, возможность самоинициирования крайних форм насилия и применения их со стороны большей или меньшей ее части или отдельных участников. В частности, в ходе массовых выступлений экстремистского характера могут иметь место публичные призывы к совершению террористических действий, расправы с политическими противниками, захват заложников и т. д.

70

Для организации и осуществления террористической деятельности важное значение имеет специфика пространственных условий, в которых совершаются террористические акты. По этому признаку традиционно выделяются три основных вида терроризма — **наземный, воздушный и морской терроризм.**

Наземный терроризм относится к числу наиболее широко используемых разновидностей терроризма и именно в наземной пространственной среде совершается основная масса террористических акций, используются все без исключения формы террористической деятельности. Основные изменения, которые касаются организации и тактики террористических акций с использованием новейших технологий, с растущим осуществлением так называемого массового терроризма, естественно, наблюдается в сфере наземного терроризма. Это обстоятельство, не исключая необходимости совершенствования антитеррористических мер противодействия морскому и воздушному терроризму, обуславливает настоятельную необходимость разработки и внедрения в жизнь более эффективных и разноплановых мер борьбы с терроризмом на наземных объектах: в местах проведения массовых общественно-политических мероприятий, на наземном, в первую очередь на железнодорожном транспорте, на объектах промышленности и жизнеобеспечения и т.д.

Морской терроризм, истоки которого, как отмечают многие зарубежные и отечественные специалисты, могут быть отнесены к периоду

развития морского пиратства в эпоху колониального раздела мира, в современных условиях, как инструмент политической борьбы, имеет относительно небольшое применение. Субъектами этого вида могут выступать и спецслужбы отдельных государств, и международные террористические организации, и национальные экстремистские формирования и группы. Морской терроризм создает, даже при современных ограниченных масштабах его применения, серьезную угрозу для безопасности морского судоходства. Преступные акты, совершаемые в рамках данного вида, посягают как на людей, так и собственность на борту судов, направлены против технических объектов, обеспечивающих нормальное функционирование данного вида коммуникаций. Для морского терроризма характерны, в частности, такие противоправные акты, как захват морских судов, насильственное изменение их курса, угон морских средств и захват заложников на них. Совершение актов морского терроризма преимущественно носит демонстративный характер и служит цели выразить протест определенной террористической организации против тех или иных действий их политических противников. Именно такой характер носили такие известные акции, как захват в 1961 г. в Карибском море антисалозаровской группировкой португальского круизного судна «Санта-Мария» с 600 пассажирами в знак осуждения фашистского режима Португалии, захват в 1985 г. палестинскими экстремистами итальянского лайнера «Акилле Лауро» с 750 пассажирами в порядке мщения за совершенный израильской авиацией 1 октября 1985 г. налет на штаб-квартиру ООП в Тунисе.

Вместе с тем, необходимо иметь в виду те новые тенденции в развитии морского терроризма, которые не только свидетельствуют о новых сторонах этого явления, усложняют его содержание, но и значительно повышают его общественную опасность. Речь идет о таких тенденциях, как расширение объектов морского терроризма за счет стационарных платформ по добыче нефти

71

и газа, а также высокорисковых морских судов, что не только качественно усиливает политический эффект соответствующих актов насилия (захват, разрушение), но резко повышают уровень других неблагоприятных для общества негативных его последствий, прежде всего — экологической безопасности.

В настоящее время для морского терроризма в большей степени характерен криминальный, а не политический аспект, что во многом объясняется сложностью подготовки и проведения таких акций. Однако, формирование крупных террористических структур, развитие между ними «международных» связей может привести к их расширению.

Воздушный терроризм, как разновидность терроризма, исторически возник позднее морского терроризма — после второй мировой войны, и особенно широко распространился с 60-х годов. Представляя собой в настоящее время весьма значительную опасность для общества, он

предполагает совершение общественно опасных действий прежде всего против гражданской авиации и главным образом на борту воздушных судов посредством использования таких форм и методов террористического насилия, как захват воздушных судов, их угон, захват заложников на борту. Кроме того, к воздушному терроризму относится также вывод из строя аэронавигационного оборудования, средств обеспечения воздушных сообщений и т. п. Он совершается, как правило, для принуждения властей к определенным уступкам террористам, в частности, с целью освобождения отбывающих наказание единомышленников террористов, обеспечения выезда из страны диссидентов, участников экстремистских организаций и т.п., а также для демонстративного осуждения тех или иных политических мероприятий властей, политических противников террористов.

Воздушный терроризм в настоящее время создает большую, чем морской терроризм опасность для жизни людей, в частности, в связи с его масштабами, с частотой совершения его акций. Со времени наибольшей активности воздушного терроризма, то есть с 60-х годов, в его осуществлении зафиксировано участие террористических групп всех основных идейно-политических направлений. При определенных колебаниях масштабов и степени активности воздушного терроризма, в целом он остается одним из наиболее используемых разновидностей террористической деятельности.

С учетом пока еще существующей во многих странах мира относительной «простотой» подготовки и осуществления актов воздушного терроризма, а также огромного психологического эффекта каждой конкретной акции этой разновидности терроризма, в обозримое время воздушный терроризм будет с высокой вероятностью занимать одно из лидирующих мест в террористической практике. Это обстоятельство вполне оправдывает отнесение мировым сообществом борьбы с ним к приоритетным направлениям своей защиты.

Многообразие видов терроризма, наличие у каждого из них своих особенностей, динамичность их развития обуславливает большую сложность борьбы с ними мирового сообщества, отдельных государств и их правоохранительных органов, создает серьезные трудности в разработке адекватной системы антитеррористических мер, требует постоянного изучения изменений в террористической деятельности всех ее разновидностей, своевременного внесения корректив в существующие системы защиты личности, общества, государства, а также мирового сообщества от террористической угрозы.

ЭКСПЕРТИЗА

Общесоциальный аспект

О. М. Хлобустов, С. Г. Федоров

Терроризм: реальность сегодняшнего состояния

Терроризм в современном мире. В последние десятилетия XX века волна терроризма захлестнула мир. Сообщения об убийствах, взрывах бомб в местах массового пребывания людей и в самолетах, захваты заложников и т.

п. почти не сходят со страниц газет и журналов, наполняют информационные сводки радио и телевидения. Резкие всплески террористической активности в 1970 - 80-е годы были характерны как для развитых стран Европы (Италия, ФРГ, Франция, Великобритания, Испания), так и для стран Латинской Америки и других регионов (Израиль, Турция, Индия, Шри-Ланка). В 90-х годах в мире поднялась очередная волна терроризма (в США, Израиле, Югославии, Франции, России, Молдове, Турции, Таджикистане, Афганистане и других государствах). В этой связи понятно внимание к этой проблеме как во внутренней политике этих стран, так и на уровне международных контактов.

Решение проблемы терроризма предполагает повышение эффективности в предотвращении его возникновения, предупреждение, конкретных террористических акций (проявлений), а также их оперативное, силовое и боевое пресечение там, где это оказывается возможным, требует глубокого анализа этого явления как социально-политического феномена современного общества, вопросов его юридической (прежде всего — уголовно-правовой) квалификации, выработки действенных мер и технологий, позволяющих нейтрализовать распространение террористических актов.

Как социально-политический феномен, современный терроризм может иметь характер как «государственного» терроризма, направленного против других государств, их правительств, так и «антигосударственного» терроризма со стороны противников правящего режима в стране.

О государственном терроризме, как отличительном феномене XX века, необходимо особо напомнить потому, что этот вид терроризма получил весьма широкое распространение в наши дни.

Так, в ходе работы парламентских комиссий Конгресса США установлено, что в 60-70-е годы ЦРУ США активно планировало и проводило террористические акции за рубежом.

73

В недавно вышедшей книге Ф. Раззакова «Век террора. Хроника покушений», называются некоторые из еще более ранних операций ЦРУ США «по ликвидации неугодных лиц», подготовке покушений:

- 1954 г. — на министра внутренних дел Албании Мехмета Шеху;
- 1956 г. — на президента Египта Г. А. Насера;
- 1958 г. — на председателя Госсовета КНР Чжоу Эньлая во время его визита в Бирму;
- 1959 г. — на лидера революции Ф. Кастро (неоднократные покушения).

В этот список могут быть также включены недавно сделанное официальное признание о участии ЦРУ США во взрыве индийского самолета «Принцесса Кашмира», на борту которого, как предполагалось, должен был находиться Чжоу Эньлай, операции по свержению антиамериканского правительства Ирана, по «умиротворению» во Вьетнаме и другие, не менее скандальные факты.

Недавно показанный по российскому телевидению британский фильм о ЦРУ рассказал и о создании американской разведкой в Европе — Франции, Италии, Дании и других странах — секретной организации «Етадио», в задачи которой входило осуществление и диверсионно-террористических актов на территории этих государств. Отметим также, что в мае 1995 г. в Риме был арестован итальянский гражданин, который в середине 70-х годов был связником между ЦРУ и террористическими организациями Италии.

Влиятельный журнал «Ньюсуик»¹, сообщал, что в 1985 г. ЦРУ по просьбе саудовских спецслужб организовало покушение на одного религиозного деятеля, при проведении которого погибло более 80 человек. Этот список может быть продолжен.

По сообщению американского журнала «Вестник разведки», ЦРУ в мае 1996 г. информировало Государственный департамент США о том, что в ряде городов Сирии была проведена серия террористических актов, которые предположительно были организованы турецкой спецслужбой МИТ и являлись ответом на антитурецкие действия КРП (Курдской рабочей партии). Так что еще рано говорить о том, что политика государственного терроризма навсегда «канула в лет»².

На распространенность негосударственных террористических проявлений, как одной из опасных форм криминальных деяний, влияют, по-видимому, те же факторы, что определяют рост общеуголовной преступности.

На VIII международном Конгрессе ООН по предупреждению преступности и обращению с преступниками (Гавана, 1990 г.), отмечалось, что такими криминогенными факторами являются: бедность, безработица, неграмотность, нехватка доступного жилья, несовершенство системы образования и подготовки кадров, отсутствие жизненных перспектив (на что в России в мае 1995 г. указывал каждый четвертый из опрошенных ВЦИОМом), отчуждение и маргинализация населения, обострение социального неравенства, ослабление семейных и социальных связей, недостатки воспитания, негативные последствия миграции, разрушение культурной самобытности, нехватка объектов

¹ "Newsweek", 8 July, 1996. P. 24-27. ² "Intelligence Newsletter", 1996. N»289. P.4.

74

культурно-бытового назначения, а также распространение средствами массовой информации идей и взглядов, ведущих к росту насилия, неравенства и нетерпимости.

К сожалению, приходится констатировать бурный рост этих, в целом нетрадиционных для нашей страны, криминогенных факторов именно в 90-е годы.

Учитывая эти обстоятельства, борьба с терроризмом предполагает необходимость минимизации негативного воздействия перечисленных выше факторов, на что должна быть направлена деятельность всей системы государственных и негосударственных органов и организаций.

В связи с объективной тенденцией роста числа террористических проявлений в различных странах мира в 90-е годы проблема противодействия терроризму за рубежом широко изучается.

В настоящее время известен целый ряд исследовательских центров, участвующих в разработке контртеррористических мер. Это прежде всего Институт по изучению международного терроризма при университете г. Нью-Йорка; Международная ассоциация профессионалов в области борьбы с терроризмом и безопасности и шотландский Центр изучения терроризма и политического насилия.

Уже в 80-е годы западные социологи, анализируя специфику социальной ситуации, указывали на неизбежное усиление террористической активности в ближайшие годы, изменение непосредственных целей терроризма и его средств, вплоть до использования оружия массового поражения (ОМП), превращение его «в интегральный аспект жизни в глобальных масштабах».

Один из исследователей этой проблемы Э. Эванс подчеркивал, что «в мире, отмеченном идеологическим соперничеством, этническими конфликтами и крайностями изобилия и нищеты, было бы утопичным надеяться на прекращение политически мотивированного насилия.»

Для западных террологов *стало характерным рассмотрение терроризма как особой разновидности социального конфликта.*

Как отмечал по этому поводу Дж. Александер, директор Института по изучению международного терроризма, «терроризм — это канал, по которому идет недовольство и нетерпение маргинальных слоев: террористические средства и методы, таким образом, закрепляют, "ростабилизируют" существующую социальную структуру».

Проблема борьбы с терроризмом является в настоящее время чрезвычайно актуальной во всем мире, о чем свидетельствует и последние встречи на высшем уровне, посвященные ее обсуждению.

На распространение терроризма в России могут прямо или опосредованно влиять и общие тенденции, зафиксированные зарубежными исследователями в этой области, в связи с чем представляется целесообразным остановиться на этом вопросе подробнее.

В Европе, после всплеска 1960 - 70-х годов «политического (социально-мотивированного) терроризма» («Красных бригад» в Италии, «Фракции Красной Армии» — РАФ в ФРГ и др.), на смену ему пришел религиозно-этнический терроризм выходцев из мусульманских стран (курдов в ФРГ, алжирцев во Франции и т.д.).

75

Динамика современных терактов в США, Великобритании, ФРГ, Франции и других странах привела к изменению видения современной картины терроризма в целом, что было продемонстрировано в докладе Государственного департамента США «Глобальная практика терроризма», опубликованном в 1994 г.

Традиционно отечественные и зарубежные эксперты выделяют

политический, иначе называемый «социально-мотивированным» (лево- и праворадикальный), этнический (националистический) и религиозный терроризм.

В 1994-1996 гг. западные страны столкнувшиеся с актами террора со стороны исламских фундаменталистов, называли его одной из главных угроз международной безопасности и стабильности.

Влиятельный еженедельник «Тайм» в статье «США перед угрозой религиозного терроризма» писал в апреле 1995 г.: «после окончания "холодной войны" терроризм стал трансформироваться, приобретя при этом уже не политическую, а религиозную направленность». По данным экспертов, в 1992 г. из 48 известных международных террористических группировок, примерно 12 руководствовались в своей деятельности религиозными мотивами. Одновременно стала возрастать и жестокость их действий. Для «новой волны» терроризма характерна массовая направленность акций: религиозные экстремисты стремятся убивать без разбора как можно больше людей, полагая, что тем самым они наказывают противников ислама.

Питательной средой для возникновения все новых религиозных террористов являются тысячи моджахедов, которые после окончания афганской войны сконцентрировались в неконтролируемых правительством районах Пакистана. Оставшись не у дел, они готовы, как и раньше, убивать «во имя Аллаха». Этот вывод подтверждают, в частности, действия движения «Талибан» в Афганистане.

Французские эксперты считают, что сегодня «исламский» терроризм приобретает черты политико-религиозного конфликта, противоборствующими сторонами которого является развитый, либерально-демократический, модернистский Запад, с одной стороны, и мусульманский мир, — с другой.

В этой связи Россия, традиционно достаточно тесно связанная с сопредельными мусульманскими государствами — Афганистаном, Ираном, Ираком, Турцией и определяющая ныне свою внешнеполитическую линию, может стать как «геополитическим буфером» между сторонами этого конфликта, так и объектом террористических атак. Это связано, в частности, и с ситуацией вокруг Чечни, когда в 1994-1996 гг. Россия впервые вошла в геополитическое столкновение с целями и планами исламского фундаментализма.

Французские эксперты отмечают, что изменился и сам исламский террорист. Прежде это был борец, шедший на преступление во имя лучшего будущего, и поэтому не отступавший даже перед необходимостью принести себя в жертву. Сегодня это, как правило, молодой мусульманин, не достигший и двадцати лет, готовый принять мученическую смерть «во имя Аллаха». Террористов вербуют среди беднейших, матограмотных и безработных слоев населения.

Основная вербовочная база террористов в странах Западной Европы — мусульманская диаспора. Особо активно вербовка ведется в пригородах

крупных

76

европейских городов, которые превратились в очаги наркомании, преступности и беспорядков, ситуация в которых вес больше выходит из-под контроля правоохранительных органов и властных структур. В частности, пригороды Парижа и Лиона превратились в очаги вооруженного сопротивления мусульман, что вызывает серьезную озабоченность французских спецслужб, которые усматривают в этом «руку Ирана и Алжира». Вербовщики мусульманских организаций не останавливаются перед обращением в свою веру и использованием в преступных целях и европейцев.

Эксперты с тревогой отмечают, что в европейских странах не видят опасности «заражения» идеалами фундаментализма мусульманских диаспор.

Как писал в декабре 1994 г. американский журнал «Вестник разведки», «США в ближайшие 5 лет захлестнет волна актов насилия со стороны исламских фундаменталистов».

Авторы изданной по заказу Пентагона книги «Терроризм 2000: будущее лицо терроризма» М. Сетрон и О. Дэвис считают, что «завтрашние террористы будут вдохновляться не политической идеологией, а яростной этнической и религиозной ненавистью... Ядерное, биологическое и химическое оружие окажется идеальным для их целей»...

ЦРУ полагает, что исламские фундаменталисты уже накопили деньги и оружие, сформировали вербовочные центры, создали системы поддержки своей деятельности в США и других странах.

По мнению бюллетеня «Вестник разведки» (1995, 15 января), Германия, Франция и Великобритания занимают «выжидательно мягкую позицию в отношении исламских фундаменталистов. Что касается американцев, то они пока считают для себя "затруднительным" начать решительную борьбу с фундаментализмом. Это связано с тем, что в США считают: "исламский фактор" сыграл решающую роль в падении советской империи, особенно в результате афганской войны, и чувствуют определенную "благодарность" к своим бывшим союзникам».

Это обстоятельство не исключает, что, в случае ужесточения режимов безопасности в странах Европы и США, исламисты попытаются перенести свои базы и действия на территорию России или стран ближнего зарубежья, будут пытаться диктовать свои условия российским властям.

По мнению экспертов, террористические группы могут формироваться и в различных «апокалиптических» сектах, исповедующих насилие как «законное» средство ускорения «божьего суда». В последние годы их число на Западе значительно возросло, повысилась активность экстремистски настроенных проповедников, внушающих пастве мысль о греховности и враждебности окружающего мира, необходимости борьбы с «безбожными правительствами». Примеры деятельности таких сект по подготовке структур, могущих выступать как силовые отряды, известны и в России, и в странах СНГ («Белое братство», «Аум Синрике» и т.д.)

Следует также отметить, что сегодня террористические организации за рубежом в пору пиковой активности предстают собой нетипичные до недавнего прошлого группы заговорщиков, фанатиков и аскетов, а целые концерны с внутренним разделением труда, мастерскими, складами, типографиями, лабораториями, убежищами, госпиталями, доходными предприятиями, превра-

11

шлющие захваты банков, ракет, взятие заложников с целью получения выкупа в отрасль высокодоходного бизнеса. Они внедряют своих агентов в различные звенья государственного аппарата, промышленного и финансового мира.

В этой связи они являют собой особо опасные и особо конспиративные ответвления организованной преступности.

Именно поэтому во многих странах — США, Франции и других — борьба с терроризмом осуществляется как составная часть стратегии борьбы с организованной преступностью, в которой сотрудничают как подразделения полиции, так и спецслужбы, включая специальные антитеррористические подразделения и разведку. Этим объясняется то, что полем активной деятельности ФБР США становятся и страны СНГ и Восточной Европы, включая Россию. Директор ФБР Л. Фри прямо заявил, что «считает необходимым распространить опыт и влияние ФБР в России и других странах СНГ и Восточной Европы». А Конгресс выделил ФБР на 1996 г. для проведения операций в России 12 млн долларов США.

В 1995 г. специальные курсы, организованные ФБР, окончили 4400 сотрудников правоохранительных органов из стран Балтии, Восточной Европы и СНГ. Для этих же целей в 1996 г. в Будапеште (Венгрия) был открыт специальный восточно-европейский филиал Академии ФБР. По мнению Л. Фри, он предоставляет США благоприятную возможность влиять «на целое поколение руководящих сотрудников органов правопорядка в огромном регионе». Рост активности ФБР в Европе встречает возражение со стороны ЦРУ, которое считает себя более компетентным в вопросах вербовки заграничной агентуры.

Как бы то ни было, в 1995-1996 гг. представительство ФБР в Москве при посольстве США провело более 26 «учебных мероприятий», на которые привлекались сотрудники прокуратуры, МВД, налоговой полиции, Таможенного комитета и ФСБ России. При этом представители Департамента юстиции США, действующие от имени посольства этой страны, разъясняли возможность «неофициальных» — помимо МВД и возможностей Центрального национального бюро Интерпола в России — обращений за правовой помощью в Департамент юстиции и ФБР США.

По мнению экспертов, эти меры ФБР означают его стремление к расширению контактов с сотрудниками правоохранительных органов России, в том числе и негласных.

Что касается форм и методов террористических действий, то они многообразны и многолики.

Если в начальный период активизации международного терроризма (70-е годы), террористические организации и группы в основном практиковали засады и захват заложников, то в последующие годы террористы стали значительно чаще использовать достижения в области военных технологий и тактики.

Террористы обычно не атакуют хорошо защищенные цели (хотя в России в настоящее время и имеются исключения из этого общего правила), а ищут более легкие и доступные цели. Отсюда рост так называемого «слепого» или «рассеянного» терроризма, жертвами которого становятся случайные люди.

За рубежом в последние годы значительно расширился диапазон целей — объектов посягательств террористов. В частности, имели место попытки напа-

78

дний на объекты высокоразвитых производств, ядерной энергетики, энергетической инфраструктуры.

Как террологи, так и сами террористы, не один год обсуждают возможность и перспективы использования оружия массового уничтожения. И если ранее западные исследователи считали, что пока еще террористы «психологически не готовы перейти запретную черту», то после «газовой атаки» секты «Аум Синрике» в Токийском метро, они считают, что «этот Рубикон уже перейден».

В этой связи система противодействия и предупреждения терроризма должна включать меры борьбы как с выявленными формами террористических проявлений, так и с гипотетически возможными («ядерным», «химическим» и «биологическим» терроризмом).

О серьезности ситуации говорит тот факт, что уже началась работа по подготовке международной конвенции о борьбе с терроризмом с использованием компонентов оружия массового поражения.

Отметим и такое новое явление, как достаточно широкое распространение в мире новых «апокалиптических» сект, проповедующих конец света, а также допускающих возможность «ускорения» его «наступления» собственными руками. На это обстоятельство, особенно после «дела "Аум Синрике"», обращено внимание исследователей и правоохранительных органов.

Американские эксперты подчеркивают: поскольку в настоящее время не ликвидирована и не может быть ликвидирована общественно-экономическая база терроризма как явления (социальное неравенство, этноконфессиональные противоречия, неурегулированность межгосударственных отношений и конфликтов, проблемы беженцев, нищеты и т.д.), то нет оснований надеяться на кардинальное решение этой проблемы, по крайней мере, в ближайшей перспективе.

Успех в борьбе с терроризмом, по мнению экспертов США, во многом будет определяться более глубоким пониманием сути проблем и мотиваций действий террористов, выбора ими объектов нападения, а также

обоснованным прогнозированием и своевременным вскрытием мест и времени планируемых терактов, осуществлением превентивных мероприятий по защите их возможных жертв и усилению мер безопасности.

Тенденции терроризма в России. В 90-е годы Россия столкнулась со стремительным ростом преступности, в том числе насильственной. Динамику этого явления иллюстрируют цифры в табл. 1.

Произошло также некоторое изменение мотивации насильственных преступлений: увеличился удельный вес среди них корысти, мести, стремления к устранению конкурентов и т. д. Появилось такое ранее практически не известное отечественной криминальной практике явление как «заказные» убийства.

Столь резкое изменение криминальной ситуации в совокупности с крайне низким уровнем раскрываемости «заказных» убийств, ростом числа «криминальных» взрывов, количества захватов заложников было истолковано представителями СМИ не совсем правомерно как «рост терроризма» в его уголовно-правовом понимании. Следует также отметить, что некоторые основания, в том числе правовые, для столь расширительного понимания «терроризма» имеются. Так, например, Европейская конвенция по борьбе с терроризмом (1977 г.),

79

Таблица I

Показатели/ годы	1990	1991	1992	1993		1994	1995
Все убийства с покушениями	7124	7746	4448	31246		302	340
Угрозы убийством, нанесением тяжких телесных повреждений, уничтожения имущества	8020	8114	420	19375		864	45
Умышленные тяжкие телесные повреждения	40962	41195		53286	66869	67706	61734
Похищения людей	110	499		628	Массовые случаи		
Захваты заложников	1	-		-	3	51	118

относит к числу террористических деяния, осуществляемые с использованием автоматического оружия, взрывных устройств, иным общественно-опасным способом, а также причиняющие серьезный имущественный ущерб.

Собственно же террористических акций в общем числе преступлений было гораздо меньше, хотя в последующие годы — 1993-1996 — и прослеживается тенденция роста их числа.

В то же время, для обстоятельного анализа современного терроризма в России следует учитывать такую его особенность, как в целом нетипичную для западных стран его криминальную направленность. Именно последний термин — «криминальный терроризм» мы будем использовать для отделения общеуголовного терроризма от политического.

..

По данным исследований криминологов, в начале 90-х годов в структуре преступности увеличивался удельный вес корыстных преступлений, в том числе, связанных с завладением собственностью, при совершении которых использовалось физическое и психическое насилие («демонстративные» взрывы, поджоги и иные действия). Это создавало — и в целом, как мы отмечали, вполне объяснимую — видимость «усиления терроризма», не раскрывая его подлинных причин и сущности.

Это положение наглядно иллюстрирует табл. 2.

Таблица 2

Годы	Число преступлений с использованием физического и психического насилия	Их удельный вес в общем массиве корыстных преступлений
1986	30299	4,4%
1990	89109	7,6%
1991	107521	6,8%
1995	161425	7,7%

Одновременно насилие стало широко использоваться и для разрешения различных конфликтов: межличностных, групповых, межнациональных, корпоративных, что также усиливало видимость «роста терроризма».

80

По мнению экспертов Криминологической ассоциации России, организованная преступность в эти годы продолжала «совершенствовать криминальные управленческие формы, используя присущие ей методы террора, подкупа, шантажа, угроз, внедрившиеся в легальные сферы и общественную жизнь, по существу, создала "государство в государстве"». Они подчеркивают, что «организованная преступность стала вооруженной силой, имеющей собственные вооруженные формирования и провоцирующей использование государственных. Она является реальным провокатором и участником широкомасштабных вооруженных конфликтов, акций терроризма, так как ей приходится защищать огромные богатства, рассредоточенные по всему миру».

Сложные и противоречивые процессы трансформации российского общества не снимают с повестки дня угрозы дальнейшего роста числа террористических проявлений, особенно в условиях обострения социальной напряженности и вероятности расширения и углубления социальных

конфликтов.

В основе обострения социальных противоречий, способствующих появлению политического, идеологически мотивированного терроризма, как известно, лежит значительная разница в доходах различных социальных групп, падение, вследствие этого, качества и уровня жизни и социальной защищенности населения.

«В основном экстремальная реакция людей на происходящие перемены, — обоснованно подчеркивают авторы монографии "Политический экстремизм в России", — не носит политического характера и сказывается в росте уголовной преступности». В то же время они отмечают, что «количество людей, порвавших с "мирной жизнью", отказывающихся от социально приемлемого поведения постоянно увеличивается за счет участников многочисленных "малых войн" ... тяготения к экстремальному поведению у них больше, да и определенные навыки уже имеются».

Таким образом, перед обществом поставлена проблема усиления борьбы с преступностью, в том числе и борьбы с «терроризмом», пусть и нетрадиционным, общеуголовным по своему характеру и направленности.

К сожалению, следует отметить как неготовность правоохранительных органов к противодействию резкому всплеску преступности, в том числе насильственной, так и совпадение ее по времени с затяжным реформированием органов государственной безопасности России, что не могло не сказаться на снижении эффективности их противодействия террористическим угрозам.

Рост числа особо опасных насильственных преступлений с элементами террористической направленности ставит вопрос о причинах и условиях, способствующих этому явлению.

В зарубежной, преимущественно «западной» террологии этот вопрос исследуется достаточно обстоятельно, но применительно к России в последние годы, несмотря на появление ряда работ, он изучен явно недостаточно.

При этом представляется необходимым подчеркнуть то обстоятельство, что ранее, в 70 - 80-е годы, характеризуя состояние дел в области борьбы с терроризмом на Западе, наши исследователи подчеркивали, что в условиях капиталистического общества терроризм является ответом на нарушение конституционных прав граждан, крайней формой выражения социального протеста против существующего строя.

81

Ту же роль политического терроризма в России в 80-е годы XIX века отмечал и исследователь этого явления О. В. Будницкий.

Согласно другому российскому исследователю, В. В. Витюку, для распространения терроризма в странах бывшего СССР «сложился целый комплекс предпосылок социального, национального, идеологического и психологического характера»³, что необходимо учитывать при разработке и планировании мероприятий по противодействию терроризму.

К числу этих предпосылок он относит хозяйственно-экономический

кризис, паралич органов власти, резкое падение уровня жизни при одновременном появлении тонкого слоя богатых, сделавших себе состояние несправедливым способом, и угрозу безработицы, неустойчивость всей системы общественных отношений и структур, крушение привычных мировоззренческих ориентации, обострение разнообразных политических, социальных, национальных и религиозных противоречий, высвобождение агрессивных потенциалов, общее падение нравов, торжество цинизма, нигилизма, легализацию бесстыдства и взрыв преступности.

При этом следует подчеркнуть то неоднократно отмечавшееся отечественными исследователями этой проблемы обстоятельство, что в 70 - 80-е годы на Западе терроризм также являлся крайней формой выражения социального протеста против существующего порядка вещей, тогда как подлинно демократический характер государственного устройства исключает необходимость прибегать к подобным формам защиты своих прав и интересов.

Все перечисленные обстоятельства влияют как на процесс формирования экстремистских установок и идеологии, являющихся предпосылками возникновения социально-мотивированного (политического) терроризма, формирования его субъектов, так и на содержание, направленность и характер деятельности правоохранительных органов и всей государственной системы мер борьбы с терроризмом в целом.

Социальная и материальная дифференциация населения, особенно воспитанного в условиях относительной гомогенности (однородности и равенства) в 60-90-е годы, и ее утрата в связи с началом процесса радикальных реформ ведет к его политической поляризации, следствием которой становится дальнейшая радикализация позиций сторонников различных вариантов развития страны.

Особо отметим, что допущенные в начале 90-х годов ошибки в сфере идеологической работы и массовой коммуникации государства (тиражирование СМИ, особенно электронными, являвшимися в то время преимущественно государственными, идеи «политического противостояния консерваторов и реформаторов, "реакционеров" и "преобразователей"»), способствовали углублению и консервации политико-идеологического раскола общества и даже его эскалации.

Следует признать безусловно обоснованным и справедливым заявление коллектива авторов РАУ-Корпорейшн в начале 1994 г. о том, что «достижение стабильности и согласия в общества невозможно без прекращения деления на "своих" и "чужих", "правых" и "виноватых"...

Витюк В.В. Терроризм постперестроечной эпохи. М., 1993, №7. С.45.

82

Деление граждан на "победителей" и "побежденных" — государственное преступление, ибо это прямой путь к гражданской войне». В связи с этим предлагалось ввести прямой законодательный запрет на пропаганду вражды, приравняв ее к призывам к гражданской войне, ввести ответственность за распространение недостоверной информации, наносящей

ущерб государству и гражданскому миру.

О принципиальной «ненормальности» обстановки в обществе свидетельствует следующий пассаж из статьи в наиболее массовом еженедельнике «Аргументы и факты». В статье «Зюганов накануне выборов», автор, говоря об угрозах политической карьере кандидата в президенты, в частности, пишет: «Этот вариант развития событий представляется столь соблазнительным, что может стать и реальным. Ближе к выборам у кого-то в окружении Бориса Ельцина могут сдать нервы и известный сталинский принцип "нет человека — нет проблемы" будет претворен в жизнь. Естественно, Ельцина в этом случае даже не поставят в известность, исполнители же будут исходить из того, что "история их оправдает"».

По сведениям Главного информационного центра МВД России, динамика уголовных дел по терроризму в 1994-1995 гг. представлена следующим образом: в 1995 г. на территории России по статье 66 («Террористический акт») УК РФ было возбуждено всего одно уголовное дело (Северная Осетия).

Наибольшее количество уголовных дел по статье об ответственности за терроризм в 1995 г. было возбуждено: в Дагестане — 5; Северной Осетии-Алании — 4; Краснодарском крае — 2; Хабаровском крае — 2; Московской области — 2. В Москве в 1994 г. было зарегистрировано 4 уголовных дела по статье 213 прим.3, в 1995 — 13 (темпы прироста — 225%).

В 1995 г. было зафиксировано около пяти тысяч анонимных телефонных звонков террористического и экстремистского характера (в 1993 г. — 300, в 1994 — свыше 2000). Наибольшее число из них приходится на Москву (2364), Санкт-Петербург и Ленинградская область (405).

В 1995 г. был установлен 451 такой анонимный абонент. Уголовные дела возбуждены в отношении 85 из них.

Определенным социально-психологическим «фоном» для распространения терроризма в России, формирования террористических намерений является состояние массового сознания населения страны.

При этом наибольшее значение, по-видимому, имеют общие оценки социально-экономической ситуации.

Социально-экономическая ситуация в России как почва для экстремизма и терроризма. В свете рассматриваемой проблемы целесообразно обратиться к мнению россиян об окружающей их действительности, отражаемому, в частности, официальными публикациями Всероссийского центра изучения общественного мнения⁴.

В мае 1996 г., еще до серии террористических актов в Москве и Волгограде, обострения ситуации в стране 56,4 % опрошенных (всего было опрошено 2405 человек) полагали, что ситуация в России вышла из-под контроля властей, и только 16,5 % респондентов полагали, что руководство страны ее контролирует.

Экономические и социальные перемены: мониторинг общественного мнения. М., 1996. №№ 2-6; 1997. №.Ч> 1, 2.

В январе 1997 г. только 11,9% респондентов считали, что руководство контролирует ситуацию, а противоположного мнения придерживались уже 65,9%.

40,3% респондентов признавались, что испытывают в последние дни напряжение, раздражение (в мае 1996 г. таких было 35,3%), а 11,9% из них — страх, тоску.

Материальное положение своих семей как «очень хорошее и хорошее» оценивали 4% респондентов (в мае 1996 г. таких было — 4,9%). Далее в скобках для сравнения мы будем приводить значение соответствующих показателей в мае 1996 г.), как «среднее» — 39,6 (42,5%), как «плохое» — 39,4 (38,1%), как «очень плохое» — 14,6 (12,1%).

Однако, помимо среднестатистических значений этих показателей, важно также учитывать и их величины в конкретных возрастных и социально-профессиональных группах населения.

Вот как, в частности, выглядит самооценка респондентами материального положения своих семей (табл.3).

Таблица 3

	В среднем по выборке	Рабочие	Специалисты	Служащие	Учащиеся	Пенсионеры	Домохозяйки и безработные
Очень хорошее и хорошее	4,0	2,7	4,4	4,4	7,5	2,3	4,3
Среднее	39,6	38,5	45,9	42,2	61,3	31,6	37,8
Плохое	39,4	41,5	39,0	40,4	22,9	44,7	35,3
Очень плохое	14,6	13,1	8,8	10,6	5,0	20,2	21,9

При этом материальное положение своих семей «ниже среднего» оценивали 41,8% респондентов в возрасте до 29 лет (в мае 1996, соответственно — 37,3%), 56% респондентов в возрасте 30-49 лет (54,5%) и 61% (54,2%) респондентов старше 50 лет.

При этом, по данным опроса, проводившегося в ноябре 1996 г., за предыдущие 6 месяцев материальное положение семей «скорее улучшилось» у 4,7% респондентов в среднем по выборке, «осталось без изменений» у 39,4% и «скорее ухудшилось» — у 40,6% (51,6%).

Хронические стрессовые морально-психологические нагрузки, порождаемые современной российской действительностью, сказывается и на ее оценке в целом, о чем свидетельствует распределение ответов на вопрос: «Если говорить в целом, в какой мере вас устраивает сейчас жизнь, которую вы ведете?» (табл.4).

При этом, по сравнению с маем 1996 г., сумма позитивных оценок («вполне устраивает» и «по большей части устраивает») сократилась на 1,2%, а сумма негативных оценок (сумма ответов «по большей части не

устраивает» и «совершенно не устраивает») увеличилась на 7,1 %.

Негативно оценивают условия своей жизни 44,5 % (44,3 %) респондентов до 29 лет, которые традиционно считаются наиболее социально и политически

84

Таблица 4

	В среднем по выборке	Рабочие	Специалисты	Служащие	Учащиеся	Пенсионеры	Домохозяйки и безработные
Вполне устраивает	1,5	1,2	2,5	0,9	4,7	0,4	1,4
По большей части устраивает	7,8	7,5	7,0	8,0	28,4	3,2	7,1
Отчасти устраивает, отчасти нет	27,1	27,6	34,8	28,8	39,4	20,9	23,0
По большей части не устраивает	32,9	31,4	32,5	38,4	23,0	38,3	29,7
Совершенно не устраивает	29,1	31,9	22,5	22,2	3,5	34,6	38,0

активной частью общества, 65,8 (56,4 %) респондентов до 49 лет и 71 % (60,6 %) респондентов старше 50 лет.

Выявленная динамика самооценок, на наш взгляд, свидетельствует о грядущем исчерпании «запаса прочности» терпения населения, о чем свидетельствует распределение ответов на вопрос: «Какое из приведенных высказываний более всего соответствует сложившейся ситуации...?» (табл. 5).

Таблица 5

	В среднем по выборке	Рабочие	Специалисты	Служащие	Учащиеся	Пенсионеры	Домохозяйки и безработные
Все не так плохо и можно жить	7,7	6,5	8,5	7,7	22,5	1,5	10,3
Жить трудно, но можно терпеть	40,8	39,5	49,5	43,8	51,1	36,1	35,8
Терпеть наше бедственное положение уже невозможно	45,3	41,3	38,3	41,3	13,9	57,1	46,9

Мнение о том, что «терпеть наше бедственное положение уже невозможно» в январе 1997 г. разделяли 25,9 % (каждый четвертый!) респондентов в возрасте до 29 лет (20,8% в мае 1996 г.), 49,1% (39,9%) респондентов в возрасте до 49 лет и 55,5% (41,8%) респондентов старше 50 лет.

Причем средняя оценка «терпеть наше бедственное положение уже невозможно» значительно превышает значения этого показателя в марте и сентябре 1993 г. (34,5% и 34,7% соответственно), в месяцы, предшествовавшие значительным обострениям политической ситуации в стране.

Разумеется, не следует экстраполировать эти показатели исключительно на возможный рост экстремизма и терроризма, однако они показывают, что почва для достижения общественного и гражданского согласия в обществе

85

весьма зыбка. И это необходимо учитывать всем действующим в России социально-политическим силам, выступающим за сохранение мира и спокойствия в обществе.

Ситуация осложняется тем, отмечает группа экспертов Института социально-политических исследований (ИСПИ) РАН, что «ухудшается соотношение численности бедных и "обеспеченных" слоев населения, идет "вымывание", так называемого, среднего класса»⁵.

По тем же данным, по размеру средней зарплаты в первом полугодии 1995 г. в разряд бедных попали работники сельского хозяйства, культуры и искусства, образования, здравоохранения, социального обеспечения, науки и научного обеспечения и некоторые другие категории работающих. Причем наблюдается увеличение уровня бедности работоспособного и занятого населения, а следовательно — более молодой и социально активной его части⁶.

Проиллюстрируем это положение выявлением доли различных возрастных групп среди тех, кто в наименьшей степени удовлетворен условиями своей жизни (данные за январь 1996 г.) (табл.6).

Таблица б

Варианты ответов	Среднее значение показателя по выборке	Возрастной состав респондентов		
		до 29 лет	30-49 лет	50 и более
Скорее не удовлетворен своей жизнью сегодня	32,6	29,6	33,1	34,1
Совсем не удовлетворен	16,1	12,5	16,7	18,1

Терпеть наше бедственное положение уже невозможно	35,5	23,6	37,5	42,2
Материальное положение семей				
Плохое	38,9 35,6		40,5	39,3
Очень плохое	12,4 9,6		11,4	15,7

Таблица составлена на основании данных «Социальные и экономические перемены: мониторинг общественного мнения». М., 1996. № 2. С. 48, 65.

Как видно из таблицы, степень неудовлетворенности молодежи условиями своей жизни весьма высока.

По результатам исследований, аналогичных представленным в таблицах, сотрудники ИСПИ сделали вывод о том, что в обществе идет накопление потенциала социального протеста, о чем свидетельствуют данные о негативном отношении россиян к курсу реформ и действиям властей.

⁵ По методике Всероссийского центра уровня жизни (ВЦУЖ) при Министерстве труда Российской Федерации, к «бедным» относятся те граждане, у которых душевой доход в месяц оказывается ниже прожиточного минимума (в июне 1995 г. их численность составляла 46,5 млн человек или 31% от общей численности населения); к «обеспеченным» — те, у кого он выше двух прожиточных минимумов. Социальная и социально-политическая ситуация в России: анализ и прогноз. Первое полугодие 1995 г. М., ИСПИ РАН. С. 26.

⁶ Там же. С. 26-27.

86

По данным опросов ИСПИ, 20% респондентов в ноябре 1995 г. были намерены активно протестовать в случае отмены выборов в Госдуму России («за их отмену высказывались лишь 7 % респондентов), против — 34 %). И если 7% из них были готовы лишь к подписанию обращений, то 4% были готовы "взяться за оружие".

Последнее обстоятельство, на наш взгляд, необходимо учитывать в случае резкого обострения социально-политического противостояния или возникновения ситуации конституционного кризиса.

Значительный интерес в плане прогнозирования возможных экстремистских и террористических проявлений, на наш взгляд, представляют результаты, полученные в ходе опроса, проведенного НИИ конкретных социологических исследований Санкт-Петербургского госуниверситета под руководством А.А.Козлова (всего было опрошено в 1993 г. 1570 учащихся выпускных классов средних школ, учащихся последних курсов ПТУ и колледжей, студентов и курсантов военных училищ).

Подчеркивая достаточно высокий выявленный уровень готовности к социальной агрессии респондентов (почти всегда настроены агрессивно по отношению к другим людям 1,6% опрошенных, часто — 19,8%, при 6,2% затруднившихся с ответом), они показывают, что молодежный экстремизм, как массовое явление, как специфический социально-психологический феномен наших дней, выражающийся в повальном пренебрежении к действующим в обществе правилам и нормам или в циничном отрицании их...», следует рассматривать как «закономерное следствие коренной ломки стереотипов сознания и поведения»⁷.

В качестве причин (внешних факторов) агрессивности и конфликтности респондентами были указаны (что, по-видимому, характерно для данной социально-возрастной группы и в других многомиллионных городах России):

- нехватка насыщенных, дешевых товаров — 61,5 %;
- превращение города «в большую барахолку» — 55,2 %;
- недоступность дорогих, валютных магазинов — 34,7%;
- уголовная хроника — 32,6%;
- сообщение о военных столкновениях, политических и межнациональных конфликтах — 19,4%⁸.

33,7 % респондентов приходила в голову мысль «свести счеты с обидчиком с помощью оружия», причем 4,1 % из них «часто», а 12,3 % — «иногда».

Под экстремизмом в рассматриваемой работе понимается агрессивное поведение (настрой) личности, наиболее существенными внешними референтами которого являются, во-первых, нетерпимость к мнению оппонента, ориентированного на общепринятые в данном обществе нормы; во-вторых, склонность к принятию крайних (силовых) вариантов решения проблемы;

Комов А. А. Проблемы экстремизма в молодежной среде. Серия: Система воспитания в высшей школе. М., 1994. Выпуск 4. С. 5.

Там же. С. 11.

87

в-третьих, неприятие консенсуса как ценности и делового инструмента каждодневной деятельности; в-четвертых, неприятие прав личности и ее самой как самооценности⁹.

Рассмотрим, как часто люди бывают агрессивно настроены по отношению к другим людям (табл. 7).

Таблица 7

Агрессивно настроены	Почти всегда	Часто	Редко	Практически никогда
Да	64,3	47,9	26,0	24,4
Нет	7,4	14,8	30,6	40,0
Я не думал об этом	28,6	37,3	43,4	35,5

Несколько выше, чем в среднем по выборке, эта готовность отмечена у

студентов 33,3%; у курсантов военных учебных заведений — 33,0%. Среди школьников и учащихся ПТУ она составляет, соответственно, 27,7% и 24,7%.

Не может не настораживать тот факт, что высок оказался процент тех, кто выразил хотя бы умозрительную — на уровне общей идеи — готовность принять участие в тех или иных насильственных действиях:

- в отрядах «самообороны» — от 40,2% у студентов до 58,4% у курсантов военных училищ;
- в «терроризме» (кавычки указывают, что мы имеем дело лишь с вербальной заявкой на совершение этих действий) — от 5,9% у респондентов из числа школьников до 20,8 % у курсантов;
- в локальных войнах (в качестве «волонтеров») от 6,3 % у студентов до 30,2 % у курсантов;
- в уличных беспорядках или погромах — от 6,1 % у учащихся ПТУ до 10,4 % у курсантов¹⁰.

Потенциальные «террористы», делают вывод социологи, в большей степени тяготеют к идеалу «беззаботного человека», не связанного сколько-нибудь серьезной ответственностью (у них в 1,5-3 раза ниже ориентация на семью и бытовое устройство, обзаведение собственностью)¹¹. Это люди с ослабленным чувством жалости и способности прощать людей, они склонны к «нанесению ответного удара» («отомстить, чтобы запомнили навсегда» — этот показатель среди них в 3,8-4,5 раза выше, чем в среднем по массиву). Могут совершить поступок, наказуемый по закону, 48,9% «террористов», 47,8% «погромщиков» и 37,1 % «волонтеров»; при среднем значении этого показателя в 20%.

Авторы исследования считают, что появление среди молодежи «террористов» (агрессивно-экстремистски настроенных лиц) представляет собой

Коз. Юв А. А. Проблемы экстремизма в молодежной среде. Серия: Система воспитания в высшей школе. М., 1994. Выпуск 4. С. 14.

¹⁰ Там же. С. 20.

¹¹ Там же. С. 21.

88

в основном нравственно-мировоззренческую проблему, отмечая, в то же время, что большинство из них воспитывалось в нормальных, вполне здоровых семьях. Но допускают, что экстремистски настроенной молодежи может оказаться достаточно для создания "критической массы" и возникновения цепной реакции в обществе».

Для разработки действенной системы мер противодействия терроризму важное значение имеет также знание и учет факторов, способствующих его распространению.

По своему происхождению и источнику эти факторы, влияющие на состояние оперативной обстановки по линии борьбы с терроризмом, могут быть подразделены на внешние и внутренние, а также объективные и субъективные.

К числу внешних факторов можно отнести:

- объективный рост числа террористических проявлений в странах ближнего и дальнего зарубежья;
- социально-политическую и экономическую нестабильность в сопредельных государствах, наличие вооруженных конфликтов в отдельных из них, а также территориальных претензий;
- стратегические установки некоторых иностранных спецслужб, а также зарубежных (международных) террористических организаций;
- отсутствие надежного контроля за въездом и выездом граждан из России, а также сохраняющуюся «прозрачность» ее границ;
- наличие каналов нелегального поступления в Россию из-за рубежа оружия, взрывчатых веществ и других запрещенных для оборота вещей и предметов;
- образование российской «диаспоры» (расселения граждан РФ за пределами России).

Следует особо подчеркнуть, что данная система факторов существенно отличается от той, что действовала до начала 90-х годов, когда терроризм не имел столь масштабного распространения в нашей стране и в мире.

К числу внутренних факторов, способствующих росту угрозы терроризма, можно отнести:

- наличие в стране значительного нелегального «рынка» оружия и относительную легкость его приобретения;
- наличие значительных контингентов лиц, прошедших «школу войны» в Афганистане, Приднестровье, Таджикистане, Чечне и других «горячих точках» и их недостаточную социальную адаптированность в обществе переходного периода;
- существенное ослабление целого ряда административных режимов;
- наличие и деятельность ряда экстремистских группировок;
- обостренное чувство социальной неустroенности, незащищенности у значительных контингентов граждан;
- слабую работу правоохранительных органов и государственных и общественных органов и организаций по защите прав граждан;
- низкий уровень правовой и политической культуры в обществе;

89

- утрату многими людьми идеологических и духовных жизненных ориентиров;
- настроения отчаяния и рост социальной агрессивности, общественную фрустрацию, падение авторитета закона и власти, веры в способность и возможность позитивных изменений (на чем мы подробнее остановимся далее);
- широкую пропаганду в кино, на телевидении, в прессе и литературе культа жестокости и силы.

Если деятельность всей совокупности государственных органов России (при определенном участии и общественных объединений граждан) и не может полностью ликвидировать указанную систему факторов, неблагоприятно влияющих на оперативную обстановку в целом, то она, по

крайней мере, должна быть направлена на минимизацию их криминогенных последствий, что должно находить свое отражение в единой программе мер по противодействию угрозе терроризма.

Следует назвать также некоторые факторы, положительно влияющие на организацию борьбы с терроризмом. К их числу следует отнести:

- заключение соглашений со спецслужбами стран СНГ по борьбе с организованной преступностью;
- предпринимаемые меры по укреплению режима границы России и СНГ;
- присоединение России к ряду международно-правовых договоров, в частности, к Европейским конвенциям Совета Европы;
- введение в действие с 1 января 1997 г. нового Уголовного Кодекса России;
- наметившееся сотрудничество государств в борьбе с терроризмом и транснациональной преступностью;
- обращение внимания общественности к проблеме защиты прав граждан. Хотя представляется еще преждевременным говорить об устойчивости наметившихся позитивных тенденций.

На наш взгляд, для повышения эффективности борьбы с терроризмом как особо опасной формой преступности, большое значение имеет и учет мнения населения о тех органах, которые призваны вести с ним борьбу.

При проведении Всероссийским центром изучения общественного мнения (ВЦИОМ) опроса в ноябре 1995 г. были получены следующие ответы на вопрос: «В какой мере, на ваш взгляд, заслуживают доверия...» (табл.8).

Таблица 8

Варианты ответов	Армия	ФСБ	МВД, прокуратура, суд, СМИ
Вполне заслуживают	24	13	9
Не вполне заслуживают	31	33	36
Совсем не заслуживают	22	23	35
Затруднились с ответом	23	31	20

90

Эти результаты показывают высокую степень недоверия населения к органам МВД, ФСБ и армии.

Что касается уровня недоверия к ФСБ, то он определяется тем негативным стереотипом, который был запущен в общественное сознание СМИ в 1988— 1992 гг.

Только с 1995 г. этот стереотип несколько ослабел. Как видно из таблицы, наименьшим доверием у населения пользуются органы МВД, именно на которые в 1994-1995 гг. была возложена основная ответственность

в области борьбы с терроризмом.

Есть ли шанс победить терроризм? Проблема борьбы с терроризмом, вызывающая значительный общественный интерес и резонанс, рассматривалась в последние годы на ряде общественных форумов, что само по себе является «новым фактором».

Например, 11-13 марта 1996 г. в Москве по инициативе так называемой «Мюльхаймской инициативы», проходила международная конференция «Терроризм — самая большая угроза мировому сообществу», в работе которой принимали участие представители научно-исследовательских институтов, правоохранительных органов, спецслужб и средств массовой информации России, Германии и Франции. В частности, с развернутой характеристикой состояния противодействия терроризму в России выступил президент ассоциации ветеранов подразделений антитеррора «Альфа» С. А. Гончаров, подчеркнувший необходимость принятия на государственном уровне единой концепции противодействия терроризму со стороны всех властных структур и правоохранительных органов.

Он отметил (а мы приводим этот фрагмент выступления в качестве профессиональной оценки, переданной представителям общественности и СМИ на авторитетной встрече), что терроризм и экстремизм в России сегодня произрастают из противоречивых процессов в экономической, политической и социальной жизни страны: перераспределения собственности, падения уровня жизни большинства населения, сокращения производства, расширения маргинальных слоев, обострения межнациональных отношений, слияния криминального и политического экстремизма, высокой степени коррумпированности властей, отсутствия социальных гарантий граждан, увеличения миграционных потоков, разрушения духовности, ослабления режимных мер, падения эффективности деятельности спецслужб и правоохранительных органов, использования методов насилия для разрешения политических противоречий.

Представитель Института военной истории РФ В. Еременко, подчеркивая опасность роста исламского фундаментализма, отметил, что в период чеченского конфликта сепаратисты находили понимание, сочувствие и поддержку со стороны отдельных представителей мусульманских религиозных и культурных организаций. Это понимание проявлялось в финансовой, организационной помощи, помощи оружием и медикаментами, в переподготовке и лечении боевиков, направлении в Чечню наемников.

Профессор Х. Линке (ФРГ), подчеркнув опасность как государственного, так и «радикального» терроризма, отмечал, что «террористов нельзя оставлять наедине с их идеологией: надо стремиться быть рядом с ними, отвлекать их от экстремистских действий, проводить "терапевтическое лечение" их тер-

91

рористического мировоззрения и установок», что может быть использовано в практике деятельности отечественных спецслужб по противодействию террористическим угрозам.

Президент российско-германской ассоциации «Мольхайская инициатива» профессор Г. Я. Якобен подчеркивал, что «насилие способно породить только насилие». А посему предлагал активно использовать в борьбе с терроризмом и иные, ненасильственные методы противодействия, сочетая их с созидательными действиями государства, призванными играть интегрирующую роль в разрешении острых внутренних конфликтов, в чем его поддержали Э. Шульц и Х. Линке.

Ведущий криминалист Германии А. Пфаль-Траугзер изложил следующие критерии, выработанные в ФРГ для выявления террористических организаций:

- целенаправленное применение насилия для устрашения;
- наличие политической цели и ее антидемократический характер;
- общественная изоляция субъектов террористических действий;
- наличие организационной структуры.

В качестве основных детерминант «правого» терроризма' докладчиком были названы:

- рост индивидуализма, утрата общественных связей как реакция на быструю индустриализацию и рационализацию социального бытия;
- утрата профсоюзами, церковью, школой роли институтов социализации молодежи, объединяющих ее на основе единого мировоззрения, морали, общественно-групповых ценностей, вследствие чего этот идейный вакуум заполняется экстремистской идеологией;
- возрастание неуверенности широких слоев населения в завтрашнем дне, что способствует маргинализации и сплочению «единомышленников» для совместной борьбы с «общим врагом»;
- стремление самоутвердиться путем противопоставления себя государству и обществу, попрания общественно признанных «табу» (социальных норм поведения), в частности, используя фашистскую символику, путем провокационного поведения

Он также отмечал, что борьба с правым экстремизмом в обществе — задача не правовых институтов. Она должна осуществляться различными социальными и просветительскими учреждениями путем организации активного диалога с молодежью, организации ее досуга, образования и т.д. Однако большинство государств экономит на этом направлении своей деятельности, за что вынуждены расплачиваться по более высокой цене, в которую выливается борьба с террористическими акциями.

Профессор Э. Йессе (Германия) изложил суть концепции «воинствующей демократии», встречающей понимание в некоторых странах и означающей разумное применение силовых методов в правовом государстве для защиты демократических прав и свобод.

Эта концепция базируется на принципах:

- провозглашения и отстаивания государством приоритетных ценностей, отражающих интересы большинства населения;

- надежной государственной защиты провозглашенных ценностей;

- превентивной их защиты правовыми и иными средствами от возможных угроз¹².

В то же время, по мнению Э. Йессе, подход к организации борьбы с политическим радикализмом и терроризмом должен быть взвешенным и последовательным. Недопустима гипертрофированная реакция на проявления политического экстремизма (трагические события 23 февраля и 22 июня 1992 г., 1 мая 1993 г. которые являются недопустимыми, с точки зрения полицейской практики ФРГ). Следует тщательно вскрывать корни и особенности возникновения и развития различных экстремистских течений с тем, чтобы максимально "эффективно осуществлять снижение их активности, локализовать возможное перерастание в антиконституционные и противоправные формы.

На примере ФРГ различие в подходах к противодействию двум разновидностям политического радикализма он обосновывал их различной природой: идеалистическими стремлениями «левых» «улучшить окружающий мир» и сделать людей счастливыми, с одной стороны, и эгоцентричными, властолюбивыми устремлениями правых радикалов, — с другой.

В отличие от романтического идеализма, являющегося одной из главных движущих пружин левого радикализма, правый экстремизм криминален в своей основе.

И если, по мнению Йессе, с правыми радикалами в демократическом обществе очень непросто вести мирный диалог, то с левыми силами он возможен. Кроме того, само развитие демократических обществ, усиление социальной защищенности граждан и гарантий их прав и свобод, повышение уровня и качества жизни позволяет решать те задачи, которые ставят перед собой левые радикалы. Именно этим обстоятельством Йессе объясняет заметное снижение активности левого экстремизма в Германии.

На наш взгляд, во многом сходное положение сложилось сегодня и в России.

С докладом о взаимодействии полиции с общественностью в сфере противодействия политическому экстремизму выступил главный комиссар полиции г.Эссена У. Хитц. Он подчеркнул, что силы правопорядка — полиция и ее различные спецподразделения, вплоть до антитеррористических, — являясь частью исполнительной власти, должны предельно осторожно относиться к применению силы в отношении собственных граждан. В этой связи с ФРГ сложилась следующая идеологии действия полиции.

Поскольку полиция воплощает в себе монополию государства на применение силы, а государство обязано неукоснительно соблюдать права и свободы граждан, ущемление которых возможно лишь в специально оговоренных законом случаях, то силовые меры в отношении «инакомыслящих» могут применяться лишь в том случае, когда те сами прибегают к применению силы.

Деятельность полиции по противодействию политическому

радикализму ведется по двум направлениям:

¹² Данный подход весьма активно разрабатывается и в нашей стране в работах РАУ-Корпорейшн. См., например. Национальная безопасность: Россия в 1994 г.; Национальная доктрина. Проблемы и приоритеты (1995 г.); Россия на пороге XXI века (1996 г.) и другие издания этого центра.

93

- осуществление превентивных действий;
- выработка тактики на основе построения моделей возможных экстремистских проявлений.

При этом она реализуется в тесном взаимодействии с местными органами исполнительной власти, общественными организациями, церковью, СМИ.

Превентивные действия заключаются в принятии мер, исключающих или минимизирующих возможность возникновения социально-политического конфликта, на почве которого и произрастает экстремизм.

В этих целях организуются и проводятся специальные тематические вечера для молодежи, например, о противодействии наркомании, повышению уровня правовой культуры населения, привитию гражданам неприятия идеологии насилия и т. д.

Полиция стремится особо активно воздействовать и концентрировать свое внимание в предупредительной деятельности по отношению к социально-активным группам с двисантным (отклоняющимся) поведением в плане улучшения их жилищных условий, решения проблем занятости, досуга. При этом полиция стремится активно взаимодействовать с церковью, СМИ.

Тактика противодействия экстремистским проявлениям на основе построения модели возможного развития ситуации, обострения обстановки включает:

- проведение разъяснительной работы в коллективах или соответствующих средах, способных породить социальный взрыв;
  - взаимодействие с органами юстиции в плане скорейшего расследования и судебного разбирательства имевшихся правонарушений с широким доведением до общественности результатов судебных разбирательств;
  - концентрация полиции в точках вероятного возникновения беспорядков;
  - проведение рабочих заседаний по конкретным фактам обострения ситуации с участием заинтересованных органов и представителей общественных организаций;
  - осуществление контроля над ситуацией техническими средствами, включая проведение оперативно-технических мероприятий;
  - тесное взаимодействие с ведомством по делам молодежи и иностранцев, охране конституции (БФФ);
  - использование доверительных контактов с общественностью.
- Следует отметить, что продемонстрированный на конференции

германской стороной подход не является принципиально новым для нашей страны, он присутствовал в теории и реализовывался на практике в деятельности правоохранительных органов СССР в 70-80-е годы, но оказался преданным забвению в последующие годы, в связи с чем он возвращается к нам в виде рекомендаций и предложений со стороны «цивилизованных» государств.

В целом в качестве постоянно действующего фактора, влияющего на состояние борьбы с терроризмом, следует рассматривать также содержание ин-формаштонных потоков СМИ по проблемам терроризма и борьбы с ним, "а равно и степень знакомства населения, особенно общественных объединений граждан, партий, движений, с этой проблемой.

94

В этой связи, как представляется, отслеживание такой информации, се контент-анализ должен быть одним из самостоятельных направлений информационно-аналитической работы подразделений по борьбе с терроризмом органов ФСБ России, в частности, и Межведомственной антитеррористической комиссии, образованной постановлением Правительства России от 16 января 1997 года.

Государственная Дума РФ приняла закон «О терроризме», что уже является фактом, демонстрирующим понимание законодательным корпусом страны серьезности этой проблемы. Но, к сожалению, мы должны отметить, что пока еще страна не имеет единой стратегии противодействия терроризму.

Представляется, что эта стратегия, в частности, должна включать:

- противодействие — идеологическое, информационное, организационное — формированию у граждан террористических намерений и настроений;
- формирование в обществе устойчивого мнения о недопустимости террористических методов протеста, но и о абсолютной невозможности каких-либо уступок террористам или соглашений с ними;
- противодействие — правовое, информационное, административное и оперативное — возникновению террористических (экстремистских) групп и организаций;
- недопущение приобретения лицами, вынашивающими террористические намерения, оружия и иных средств осуществления преступных действий;
- предупреждение террористических действий на стадии их подготовки и покушения;
- пресечение — оперативное, боевое, уголовно-правовое, — террористических действий на стадии их реализации.

Три первых из названных направлений противодействия террористическим проявлениям входят в понятие общепредупредительной деятельности государства. И, по-видимому, организация ее станет одним из направлений деятельности уже упоминавшейся Антитеррористической комиссии.

Однако, в этой связи вызывает недоумение отсутствие в ее составе

представителей крупнейших государственных средств массовой информации. Необходимость тесного сотрудничества с ними Антитеррористической комиссии сомнений не вызывает. Приведем в этой связи один факт. Принятый 26 апреля 1996 г. Конгрессом США закон «О борьбе с терроризмом и применении смертной казни» предписывал министру юстиции изучить вопросы:

- о наличии «в свободном доступе» гражданам сведений о производстве и применении взрывных устройств;

- действующих в этой сфере правовых норм и необходимых дополнениях к ним, если это вызывается целесообразностью.

Думается, что это конкретный пример, достойный подражания.

Тем более, что в настоящее время в нашей стране информационная обстановка достаточно неблагоприятна. Известно, что некоторые сообщения СМИ могут рассматриваться как своеобразные «учебные пособия» для потенциальных террористов.

95

Внимание СМИ и общественности к проблеме терроризма, наличие значительного числа публикаций по ней, может вызвать «эффект бумеранга», то есть оказывать стимулирующее воздействие на преступников. Отметим в этой связи, что захват заложников получил столь широкое распространение после того, как эта практика получила широкое освещение в прессе во второй половине 80-х годов.

Для разработки эффективной стратегии противодействия терроризму важное значение имеет знание особенностей социально-психологической обстановки в обществе.

' Выводы исследований свидетельствуют, что проблема противодействия терроризму и политическому экстремизму останется чрезвычайно острой для России на протяжении ближайших лет. В связи с этим разработка стратегии противодействия данной форме угрозы национальной безопасности требует к себе пристального внимания как ученых, так и работников правоохранительных, законодательных и исполнительных органов.

В качестве примера неудачного подхода к решению задач борьбы с терроризмом, сошлемся на известное обстоятельство, что накануне вступления в действие нового Уголовного кодекса России в СМИ не было привлечено внимание к примечанию к статье 205 об условиях освобождения от уголовной ответственности. Как известно, аналогичные нормы имеются в статьях о похищении человека (ст. 126), захвате заложников (ст. 206), о незаконных вооруженных формированиях (ст. 208).

А ведь именно введение этого положения в уголовный кодекс Италии позволило нанести ряд серьезных ударов по террористическим организациям этой страны.

В целом же в криминологическом плане для организации эффективного противодействия насилию в обществе и терроризму, как его крайней форме, следует учитывать его причины и формы:

- бытовые (относя сюда также насилие из хулиганских побуждений и патологическое, связанное с наличием тех или иных аномалий, в том числе и психического свойства, у его субъектов);
- корыстные, имеющие материальную мотивировку (рэкет, вымогательство, устрашение или устранение конкурентов и т.д.);
- насилие на межнациональной почве, потенциально весьма опасное для нашей страны;
- насилие на религиозной почве;
- насилие политическое, вырастающие из экстремизма, нетерпимости к иному мнению, презрения к правам других лиц, неуважения к Конституции России и ее законам.

Немалую лепту в обострение политического противостояния и противоборства в обществе вносят и средства массовой информации, информационные службы и агентства. И все это падает на благодатную почву крайне низкой политической и правовой культуры населения.

Нередко можно слышать утверждение, что СМИ, якобы, являются «независимыми» со всеми вытекающими отсюда последствиями. Однако вряд ли можно согласиться со столь расширительным толкованием «свободы слова

96

и информации». Статья 29 Конституции, как известно, запрещает пропаганду социальной, национальной, политической и религиозной ненависти и вражды.

Еще более категорична на этот счет Европейская конвенция о защите прав человека и основных свободах, подписанная Россией в феврале 1996 г. Часть 2 статьи 10 Конвенции о свободе мнений и передачи информации устанавливает, что «пользование этими свободами, поскольку это согласуется с обязанностями и ответственностью, может быть предметом таких формальностей, условий, ограничений или наказаний, предусмотренных в законе и необходимых в демократическом обществе в интересах национальной безопасности, территориальной целостности или публичного порядка в целях предотвращения беспорядков и преступлений, для защиты здоровья и морали, а также для защиты репутации или прав других лиц, для предотвращения утечки информации, полученной конфиденциально, или поддержания авторитета и беспристрастности правосудия».

К сожалению, СМИ не уделяют должного внимания проблеме борьбы с насилием, не принимают активного участия в просвещении населения, в том числе и правовом, в воспитании молодежи. А возможности их, и прежде всего электронных, весьма существенны.

Национально-этнический аспект

В. Е. Петрищев

Роль национализма в воспроизводстве терроризма

Весь исторический опыт человеческой цивилизации убедительно свидетельствует о тесной взаимосвязи состояния межнациональных

отношений и уровня террористических проявлений. Особенно актуальна эта проблема сегодня для нашей страны, так как Российская Федерация, являясь многонациональным государством, в условиях противоречивых и болезненных перемен во всех сферах общественной жизни зачастую сталкивается с процессами обострения межнациональных отношений, прямо и опосредованно порождающих массовые противоправные действия, взаимное недоверие и вражду между народами, экстремизм и его крайнюю форму — терроризм. Как справедливо утверждалось в одной из работ Центра социологии межнациональных отношений Института социально-политических исследований РАН, «в ряде регионов России, как и в бывших республиках Союза, ощущается гипертрофирование национальной идеи, ее трансформация в национализм и сепаратизм... Это с неизбежностью приводит к росту конфронтационности массового сознания, национальному обособлению и разобщенности, к усилению напряженности в межнациональных отношениях»¹. А это, в свою очередь, влияет на состояние криминогенной обстановки и, на определенном уровне развития деструктивных процессов, на безопасность страны. Нельзя не согласиться в этой связи с прозвучавшими в ходе «круглого стола» «Межнациональные отношения и проблемы национальной безопасности Российской Федерации» (июнь 1997 г.) заявлениями о том, что в современных условиях национализм является одной из серьезнейших угроз самому существованию России как цельного единого государства.

Попытаемся рассмотреть вопрос о влиянии межнациональных отношений на состояние безопасности государства и общества на примере проблемы борьбы с терроризмом, возникающим на почве обострения этих отношений.

Предварительно необходимо отметить, что вопросы эффективного противодействия террористической угрозе, произрастающей на различной социальной и политической основе, превратились сегодня в проблему глобального масштаба, что подтверждается постоянно нарастающим количеством международных встреч, конференций, рабочих совещаний глав правительств, руководителей спецслужб и правоохранительных органов, представителей широкой общественности, посвященных вопросам снижения опасности терроризма.

См.: Межнациональные отношения в регионах России и СНГ. М., 1994. С. 3.

98

Особенно актуальной стала эта тема для России, в которой с конца 80-х годов наблюдается взрыв террористических проявлений. Страна, обладавшая надежным иммунитетом по отношению к широкому распространению политически мотивированных актов насилия, утратила этот иммунитет. И причин тому достаточно количество.

Начнем с того, что в условиях кардинальной ломки формационных и надстроечных структур, а также сложившихся отношений в области политики, экономики, права, в социальной и иных важных сферах жизни

государства и общества утрачены прежние, десятками лет вырабатывавшиеся механизмы упорядочения и конституционного регулирования отношений, прямо или косвенно влияющих на состояние безопасности страны. Особенно «досталось» идейно-политической сфере, так как прежняя идеология предана анафеме, а новой обществу, потерявшему ориентиры, не предложено. Девальвированы, а по существу — утрачены такие дисциплинирующие и цементирующие общественную жизнь начала как патриотизм, чувство долга, нравственность, мораль, интернационализм.

Современная российская действительность создала и продолжает постоянно воспроизводить все новые факторы, исключительно благоприятствующие росту экстремизма и терроризма. К подобного рода детерминантам можно отнести социальное расслоение общества, обострение политической борьбы, рост безработицы и социальной незащищенности граждан, распространившийся во всех слоях общества и государственных структурах правовой нигилизм, усиление сепаратистских тенденций, несовершенство российского законодательства и т. д.

Особое место среди факторов, детерминирующих терроризм в Российской Федерации, занимает национализм, активно расцветающий на территориях всех бывших советских республик, включая Россию. Как идеология, политика и социальная практика, направленная на проповедь национальной исключительности и превосходства, разжигание ксенофобии и национальной вражды, национализм обладает исключительным потенциалом разрушения, способным нагнетать социальную напряженность в обществе, разжигать конфликты различного масштаба, а в случаях, когда ему не противопоставляются адекватные эффективные меры противодействия — и уничтожать целые государства. Новейшая история знает много примеров, подтверждающих этот тезис: кровавые столкновения в индийских штатах Кашмир и Пенджаб, военные действия в Югославии, разрушившие некогда единое государство, террористическая активность тамиллов в Шри-Ланке или курдов в Турции, — все это иллюстрирует высокую степень угрозы безопасности, исходящей от национализма.

К сожалению, наша страна не избежала печальной участи на своем опыте испытать масштабные негативные последствия обострения межнациональных отношений. Как представляется, особенно активно начали развиваться националистические метастазы в регионах бывшего Советского Союза с середины 80-х годов, когда Горбачев, Яковлев, Шеварднадзе и их соратники из числа радетелей об «общечеловеческих интересах» фактически подготовили почву для развала всего социалистического лагеря и собственной державы. При этом одним из самых действенных орудий этого разрушительного процесса был

именно национализм, который зачастую пытались (и до сих пор пытаются) маскировать под термин «рост национального самосознания».

Хотелось бы подчеркнуть, что опасные центробежные тенденции, произрастающие на почве национализма и содержащие угрозу для безопасности и самой целостности Советского Союза, не проходили мимо

внимания государственных структур, ответственных за внешнюю и внутреннюю безопасность страны. Так, сотрудники КГБ СССР, отслеживавшие состояние и динамику развития социальной и политической обстановки на местах, в регионах и на территории всей страны, прекрасно видели, что заигрывание центральной власти с националистами в республиках может привести к необратимым разрушительным последствиям для общества и государства. Тщательно подготовленные, подтверждаемые убедительными конкретными фактами аналитические материалы, содержащие выверенные прогностические оценки угрожающего развития ситуации, докладывались на «самый верх». Справки подтверждали, что нарастающий вал национализма, кстати, активно стимулировавшийся спецслужбами стран Запада и США, объективно ведет к гибели страны. Однако «Горбачев и компания» отмахивались от такого рода материалов, списывая их происхождение на профессиональную подозрительность представителей отечественных спецслужб. К сожалению, время подтвердило точность прогнозов аналитиков из КГБ СССР. Националистические проявления в республиках Прибалтики, активно поддержанные московскими «демократами», армяно-азербайджанский конфликт в Нагорном Карабахе, национал-сепаратистские процессы в республиках Средней Азии, в Казахстане, на Украине и в самой России привели к логическому итогу — уничтожению СССР.

Однако после развала Советского Союза национализм не прекратил своего разрушительного воздействия на территориях вновь возникших государственных образований. Он, как ржавчина, разъедающая железо, ослабляет основы общества и государства в большинстве стран СНГ. И, пожалуй, самым ярким и трагическим примером, иллюстрирующим исходящую от национализма угрозу, являются события последних трех лет в Чечне, унесшие десятки тысяч жизней россиян. Эти события показали, к каким тяжким последствиям политического, экономического, нравственного характера может привести легкомысленное отношение власти к вопросам своевременного регулирования межнациональных отношений, отсутствие стратегически ориентированной государственной политики в этой области, а также твердой воли к ее последовательному проведению в жизнь.

Чечня рельефно продемонстрировала и факт тесной взаимосвязи национализма и терроризма. Ставшие уже классическими, небывалые по наглости и количеству жертв террористические рейды Басаева и Радужева, подтвержденные документальными материалами жестокие истязания российских военнослужащих в отрядах чеченских боевиков, заявления Дудаева, а затем и его последователей о готовности применить оружие массового поражения по всей территории Российской Федерации, — все это свидетельства активного произрастания террора на идейно-политической почве, щедро удобренной национализмом. С другой стороны, любой акт терроризма во время чеченских событий неминуемо провоцировал у потерпевшей стороны прилив ненависти к его исполнителям, причем эта ненависть фактически распространялась на весь народ,

который представляли террористы. Возникал новый виток ожесточения, национализм и терроризм продолжали подпитывать друг друга. Хотелось бы подчеркнуть при этом, что *акции устрашения с применением особо жестоких форм насилия, собственно и составляющие содержательную сторону практики терроризма, применялись в ходе ведения боевых действий в Чечне обеими сторонами.*

Мы уже отмечали, что терроризм детерминируется широким спектром факторов различной природы. Однако вряд ли можно найти среди них такой же сильный, глубокий и долговременный, с точки зрения порождаемых им террористических последствий, как национализм. Попытаемся проанализировать, чем это объясняется.

Национализм апеллирует к наиболее глубоким и чувствительным психологическим качествам человека, отличающимся к тому же способностью незамедлительно рефлексивно реагировать на внешние раздражители положительного или отрицательного свойства. При этом воздействие извне, угрожающее ущемлением национального достоинства (будь то прямое оскорбление со стороны представителя другой национальности или распространение информации о совершении несправедливых действий по отношению к соплеменникам), вызывает однозначно негативную реакцию индивида, представляющего данную нацию.

Наличие такой болезненной рефлексии позволяет лицам, по тем или иным причинам заинтересованным в обострении межнациональных отношений, возбуждать агрессивную ответную реакцию, воздействуя на людей не на уровне сознания, а на уровне эмоций, переживаний, чувств. Это приводит их в состояние, когда критичность по отношению к собственным поступкам значительно снижается, что, в свою очередь, создает благоприятные условия для манипулирования поведением людей и направления возбужденной в них агрессивности в русло экстремизма и терроризма.

Следует подчеркнуть, что воздействие на национальные чувства людей вызывает достаточно устойчивую ответную реакцию, для нейтрализации которой необходимо весьма продолжительное время. Таким образом, возникает возможность использовать «наведенный» потенциал агрессии в течение довольно длительного времени.

Болезненные нравственные раны, нанесенные путем воздействия на национальные чувства, заживляются исключительно медленно и имеют свойство наследственно передаваться из поколения в поколение. Так, например, массовое истребление турками армян в конце XIX - начале XX века оставило глубокий отпечаток в исторической памяти армянского народа и до сих пор сказывается на отношениях Армении с Турцией и Азербайджаном. Не последним стимулом в разжигании в Чечне ненависти к русским, проявившейся, в частности, в особой жестокости по отношению к военнослужащим федеральных сил и даже к мирному русскоязычному

населению, явилась депортация чеченцев, осуществленная советским правительством в 40-е годы. Примером долгой исторической памяти некогда «обиженных» народов может служить и участие в вооруженных действиях против России в Абхазии. Чечне и других «горячих точках» боевиков националистических формирований из стран Балтии и Украины.

Важным обстоятельством является и то, что национализм обладает способностью сплачивать представителей одной национальности, которым угрожает реальная, гипотетическая или искусственно создаваемая, выдуманная заинтересованными лицами опасность. Это обстоятельство позволяет собирать воедино и мобилизовывать агрессивность отдельных индивидов, создавая вполне реальную силу, объединенную едиными лозунгами, стремлениями и целями и способную выплеснуть мощный заряд агрессивности в той или иной опасной для окружающих форме.

Это свойство многократно усиливать реакцию людей, апеллируя к наиболее чувствительным, устойчивым и характерным для достаточно широкого, объединенного национальным единством социума качествам, ученые подметили уже давно. Так, еще сто лет назад основатель социальной психологии Гюстав Лебон в работе «Психология толпы» констатировал: «Общность чувств, идей, верований и интересов, созданная медленными наследственными накоплениями, придает психическому складу народа большое сходство и большую прочность, обеспечивая ему в то же время громадную силу» .

Обращение к национальным чувствам людей очень часто используется инспираторами экстремистских и террористических проявлений в качестве тактического приема для маскировки и сокрытия своих истинных целей. Осознавая то обстоятельство, что соплеменники не поддержат экстремистских действий в случае, если в качестве их мотива будут выступать, например, личные амбиции или желание кучки авантюристов захватить власть, последние активно распространяют в своем окружении информацию о горячем желании отстоять права и свободы, защитить традиции, историю, культуру, язык своего народа. При этом истинные корыстные мотивы разжигания межнационального конфликта тщательно маскируются лозунгами, которые выглядят как вполне справедливые требования и способны в этой связи найти заинтересованный отклик в сердцах людей.

В качестве иллюстрации такой подмены мотивации для провоцирования масштабных общественно опасных экстремистских проявлений с использованием национализма можно привести декабрьские события 1986 г. в столице Казахстана Алма-Ате. Тогда, после принятия непродуманного решения в ЦК КПСС, неожиданно был снят с должности 1-го секретаря Компартии Казахстана Д. Кунаев, а на его место назначен партийный секретарь из Ульяновска Н. Колбин. Передача власти в республике новому чиновнику создавала угрозу устоявшемуся в течение десятилетий порядку управления, сформированному в значительной степени по клановому принципу. Местная партноменклатура и кормящаяся при ней

чиновничья интеллигенция в целях защиты своих узкокорыстных интересов попыталась инициировать массовое недовольство граждан. При этом конфликт, возникший на почве безграмотного административно-политического решения, был переведен в русло межнационального конфликта, который максимально способствовал обострению и драматизации ситуации. Получили широкое распространение лозунги об оскорблении национального достоинства местного населения, призывы выступить с акциями протеста. В Алма-Ате и ряде других городов республики вспыхнули массовые

² См.: *Лебон Г.* Психология народов и масс. СПб., 1995. С. 21-22.

102

беспорядки. В качестве ответной реакции возникли антиказахские настроения у лиц иных национальностей, усилился их отток из республики. Это стало одной из серьезных трещин в сфере межнациональных отношений народов Советского Союза, способствовавших в итоге подрыву внутренней безопасности страны и ее развалу.

Следует иметь в виду, что привлечение национализма в качестве мощной детерминанты разжигания социально-политического конфликта зачастую позволяет резко увеличить его масштабы и географию, выводя его даже за рамки одного государства путем вовлечения в различных формах зарубежных национальных диаспор: в форме предоставления идеологической, материальной, технической, финансовой и иной помощи, формирования выгодного для националистов общественного мнения, воздействия в необходимых случаях на собственные правительства или международные организации и т. д.

Национализм, сплачивая представителей одного народа, одновременно формирует у них образ врага по отношению к представителям других наций или народов, провоцируя ответную враждебную реакцию. В результате межнациональные отношения обостряются и способны перейти в антагонистическую фазу развития, чреватую масштабными акциями насилия.

Следует отметить, что национализм и терроризм роднит между собой и то обстоятельство, неоднократно доказанное человеческой историей, что оба они чаще всего возникают в условиях осложнения социально-политической и экономической обстановки, периоды кризисов и формационных сдвигов. Именно такую критическую ситуацию переживает сегодня Российская Федерация, что серьезно актуализирует проблему противодействия национализму в нашей стране.

Безусловно, национализм не всегда и не обязательно приводит к острым проявлениям экстремизма и терроризму. Социальный протест, лодпытыва-ющийся заложенным в национализме зарядом конфронтационности, может выражаться и в иных формах: коллективные заявления, выдвижение ультиматумов, проведение митингов, манифестаций, пикетирований, обращения в международные организации и т.д. Путь, по которому канализируется чувство национальной обиды (превосходства, ненависти), зависит от многих факторов: степени остроты конфликта,

сплоченности нации, авторитета лидеров национальных движений, значимости стимула для достижения декларируемой националистами цели, национально-психологических особенностей народа и других. Если, например, вспомнить в этой связи попытки восстановления своих автономий некогда репрессированными в СССР народами, то каждый из них выбирал форму, наиболее соответствовавшую его национальному характеру. Так, относительно непредставительные по численности турки-месхетинцы предпочитали решать вопрос о возвращении в Крым путем проведения дерзких, явно конфронтационных публичных акций, рассчитанных на максимальный общественный резонанс. В то же время автономисты из числа советских немцев, представляя двухмиллионный народ, будучи по своему национальному характеру людьми законопослушными и дисциплинированными, напротив, чаще всего пытались добиваться восстановления уничтоженной в 1941 г. Республики немцев Поволжья легитимными, мирными способами, а когда убедились в их неэффективности — стали просто эмигрировать в Германию.

Подводя итоги всему вышеизложенному, можно констатировать, что национализм как серьезная угроза для безопасности общества и государства, способная не только осложнять обстановку внутри страны и на международной арене, но и порождать масштабные социальные конфликты, чреватые человеческими жертвами и иными негативными последствиями, требует от органов власти очень внимательного, корректного, предупредительного отношения к решению вопросов, затрагивающих межнациональные отношения. Они должны научиться просчитывать все возможные последствия принимаемых политических, экономических, административных решений, проводя их своеобразную экспертизу с точки зрения влияния на состояние межнациональных отношений в стране. Следует также активизировать правовой, идеологическую и воспитательную работу среди населения в целях привития российским гражданам иммунитета от вируса национализма и попыток вовлечения на его основе в акции экстремизма и противоправного насилия. Здесь должны найти свое место и органы исполнительной власти, и ученые-обществоведы, и церковь, и учреждения просвещения и культуры.

К. Х. Ипполитов, С. А. Гончаров

Разрастание угрозы терроризма в регионе Северного Кавказа

Анализ развития политической и оперативной обстановки на Северном Кавказе за последние шесть лет показывает острую необходимость срочной разработки целостной концепции безопасности России в этом регионе. Это становится все очевиднее в связи с возрастающей угрозой национально-территориального сепаратизма в данном регионе и постоянно возрастающего применения террора как средства его генерации. В данном случае террор, как метод политического экстремизма, является следствием нерешенных экономических, социальных проблем и вопросов межнациональных отношений. Одновременно с этим он превратился в постоянно действующий фактор дестабилизации обстановки и обострения межнациональных

отношений в регионе.

Поэтому исследование проблем терроризма на Северном Кавказе невозможно в отрыве от учета особенностей терроризма в России и тех факторов, которые оказывают прямое или косвенное воздействие на зарождение, развитие и тактику применения террора как метода политического экстремизма.

1

О каких бы причинах, порождающих политический экстремизм и терроризм, мы ни говорили, какие бы группы факторов мы ни выделяли, прежде всего необходимо подчеркнуть, что Россия переживает переходный период, в основе которого лежит передел собственности, прямо затронувший судьбу и интересы всех граждан нашей страны. В движение пришли триллионы рублей, за которыми лежат не только «живые» деньги, но и гигантские материальные ценности. И весь этот процесс определяет поведение отдельных лиц, всех значительных социальных, этнических и профессиональных групп населения. В такой переходный период, тем более отягощенный тяжелым экономическим кризисом, в обществе объективно создаются условия для социального противостояния, формируется особое состояние массового сознания, для которого характерны: неадекватная оценка реальной действительности в российском обществе, широкое распространение настроений неуверенности, неоправдавшихся ожиданий, социального страха, озлобленности и агрессивности, социального нетерпения, обеспечивающее повышенную восприимчивость к экстремистским призывам решительно поддержать радикальные акции социального протеста. Когда это еще дополняется слабостью государственной власти, ее неспособностью обеспечить физическую безопасность личности и ее имущества, культ насилия начинает стремительно прокладывать себе дорогу, и экстремизм в этих условиях становится неотъемлемой частью менталитета

русского общества. Вспомните, как реагировало наше общество на события в Сумгаите, Фергане, Тбилиси и как относительно спокойно воспринимает оно сегодняшнюю действительность, когда дня не проходит, чтобы мы не были свидетелями той или иной террористической акции различного масштаба.

Все это, вместе взятое, начало формировать в общественном сознании установки о невозможности реализации интересов и потребностей многочисленных слоев русского общества без самых решительных, радикальных, «жестких» мер.

Действительность последних лет, конкретные террористические акты на территории России и особенно последние события на Северном Кавказе позволяют утверждать, что в основе зарождения и развития экстремизма в целом и терроризма в особенности лежит комплекс противоречий, на основных из которых следует хотя бы кратко остановиться. При этом хотелось бы еще раз подчеркнуть, что нельзя терроризм рассматривать вне экстремизма, поскольку иначе мы неизбежно можем впасть в серьезную,

принципиальную ошибку: иллюзию возможности подавления терроризма, не затрагивая при этом причин, его порождающих. Именно поэтому, чтобы не впасть в подобную ошибку, мы и вынуждены рассматривать прежде всего причины, порождающие политический и уголовный экстремизм в целом, и терроризм, как его конкретный метод.

II

Исходя из сказанного, необходимо прежде всего определить основные противоречия и соответствующие им факторы, воздействующие на характер и тенденции развития экстремизма в целом и терроризма в особенности.

Прежде всего, это **противоречия экономического характера**, основными из которых являются:

- **резкое несоответствие результатов экономической реформы ожиданиям общества;**

— **несоразмерно высокая цена реформы** (падение вдвое производства, обнищание большинства населения).

Все это породило действие таких долговременных факторов, как некомпенсируемый рост цен, растущая безработица, сужение внутреннего рынка и вытеснение с него отечественного производителя, трудности становления российского предпринимательства, растущая криминализация экономики и т.д. В условиях ограниченных финансовых, материально-технических, ресурсных и иных возможностей они ведут к тяжелым социальным последствиям, создавая основу напряженности в обществе, и тем самым формируют социальную основу политического экстремизма.

При этом хотелось бы обратить внимание на такой фактор, как разгосударствление и приватизация собственности, породивший новые элементы социальной структуры, занятые в непродовственных сферах, и проникновение в область отношений собственности криминальных структур, что придавало борьбе за собственность жесткий, насильственный характер.

Особое значение приобрели в современной Российской действительности **социальные противоречия**.

Во-первых, это *противоречия, обусловленные расколом общества на группы с различным экономическим положением*. На этой основе в нем возникла и продолжает развиваться поляризация. Разрыв в уровне доходов между самыми богатыми и самыми бедными превышает в России норму, допустимую в цивилизованных странах и обеспечивающую относительную социальную стабильность.

Это повлекло за собой замедление процесса формирования среднего слоя, значимость которого в социальной структуре создает основу социальной стабильности.

Вместе с тем, произошло расширение маргинальных слоев за счет бывшего среднего слоя — военнослужащих, «афганцев», теперь и «чеченцев», научной и педагогической интеллигенции, студенчества и т.д., а через это — стремительное пополнение люмпенства как основы социальной нестабильности и формирования криминальных групп различного толка.

За этим последовала социальная деформация общества, отток активной

части населения из приоритетных сфер жизнедеятельности общества (производства, науки, образования и др.), возрастание социальной вражды и агрессивности, обвальная рост преступности, прежде всего тех видов преступлений, которые связаны с насилием против личности.

Во-вторых, это *противоречия, обусловленные углублением национальных, религиозных, региональных и иных конфликтов,* что повлекло за собой действие таких факторов, как:

- формирование долговременных очагов социальной напряженности и противоборства, способных легко перейти в стадию открытого конфликта с активным применением форм насилия, в том числе и терроризма (особенно — осетино-ингушский конфликт, Чечня);

- широкомасштабное распространение криминогенных процессов;
- снижение эффективности деятельности правоохранительных органов и возрастание угрозы безопасности личности и имущества;

- усиление влияния лидеров организованной преступности на развитие и обострение процессов противоборства. Кто внимательно следил за всеми происходящими процессами в Чечне на протяжении пяти-шести последних лет, не мог не обратить внимание на необычайно тесное и глубокое взаимопроникновение чисто уголовного и политического экстремизма. Сегодня уже трудно сказать, где кончается уголовный экстремизм и начинается политический. По крайней мере, сегодня стало очевидным, что организованная преступность уже провела и проводит своих представителей в органы исполнительной и законодательной власти в различных регионах страны, а если говорить откровенно, то и ведущие политические партии имеют в своих рядах людей с уголовным прошлым. Это привело к тому, что сегодня, в частности, мы имеем перед собой в Чечне классический пример криминального режима. Именно криминальные группы, в том числе структуры организованной преступности, были использованы здесь для захвата собственности и власти;

- углубление влияния этноклановых и иных корпоративных групп на развитие конфликта и использование его деструктивных, насильственных форм в своих корыстных интересах для раздела собственности и захвата власти;

- обострение этноцентристских и религиозных ортодоксальных течений;

- усиление миграции населения, нарастание волны беженцев, что влечет за собой тяжелые экономические и социальные последствия и создает новые очаги напряженности в других регионах, местах поселения беженцев. Лишенные социальной и материальной основы жизни, они становятся одной из наиболее опасных социальных групп пополнения криминальных группировок, пополняют наиболее организованные и жестокие группы организованной преступности, построенные на этнической основе.

В-третьих, это *противоречия, обусловленные разрушением сложившейся и отсутствием новой эффективной системы социальных гарантий для жизни населения.* В рамках этих противоречий

незамедлительно сказалось и продолжает сказываться действие таких факторов, как:

- рост социальной неудовлетворенности, формирование в связи с этим настроений социальной отчужденности, рост эгоизма, социальной апатии и иждивенчества со стороны значительной части общества;

- постепенное втягивание определенной части населения в криминальные связи;

- в связи с материальной и финансовой неустроенностью, бытовыми сложностями для военнослужащих и их семей, массовыми увольнениями из вооруженных сил и органов внутренних дел, разведки и контрразведки без какой-либо перспективы формируется отрицательный социальный потенциал в среде военнослужащих. Как следствие этого — падение престижа армии и службы в армии, в органах внутренних дел и спецслужбах, рост преступности среди военнослужащих.

Прямое воздействие на содержание политического экстремизма оказывают **противоречия в политических отношениях**, среди которых принципиальное значение приобретают:

- противоречия между демократическими конституционными принципами и реальной политической практикой;

- противоречия, вытекающие из продолжающегося процесса политического размежевания общества, формирования социальных групп и слоев с противоположными политическими интересами;

- противоречия, порожденные отчужденностью между властью и населением;

- противоречия, вызванные ослаблением социально-экономических и культурных связей между центром и регионами, а также между отдельными регионами.

Именно эта группа противоречий оказывает через самые различные факторы воздействие на стимулирование политического экстремизма и ослабление воли и возможностей для государственной власти эффективно противостоять ему.

И вся сумма экономических, социальных, политических и иных противоречий накладывается на **противоречия в духовной сфере**, влекущие за собой деградацию духовной жизни общества, разрушение исторических, культурных,

108

нравственных традиций России и гуманистических ценностей; утверждение культа индивидуализма, эгоизма и насилия; неверие в способность государства защитить своих граждан, формирование в обществе настроений национального унижения и девальвация таких понятий как долг, достоинство, честь, верность Отечеству и присяге и т.д., то есть потеря идеологии государственности, без которой возрождение страны весьма затруднено.

Именно при усилении таких явлений становится возможной героизация уголовных авторитетов, бандитов и террористов, что и

происходит, к сожалению, в российском обществе.

Как свидетельствует сказанное, коренные причины терроризма лежат в углубляющемся социальном и политическом кризисе, в ослаблении правопорядка, что тем самым порождает новые противоречия, для разрешения которых отдельные лица, организации все чаще прибегают к насилию.

Таким образом, если посмотреть на терроризм через призму тех противоречий, которые рождают политический экстремизм и прямо воздействуют на расширение его сферы, то становится возможным выделить и сформулировать особенности, присущие терроризму в России на современном этапе.

Первая и главная особенность заключается в *прямой зависимости применения террора*, как способа достижения целей прямым насилием, *от всех процессов, происходящих в стране, от условий переходного периода*, в котором разрушены старые ценности и не сформировались новые, когда разрушена старая государственная система, в том числе система защиты общественной и государственной безопасности, и на ее месте пока существует некое аморфное государственное образование.

Становится совершенно очевидным, что не решив принципиально социальные, экономические, национальные, управленческие проблемы, не удастся ликвидировать социальную базу преступности вообще и терроризма в особенности.

Так, например, административно-правовой основой для борьбы с преступностью является система административных мер: режим охраны границы, таможенный режим, режим въезда-выезда, паспортный режим, режим регистрации населения и т. д. и т. п.

Но сегодня этих режимов нет. Они разрушены и воссоздаются сложно, медленными темпами. В том состоянии, в котором они находятся, они не способны выполнить свою роль. О какой, например, роли режима охраны границы можно говорить, если они, по сегодняшней деликатной формулировке, именуются «прозрачными»?

Другой особенностью является тесная взаимосвязь между уголовным и политическим терроризмом. Именно в уголовной среде черпаются кадры и исполнители политического терроризма. Об этом свидетельствуют все крупные акции политического террора. С другой стороны, вдохновители политического террора предоставляют исполнителям из числа уголовных элементов своеобразную «идеологическую нишу», позволяющую им представлять свою бандитскую, по существу, деятельность как служение «высшим», чаще всего националистическим, целям. В этой связке уголовная деятельность, прежде всего группы организованной преступности, построенные на этнической основе, как например, чеченская группировка, связывают свою деятельность

с добыванием финансовых, материально-технических средств, в том числе вооружения, не только для своих непосредственно уголовных нужд, но и для нужд политического экстремизма.

Тем самым, при таком тесном переплетении, происходит взаимное воспроизводство преступной деятельности. Поэтому, развертывая и усиливая борьбу против политического терроризма, необходимы более эффективные меры по подавлению организованной преступности, всяких преступных действий против личности и имущества граждан.

Еще одной особенностью российского терроризма является его *жестокость, пренебрежение жизнью мужчин и женщин, стариков и детей.* Эта жестокость — прямое следствие пропаганды культа насилия, пренебрежения судьбой людей в их жизненных вопросах. «Выживает сильный» — этот закон джунглей стал для России реальностью. Отсюда вытекает, как уже отмечалось, и героизация террористов. При этом, в идеологическом плане, они представляются в глазах общества как «борцы» за национальную или какую-либо социальную идею. И это связано и с другой особенностью — культивированием политического радикализма как способа достижения политических целей — захвата власти.

Традиции политического радикализма в России имеют многовековую историю. К сожалению, и сегодня ни одна политическая сила, ни один институт государства не сформулировали идеологию, которая отвергла бы политический радикализм и действовала в направлении его прерывания как традиции политической истории России.

Наконец, **особенностью терроризма в России** сегодня является и его *капитальная вооруженность, вплоть до новейших видов вооружения.* Распад армии, системы правоохранительных органов и спецслужб, сложные социальные процессы в армии, по существу, открыли военные арсеналы как для уголовных элементов, так и особенно для политического экстремизма. Более того, крупные финансовые средства, имеющиеся в руках политических радикалов, сторонников крайних форм и методов политической борьбы, позволяют оснащать террористов-боевиков, да и просто бандитов передовым техническим оборудованием, экипировкой, не только не уступающей, но и нередко превышающей ту, которая есть у тех, кто должен бороться с терроризмом.

Наличие территорий, находящихся под контролем сил политического экстремизма, неспособность органов правопорядка и спецслужб контролировать ситуацию привели к тому, что подготовка боевиков, используемых в террористических акциях, проводится на специальных базах, с участием опытных инструкторов, в том числе и иностранных.

Необходимо также отметить, что **российский терроризм, как уголовный, так и политический, все в большей мере принимает интернациональный характер**, выражающийся не только в координации своих действий с зарубежными террористическими группами или организациями политического экстремизма, но и в непосредственном участии иностранных граждан в террористической деятельности на территории России. Об этом недвусмысленно свидетельствуют события в Чечне и вокруг Чечни.

В деятельности наиболее ожесточенных организаций политического

экстремизма, в особенности этнического характера, каким является и чеченский, **прослеживается стремление вынести террор за пределы своей местности**, сделать

110

его нормой по крайней мере в регионе, с тем, чтобы создать единый фронт в борьбе с государственной властью.

III

Изложенные общие особенности развития терроризма характерны и для Северо-Кавказского региона. Но они не полностью отражают ситуацию здесь, так как имеются еще и дополнительные факторы, носящие ограниченно территориальный или ограниченно национальный характер. Среди них, в первую очередь, необходимо отметить действие «мусульманского фактора».

В настоящее время необходимо учитывать, что взоры последователей панисламизма направлены на те страны СНГ и регионы России, где процессы усиления национального самосознания проходят под флагом исламизации общества. Не случайно известный на Западе политолог А. Рашид еще в 1992 г. писал: «То, что сейчас происходит в Средней Азии и прикаспийских республиках, представляет собой, по-видимому, самое крупное возрождение ислама».

В настоящее время на опустевшее место «старшего брата» мусульманских народов, которое на протяжении десятилетий занимала Россия, претендуют многие исламские страны. В частности, борьба за сферы влияния идет между Турцией, Ираном, Саудовской Аравией, странами Юго-Восточной Азии. Как свидетельствуют факты, в борьбе за раздел сфер влияния верх берут Турция и Саудовская Аравия. Не ослабляет своих попыток экспортировать идеи исламской революции в южные районы СНГ и регион Северного Кавказа и Иран.

Необходимо учитывать также, что за наступлением панисламизма проявляется в определенной мере и американское присутствие, в основе которого лежит, во-первых, недопущение в какой-либо форме реинтеграции бывшего Союза и, во-вторых, ослабление России за счет постоянного «национального» возмущения и роста дезинтеграционных, сепаратистских процессов на территориях мусульманских республик, входящих в Российскую Федерацию. При этом одним из основных методов в этой деятельности является провоцирование и разжигание антирусского национализма.

Большинство исламоведов сходятся в том, что возрождающееся религиозное сознание заполняет идеологический вакуум, возникший после распада СССР и смены политических приоритетов. Мусульманская религия, как разновидность идеологии, является концентрацией моральных и духовных ценностей, аккумулирует огромный исторический опыт многих поколений, оказывает определенное благотворное воздействие на внутренние устои общества же время ее абсолютизация или усиление радикальных, мессианских течений несет угрозу устоям цивилизации. В связи с этим

превращение ислама в геополитическую силу порождает определенную озабоченность в мире.

Ислам является наиболее молодой из трех мировых религий. Он на шесть столетий моложе христианства и, по причине низкого уровня развития экономики в регионах своего распространения, еще только вошел в ту историческую полосу развития, которая в какой-то мере соответствует средневековой эпохе разгула инквизиции в христианском мире. Ислам получил наибольшее распространение в развивающихся странах, которые после многих столетий социально-экономической и культурной стагнации любыми путями пытаются занять достойное место в мировой цивилизации. Видимо поэтому **исламу в его современном развитии присущи проявления нетерпимости, агрессивности и мессианства.**

— К национальным чертам народов, исповедующих ислам, также можно отнести **готовность подчиняться деспотической власти, уважение к «сильной личности», стремление к упрощенному одновариантному решению проблем** и т. д. —

Наиболее радикальными выразителями идеи исламского образа жизни и последователями религиозно-политической экспансии стали **исламские фундаменталисты**, или сторонники так называемого «**чистого ислама**».

На территории бывшего СССР фундаментализм как серьезное течение в исламе, представляющее наиболее радикальное и нетерпимое проявление, заявил о себе в конце 70-х годов.

В новых условиях исламские фундаменталисты уже не довольствуются одной религиозной пропагандой, а активно вступили в политическую борьбу.

Фундаменталисты в Северокавказских республиках в подавляющем большинстве представлены либо духовенством среднего звена, недовольным своим положением в иерархии официальных религиозных структур, либо честолюбивыми личностями, стремящимися к власти. Между ними и официальными служителями культа нет существенных отличий в теоретических вопросах понятия ислама. Расхождения существуют в вопросах обрядности, отношения к органам власти и политической направленности их деятельности.

В последние годы, используя нарастающие в республиках СНГ, в том числе и в России, трудности, исламские фундаменталисты твердо взяли курс на захват власти путем «исламизации общества снизу». Одновременно начала развиваться тенденция смыкания определенных кругов официального ислама и фундаменталистов. С началом демократических процессов многие из руководителей духовных управлений, утратив зависимость от властей, стали всерьез подумывать о более активной форме собственного участия в управлении республиками. При этом они все чаще обращают свои взоры на фундаменталистов, успевших организационно оформиться и распространить свое влияние на широкие слои населения. Сегодня духовные управления мусульман, благодаря международным исламским организациям, обеспечены всем необходимым для ведения широкой пропагандистской кампании среди

единоверцев. Уровень их технического оснащения намного превосходит возможности многих республиканских организаций и СМИ. Несомненно, получение доступа сторонников «чистого ислама» к этому арсеналу, усиливает их влияние, оказывает радикализующее воздействие на позиции мусульманских официальных деятелей.

На территории России деятельность исламских организаций «удобно» наложила на идею национального суверенитета, поставленного, по существу, выше государственного, федеративного суверенитета, что дало исключительную возможность «прикрыть», особенно на первом этапе, экстремистские, радикальные требования исламистов формой «национального возрождения», «национальной независимости», принявшей откровенно антирусскую направленность. Иначе говоря, разжигание антирусского национализма стало одной из наиболее существенных карт в реализации идей исламизма. Вынужденная считаться с этой силой, неспособная противостоять ей, местная национально-политическая элита, стремясь обеспечить или сохранить свое пребывание во власти, постаралась использовать это явление для себя, для укрепления

112

собственных позиций. Это в значительной мере объясняет ту легкость и быстроту превращения вчерашних «правоверных коммунистов» в «правоверных мусульман». Тем самым они в какой-то степени и на определенное время сохранили свое положение, но оказались в прямой зависимости от исламских авторитетов, в том числе и фундаменталистского толка.

В отдельных регионах деятельность политиков от ислама пока встречает настороженное отношение со стороны представителей различных слоев городского населения, в первую очередь интеллигенции, опасющихся возвращения средневековых порядков («законы шариата»), но в то же время находит своих сторонников в сельских районах.

Обострение противоречий внутри самих республик, а также противоречий с центральной властью создавало угрозу развития событий по «иранскому образцу», что и произошло в конечном итоге в Чечне.

Российское правительство, не сумев, а во многих случаях и не желая, даже стимулируя негативные процессы в регионах традиционного распространения ислама (оно рассматривало их чаще всего как необходимость для слома коммунистической идеологии), само создало ситуацию, в которой разгул фанатизма и _ национализма вынудил сотни тысяч лиц «немусульманских» национальностей покинуть обжитые места на мусульманском юге и нескончаемыми потоками бежать в русские регионы.

Этот процесс лишил большую часть экономических, научных, образовательных и медицинских объектов ряда республик квалифицированных кадров, что неизбежно привело к цепной реакции: приостановке производства, резкому падению и без того низкого уровня жизни населения, который с учетом экономического кризиса, вряд ли можно будет стабилизировать за счет традиционных методов, и, наконец, к

возникновению массовых беспорядков и вооруженных конфликтов, способных вывести к вершинам политической власти исламских фанатиков как выразителей идей большинства мусульманского населения (в Чечне это уже свершившийся факт).

Как свидетельствуют имеющиеся факты, фундаменталисты и исламские политические деятели устанавливают тесные связи с дельцами теневой экономики и коррумпированными элементами в России и других странах СНГ. В контактах с представителями уголовной среды реакционные мусульманские духовники из исламских партий высказывают одобрение противозаконным действиям «теневиков» в сфере экономики, аргументируя это тем, что якобы собственность государства «неверных» необходимо подвергнуть «исламской экспроприации», то есть подводится идеологическая основа беспрецедентного грабежа. Сращивание исламских структур с организованной преступностью позволяет им получить в виде пожертвования и прямой «дани» значительную материальную поддержку (это определяет в немалой степени деятельность этнических уголовных сообществ в России — чеченской, дагестанской, азербайджанской и др.), а с другой стороны, — легализовывать незаконно полученные средства для создания собственной, так называемой «исламской экономики», которая, по их замыслам, станет основой будущего исламского государства. Они также используют криминальные элементы, обслуживающие воронил те-

культы, исходя из соображений собственной выгоды. Ими вносятся крупные пожертвования в те мечети, которые в большей степени способны поднять их авторитет перед верующими и придать им имидж ревностных сторонников ислама. Вся эта политика, доведенная до логического конца в Чечне, позволила ее лидерам уже сегодня создать прообраз исламского государства на Северном Кавказе, отличительной особенностью которого является его криминальная природа и криминальная характеристика.

Итогом деятельности исламских авторитетов и лидеров за прошедшие годы на Северном Кавказе стали создание и организационное оформление "различных исламских партий и общественных объединений в Чечне, Дагестане, Кабардино-Балкарии, Адыгее, степень влияния которых, конечно, неравноценна.

Не менее важно то, что деятельность исламских лидеров, в том числе фундаменталистов, позволила им взять под контроль деятельность Конфедерации народов Кавказа, в которой многие видят основу создания в будущем исламского государства на Северном Кавказе. Учитывая эту тенденцию, лидеры Чеченской республики выступили инициаторами создания Северокавказской мусульманской республики, независимой от России, превратив эту идею в одно из основных звеньев своей политической и пропагандистской практики.

Следует отметить, что спецслужбы иностранных государств, прежде всего исламских, держат в поле зрения процессы националистического и религиозного характера в регионах традиционного распространения ислама. За последние годы стали нередкими факты засылки на территорию России

агентуры спецслужб и эмиссаров исламских центров под видом репатриантов из числа представителей горской диаспоры (чеченцев, черкесов, кабардинцев, балкарцев). Особенно откровенно эта линия проявилась во время вооруженного конфликта в Чечне и появления там наемников из ряда исламских государств.

Необходимо отметить еще одну особенность. Как правило, во главе политизированных исламских объединений находятся лица, отбывшие наказания за антиконституционную деятельность, хорошо осведомленные о формах и методах работы правоохранительных органов

На переломном этапе, связанном с распадом СССР, резко активизировалась деятельность ряда общественных организаций, отдельных политических и религиозных деятелей, ориентированных на создание единого тюркского государства (или союза тюркских государств). С этим моментом совпадают и попытки разжечь пантюркские настроения среди населения мусульманских республик РФ.

Поэтому именно в этот период начинается активная организационная и пропагандистская деятельность по реанимации пантюркской идеи. И не случайно именно в декабре 1991 г. (сразу после распада СССР) в Алма-Ате состоялась третья конференция «Ассамблеи тюркских народов», в которой приняли участие делегации тюркоязычных российских национально-государственных образований (в том числе представители Татарстана, Башкортостана, Хакаской и Горно-Алтайской республик), а также республик Средней Азии и Закавказья. Участники конференции сошлись во мнении, что в перспективе развитие обстановки в СНГ и в мире будут определять два «суперэтнуса» — славяне и тюрки, а это, по мнению участников, неизбежно приведет к необходимости

114

создания нового государственного образования — «Великий Туран», куда, помимо Турции и республик Средней Азии, должны быть включены такие исконно российские территории, как Урал, Приуралье, Волжский бассейн. Южная Сибирь, Якутия и горная часть Северного Кавказа (горские республики).

Через три месяца, в марте 1992 г., в Нальчике под эгидой «Ассамблеи тюркских народов» и партии «Лига возрождения Балкарии» прошла научно-практическая конференция «Тюркизм: прошлое и будущее». В ее работе приняли участие делегации народно-демократических и общественных движений Азербайджана, Узбекистана, Татарстана, Саха-республики, общественно-политических организаций ряда республик Северного Кавказа, кумыкского народа, турок-месхетинцев и крымских татар. В своих выступлениях участники конференции дали анализ политических и экономических ситуаций в представляемых ими регионах. Особый акцент был сделан на том, что в результате распада СССР возникла острая необходимость создания тюркского содружества государств. При этом ведущая роль отводилась Турции, как «локомотиву» независимых тюркских государств.

Нельзя рассматривать идею пантюркизма в отрыве от исламской идеи — она лишь ее конкретное материальное, организационное выражение: создание "исламского государственного объединения за счет ряда территорий "бывшего СССР.

В этой связи происходящие в последние годы процессы в России вызывают особую настороженность. Прежде всего это «особые отношения» Татарстана с Россией (их подают чуть ли не как завоевание демократического процесса и новых основ российского федерализма) и особенно военный конфликт в Чечне и произошедшее было признание «де-факто» независимости Чечни. Последнее приобретает особую значимость, так как предоставляет исламским идеологам, исламским фундаменталистам исключительную возможность для активной политической деятельности, направленной на реализацию идеи создания исламского содружества на Кавказе. Чечня, по существу, могла бы стать на Кавказе генератором тех методов деятельности, с помощью которых ее национально-религиозные лидеры решили бы свою первую и основную задачу.

В этой связи необходимо обратить внимание на следующий факт. Распад СССР, кризис в экономике, идеология потребительства создают сегодня в России благоприятные условия для расцвета любых форм насилия и терроризма, в том числе исламского. Ислам не является причиной этого насилия, но все чаще оказывается той формой, в которую насилие облечено. В настоящее время в регионах традиционного распространения ислама угроза достаточно велика. О том, насколько велика эта угроза, свидетельствуют террористические, диверсионные акты в Буденновске, Кизляре, Первомайском, наконец — события в Дагестане и Чечне, которые лишь в концентрированном, массовом порядке проявили эту угрозу. Что же касается отдельных актов, то их нескончаемая, почти ежедневная череда стала обыденным явлением в регионе Северного Кавказа.

IV

Все это вместе, в комплексе взятое, определяет тактику политических и специальных действий лидеров чеченского режима, руководителей экстремистских религиозно-политических организаций. В этой тактике действий насильственные методы — террор, захват заложников, диверсионные акты, массовые протестные выступления и тому подобные экстремистские действия занимают ведущее место.

И здесь необходимо учесть одно примечательное обстоятельство, имеющее принципиальное значение для понимания агрессивности чеченских боевиков, опирающейся на определенную психологическую основу и определенную историческую традицию. Она связана с особенностью образа жизни горских чеченцев, которые на протяжении всего периода пребывания в составе России (Российская Империя, Советский Союз) продолжали традиционно рассматривать грабежи и насилие как форму своего существования и благополучия. Захват заложников, угон скота, ограбление своих соседей рассматривалось не как преступление, а как доблесть, акт героизма. Весьма часто эти акты окрашивались и в сугубо религиозные

формы: борьба с неверными, газзават. Уже в средние века и в последующие периоды вырабатывалась определенная идеология и формы ее воплощения, в том числе религиозные, оправдывающие бандитизм и грабеж как способ благополучного существования.

Под такую идеологию быстро и легко подстраивались любые уголовные элементы, видевшие для себя в этом удобный способ обеспечения своих корыстных интересов. Поэтому так «естественно» интегрировались в происходившие в Чечне после 1991 г. политические процессы криминальные элементы, поэтому Чечня стада убежищем и приютом, опорой для уголовников всех мастей. Для чеченских лидеров стало делом голой техники вербовать из их массы кандидатов для боевых групп, формировать на территории России чеченские группы организованной преступности и жестко держать их под своим контролем. Для них они стали удобным орудием решения задач политического экстремизма, финансово-материального обеспечения своего господства и получения нелегальным путем оружия.

В период Российской империи и Советской власти предпринимались меры по разрушению этой традиции не только насильственными действиями, но и с помощью экономических способов. Последним соответствовали меры переселения определенной части чеченцев на равнинные земли и приобщение их к земледельческому труду. Это имело свои определенные результаты. 'Не случайно в начальный период российско-чеченского конфликта эта часть "населения занимала внутренне антидудаевскую позицию и выжидала, надеясь ' на защиту своих интересов и своего положения со стороны российской федеральной власти. Однако непоследовательность последней, отсутствие воли и решимости выполнить свою непосредственную задачу по защите единства территории, благополучия и безопасности своих граждан, оставили эту часть населения один на один с криминальным режимом, вынудив их подчиниться и принять условия жизни в рамках мусульманской республики.

Все это важно не только для уяснения ряда особенностей тактики чеченского режима, но и понимания того, что в самой Чечне имеется достаточно большая группа населения, внутренне осознающая, что ее благополучие зависит не от укрепления теократического, насильственного режима, живущего по шариатским законам, а от создания условий, обеспечивающих плодотворный труд на земле, от наличия хозяйственных связей с Россией и особенно высокоэффективных экономических связей в самом Северокавказском регионе.

116

Эту простую истину хорошо понимают и экстремистские лидеры Чечни, стремящиеся «растворить» позицию этой части населения в идее создания единого Северокавказского «дома» — Северокавказской мусульманской республики.

Взяв на вооружение террор в разгар открытого политического и военного конфликта, лидеры чеченского режима понимают, что после утверждения у власти и признания легитимности этой власти, они, не

отказываясь в принципе от террора, должны найти новые формы его осуществления, которые позволяли бы им уходить от прямой ответственности за совершение террористических актов, захват заложников, за другие преступления.

В этой связи просматриваются три основных направления, призванных решить поставленную задачу.

Во-первых, и эта главная задача, необходимо пропагандистски и организационно продвигать в сознание жителей мусульманских северокавказских республик идею единого, независимого от России государственного мусульманского объединения, т.е. интернационализировать этот процесс. Основой ее интернационализации, первым этапом может стать стимулирование создания на территориях других республик Северного Кавказа организаций религиозно-националистического характера, в которых идеи исламского фундаментализма, прежде всего в лице ваххабизма, должны стать идейной основой. Именно эти организации, принимая на вооружение лозунги и тактику деятельности чеченских боевиков, будучи под их контролем, должны активно действовать, добиваясь создания в своих республиках ситуации, открывающей для них путь к власти по чеченскому варианту. Принимая в целом тактику чеченцев, лидеры этих организаций берут на вооружение и террор, как наиболее действенный способ нагнетания страха, неопределенности и разложения общественного порядка. В этом случае теряется «чеченский след» и все эти акции «подаются» как протест местного населения против оккупации Россией северокавказских территорий, как акты возмездия против предателей своего народа, сотрудничающих с оккупантами (неважно, кто это: политические деятели, государственные лица, сотрудники правоохранительных органов, мирные рядовые жители, руководители местных органов власти).

Такая тактика уже сегодня дает трагические результаты: растут акции террора, которые носят сугубо «местный» характер.

По мере укрепления и расширения сферы влияния местных религиозных организаций фундаменталистского толка, расширения сферы деятельности экстремистских политических организаций националистического характера, угроза терроризма «местной» окраски будет возрастать.

Во-вторых, с появлением легитимного государства — Чеченской Республики — его лидеры вынуждены были, чтобы не нести ответственности, внешне изменить свое отношение к захвату чеченцами заложников и совершению преступных акций (террористические акты, диверсии, бандитские налеты) чеченскими боевиками на сопредельных территориях. Во всех этих случаях делаются заявления о том, что чеченское правительство противник таких действий и осуждает их, оно готово к взаимодействию с российскими правоохранительными органами в предотвращении таких действий и наказанию виновных, возлагая ответственность за эти преступные действия на полевых командиров (типа Радуева и Хоттаба, которые являются «неуправляемыми») и на отдельных

преступных лиц, которые, как правило, так и не обнаруживаются. Фиктивность таких заявлений вполне очевидна, так как идеология и практика политического насилия остается практически официальной и определяется не Масхадовым и его окружением, а фундаменталистскими религиозными лидерами, волю и интересы которых проводят в жизнь как высшие государственные чиновники (независимо от их личных качеств и намерений), так и полевые командиры и рядовые граждане, стоящие на позициях религиозного или политического экстремизма. Если исходить из этого, то надо признать, что захват заложников (этому свидетельство — захват представителей Президента Власова и Шпигуна) и вылазки боевиков в соседние республики для проведения насильственных акций будут происходить до тех пор, пока не изменится обстановка внутри самой Чечни.

И, наконец, в-третьих, уточнена тактика деятельности чеченских боевиков, которая была определена С. Радуевым на очередном выпуске боевиков в 1997 г. В частности, им было отмечено, что основная задача тех боевиков, которые после выпуска приступят к действию — «сеять смертельный ужас» среди тех военных, которые находятся на территории Чечни или вблизи ее. Необходимо, как указывалось в выступлении Радуева, посеять среди них «растерянность и страх, захватывать их в заложники, убивать».

Исходя из того, что российские властные и финансовые структуры коррумпированы и многие чиновники находятся на содержании местной мафии, необходимо, как указывалось в выступлении Радуева, занимать лидирующее положение в мафиозных структурах, особенно этнического характера — дагестанских, цыганских, корейских и т.д., через которые боевики будут осуществлять свою деятельность.

Изложенная тактика — это основное содержание выступления С. Радуева перед выпускниками — боевиками. Можно оспаривать текст этого выступления. Но невозможно оспаривать российскую действительность и факты, которые свидетельствуют: **именно эта тактика взята сегодня на вооружение экстремистскими чеченскими лидерами.** И главное в этой тактике — чеченские боевики проводят в жизнь установки своих лидеров, решая свои задачи чужими руками, что освобождает их от ответственности, осложняет выявление самой преступной деятельности и ее инициаторов, порождает в обществе страх, межнациональную напряженность, рост националистических настроений (особенно в регионе Северного Кавказа), рост социальной напряженности. То есть — именно то, что и планируется религиозно-националистическими лидерами Чечни.

Таким образом, события последних десятилетий на Северном Кавказе, связанные с нарастанием терроризма, заложничества и других крайне опасных для жизни и здоровья людей методов, свидетельствуют о росте политического экстремизма в регионе.

Окончание первой войны в Чечне не стало началом мирной жизни. Она приобрела иные формы, но цели остались те же, что и были. Неизбежные результаты политики достижения этих целей — человеческие жертвы,

материальный ущерб, разгул преступности, обострение межнациональных отношений. Изменив тактику достижения политических целей после открытого военного конфликта, чеченские лидеры сделали упор на интернационализацию противостояния, вовлечение в сферу конфликта других северокавказских

118

мусульманских республик, на создание в регионе атмосферы страха, насилия, недоверия со стороны народов коренной национальности к способности России обеспечить их безопасность и решать насущные социальные проблемы. В этой тактике терроризм, захват заложников, бандитизм и другие насильственные преступления становятся одним из необходимых и действенных методов политической практики. Для расширения применения этих методов имеется серьезная социальная основа (резкое обнищание населения, безработица, люмпенство), широкая религиозно-националистическая основа (религиозные организации мусульманской фундаменталистской направленности, националистические организации, выступающие с позиций крайнего сепаратизма), тяжелая криминогенная обстановка, позволяющая ряд политических экстремистских действий камуфлировать под уголовные.

Дальнейшее сохранение этих условий неизбежно будет способствовать разрастанию угрозы применения террора, захвата заложников и других насильственных преступлений.

За истекший период стало очевидным, что в самом содержании полити-ческого экстремизма происходит ряд важных процессов:

- во-первых, становится совершенно очевидным, что его истоки кроются не в генетической приверженности тех или иных сторонников экстремизма к использованию террора как средства борьбы, а в нерешенности экономических, социальных, политических проблем региона, в отсутствии ясной, понятной и приемлемой для большинства населения национальной политики России;

- во-вторых, стремление бороться с терроризмом как преступным явлением, не затрагивая радикальным образом причины, его порождающие, становится со все большей очевидностью бесперспективным;

- в-третьих, становится зыбкой, а порой неуловимой грань между уголовным и политическим экстремизмом, так как первый своей корыстной сущности пытается придать политический характер, т. е. оправдать «высокими» целями. А второй — низводя его до обычных уголовных «разборок», закамуфлировать политический характер акций, увести от ответственности политические и общественные организации экстремистского характера. Чаще же всего и тот и другой стремятся окрасить, представить террор как явление национально-освободительной борьбы. А это, в случае успеха акции (Буденновск, Кизляр), приводит к героизации исполнителей террористических акций, что порождает восприятие населением конкретной национальности таких лиц как национальных героев;

- в-четвертых, в обществе под воздействием «объективистской» позиции средств массовой информации насилие над личностью приобретает форму обыденного, неотвратимого явления, а сама преступность и ее размах — представляется как неизбежная плата за расширение демократии. Постепенно и преступление в обществе начинает рассматриваться как неизбежное зло, как средство утверждения права свободной личности, т. е. девальвируется ответственность личности перед обществом.

В этих условиях и сама правоохранительная система действует с оглядкой на общественное мнение, признавая себя чаще всего лишь средством политики

(а не орудием Закона) и осознавая, что в этом качестве она всегда может стать ответственной («крайней») за непопулярность насильственных действий против антиконституционных актов или разменной монетой в политических расчетах властей.

В самом политическом экстремизме, наряду с террором, важное место как метод занимает захват заложников, в помощью которых экстремисты пытаются решить ряд задач, таких, в частности, как:

- достижение конкретной политической цели;
- решение частных задач (обмен заложников на своих товарищей, получение оружия, получение финансовых средств);
- акция возмездия;
- способ доказательства силы политической или общественной экстремистской организации и ее готовности действовать, несмотря ни на какие внутренние и международные правовые нормы и др.

Какими бы мотивами не определялся захват заложников, он несет в себе ряд особенностей:

- пренебрежение жизнью личности независимо от возраста, пола, социального статуса, профессиональной принадлежности;
- насилие над личностью;
- унижение человеческого достоинства захваченных лиц.

Все это и должно определять наше отношение к заложничеству как методу достижения политических и иных целей. Невозможно провести четкую грань между захватом, осуществленным в политических целях, и захватом для достижения уголовных целей: **и в том и другом случае сущность одна — угроза жизни человека.**

* * *

Оставаясь реалистами, мы не можем ожидать в ближайшее время не только устранения причин терроризма, но и сколько-нибудь существенного их ослабления. В этих условиях государство должно иметь целостную программу по борьбе с терроризмом, объединяющую усилия законодательной, исполнительной и судебной властей, различных ведомств, средств массовой информации и населения.

Как видно из приведенного, борьба с терроризмом, прежде всего политическим, требует **комплексного подхода**, в котором должны присутствовать меры и экономического, и политического, и социального, и,

естественно, специального характера. Конечно, это долговременная программа и ее реализация зависит от многих параметров. А ситуация такова, что требуются решительные и эффективные меры уже сегодня.

Но сегодня мы стоим перед выбором: или мы будем продолжать, исходя из ложно трактуемых демократических принципов, действовать, не затрагивая источника преступности и позволяя ей господствовать в обществе, или мы вернемся к действительной демократии — власти народа, и будем ее использовать. Для обеспечения безопасности абсолютного большинства населения, а не преступников всех мастей, которые сегодня уже прочно окопались в структурах власти.

Д. А. Гакаев

Чеченский кризис: новая фаза развития и терроризм

1. Постконфликтная ситуация

Анализ информации, поступающей из Чечни, свидетельствует об углублении социально-экономического, политического и духовного кризиса, охватившего чеченское общество. За послевоенный период здесь практически ничего не сделано в плане восстановления экономики и социальной сферы, то есть отсутствует какой-либо процесс созидательной деятельности. Полностью разрушены производственная сфера, системы образования и здравоохранения. 90 % трудоспособного населения не имеют работы. В ужасном состоянии сельское хозяйство, поля не разминированы и не засеяны. Нет сельхозтехники, полный упадок переживают госхозяйства, общественное животноводство. Основным источником существования — торговля, самодельная добыча и переработка нефти. В Грозном вырыты сотни колодцев, откуда добывают конденсат. При этом от испарений задыхаются и гибнут десятки людей. Над Чечней реально нависла экологическая и эпидемиологическая катастрофа. Города и разрушенные села практически не восстанавливаются, люди живут в разбитых кварталах, где уже давно нет ни канализации, ни воды, а часто — и электричества. Медицинское обслуживание, по существу, отсутствует. Люди умирают от массовых болезней и голода, особенно высока смертность среди детей, практически все население нуждается в психотерапии. Школы, вузы практически не работают, кроме нескольких частных колледжей. Идет процесс арабизации образования. В Чечне явно обозначились признаки распада хозяйственных, культурных связей внутри социума.

Для современной Чечни характерны, с одной стороны, — нищета и деградация большей части рядового населения, с другой, — невиданное ранее обогащение лидеров режима, «новых чеченцев» и главарей вооруженных банд, «прихватизировавших» национальное богатство. В Чечне продолжается исход населения. По данным последней переписи (1989 г.), здесь проживало 1270 тыс. человек, из них более 30% русских и русскоязычных. Сегодня население Ичкерии не превышает 400 тысяч жителей (русских в Чечне осталось около 50 тыс. человек). В республике остались только те, кому некуда деться. Налицо материальное, физическое и

моральное истощение населения ЧРИ.

2. Власть, политика и государство

Три года, прошедшие после чеченской войны, не принесли Чечне национального согласия и гражданского мира. Теперь для всех очевидно, что природа чеченского кризиса связана не только с внешним, но и внутренним

121 фактором, т. е. конфликтом внутри чеченского общества. Президент Масхадов, на выборах 27 января 1997 г. победивший с большим отрывом своих основных соперников Яндарбиева и Басаева, не смог консолидировать чеченское общество, стать лидером нации, объединителем его политической и национальной элиты. Государство «Ичкерия» не состоялось, как с точки зрения международно-правового признания (де-юре), так и конструирования институтов публичной власти, защиты основных прав и свобод граждан. Новая квазиэлита Чечни, оказавшаяся у власти, стала выразителем интересов «победившей» военной партии, сепаратистских сил. Масхадов, сделав ставку на вооруженное меньшинство народа, отвергнув сотрудничество с центристскими политическими силами и лояльной к России модернизированной частью населения, усугубил существовавший с 1991 г. раскол в чеченском обществе. В результате режим потерял доверие не только в самой Чечне, но и в России, где находится большая часть чеченцев (около 500 тысяч).

На этом фоне усилилось политическое и военное противоборство вооруженных группировок за власть, сферы влияния, источники доходов. В Грозном в 1997-1998 гг. с переменным успехом проходили митинги как сторонников, так и противников режима. Летом 1998 г. стало очевидно, что война в Чечне не закончилась, а только перешла в иную форму — внутричеченскую. Свидетельством тому стали вооруженное столкновение, произошедшее 21 июня в г. Грозном (при попытке захвата радуевцами телецентра погибли четыре человека, в их числе руководитель НСБ Л. Хултыгов и начальник штаба «армии» Дудаева — В. Джафаров), последующие боевые широкомасштабные действия, развернувшиеся 14-15 июля в Гудермесе (по данным некоторых источников, здесь погибло более 150 человек). И, наконец, серия терактов, в их числе покушение на президента ЧРИ (23 июля), после которого последовали указы Масхадова о расформировании вооруженных группировок и запрещении деятельности ваххабитов в Чечне. Все это звенья одной цепи событий, означающие начало открытой междоусобной войны за очередной передел власти и собственности.

Кризис власти достиг критической отметки в сентябре-декабре 1998 г. Его основными субъектами выступили президент, возглавляемая им исполнительная власть и подконтрольные ему вооруженные силы, с одной стороны, и военно-политическая оппозиция в лице бывших командующих фронтами, — с другой. Президентская сторона, проявляя максимум выдержки, пыталась вести политический диалог в рамках действующего правового поля, вооруженная оппозиция все чаще демонстрировала

пренебрежение к власти, прибегая как к массовым, так и тайным силовым акциям с целью устранения Масхадова и его влиятельных сторонников. Причем в последнее время наблюдался процесс консолидации всех антимасхадовских сил.

В сентябре 1998 г. известные полевые командиры С.Радуев, Ш.Басаев, Х. Исрапилов публично обвинили Масхадова в тайном сговоре с Москвой, в предательстве национальных интересов и потребовали его отставки. Президент ЧРИ ответил отказом и в свою очередь обвинил своих политических оппонентов в антиконституционных действиях. Одновременно Масхадов отправил в отставку (1 октября) обанкротившееся правительство Ш.Басаева, взяв на себя исполнение обязанностей премьер-министра. В поддержку дей-

122

ствий президента ЧРИ высказалось большинство депутатов парламента во главе со спикером Р. Алихаджиевым. В такой обстановке оппозиция стала апеллировать к Верховному шариатскому суду. Суд, рассмотрев обвинения сторон, с некоторыми оговорками занял сторону А. Масхадова и вынес обвинительный приговор С. Радуеву, определив меру наказания — 4 года тюремного заключения за попытку государственного переворота. С. Радуев, вопреки первоначальным заявлениям, отказался признать решение суда. Его поддержал Ш. Басаев, который обвинил членов суда «или в предвзятости, или в слабоумии и коррумпированности». С.Радуев заявил, что он не доверяет действующему суду и приступает к формированию альтернативного шариатского суда, который объявит импичмент Президенту Масхадову.

Антипрезидентски настроенные полевые командиры и их сторонники продолжали наращивать политическую активность. 9 ноября 1998 г. оппозиция провела съезд общенационального конгресса чеченского народа (исполком ОКЧН был распущен Д.Дудаевым в 1992 г.) и приступила к созданию параллельных структур власти. В ответ президентская сторона организовала съезд своих сторонников, объявила мобилизацию среди резервистов, провела смотр сил президентской гвардии. Одновременно Масхадов сосредоточил в своих руках всю исполнительную власть (в Чечне до сих пор нет официально утвержденного правительства) и ввел режим ЧП. Однако недопустимая медлительность в формировании нового кабинета министров, принцип клановости в подборе кадров ограничили ресурсы режима, необходимые для решительных и успешных действий. Этим, по всей видимости, объясняется, и готовность Масхадова пойти на серьезные уступки оппозиции. В частности, он согласился на создание при Президенте ЧРИ Консультативного совета, который оказывал существенное влияние на выработку и реализацию внутренней и внешней политики ЧРИ. В состав совета вошли лидеры оппозиции, известные полевые командиры. Однако тактика уступок и компромиссов не дала положительных результатов. Любые меры Масхадова с целью наведения порядка, разоружения незаконных формирований встречали мощное противодействие лидеров

вооруженной оппозиции. А. Масхадов постепенно потерял контроль над бывшими полевыми командирами и территорией за пределами г. Грозного.

Проблема Масхадова состоит в том, что он стал жертвой тех сил, которые сам вызвал к жизни. Став заложником изначально непродуктивной идеи полной независимости Чечни, Масхадов вынужден играть на поле крайних национал-радикалов. В этой ситуации теряет смысл формула безоговорочной политической поддержки Масхадова, как единственного деятеля, способного пойти на компромисс с федеральным центром по вопросу о статусе ЧРИ. Продолжение такой политики однозначно воспринимается как слабость России, ее неспособность защитить своих граждан от криминального беспредела. Более того, она ведет к неоправданному отказу от контактов и диалога с другими политическими и общественными силами Чечни, способствует сохранению власти вооруженного меньшинства (криминалитета) над чеченским народом.

Итак, ресурсы внутреннего развития Чечни, связанного с перспективами политического процесса, основанного на идеологии этнонационализма, вооруженного сепаратизма, — исчерпаны. Чеченские псевдонационалисты, совершив полный оборот вокруг своей «идеологической оси», вернулись к исходной

точке и решили возродить ОКЧН. Однако теперь события могут повториться только в виде фарса. Ситуация в ЧРИ сложилась тупиковая. Противоборствующие силы в Чечне не способны разрешить системный кризис ни политическими, ни силовыми методами. Необходима альтернатива вооруженному сепаратизму. Ее в виде просвещенного демократического национализма может предложить модернизированная часть чеченского общества. Только передовые, образованные слои чеченского народа как в самой Чечне, так и за ее пределами могут вывести Чечню из тупика. Задача чеченской национальной элиты состоит в том, чтобы сплотить эти силы идейно и организационно, консолидировать народ на основе политики здравого смысла. В этом единственный выход.

3. Исламский фактор

Антимасхадовская оппозиция сформировалась в рядах бывших полевых командиров. Ее возглавили: С.Радуев, Ш.Басаев, Х. Ибрагимов, В.Арсанов, А. Бараев. В оппозиции к режиму Масхадова находятся и все отстраненные от власти сторонники генерала Дудаева (в основном выходцы из горных районов Чечни), в их числе главные идеологии «чеченской революции» З.Яндарбиев, М.Удугов. В смертельной схватке за власть сошлись вчерашние соратники по «освободительной» борьбе. Формальным поводом для раскола чеченских сепаратистов стали идеологические разногласия между сторонниками так называемого чистого ислама (ваххабитами) и народного (тарикатистами).

На самом деле речь идет о геополитическом, историческом и культурном выборе народа. Чеченское общество стоит перед самым серьезным в своей истории выбором — шариатское или национальное государство. Ваххабизм («ваххабиты») представляет главную опасность для

Чечни, ее традиционной культуры. Ваххабиты не признают нации, отвергают традиционные для мусульман Северного Кавказа формы и нормы народного ислама, сеют семена раздора, нетерпимости и вражды среди верующих, пытаются противопоставить поколения отцов и детей, подорвать традиционные устои жизни и культуры горских народов. С точки зрения ваххабитов, традиционная форма религии в Чечне, Дагестане (суфийские братства, поклонение шейхам и устазам) противоречит канонам высокого (классического) ислама. На этой почве вспыхивает внутриконтрессиональное и межконтрессиональное противостояние. Сегодня ваххабиты, как и во времена имама Шамиля, вновь навязывают чеченцам идею «чистого шариата», отвергающую тысячелетнюю культуру горцев. В Дагестане, Чечне ваххабизм стал инструментом политической борьбы, идеологией национал-радикализма, сепаратизма. Его сторонники получают мощную финансовую поддержку из зарубежных центров, ведущих подрывную работу против России. Однако здесь необходимо отметить, что речь не идет о содержательной стороне идей ваххабизма. Сама по себе идея нравственного очищения ислама, возвращения к его первоисточкам — прекрасна. Речь идет об уровне культуры той социальной среды, политической, религиозной элиты, которая берет эту идею на вооружение и стремится (подменив цель негодными средствами ее достижения) воплотить в жизнь. Трагический опыт наших народов наглядно свидетельствует, что самую гуманную социальную, национальную, религиозную идею можно извратить до неузнаваемости, превратив в свою

124

противоположность, если она попадает в незрелую среду и за ее реализацию берутся люди невежественные и корыстные. Следует помнить, что все идеологи, которые обслуживали строительство рая на земле, построили ад.

После кровопролитного столкновения в г. Гудермесе центром собирания сил ваххабитов стал г. Урус-Мартан. Здесь расположились их отряды, вооруженные самым современным оружием. Они заняли местную мечеть, государственные и общественные учреждения, а также частные дома членов завгаевского правительства. Ваххабиты не признают власть официального Грозного, вершат свой суд и расправу над населением. Урус-Мартан стал опорным пунктом ваххабитов не только Чечни, но и Дагестана. Тон в экстремистских заявлениях и действиях задаст Высший совет исламских джамаатов. По некоторым данным, в него вошли бывшие боевики расформированного Президентом Масхадовым полка особого назначения полевого командира Арби Бараева, подразделения Хатабба, дагестанских ваххабитов и ряд других группировок, еще недавно поддерживавших официальный Грозный.

Высший совет исламских джамаатов стремится перевести внутречеченское противостояние в русло «конфликта цивилизации», то есть борьбы мусульман Северного Кавказа против христианской (православной) России за создание исламского (шариаского) государства.

Группировка Масхадова (как и представители родовой и феодальной знати Чечни во времена Кавказской войны), стремясь сохранить власть, демонстрирует верность традиционным ценностям народного ислама и отдает предпочтение идее создания чеченского государства. В стратегическом плане ориентируется на Россию.

Яндарбиев, Удугов, Басаев со своими сторонниками, опираясь на поддержку антироссийских зарубежных центров, стали проводниками идеологии исламского фундаментализма, преследующими цель создания мусульманской уммы и шариатского государства на Северном Кавказе. Идея исламского (шариатского) государства направлена на разрушение традиционной национальной культуры горских народов, их адатов и претендует на то, чтобы выступить революционной антиимперской силой, бросающей вызов северо-кавказской властной элите, ориентированной на Россию.

Однако то, что происходит в Чечне, нельзя объяснить только следствием противостояния ваххабитов и тарикатистов. Ситуация намного сложнее. В чеченском обществе до крайности обострились не только вирдовые, но и социально-классовые противоречия. Существенную роль при этом продолжают играть пережитки родо-племенных отношений, традиции вольных горских обществ и клановые интересы.

Террор, захват заложников, массовое насилие и убийства граждан, в том числе и иностранных, вынудили власти объявить о начале силовых акций в отношении незаконных вооруженных группировок и их лидеров. Однако проблема в том, что в Чечне трудно определить грань между группировками законными, идейными (религиозными) и криминальными. По существу, она отсутствует. Здесь действуют сотни вооруженных отрядов, как режимных, так и внережимных, и все они так или иначе связаны с криминалом. В такой обстановке лозунги ислама, риторика псевдонационалистов о создании независимого государства — лишь прикрытие для грабежей, насилия и звучат как издевательство над чеченским народом. В действительности же идет борьба за очередной передел власти и собственности между мафиозно-клановыми группировками Чечни. Деятельность некоторых из них финансируют и направляют иностранные спецслужбы.

3 февраля 1999 г. А. Масхадов издал указ о введении в ЧРИ шариатского правления «в полном объеме». Пресс-служба Масхадова заявила, что «в Чечне будут действовать только законы Аллаха и нормы шариата. Провозгласив исламское государство, перейдя на нормы шариата, мы просто узаконили исполнение кровной мести». Система шариатских судов в Чечне превратилась в силовую структуру: исламские суды имеют собственные вооруженные формирования, которые призваны обеспечить доставку в суд любого гражданина, независимо от социального положения и занимаемой должности. Однако проблема в том, что, помимо официального Верховного шариатского суда в Грозном и его районных структур, параллельно в г. Урус-Мартане действует шариатский суд ваххабитов. В Чечне, в последнее время резко обострилась борьба, с одной стороны, между

органами власти и религиозными общинами, с другой, — сторонниками народного ислама (тарикатистами) и ваххабитами. На деле все это означает упразднение прав законодательного собрания и отмену конституции 1992 г. Президент поручил парламенту и муфтияту в течение месяца разработать проект шариатской конституции. Таким образом, Масхадов вновь пытается переиграть (действуя, как считают его советники, на опережение) своих оппонентов на их политическом поле. Однако его резкие маневры больше похожи на капитуляцию (так, по крайней мере, их воспринимает население ЧРИ). Последние уступки оппозиции могут стоить Масхадову президентского поста. Изменив волевым решением основы государственного строя, создав «Шуру» Масхадов делегитимизировал собственную власть и усилил позиции своих противников. Подтверждением тому стало заявление альтернативной (Яндарбиевско—Басаевской) Шуры о созыве съезда мусульман Чечни для избрания главы государства, т. е. имама Чечни и упразднения института президентства. Утешением для Масхадова может стать только то обстоятельство, что среди его оппонентов неизбежно обострится борьба за лидерство, и шансов на согласие в этом случае еще меньше. Опыт последних 9 лет показывает, что чеченских «лидеров» не устраивает вообще никакая власть, кроме своей собственной.

Однако самым интересным в этом новом витке противостояния между Масхадовым и его противниками является не сам факт введения в Чечне норм шариата, а то, что их в этой республике просто не может быть по определению: то, что лидеры «Ичкерии» выдают за шариатские нормы, на самом деле не более чем обычное право — адаты. В Чечне шариат никогда не существовал в чистом виде, он был вмонтирован в местные обычаи и традиции, в народный (тарикатистский) ислам. Шариат — правовая школа Саудовской Аравии. Он результат всего лишь субъективного толкования исламских норм, но не вытекает из самого Корана. Сунитская традиция (чеченцы являются сунитами) уже десять веков не признает право на иджтихад — толкование человеком Корана и сунны. Согласно ей, «врата иджтихада закрыты». Чеченский шариатский суд не может основываться на мнении самих судей, а значит, он бессмыслен и незаконен, с точки зрения канонического сунитского ислама. Между тем

126

шариатские судьи-ваххабиты, которые являются носителями высшей судебной власти в Чечне, получили образование в арабских странах. Таким образом, процесс «арабизации» (а не исламизации) «Ичкерии», вопреки существующей религиозной традиции, стал реальностью.

4. Обострение социальных отношений, рост преступности

В Чечне нарастает социальное неравенство и на этой почве — недовольство рядового населения, которое лишено своей доли доходов от продажи национальных богатств, не получает пенсий, пособий, зарплаты и потеряло жизненную перспективу. Часть средств, поступающих по линии социального обеспечения из федерального бюджета, разворовывается и тратится на нужды режима. Крайне обнищавшее население по горло сыто

псевдосуверенитетом, с помощью которого сказочно обогатилась и продолжает обогащаться) новая чеченская квазиэлита. Вектор общественных настроений теперь работает против сепаратистов.

Ситуация усугубляется тем, что в Чечне бал правит криминалитет, который с начала 1991 г. использовал национальную идею в своих интересах. ЧРИ стала международным криминальным отстойником. По данным российских и чеченских властей, на территории республики действуют 157 вооруженных группировок. Они поделили между собой основные источники доходов, сферы влияния. Чечня, благодаря организованной преступности, стала крупнейшим производителем, потребителем и торговцем наркотиков и оружия на юге России. Наиболее крупные прорежимные группировки контролируют нефтепровод, контрабандную торговлю нефтепродуктами, оружием, наркотиками. Другие организованные группы преступников специализируются на грабежах, похищении людей и торговле «живым» товаром.

В Чечне существует еще один источник наживы — продажа цветных металлов из телеграфных, трамвайно-троллейбусных проводов, заводского оборудования. По сути, демонтируются и расхищаются все предприятия Грозного, Гудермеса, Аргуна. Станки, оборудование, металл вывозятся и реализуются в приграничных с Чечней районах.

В криминальный бизнес втягиваются и сопредельные с Чечней регионы Северного Кавказа. В Ингушетии, Дагестане, Ставрополье, Северной Осетии, создана сеть перевалочных пунктов и в больших масштабах организован ввоз и сбыт по демпинговым ценам нефтепродуктов из Чечни. Контрабандный бизнес крайне выгоден не только региональным мафиозным структурам, но и госчиновникам, правоохранительным органам, втянутым в этот процесс.

Суверенитет Чечни (или, как выражается М. Удугов, «чеченское государство») обернулся для рядовых граждан невиданной ранее свободой быть безнаказанно убитыми, опозоренными, ограбленными, похищенными или умершими от массовых болезней и голода. Сепаратисты подвели ЧРИ к черте, за которой просматривается экологическая катастрофа глобального масштаба. Нищую, до зубов вооруженную Чечню противоборствующие вооруженные группировки подталкивают к новой широкомасштабной братоубийственной войне. Видимо для тех, кто на протяжении девяти лет грабит и терроризирует народ Чечни, это единственный способ «утопить» следы своих преступлений

в большой крови. К этому их толкает и боязнь предстать перед праведным судом народа за содеянное.

В Чечне имеет место массовое нарушение прав человека. Приметами повседневной жизни стали убийства, аресты, похищения и торговля людьми. Только по данным МВД ЧРИ, в 1997 г. совершено 3558 преступлений, похищено 246 человек. В среднем за неделю в ЧРИ происходит 60-70 преступлений, в том числе от 8 до 10 убийств. Эти цифры — только видимая часть айсберга.

В преступных деяниях нередко участвуют и представители властных и силовых структур режима. В центре Грозного открыто действует невольнический рынок, сотни людей (в основном чеченцы) подвергаясь насилию, томятся в заложниках. Похищение людей с целью выкупа, обмена приобретает характер преступной эпидемии. В течение 1998-1999 гг. в Чечне в заложниках оказались более сотни выкраденных солдат и офицеров из Буйнакса, Махачкалы, Назрани, Чермена, Владикавказа, Моздока и даже Подмосковья. По официальным данным, с 1 января 1997 г. по Северному Кавказу было похищено 1094 человека. Сколько заложников в Чечне на самом деле, не знает никто. МВД России называет цифру 514 человек, из них 270 похитили в 1999 году. По данным независимых источников, одних чеченцев, похищенных с целью выкупа, насчитывается в пределах 3,5 тысяч человек.

Небывалый рост преступности, кровавые межклановые и межтейповые разборки, обстоятельства захвата и освобождения представителя президента РФ в ЧРИ С.Власова, главы представительства Верховного Комиссара ООН по делам беженцев в Северной Осетии гражданина Франции Венсана Каштеля и многие другие факты демонстрируют бессилие официального Грозного перед бандитами, неспособность режима трансформироваться в публичную власть. Решения Высшего шариатского суда об упразднении парламента ЧРИ, отстранении от должности спикера Р. Алихаджиева, вице-премьера Ю. Сосламбекова, генерального прокурора М. Тагирова, а также запрет на общественную деятельность первой леди Ичкерии, их мотивировка свидетельствуют об обострении кризиса самой системы власти в ЧРИ, об ослаблении позиции президента Масхадова.

5. Терроризм

Чечня превратилась в базу международного терроризма. На ее территории создана агентурная сеть иностранных разведслужб, орудуют террористы, наемники из зарубежных стран. Их деятельность финансируется антироссийскими зарубежными центрами, отряд известного арабского террориста Хаттаба состоит из сотни наемников. Под его началом в Чечне организованы и действуют ваххабитские центры по подготовке боевиков и террористов. Через границу с Азербайджаном, Грузией прибывают не только наемники, но идет поток оружия, наркотиков, валюты. Террористические акты совершаются не только в Чечне, но и на территории России. В 1998 г. от рук террористов только в приграничных с Чечней районах погибло несколько десятков солдат и офицеров российских силовых структур. В частности, были расстреляны автоколонна, в которой ехали высшие офицеры Генерального штаба, милицейская машина с офицерами МВД, взорваны два грузовика с солдатами, от рук бандитов гибнут беззащитные дети, женщины, старики. В последнее время террористические

128

акты участились в Дагестане, Ингушетии, Северной Осетии, Ставрополье. Растет и количество нападений на заставы внутренних войск и контрольно-пропускные пункты. В 1999 г. их совершено более 100. Чаше

всего преступные сообщества нападают на те заставы, которые препятствуют преступному бизнесу. События в Дагестане, широкомасштабные военные действия в приграничных с Чечней Ботлихском, Цумадинском районах свидетельствуют о том, что ваххабиты приступили к реализации плана создания исламского государства на территории Северного Кавказа. В случае неадекватных действий федерального центра события в Чечне и Дагестане могут привести к большой кавказской войне. Борьба с преступностью в ЧРИ осложнена тем, что существовавшая правовая, правоохранительная, судебная система разрушена. Гражданские суды, имеющиеся во всех цивилизованных странах, в Чечне отсутствуют. Они повсеместно упразднены. В Чечне вот уже 9 лет не действуют ни федеральные, ни местные законы. Чечня стала главным фактором, дестабилизирующим ситуацию в регионе. Практика действующих шариатских судов дискредитирует исламское право. Население Ичкерии терроризировано, оппозиция, выступавшая против идеологии и практики вооруженного сепаратизма, объявлена вне закона, всякое инакомыслие преследуется. В ЧРИ действует жесточайшая цензура на объективную информацию, спецслужбы ведут тотальную слежку и поощряют доноительство.

События в Чечне, связанные со зверским убийством трех англичан и новозеландца, дерзкое похищение (5 марта 1998 г.) милицейского генерала Шпигуна лишней раз подтвердили тот факт, что Масхадов не контролирует ситуацию в ЧРИ. Закон «об оружии», принятый парламентом ЧРИ в ноябре 1997 г. и вступивший в силу 25 февраля 1998 г., повис в воздухе и не выполняется. Все указы президента Ичкерии о разоружении незаконных вооруженных формирований, о выдворении с территории Чечни наемников, известных террористов, изданные после Гудермесских событий, остались на бумаге. Ш. Басаев, С. Радуев, А. Бараев, Хаттаб и многие другие полевые командиры демонстрируют свое пренебрежение к указам и постановлениям высших органов власти Ичкерии. Разоружение незаконных вооруженных группировок — задача, по всей видимости, непосильная для правительства Масхадова. Г. Урус-Мартан стал самостоятельной ваххабитской вотчиной внутри ЧРИ и Масхадов ничего с этим поделать не может. Более того, накопив достаточно сил, ваххабиты во главе с Басаевым и Хаттабом объявили «Джихад» на территории Дагестана, а президент Чечни не отмежевался от их действий. Джин исламского экстремизма выпущен из бутылки и прижился в регионе. Де-факто независимая Чечня превращена в опорный пункт ваххабитов, и пока в России не будет преодолен системный кризис, ситуация будет только ухудшаться.

6. Чеченская политика Кремля

Суть недавней политики Кремля в отношении Чечни сводилась к следующему: Москва признает режим Масхадова и оказывает лидерам Ичкерии финансовую и экономическую помощь в обмен на лояльность в отношении России и сохранение Чечни в ее составе. Однако больших денег в роейгйской казне не оказалось, тратить свои Березовский, естественно, не стал, и новая

формула урегулирования чеченского конфликта стала давать сбои. Приручение сепаратистов ценой политических и экономических уступок, финансовых вливаний было воспринято в Чечне как слабость России и только разжигала аппетиты лидеров Ичкерии, которые вместе с федеральными чиновниками разворовывали даже пенсионные деньги.

К негативным последствиям политики Кремля следует отнести и отказ федерального центра от контактов и диалога с другими политическими силами Чечни. Сделав ставку на режим Масхадова, Кремль, по существу, признал за сепаратистами (вооруженным меньшинством народа) право быть единственным выразителем чеченской национальной идеи. В этом изначальная ущербность реализовавшейся Кремлем политической формулы урегулирования чеченского кризиса. Таким образом, признав власть национал-радикалов, Кремль оттолкнул от себя лояльную в отношении России большую часть чеченского общества. Между тем только эта (модернизированная) часть населения способна отвергнуть политику конфронтации с Россией и составить альтернативу вооруженному сепаратизму и попыткам насадить в Чечне исламский фундаментализм. Чеченской политике Кремля изначально был присущ еще один существенный недостаток. Она была подвержена политической конъюнктуре и нацелена на решение сиюминутных проблем правящей элиты в ущерб долговременным стратегическим национальным интересам России. Урегулированием чеченского кризиса занимались чиновники, как правило, некомпетентные, не знающие историю, культуру и менталитет народа. В спонтанных решениях, которые принимались по Чечне, преобладал схематичный, упрощенный подход, при котором игнорировался исторический опыт, мнение ученых-специалистов. Формула решения чеченского конфликта менялась в зависимости от внутривнутриполитической ситуации в России, клановых и групповых интересов олигархического режима власти. Естественно, что такая политика могла дать только те результаты, которые Кремль сегодня имеет в ЧРИ. Ситуация стала тупиковой и процесс был пущен на самотек. Афганизация Чечни стала реальностью. Есть ли возможность изменить ситуацию? На наш взгляд да! Такая возможность есть при наличии государственной воли. В этом случае необходимы следующие первоочередные меры.

7. Новая фаза российско-чеченского конфликта

В начале августа 1999 г. резко обострилась ситуация в горных районах Дагестана, граничащих с Чечней. Группы боевиков, проникшие с территории Чечни в Цумадинский и Ботлихские районы, захватили более 10 селений и провозгласили в этой части горного Дагестана Исламскую республику. Военные действия дагестанских и чеченских «ваххабитов» по освобождению Дагестана от «неверных» возглавили известные террористы Шамиль Басаев и аль-Хаттаб. События приобрели характер широкомасштабных военных действий с применением сил и средств регулярной российской армии. Ставка чеченских лидеров на поддержку населения в борьбе против коррумпированных властей Дагестана оказалась битой. Действия

федеральных войск и руководства республики получили массовую поддержку населения Дагестана. Решающим фактором здесь стала оценка действий боевиков как вооруженное вторжение извне. Власти сумели сыграть на национальных чувствах дагестанцев, которые восприняли

130

действия «ваххабитов» как нападение со стороны чеченцев (и это при том, что банды, проникшие на территорию Дагестана, на 80% состояли из дагестанцев и наемников). Вольно или невольно в развертывании античеченской компании подыграл и президент Масхадов, который не занял внятной позиции и публично не осудил действия Басаева и Хаттаба.

К концу августа под напором федеральных войск «ваххабиты» покинули села Цумадинского и Ботлихского районов и ушли в Чечню. Однако уже 5 сентября, в разгар боевых действий против сел Карамахи и Чабанмахи, «ваххабиты» вторглись в Новолакский район Дагестана. По свидетельству Ш. Басаева, цель вторжения заключалась в отвлечении сил, штурмующих Кара-махи и Чабанмахи. На этот раз чеченские боевики рассчитывали на поддержку чеченцев-аккинцев и обиженных республиканскими властями лакцев, лидеры которых подвергались преследованиям. Однако и эти расчеты не оправдались. Экстремистски настроенный лидер лакцев Н. Хачилаев не решился поддержать своих покровителей «ваххабитов». Он заявил, что не причастен к их действиям. Лидеры аккинской общины также заявили о своей лояльности дагестанским властям. Однако вторжение заметно усилило межэтническую напряженность в регионе. Чеченцы-аккинцы оказались под прицелом огульных обвинений.

Басаевский рейд в Дагестан и взрывы в Москве достигли главной цели — подготовили российское общественное мнение к силовому варианту решения чеченской проблемы и вводу российских войск в Чечню. И власть, и общество в едином порыве поддержали новую военную компанию в Чечне.

Нынешней военной операции в Чечне предшествовала беспрецедентная по накалу античеченская компания в СМИ РФ в связи с террористическими актами в Москве, в результате которых погибло более 210 жителей столицы. И сразу априори все чеченцы стали подозреваемыми. Началось массовое преследование граждан РФ чеченской национальности.

Бомбардировки, ракетно-артиллерийские обстрелы Чечни, начатые 5 сентября с приграничных зон, 23 сентября распространились на Грозный. Если в первую чеченскую компанию в 1994-1996 гг. нефтекомплекс Чечни был сохранен, то теперь он целенаправленно уничтожается. Ракетно-бомбовые удары наносятся не только по базам боевиков, но и по нефтяным объектам Грозного. Прежде всего разрушаются нефтеперегонные заводы и нефтехранилища. Тем самым делается невозможной переработка в Чечне нефти, добываемой из 1500 скважин. Таким образом, подрывается материальная база вооруженных группировок. Одновременно перечеркивается возможность использования трубопровода по транзиту азербайджанской нефти по территории Чечни.

Воздушные удары с начала сентября неизбежно вызвали гибель многих

мирных жителей и массовое бегство от бомбежек и артобстрелов гражданского населения. Численность вынужденных переселенцев, нашедших прибежище в основном в Ингушетии, достигла двухсот тысяч человек. Из-за временного закрытия административной границы Чечни вдоль автомобильной трассы Кавказ в направлении Ингушетии выстроилась многокилометровая очередь беженцев. По данным официальных источников, только на чечено-ингушской границе тогда скопилось 50 тысяч человек, желающих покинуть Чечню. Их страдания не поддаются описанию. На глазах всего мира в Чечне вновь возникла опасность — гуманитарная катастрофа.

Российские войска медленно продвинулись вглубь территории Чечни с трех сторон: с севера, запада и востока, постепенно сжимая кольцо вокруг Грозного, Гудермеса и других крупных населенных пунктов Чечни. Против боевиков была задействована мощная военная группировка, которая насчитывала до ста тысяч солдат и офицеров всех родов войск. В боевых действиях применялись танки, тяжелая артиллерия, фронтовая авиация, тактические ракеты класса «земля-земля». В бомбардировках было задействовано до 200 самолетов, совершавших до 100 вылетов ежедневно. При больших жертвах среди мирного населения, нетрудно понять, почему у чеченцев появилось чувство преследуемых жертв всюду, где они проживают — и в Чечне, и на территории России. «России нужна Чечня без чеченцев», — таков рефрен, звучащий в эти трагические дни в городах и селах Чечни, в местах скопления беженцев.

В РФ сегодня под контролем федеральных войск находится почти вся территория Чечни. Это степные и равнинные районы, где войска продвигались без особых потерь. Но последние события новой чеченской компании еще впереди и развернутся они в горных районах Чечни.

Учитывая уроки первой чеченской компании, российские генералы избегают фронтальных лобовых атак, контактных боев, делая упор на массированные действия авиации и артиллерии. Новая тактика призвана свести к минимуму потери среди солдат и офицеров российской армии и нанести максимальный урон противнику с помощью применения современной военной техники.

Санитарный коридор вокруг Чечни состоит из трех зон. В первом эшелоне действуют части регулярной российской армии. За ними, во втором эшелоне идут внутренние войска, которые проводят зачистку местности освобожденных сел, и, наконец, третью зону контролируют местные правоохранительные органы. Войска первого эшелона, при отсутствии организованного сопротивления со стороны боевиков, вступают в диалог со старейшинами и идут в обход населенных пунктов. Жители многих аулов настроены против боевиков и пытаются их выдворить из сел. Хотя отношение к российским войскам настороженное, многие чеченские села впустили федералов без сопротивления. В так называемой зоне безопасности, контролируемой федеральными войсками, действуют военные комендатуры, которые восстанавливают органы местного самоуправления и оказывают

помощь населению. По всей видимости, применяется опыт работы военных комендатур в восточной Германии. В рамках такой жесткой схемы военные пытаются взять под контроль ситуацию и наладить отношения с населением.

Ввод и успешное продвижение российских войск в Чечне, создание по всему периметру российско-чеченской границы санитарного коридора, ракетно-бомбовые удары, в том числе и по жилым кварталам, и гибель большого числа мирных жителей коренным образом изменили внутривластную ситуацию в ЧРИ.

С одной стороны, перед российской угрозой лидеры вооруженных группировок вынуждены объединиться, прекратив на время междоусобную борьбу. Но, с другой стороны, сохраняется жесткое противостояние между «ваххабитами» и сторонниками традиционного ислама. Многие полевые командиры и религиозные авторитеты тарикатистов готовы замирились с русскими ради

132

искоренения «ваххабизма». Но главная особенность нынешней ситуации — это отсутствие у лидеров Ичкерии поддержки со стороны населения, которая у них была в первую чеченскую войну.

Кредит доверия к национал-радикалам полностью исчерпан. Это обстоятельство лишает чеченских псевдонационалистов исторической перспективы. Однако этот процесс станет необратимым при одном неумолимом условии: если чеченцы почувствуют себя полноправными гражданами страны, займут подобающее им место (как третий по численности этнос) в едином многонациональном федеративном правовом государстве — РФ. Федеральные власти должны отвергнуть политику этноцида в отношении чеченцев. В этом ключ к решению многовековой чеченской проблемы.

8. Возможные варианты развития второй чеченской компании

Первый — быстрая и решительная победа федеральных войск, разгром основных сил сепаратистов, восстановление действия российской конституции на территории Чечни. Проведение демократических выборов и формирование органов власти чеченской республики. Однако такой вариант развития событий маловероятен. Есть опасения, что решение чеченской проблемы будет затягиваться до президентских выборов в России.

Тогда возможен другой вариант: военные действия приобретают затяжной характер. Сепаратисты переходят к активной партизанской войне, армия несет большие потери, военные расходы становятся непомерными. В итоге Россия не приблизится к решению проблемы терроризма, установления законности и правопорядка на территории Чечни и сопредельных регионов. И как следствие — в российском обществе усилятся антивоенные настроения. Под давлением мировой и российской общественности начнутся мирные переговоры, поиск политического решения проблемы. Возможен торг, апробированный на Ближнем Востоке: территория в обмен на мир (безопасность).

Третий вариант — отеснение боевиков в горные районы и создание

«зоны безопасности» на равнинной территории Чечни.

Массовый исход населения из Чечни, новое сближение с «ваххабитами» резко понизили шансы Масхадова на переговоры с российским руководством. Москва стала на путь формирования «правительства в изгнании», которое начнет действовать в освобожденных от боевиков районах.

Однако при всех вариантах развития событий покончить с терроризмом и бандитизмом в Чечне можно только при одном условии: если российская армия и власти продемонстрируют населению Чечни неоспоримые преимущества лояльности к России. К сожалению, пока действия федеральных войск оборачиваются жертвами среди мирных жителей и массовым исходом населения.

Духовный аспект

А. Б. Наумец

Влияние религиозного фактора на возникновение политического экстремизма и терроризма

В условиях противоречивого развития российского общества, нарастания в нем негативных явлений, ослабления институтов государственной власти, на фоне эскалации межнациональных и религиозных конфликтов усиливаются тенденции использования различными общественно-политическими силами экстремизма и терроризма в борьбе за власть, учащаются насильственные посягательства на конституционный строй Российской Федерации. При этом с расширением влияния религии, церкви на различные аспекты социально-политической жизни в стране все большее значение в комплексе причин и условий, детерминирующих рост политического экстремизма, приобретает религиозный фактор.

Рассматривая религиозный фактор и механизм его влияния на возникновение политического экстремизма и терроризма необходимо исходить из сложного характера религии как социального явления, оказывающего многофункциональное воздействие на внутррелигиозную и социально-политическую обстановку в стране. Учитывая, что религиозный фактор имеет как позитивную, так и негативную направленность, необходимо рассмотреть его негативное влияние, которое во взаимодействии с другими обстоятельствами способствует формированию и возникновению политического экстремизма и терроризма на религиозной основе. Для этого среди условий, средств и способов социального регулирования общественных отношений необходимо выделить религиозные противоречия, имеющие тенденцию к разрешению насильственным путем, в результате чего создается угроза безопасности Российской Федерации.

Рассматривая влияние религиозного фактора на возникновение политического экстремизма в комплексе широкого круга причин и условий, необходимо исходить из следующего.

Во-первых, для значительной части граждан России религия является массовой формой общественного сознания. Поэтому проявления

религиозного фактора в разной степени значимости можно наблюдать в различных сферах общественной жизни и в связи с ними. Методологической основой понимания значимости влияния религиозного фактора на возникновение политического экстремизма и терроризма должен служить конкретно-исторический подход к вопросу изучения политической борьбы, осуществляемой под религиозными лозунгами.

134

Во-вторых, при определении роли религиозного фактора на возникновение политического экстремизма необходимо исходить из того, что религия, как и политика, является достаточно самостоятельным общественным явлением, преследующим свои конкретные цели. В этой связи, независимо от конфессиональной принадлежности, религиозные организации проводят свою собственную религиозную политику, направленную на укрепление позиций и расширение своего влияния на все сферы социальной жизни общества, а в отдельных случаях ведут открытую политическую борьбу за власть, в том числе с использованием экстремистских форм. При этом руководители религиозных организаций в новых исторических условиях с помощью модернизации культа или, наоборот, обращения к наиболее консервативным, фундаменталистским началам, стремятся укрепить позиции религии, привлечь в ее ряды новых последователей.

Существенную роль религиозный фактор занимает в массовых движениях в регионах с традиционно повышенной степенью религиозности населения (Татарстан, Тува, Северный Кавказ и др.). Религиозный фактор нередко значительным образом влияет на формирование современного массового сознания, выступает мировоззренческой основой многих общественно-политических движений, партий, организаций, либо присутствует в них, будучи органически вплетенным посредством культурных, исторических традиций.

Надо отметить, что под влиянием религиозного фактора в деятельность некоторых политических движений нередко привносятся крайне реакционные политические установки. При этом, закамуфлированный в ряде случаев в религиозную оболочку, социально-политический контекст, касающийся экстремистских действий, гораздо легче воспринимается населением на эмоционально-психологическом уровне.

Результаты последних исследований показывают, что в комплексе причин, и условий возникновения политического экстремизма и терроризма религиозный фактор играет самостоятельную роль (37%), либо проявляется вместе с национализмом (62%), либо используется другими экстремистскими силами (1%).

В современном российском обществе можно говорить прежде всего о влиянии религиозного фактора на возникновение политического экстремизма при разрешении конфликтов, связанных с деятельностью сепаратистских движений или борьбой за автономию, развертывающейся на основе этнических и религиозных разногласий; с борьбой различных религиозно-

политических групп и организаций, направленной на подрыв и ослабление общества изнутри с целью изменения или ликвидации конституционного строя.

При использовании в указанных конфликтах экстремистских действий изменяется в той или иной мере характер общественных отношений, создается повышенная степень опасности для конституционных основ общества и государства, для безопасности интересов личности. В данном случае экстремистская деятельность выступает специфическим выражением существующих в российском обществе противоречий, которые не получают своего адекватного разрешения.

Важно также подчеркнуть, что религиозный фактор играет существенную роль в формировании субъективных, ценностно-мотивационных, эмоционально-психологических предпосылок экстремистского поведения. Здесь необходимо исходить из того, что религиозные понятия, образы, системы верований и мифологии обладают достаточным потенциалом для выражения и обслуживания любых, даже совершенно противоположных социально-политических целей, в том числе с применением различных экстремистских форм. Рассматривая религиозное сознание, как одну из форм общественного сознания, на идеологическом и общественно-политическом уровнях, необходимо отметить, что в обоих случаях особую роль приобретают положения, доказывающие правомерность применения насилия в религиозных отношениях, либо могущие способствовать формированию таких установок в сознании верующих.

Применительно к религиозному сознанию, доктрины и концепции, оправдывающие насилие религиозными догмами, имеют свое идейное обоснование или на уровне развитой идеологии, складывающейся веками и имеющей своих теоретиков и практиков, или на уровне доктрин, которые имеют относительно немногих последователей.

Развивая концепцию христианского богослова и философа Августина (Блаженного) о примирении с богом, католический философ Фома Аквинский считал возможным применение насилия при соблюдении трех условий: "если оно, во-первых, ведется по воле всевышней власти, во-вторых, имеет "справедливую мотивацию и, в-третьих, сопровождается справедливыми намерениями. В этой связи нетрудно мотивировать применение насилия и в рамках "обоснования терроризма.

Историческое прошлое свидетельствует о том, что применение насилия всегда освящалось религией. Наиболее ярким примером может служить доктрина священной войны — «джихада», используемая приверженцами ислама в достижении своих религиозно-политических целей. Но, скажем, в борьбе за так называемую «богоизбранность еврейского народа» приверженцы иудейской религии также прибегают к насильственным методам деятельности. Такого рода свидетельства можно продолжать.

Надо отметить, что идейное обоснование различных религиозных концепций, оправдывающих в борьбе за власть применение насилия, уходит своими корнями в противоречивое толкование текстов, заложенных в

религиозных источниках (Библии, Коране и т.д.), неоднозначно трактующих религиозно-нравственные обязанности верующих. Здесь наиболее существенное значение у имеют группы противоречий, по разному освещающие суть религиозных учений и противоречиво наставляющие верующих в их жизненном поведении. Многочисленные противоречия религиозных текстов можно в рассматриваемом плане свести с одному основному вопросу, касающемуся морального аспекта применения верующими насилия. Как явствует из содержания религиозных текстов, насилие не только возможно и оправдано, но и в ряде случаев его применение в процессе религиозной деятельности верующим предписывается. Противоречивость религиозных текстов активно используется сторонниками экстремизма в идеологическом обосновании его применения при достижении своих религиозно-политических целей. При этом религиозные идеологи мистифицируют вопрос о насилии, его характере и причинах. Рассматривая насилие с религиозно-нравственных позиций, религиозные экстремисты затушевывают подлинные причины и общественно опасный харак-

136

тер насилия, утверждая, что насилие — неизбежный компонент человеческого развития. Важно отметить, что облаченные в религиозную форму, такого рода концепции превращают содержание деятельности их сторонников в проповедь ярого фанатизма и экстремизма, национальной и религиозной ограниченности и нетерпимости.

Спекулируя на религиозных чувствах, суевериях и предрассудках, религиозные экстремисты утверждают, что причиной насилия является греховность людей, обрекая тем самым верующих на примирение с ним. Верующим внушается идея о бессилии человека перед так называемым «божьем промыслом». Поскольку верующий находится в руках всевышнего, ему необходимо безропотно переносить все то, что совершается в мире, даже если оно противоречит его интересам, то есть примириться с насилием. Тезис о «греховности» как основной причине насилия способствует, с одной стороны, восприятию его как богоугодного дела, с другой, — формированию мотивов насильственного поведения.

Экстремистски настроенные религиозные деятели в отдельных случаях, при формировании ценностно-мотивационных предпосылок преступного поведения, внушают верующим, что смерть является «божьей благодатью», способствует быстрейшему попаданию их в «райские кущи». При этом идет спекуляция на религиозных чувствах верующих, их вере в «загробную жизнь», формируются мотивационные установки, выступающие основой самопожертвования во имя всевышнего. Особенно это характерно для тактики деятельности религиозно-террористических организаций, использующих религиозных фанатиков в качестве носителей взрывных устройств при совершении террористических актов. Например, террористический акт в отношении премьер-министра Индии Р. Ганди был осуществлен женщиной-самоубийцей, принадлежавшей к религиозно-

террористической группировке «Тигры освобождения Тамил и Лама», которая в момент совершения преступления привела в действие находящееся на ней самодельное взрывное устройство.

Ориентируя верующих на то, что главный смысл земной жизни состоит в подготовке к жизни вечной, религиозные экстремисты формируют у верующих готовность к «жертвенности» во имя достижения религиозно-политических целей. Смерть ими рассматривается как перспектива, вытекающая из религиозного учения о смысле, временном характере земной жизни, которую можно рассматривать лишь как подготовку к настоящей, вечной, «загробной жизни». В данном случае верующим внушается, что люди вообще должны дорожить не земной жизнью, а потусторонней, к которой надлежит готовиться во имя достижения экстремистских, террористических целей.

Основная цель такого негативного воздействия религиозных экстремистов на верующих заключается в формировании высокой степени духовно-эмоционального состояния, способствующего вовлечению их в насильственную антиконституционную деятельность. Таким образом, верующий должен видеть в совершении насильственных действий не только достижение общей цели, но и свое личное спасение (в религиозном смысле), он должен относиться к нему как к форме служения всевышнему. В данном случае религиозными экстремистами упор делается на необходимость совершения верующими немедленных активных, агрессивных действий, связанных с насилием. При этом верующий

должен подчиниться религиозным догматам (в интерпретации религиозных экстремистов) и совершить насильственные действия в борьбе за «чистоту веры» и т. д. История знает достаточно примеров особой жестокости и массовых убийств как средства борьбы за власть под религиозными лозунгами.

Рассматривая влияние религиозного фактора на формирование мотивов экстремистского поведения на уровне реально функционирующего сознания верующих, их поведения, необходимо исходить из формирующихся у них на основе негативных установок к органам власти или «иноверцам» социально-психологических ситуаций, ведущих к конкретным противоправным действиям. В многообразии таких ситуаций, ведущих к возникновению мотивов экстремистского поведения, одно из важных мест занимает деформированное под влиянием экстремистски настроенных лидеров религиозное сознание верующих, допускающее в интересах «веры» противоправные способы деятельности, постоянную их психологическую готовность к так называемой «жертвенности», основанной на богобоязненности, и в этой связи — игнорирование законных возможностей в реализации своих религиозно-политических целей. При этом для достижения религиозно-политических целей экстремистами, как правило, игнорируются такие общечеловеческие ценности, как равенство всех людей, право на жизнь и т.д., что ведет к непосредственному насилию, в том числе в такой форме как терроризм.

Влияние «религиозного фактора» проявляется здесь в концентрированном воздействии на эмоционально-чувственную психологическую сферу верующих путем внушения идей экстремистского характера или эмоционального заражения ими. В этом смысле внушение выступает ключевым звеном в механизме влияния

Известно, что внушение избегает логики, не заботится об аргументах и обращается к чувствам, инстинктам, предрассудкам. Оно рассчитано на некритическое восприятие верующими внешних воздействий на сознание. «Внушение, — писал в свое время В. М. Бехтерев, — действует путем непосредственного прививания психологических состояний, т.е. идей, чувствований и ощущений, не требуя вообще никаких доказательств и не нуждаясь в логике».

Особенно остро проявляет себя групповое религиозное сознание верующих, формирующееся в процессе культовой деятельности, в конкретных экстремистских действиях группового характера (массовые беспорядки и т.д.) Влияние религиозного сознания на характер группового поведения верующих в большой степени зависит от наличия в массовых экстремистских проявлениях, возникающих на религиозной основе, специфического совокупного субъекта — толпы, объединенного общим религиозно-политическим интересом. При этом активность совокупного субъекта массовых экстремистских проявлений в значительной степени зависит от наличия у верующих конкретных социально-политических установок и интересов, особенно связанных с удовлетворением их культовых потребностей.

В целях оправдания практики достижения своих религиозно-политических целей насильственными методами экстремистски настроенные верующие используют тезис о «меньшем зле». В соответствии с ним, нанесенный ущерб в процессе осуществления религиозными экстремистами насильственной антиконституционной деятельности рассматривается как меньший тому, который

138

может быть причинен им со стороны органов власти и управления, «иноверцев» и т. д. Применение насилия рассматривается религиозными экстремистами как морально дозволенное явление, если «спасенные» с его помощью «религиозные ценности» выше, чем нанесенный им вред.

Социальные установки зависят от конфессиональных особенностей вероучений и формируются у верующих в процессе реализации социально-политических доктрин, концепций, оправдывающих религиозными догмами применение насилия, о чем говорилось выше. В этой связи их деятельность вытекает из содержания вероучений и может принимать различные формы, в том числе и антиконституционной направленности, связанные с применением террористических методов. При этом ставка делается на активно-экстремистский тип религиозных фанатиков, способных под воздействием экстремистски настроенных авторитетов, по-своему

интерпретирующих отдельные религиозные догмы, совершать насильственные действия, в том числе в борьбе за «чистоту веры». Как правило, именно такой тип религиозных фанатиков используется политическими экстремистами при проведении террористических актов, захвате заложников и т. д.

Эскалация насильственной антиконституционной деятельности в отдельных регионах Российской Федерации на религиозной основе, ее многоплановость, сочетание в ней легальных и нелегальных методов требует объективного взгляда на религиозных фактор и признания за ним в современных условиях значения одного их важных элементов механизма инспирирования политического, экстремизма и терроризма.

Анализируя деятельность различных религиозно-политических структур, относящихся к тем или иным конфессиям и регионам, необходимо определять степень реального внедрения в их деятельность установок экстремизма, ориентирующих на насильственные методы борьбы, а также характер и обострение религиозных, особенно межконфессиональных, противоречий в определенных структурах и различных регионах, которые чреваты перерастанием в насильственные посягательства на конституционный строй; выявлять перспективы совершения подобных посягательств на основе религиозно-политического экстремизма, возможности нейтрализации подобных проявлений специальными и правоохранительными органами.

А. Г. Ткаченко

Терроризм: духовно-нравственный аспект

Радикальное реформирование российского общества сопровождается его социально-экономической поляризацией, обвальным ростом преступности, усилением экстремистских неконституционных форм политической борьбы, перерастающей зачастую в вооруженное насилие. Все более широкое распространение получают политический и криминальный терроризм, разницу между которыми уловить становится все труднее.

Такая ситуация во многом обусловлена господством старых традиций нетерпимости и упования в решении социально-политических проблем в основном на силу. Эти старые традиции основаны на понимании политики как инструмента реализации социально-группового эгоистического интереса за счет игнорирования интересов и подавления иных субъектов политического процесса. Примерами живучести подобных традиций могут служить использование армии в конфликте между ветвями власти в октябре 1993 г. и война в Чечне. Для внутривластного терроризма, провоцируемого нередко недемократическими и непрофессиональными действиями власти, характерно также стремление к достижению своих целей без учета интересов другой стороны, с широким применением насилия, наносящим ущерб огромному количеству людей, не участвующим непосредственно в конфликте. Самый яркий пример — захват заложников. Причем сам внутривластный терроризм служит довольно прозрачным

прикрытием корпоративных криминальных интересов. В свою очередь, криминальный терроризм, являющийся следствием реализации корпоративных эгоистических интересов при разделе собственности и власти, пытается нередко замаскировать и оправдать свою деятельность некоей политической и идеологической фразеологией. Заложниками политического и криминального терроризма становятся как государство и общество в целом, так и отдельные личности.

Исходя из вышеизложенного, попытаемся дать предельно широкое определение понятия терроризма, являющегося следствием корпоративного эгоизма. А эгоизм — это уже нравственная характеристика.

Терроризм — применение устрашающего насилия как средства воздействия на государство, общество или личность в политических или криминальных целях.

Не претендуя на универсальность данного определения, можно заметить, что оно дает возможность анализировать как международный, так и государственный, внутривластный и криминальный терроризм. Трудно в одном определении отразить все существенные признаки того или иного явления. Поэтому данное определение необходимо дополнить перечислением существенных признаков этого феномена. Таковыми признаками являются:

- применение в качестве основных методов насилия и устрашения;
- стремление оправдать свои действия высокими нравственными мотивами, необходимостью достижения политических или идеологических целей;
- нанесение ущерба третьим лицам, то есть людям, непосредственно не участвующим в конфликте;
- публичность и гласность, в той или иной мере пропагандистский характер террористических акций;
- терроризм нередко является средством борьбы с более сильным противником.

Анализ перечисленных признаков в их взаимной связи и взаимовлиянии позволяет раскрыть нравственные аспекты терроризма.

Основным методом террора является насилие, которое нередко отождествляется с принуждением, с любым применением силы вообще, что в корне неверно. Каковы же признаки насилия и чем оно отличается от других видов принуждения? Что ему можно противопоставить?

Насилие — это один из видов принуждения. Насилие — это этически не обоснованное и не ограниченное применение силы с целью реализации эгоистического интереса. Одним из проявлений злой воли, с точки зрения мотива, может быть стремление к принудительной реализации личного или группового эгоистического интереса. Этот мотив может служить одним из субъективных признаков насилия. Другими его признаками являются непризнание за субъектом противодействия никаких человеческих прав, игнорирование его субъективности, автономности его духа. Поэтому насилие предполагает уничтожение или уничтожение противника. Деяние это произвольное и необоснованное, то есть не признающее никаких внутренних

и внешних ограничений. Неограниченность применения силы особенно ярко проявляется в нанесении ущерба случайным людям в ходе террористических актов, захвата заложников.

Родовым понятием по отношению к насилию является принуждение, которое нельзя рассматривать как абсолютное зло, так как это препятствует объективному анализу социальной действительности. Нравственная оценка принуждения зависит от условий его применения, а также от целей и мотивов применения. С другой стороны, категорическое признание естественности принуждения может служить его оправданию и поощрению в любых ситуациях. Принуждения же двойственна. Ему могут быть присущи как конструктивные, так и деструктивные тенденции. Деструктивная тенденция находит свое выражение в насилии. Конструктивная — в нравственно допустимом принуждении и ненасилии, тоже являющихся видами принуждения, но противостоящих насилию.

Если под насилием понимать любое применение силы, то тогда любое применение силы должно оцениваться отрицательно. Но дело обстоит гораздо сложнее. Как отмечал Владимир Соловьев, «безусловно не право только само начало зла и лжи, а не такие способы борьбы с ним как меч воина или перо дипломата: эти орудия должны оцениваться по своей действительной целесообразности в данных условиях, и каждый раз то из них лучше, которого приложение уместнее, то есть успешнее служит добру»¹. Другой выдающийся

¹ Соловьев В. С. Соч.: В 2 т. М., 1988. Т. 2 С. 640.

русский философ И. А. Ильин обращает внимание на принципиальное отличие нравственно допустимого принуждения от насилия². Насилие — предосудительное принуждение, исходящее от злой души или направленное на зло. Насильник видит в жертве лишь средство реализации своей цели, не признает в ней человека. Нравственно допустимое принуждение, наоборот, руководствуется высшими нравственными ценностями, ориентируется на внутренний мир понуждаемого, возможность такого преобразования этого мира, которое приведет к добровольному изменению поведения понуждаемым. Насильник требует покорности себе самому, понудитель требует повиновения духовным ценностям и законам. Насильник презирает духовное начало в человеке, понудитель чтит это начало и обороняет его. Принуждение становится необходимым только тогда, когда невозможно убеждение. Применение физической силы в борьбе со злом есть не исключительное и самодовлеющее средство, а средство вторичное и подчиненное в общей системе духовного воздействия и воспитания. Борьба со злом направлена прежде всего на внутренний духовный мир человека, его преобразование. Отсюда — вторичный характер принудительных средств, которые, в силу их специфики, должны применяться не тогда, когда их можно применить, а только тогда, когда их применить необходимо. Соппротивление злу силою допустимо постольку, поскольку оно необходимо. А если оно необходимо, значит включает в себя обязанность применить силу. Обязательность применения силы есть критерий допустимости этого

применения. Таким образом, гуманистический характер целей и мотивов применяющего силу по отношению к понуждаемому отличает нравственно допустимое принуждение от насилия. Ильин отмечает еще несколько условий, определяющих позитивный характер принуждения. Налицо должна быть злая воля понуждаемого, проявляющаяся во внешнем деянии, то есть подразумевается необходимость предварительного анализа мотивов, целей и средств деятельности возможного объекта принуждения. Так как само принуждение применяется, по возможности, не с целью подавления и устрашения, уничтожения своего объекта (хотя возможен и такой трагический исход), а позитивного изменения мотивации его деятельности, само физическое принуждение должно быть действительно необходимым, то есть практически единственно возможным и действительным средством при данном стечении обстоятельств. Возможные негативные последствия применения силы не должны превышать возможные негативные последствия от ее неприменения.

Таким образом, в противоположность насилию, нравственно допустимое принуждение можно определить как гуманистически ориентированное по отношению к понуждаемому и единственно возможное в данных условиях применение силы как средства пресечения его (понуждаемого) насильственной деятельности.

-

Другой противоположностью насилию является ненасилие, имеющее общие черты с нравственно допустимым принуждением, но и отличающееся от него. В массовом сознании ненасилие ассоциируется часто с непроведением зла. Но ненасилие не означает отказа от борьбы со злом, отказа от принуждения. Оно означает отказ от уничтожения противника в ходе борьбы с ним.

² См.: *Ильин И. А.* Соч.: В 2 т. М., 1993. Т. 1 С. 319, 321, 322, 332, 338, 344, 347-351, 393, 465, 468, 469.

Означает одновременно борьбу с противником и уважение противника через признание его личности, разделение личности и социальной функции противника. Социальная функция противника подавляется посредством установления неформальных межличностных отношений. Ненасилие направлено в первую очередь против структур, поддерживающих социальное зло и несправедливость. Суть насилия сводится к физическому уничтожению человека, ненасилие же борется с противником в его функции носителя социального зла. Ненасилие выступает против структур как носителей социального зла, а не против людей, заполняющих эти структуры. Борьба ведется не против носителей зла (победа над которыми не всегда означает победу над злом), а против зла и несправедливости как таковых³. Ненасильственное действие предполагает разрешение социальных конфликтов путем устранения его объективных и субъективных причин, достижения взаимопонимания с оппонентом. Достижение согласия невозможно без установления прямых контактов с противником для разъяснения своей позиции и лучшего понимания точки зрения другой

стороны. Ненасильственная боевитость выражает чистую силу без примеси насилия. Эта сила основывается как на уважении противника, так и на самоуважении борющегося. Реализация гуманистического принципа уважения к противнику необходимым образом сочетается и вытекает из уважения к себе, чувства собственного достоинства и личной чести, являющегося гарантом духовного самостояния личности, гарантом ее неманипулируемости. Именно автономная и ответственная личность способна противостоять как насилию тоталитарной власти, так и «групповому нарциссизму», конформизму⁴, корпоративно-эгоистическому давлению. Личностный и общечеловеческий потенциал нравственности противостоит политическому и корпоративному эгоизму и, следовательно, экстремизму и терроризму. Ценность идеи ненасилия заключается в том, что она обосновывается вне рамок какой-либо идеологии и потому является поистине универсальной, как и сама мораль. Ненасилие есть выражение моральной силы и достоинства борцов. Ненасилие выступает как реальная альтернатива терроризму и, одновременно, как метод борьбы с ним.

Выделяют шесть принципов ненасилия и шесть стадий ненасильственных действий¹. Первый принцип утверждает, что ненасилие — это метод борьбы и потому оно требует мужества. Ненасилие ничего не стоит, если к нему прибегают не по убеждению, а от бессилия или из трусости и малодушия. Второй принцип требует уважения к противнику, запрещает унижать противника в борьбе. Согласно третьему принципу, как уже отмечалось выше, ненасилием мы боремся со злом, а не против конкретных людей, которые его осуществляют. Четвертый принцип требует от вставшего на путь ненасилия готовности принять страдание и не стремиться ответить ударом на удар. Далжа, принцип говорит о недопустимости как физического, так и духовного насилия.

См.: *Семлен Ж.* Выход из насилия // Глобальные проблемы и общечеловеческие ценности. Пер. с англ. и франц. М., 1990. С. 76-84.

См.: *Франкл В.* Человек в поисках смысла. М., 1990. С. 200-201; *Фромм Э.* Анатомия человеческой деструктивности^{TM}. М., 1994. С. 177-178.

- См.: *Гусейнов А. А.* 198 методов ненасильственных действий // Философские науки. 1991. № 12. С. 33-40.

рекомендует подавлять в себе ненависть к другим как один из главных источников насилия. Шестой принцип гласит, что справедливость является одним из вселенских начал, коренящихся в мировом порядке; люди по-разному могут представлять себе этот порядок, но, содействуя справедливости через любовь и ненасилие, все они вносят свой вклад в гармонию Вселенной, гармонизацию общественного устройства.

Что касается стадий ненасильственных действий, важнейшей из них является первая — сбор информации, ее анализ и осмысление, без которых невозможно понимание причин социальных конфликтов и умение их разрешать. Надо также знать и понимать точку зрения оппонента. Чем больше источников информации при этом привлечено, тем лучше для дела. Отсюда нетрудно заметить важную роль информационного обеспечения

ненасильственного разрешения социальных противоречий. Вторая стадия/заключается в информировании возможно большего числа людей о своей позиции, намерениях и целях. О них должны знать оппоненты и вес те, кто вовлечен в конфликт. Третья стадия предполагает личную духовную и практическую подготовку к ненасильственной борьбе. Четвертая стадия — вступление в прямой контакт с оппонентом, чтобы изложить ему свои проблемы, свое отношение к ситуации и свои намерения по решению конфликта, для чего в отношениях с оппонентом необходимы особый такт и интеллигентность. Пятая стадия состоит в прямых ненасильственных действиях, которых насчитывается около двухсот видов. Шестая стадия заключается в том, что ненасильственная борьба должна вестись таким образом, чтобы в обществе не увеличивалась, а затихала вражда; надо помнить о необходимости примирения с оппонентом и посред-ством разумных компромиссов вести к этому отношения с ним. Все усилия должны быть направлены не против людей, деятельностью которых опосредовано появление и обострение конфликта, а на устранение его причин. Тогда отношение к людям, вовлеченным в конфликт, даже к противнику, станет более терпимым, человечным.

Оправданию терроризма может служить отождествление насилия с борьбой, поэтому необходимо остановиться на характеристике феномена этики борьбы. Для лучшего понимания сути проблемы есть смысл проанализировать некоторые изменения в этике борьбы по мере развития человеческого общества. Раньше существовали кодексы борьбы (законы Ману для кшатриев-воинов, правила рыцарского единоборства и т.д.), которые в рамках «честной игры» допускали отказ от некоторых форм целесообразности в пользу моральных норм. Хотя идеализировать эти кодексы не следует, так как они имели зачастую узкую сферу применения и ограничивали число субъектов, в противоборстве с которыми необходимо было эти нормы соблюдать. В настоящее время моральные ценности во многих случаях подчинены соображениям эффективности, что предопределяет беспощадный характер борьбы. Большую роль в подобном ожесточении борьбы сыграли причины идеологического порядка, как это будет показано ниже. Законы Ману для касты кшатриев-воинов предписывали не поражать врага вероломным оружием (зубчатым, отравленным и т.п.), не убивать поверженного, просящего пощады, безоружного, сражающегося с другим, уstraшенного, отступающего. Упор делается на обеспечении равных условий борьбы и требовании ее взаимности,

144

то есть возможности нападения лишь на того, кто может ответить тем же. Без подобного постулата взаимности борьба превращается в резню, что прекрасно демонстрирует в современных условиях использование института заложников. Польский исследователь истории морали М. Оссовская выделяет пять основных факторов, ограничивающих агрессивность борьбы⁶:

- милосердие и гуманность;

- уважение к противнику;
- уважение к самому себе (чувство собственного достоинства и личной чести);
- «игровая» мотивация;
- страх перед возмездием.

Уровень гуманности по отношению к противнику различен в различных идеологиях. Достаточно сравнить идеологии либеральную и тоталитарную. Голландский юрист Гуго Гроций разработал в XVII веке первые проекты международного права, в нормах которого получила выражение гуманная мотивация. Этому способствовала концепция естественного права, которая снимала противопоставление на «своих» и «чужих», по отношению к которым мы не имеем никаких обязательств, и повелевала смотреть на обе воюющие стороны как на людей, одинаково исполняющих свой гражданский долг. В 1864 г. возникает международная организация Красного Креста для оказания помощи больным и раненым по обе стороны военных конфликтов. В Петербургской декларации 1868 г. определялось, что единственной целью государств во время войны может быть только ослабление военной силы неприятеля. Решения международных конференций в Лондоне (1871 г.) и Гааге (1899 и 1907 гг.) предписывали гуманное обращение с больными, ранеными, пленными, уважение к телам убитых, защиту гражданского населения, охрану памятников и т.д. После первой мировой войны эта международная деятельность слабеет. Но нельзя рассматривать эту международную регламентацию как совершенно неэффективную. Она оказывала свое влияние через офицеров старшего поколения даже во время второй мировой войны (хотя здесь играл, конечно, свою роль и страх возмездия).

Значительно чаще требования гуманного отношения к врагу звучало требование уважения к врагу. А требование равных условий для себя и врага диктовалось не только милосердием, но и чувством собственного достоинства, заставлявшим пренебрегать легкой победой и бороться с более сильным или равным по силе. Выбор равного себе противника определялся и игровой мотивацией. Иногда довооружали противника перед битвой, чтобы создать равные условия борьбы. Борьба определялась не только страхом возмездия, но и боязнью морального осуждения. В рыцарском кодексе гуманность не играла особой роли. Милосердие к врагу предполагало чувство превосходства над ним, а никто из рыцарей не хотел быть объектом подобного чувства. Ръ царское великодушие проистекало скорее из гордости, чем из христианских чувств. В рыцарских сражениях побеждала классовая солидарность, которая диктовала уважение к противнику и снисхождение к нему. Правила «честной

⁶ См.: *Оссовская М.* Рыцарь и буржуа. М., 1987. С. 490-510.

игры» также проистекали из классовой солидарности, которая была сильнее солидарности национальной, о чем свидетельствуют жестокие гражданские войны. Эти правила не распространялись на простонародье.

Крестовые походы славились жестокостью отношения к гражданскому населению. Падение значения рыцарского кодекса началось с замены игровой мотивации корыстной, когда участие в турнирах стало определяться не жаждой славы, а жаждой денег. Изобретение пороха позволило стрелять издалека в незнакомого человека. Законы Ману и рыцарский кодекс теряют во многом свой смысл при технических средствах тотальной войны.

Но культивирование сочувствия к врагу не способствует поднятию боевого духа, хотя и жестокость не всегда себя оправдывает. Признание за противником благородства и забота о собственном достоинстве играют неоднозначную роль с точки зрения гуманности борьбы и ее эффективности. Уважение к противнику — всегда аргумент в его пользу. А забота о собственном престиже может приводить к жестокому и бессмысленному возмездию или падению роли поддержания или повышения этого престижа. Игровая мотивация уже самим установлением правил игры сдерживает агрессивность, что нередко затрудняет достижение победы. Расчет на взаимность в честной игре может ослабить бдительность.

Какова же судьба вышеперечисленных факторов ограничения агрессивности борьбы в двадцатом веке?

Тоталитарные идеологии не признают никакого милосердия по отношению к «врагам государства», «врагам народа». Рациональный тоталитаризм рисует врага сплошной черной краской, так как с точки зрения эффективности борьбы признание за противником каких-либо достоинств подрывает боевой дух. Поэтому за врагом отрицалось не только право на героическую борьбу или смерть, но и право на доброе имя. В полностью политизированном и идеологизированном обществе гуманное отношение к противнику и уважение к его личности не могло рассчитывать на поддержку, а нередко и вообще проявляться открыто. Доминирующим в данном случае является отношение к противнику не как к личности, человеку, а как к объекту политических и правовых отношений, то есть как к врагу, преступнику. В жестко идеологизированном мышлении политические критерии подминают под себя все остальные, а отношение к противнику не укладывается ни в какие этические рамки.

В условиях тотальной политизации и идеологизации общественной жизни падает значение достоинства личности. Начинает господствовать внеличная установка полного отождествления себя с делом, которому служишь, рассмотрения своей ценности с точки зрения осуществления какой-либо общей великой цели, что может служить оправданию терроризма, как это будет показано ниже.

Этика «честной игры» основывалась на личных межличностных отношениях. Теперь мало кто выступает в какой-либо борьбе только как индивид. Еще законы Ману для государя были написаны в стиле Макиавелли. Отдельному воину предписывались правила «честной игры», а государю — соображения государственной пользы. Уже здесь закладывалась двойственность моральных норм. Ранее эта двойственность касалась немногих, теперь в условиях демократизации политической жизни она

затрагивает почти каждого. Если

у профессиональных военных поддерживались традиции рыцарского кодекса, то иначе обстояло дело с политическими партиями, с военной централистской дисциплиной. Их стремление к власти не сдерживалось никакими рыцарскими традициями. В межпартийной и внутрипартийной борьбе *не* редкость прятаться за чужой спиной, сваливать вину на других, скопом нападать на беззащитного, добивать упавшего.

Итак, кодекс рыцарской борьбы, основанный на личном достоинстве и чести, подрывается этикой, подчиняющей человека коллективному стремлению к общей цели, требованиям солидарности и дисциплины. Игровая установка исчезает в современной культуре и современной тотальной войне, хотя дух рыцарской борьбы еще продолжает проявляться в спорте. Объективно позитивную роль продолжает играть боязнь возмездия, ответного удара в условиях ядерного противостояния.

Перемены идеологического характера в современную эпоху ожесточили борьбу. Появились идеологии, открыто выступающие против идеи гуманизма; ради эффективности борьбы отказывающие противнику в каких бы то ни было достоинствах; провозгласившие примат политики при полном пренебрежении моральными нормами. Ужесточению борьбы способствовали установки внеличной морали с ее критикой индивидуализма рыцарского кодекса, забывая, что в этом кодексе есть нормы, согласующиеся не только с личной, но и с гражданской точкой зрения: верность долгу, воинская отвага и другие. Сосуществование двух нравственностей — частного человека и политика, часто приводит к тому, что нравы, допускаемые в политике, со временем начинают преобладать и в межличностных отношениях. Жесткая политизация и идеологизация мышления разрушающе влияет на общественные нравы. Поэтому одной из важнейших незаменимых функций морали является ограничение политического экспансионизма. Политика и мораль в жизнеспособном обществе должны быть сбалансированы, чтобы политика не поглотила мораль, чтобы, заботясь о ценностях государства, не забывать о ценности человеческой индивидуальности, ценности личности.

Таким образом, этика борьбы имеет ряд существенных общих черт с нравственно допустимым принуждением и ненасилием как антиподами терроризма. Черты эти — гуманность, уважение к противнику как к самому себе (чувство собственного достоинства и личной чести). Кроме того, этика борьбы противостоит терроризму и в том плане, что террор как неограниченное применение силы исключает наличие каких бы то ни было «правил игры».

Следующим существенным признаком терроризма является устрашение, которое можно было бы определить одновременно и как психологическое насилие и как угрозу применения насилия. Страх — более эффективное оружие терроризма, чем физическое насилие. Физическое насилие невозможно применять непрерывно, а насажденный страх деморализует противоположную сторону, парализует ее способность к

сопротивлению, действуя непрерывно. Часто говорят, что террор — это средство борьбы с более сильным. Можно также сказать, что это средство борьбы меньшинства с большинством. В качестве меньшинства может выступать как антиконституционная внутривластная экстремистская группа, так и тоталитарная или авторитарная власть. Именно насаждение страха является целью пропагандистского со-

147

провождения террористических акций, привлечения к ним внимания через средства массовой информации. Это могут быть широкомасштабные террористические акции с захватом заложников с целью изменения государственной политики, как в Буденновске или Кизляре. Или публичные судебные процессы над «врагами народа» с широким их освещением в прессе. Или демонстрация по телевидению подавления вооруженного сопротивления одной ветви власти неконституционными действиями другой.

Устрашение служит также средством укрепления самих террористических организаций через, например, периодические «чистки» репрессивных органов тоталитарного государства или демонстративные убийства мафией своих членов, нарушивших «закон молчания». Со стремлением насадить страх тесно связано нанесение в ходе террористических акций ущерба огромному количеству посторонних людей.

Большой теоретический и практический интерес представляет анализ мотивации террористической деятельности, нравственная оценка возможных вариантов оправдания террористами тех или иных своих действий. Один из самых распространенных вариантов — оправдание террора как средства достижения той или иной благой цели. В качестве этой цели может выступать благо народа, нации или класса, наконец, благо «семьи» как преступной корпорации. Для государственного и внутривластного терроризма характерны насаждение нетерпимости и ненависти к политическому противнику, стремление наклеить на него тот или иной уничижительный ярлык, консолидировать общество вокруг себя на основе создания образа внутреннего или внешнего врага. Насилие и жестокость в данном случае не отвращают, так как они применяются по отношению к «переименованным» людям, «деградировавшим» во «врагов народа» и «вредителей» или в «эксплуататоров», «врагов нации», «неверных», «империалистов», то есть к существам низшей породы, к которым неприменимы человеческие мерки доброты и справедливости. Культивируются настроения недоверия, подозрительности и страха.

Для политических взглядов большинства российских мафиози характерна приверженность сильному централизованному государству с авторитарным стилем правления, подозрительное отношение к западным демократиям, склонность к «заговорщицкому сознанию», подозрительности, усматриванию во всем происхождении неких недругов".

нанесение ущерба случайным и невинным людям в ходе реализации политики государственного терроризма оправдывается иногда тезисом: «лес рубят — щепки летят».

Родоначалники политического терроризма в России, народовольцы, считали случайные смерти посторонних людей в ходе террористических актов искупительной жертвой в борьбе за свободу. Да и чего стоит одна человеческая жизнь в сравнении с благом всего народа. Оправданию террора служило и самопожертвование террориста: я забираю чужую жизнь, но и жертвую при этом своей . Здесь ярко проявляется бесчеловечный характер идеологии терроризма, пренебрегающей ценностью отдельной человеческой жизни перед лицом

См.: *Крыштанжская О. В.* Нелегальные структуры в России // Социальные исследования, 1995. Ма8. С. 102.

См.: Женщины-террористки в России. Ростов-на-Дону, 1996. С. 10-13. 148

«общего блага», что ведет к крайнему ожесточению и дегуманизации политической борьбы. Рассмотрение в этой идеологии политического противника как подлежащего уничтожению недочеловека нередко сопровождается рассмотрением своих соратников и посторонних людей лишь в качестве средств борьбы. Особенно четко это проявляется в программном сочинении одного из идеологов терроризма в России С. Нечаева «Катехизис революционера»⁹. Революционер, по мнению Нечаева, не связан с обществом никакими обязательствами, так как он рвет с этим обществом все связи и потому вправе не считаться ни с его законами, ни с его моралью. Нравственно для него все, что способствует торжеству революции. Безнравственно и преступно все, что ему мешает, Человеческие чувства родства, дружбы, любви и даже чести должны быть задавлены им ради единственной страсти революционного дела, которая должна сочетаться с холодным расчетом.

Отношение революционера к товарищам по революции, мера дружбы и преданности по отношению к ним определяются единственно степенью полезности их делу революции. Товарищи по борьбе выступают единственно как средства достижения революционной цели.

Революционеры сами делятся на «посвященных», находящихся на одном уровне «революционного понимания» и непосвященных. У каждого посвященного должно быть в распоряжении несколько непосвященных, из которых необходимо извлекать наибольшую пользу. Если товарищ попадает в беду, решая вопрос, спасти его или нет, надо взвесить, с одной стороны, пользу, им приносимую, а с другой — трату сил, необходимых для его избавления.

Все в обществе для революционера должно быть ненавистно. И он не революционер, если по какой-либо причине может остановиться перед истреблением чего-нибудь или кого-нибудь.

Революционеры должны проникнуть во все слои общества, члены которого должны быть разделены на несколько категорий. Первая категория — неотлагаемо осужденных на смерть. Но при установлении порядка уничтожения исходить надо опять-таки не из масштабов личного злодеяния, а из пользы революционного дела. Злодеяния могут быть и полезны для

возбуждения народного бунта. Уничтожать надо в первую очередь наиболее умных и энергичных деятелей, особенно вредных для революционной организации. Следующая категория — не отличающиеся энергией и ничем особенным, но высокопоставленные и влиятельные люди. Здесь нужно овладеть компрометирующими их тайнами и на этой основе принудить к беспрекословному выполнению требований революционеров. Таким же образом использовать государственных честолюбцев и либералов, заставляя их «мутить государство». «Праздноглаголящих» революционеров (то есть не принадлежащих к сторонникам Нечаева. — *А. Т.*) надо беспрестанно толкать на крайние заявления и действия, результатом которых будет бесследная гибель большинства и настоящая выработка меньшинства. Политический аморализм нечаевского толка проявляется во многих сторонах террористической практики.

Иногда пытались оправдывать террор его якобы гуманным характером: ведь лучше «точечное» физическое устранение отдельных лиц, чем массовое

⁹ См.: «Родина». 1990. №2. С. 83-84.

революционное насилие. Но Молох террора всегда требует все новых жертв. Об этом свидетельствует, в частности, история терроризма в России в прошлом и нынешнем веке, когда убийства членов царской семьи и высокопоставленных государственных чиновников с сопутствующими им случайными жертвами сменились возрастающей как снежный ком вакханалией массового террора, достигшей своего апофеоза в институте заложников.

И власть, и террористы в России делали ставку на насилие, упоая на уничтожение противника и не ища выхода из нравственно-политического тупика. Однако, этика борьбы должна постоянно напоминать о нашем определенном «единосущии» с противниками, хотя бы в том плане, что они тоже являются людьми, а потому — не только объектами нашей деятельности, но и субъектами, обладающими правом иметь собственную мотивацию деятельности, правом рассчитывать на понимание этой мотивации и собственной деятельности с нашей стороны. Подобный подход к противнику, свободный от «властно-овладевающей» односторонности, может способствовать лучшему пониманию субъективных основ и целей его деятельности, эффективному поиску аргументов по его идейно-нравственному переориентированию, убеждению и ограничению спектра чисто силовых средств воздействия на него. С этой точки зрения, необходимо больше внимания уделять анализу субъективной стороны терроризма — его идеологии, характеру программ, целей и задач; логике оправдания собственных действий; степени осознанности и злонамеренности, а также различиям в мотивации и позициях различных субъектов террористической деятельности (инспиратора и исполнителя, корыстолюбца или политического идеалиста). Это будет способствовать усовершенствованию стратегии и тактики борьбы с терроризмом, повышению эффективности и гуманизации этой борьбы.

См.: История терроризма в России в документах, биографиях,

исследованиях. Ростов-ш-Дону, 1996.

Международный аспект

В. Е. Петришев

Проблема международного терроризма в свете событий в Югославии

Агрессия НАТО, развязанная весной 1999 г. в отношении суверенной Югославии и явившаяся, по своей сути, покушением на установившиеся международные отношения и попыткой навязать «новый миропорядок», смоделированный в Вашингтоне, всколыхнула и обострила целый спектр глобальных проблем. Фактически речь идет о перспективах развития мирового сообщества, а также о витальных для всего человечества вопросах: существовании демократии как способа цивилизованных отношений между людьми и государствами; возможности формирования последними независимой внутренней и внешней политики в соответствии с исторической традицией, ментальностью народа и национальными интересами; признании или отрицании права людей на жизнь, свободу и достойное существование; переоценке представлений о нравственности, добре и зле.

Нападение целой группы экономически развитых и прекрасно оснащенных в техническом и военном отношении государств на небольшое и практически незащищенное в военном отношении европейское государство в целях отколоть от него очередной кусок совершенно откровенно и цинично. Оно способно повергнуть в шок человека, пытающегося осмыслить происходящее, опираясь на нормы международного права, гуманистические идеалы или законы логики. Действительно, в этой ситуации американцами и их партнерами по НАТО полностью проигнорированы и международное законодательство, и установленные в ООН процедуры принятия серьезных и глобальных по своим последствиям решений, и мнение мировой общественности. Причем этот феномен покушения на сложившиеся международные отношения настолько уникален и многоаспектен, что в нем найдет свой предмет для исследования и политолог, и философ, и юрист, и военный. Следует отметить, что российская политическая элита, научная общественность и большинство простых граждан незамедлительно, активно и крайне негативно отреагировали на антиюгославскую американскую агрессию. Об этом свидетельствуют многочисленные заявления представителей всех ветвей власти, лидеров общественных движений, специалистов, рядовых граждан.

С учетом новой реальности, формирующейся в мире после 24 марта 1999 г., когда начались массированные бомбардировки югославской территории натовскими самолетами, хотелось бы предложить рассмотрение еще одного аспекта проблемы, а именно — оценить происходившие в Югославии события с точки зрения борьбы с международным терроризмом. Нетрудно убедиться

в том, что проблема транснационального проявления терроризма весьма ярко проявила себя именно в балканских событиях 1999 года. Подчеркнем при этом, что речь идет не о журналистских штампах, зачастую

воспроизводящих дефиниции «терроризм», «агрессия», «насилие» в контексте отвлеченно-образных и нравственных категорий, а о сущностной, политической и правовой оценке международного терроризма.

Терроризм как сложное, многоаспектное и крайне негативное социально-политическое явление давно перерос рамки национальных границ и превратился в масштабную угрозу для безопасности всего мирового сообщества. Не случайно в 90-е годов проведены десятки международных конференций с участием руководителей государств, специальных служб и правоохранительных органов, представителей общественных организаций и средств массовой информации, посвященных поиску эффективных путей борьбы с этим поистине глобальным злом. Цель эта благородна и безусловно оправдана, но и одновременно трудно достижима, что объясняется рядом обстоятельств. Так, в международном праве до сих пор нет единого определения терроризма, которое устраивало бы все страны и всех участников международных отношений. Хотя попытки выработать такую дефиницию, точно выражающую содержание терроризма, предпринимаются постоянно.

Еще в 1934 г., после убийства в Марселе югославского короля Александра и министра иностранных дел Франции Л.Барту, Лига Наций поручила специальному Комитету экспертов сформулировать понятие терроризма как преступного с точки зрения мирового сообщества явления и подготовить конвенцию по предотвращению и наказанию актов терроризма. 9 декабря 1994 г. Генеральной Ассамблеей ООН была принята Декларация о мерах по ликвидации международного терроризма, в которой выражалась глубокая озабоченность «продолжающимися во всем мире актами международного терроризма во всех его формах и проявлениях, включая те, в которых прямо или косвенно участвуют государства, которые угрожают жизни ни в чем не повинных людей или приводят к их гибели, имеют пагубные последствия для международных отношений и могут поставить под угрозу безопасность государств». В Итоговом документе Совещания министров «восьмерки» по борьбе с терроризмом, подписанном 30 июля 1996 г. в Париже, был намечен ряд мер, направленных на повышение уровня координации государств в противодействии террористической угрозе. На встрече «восьмерки» в Денвере в июне 1997 г. приветствовалось «растущее согласие по вопросу о принятии эффективных и законных мер в области борьбы с терроризмом». Однако события 1999 г. в Югославии заставляют пересмотреть оптимистические оценки антитеррористической деятельности на международном уровне.

Подчеркнем, что сущностным, необходимым элементом терроризма является устрашение, проводимое в отношении правительства какого-то государства, его властных структур, отдельных групп граждан или всего населения в целях принуждения к совершению действий, выгодных террористам. Этот Двухэтапный механизм достижения преступной цели — сначала устрашить, запугать путем применения насилия, а затем заставить выполнить свои требования — отличает терроризм от других

противоправных «одноходовых» насильственных действий.

152

Различают терроризм государственный, проправительственный и антиправительственный; международный и внутренний; традиционный и технологический; политический, религиозный, националистический, сепаратистский; левый и правый. Существуют и другие классификации терроризма, в качестве основания которых используются субъекты, объекты, цели и формы терроризма, география его распространения, террористические идеологические концепции и т. д.

К международному терроризму относят такие террористические акции, которые затрагивают интересы более чем одной страны и наносят ущерб безопасности международного сообщества, сложившимся международным отношениям. Пожалуй, самыми масштабными, агрессивными и сопряженными с наиболее разрушительными негативными последствиями являются акции терроризма, проводимые одним государством в отношении другого государства. Это — государственный международный терроризм, борьба с которым затруднена из-за «двойных стандартов» в его оценках со стороны руководителей различных стран. Действительно, как ни один военный агрессор не признал себя таковым, так и ни один террорист, будь то отдельный индивид с девиантной психикой или респектабельное правительство солидной державы, не согласится с обвинением в терроризме.

Наиболее ярко существование двойных оценок при идентификации проявлений международного терроризма можно проиллюстрировать на примере США, руководство которых провозгласило себя главным оплотом борьбы с такого рода преступлениями. Президент США регулярно обращается к американскому конгрессу с докладами, в которых излагается стратегия борьбы с террористическими угрозами. Правительством этой страны ежегодно выделяется свыше 5 млрд долларов на борьбу с терроризмом. Претендуя на роль лидера и главного координатора противодействия террористической угрозе во всем мире, США с 1983 г. финансирует из американского бюджета «Программу помощи в борьбе с терроризмом» (Anti-terrorism assistance program), в рамках которой прошли антитеррористическую подготовку при Госдепартаменте США около 20 тыс. представителей из более чем 80 стран.

Госсекретарь ежегодно совершает ритуал оглашения списка признанных политическим руководством США террористическими организаций и государств-спонсоров международного терроризма. Закон США «О борьбе с терроризмом и применении смертной казни» 1996 г. под страхом лишения свободы до 10 лет запрещает американским гражданам заключать и совершать финансовые сделки с партнерами из таких государств, к числу которых отнесены Ирак, Иран, Куба, Ливия, Северная Корея, Сирия, Судан. Кроме того, в законе содержится требование к представителям США в международных финансовых институтах (Международный банк реконструкции и развития, Международная ассоциация развития, Международный валютный фонд и др.) использовать

все свое влияние для противодействия предоставлению любых заемных средств «государствам-террористам».

Однако, это лишь лицевая, «парадная» сторона медали. Существует и другая, свидетельствующая о том, что США, «борясь с угрозой международного терроризма», сами являются субъектом террористической деятельности.

Такая двуликость в позиции Америки по отношению к проблеме международного терроризма объясняется тем, что США, объявляя те или иные страны «государствами-террористами» и используя все свои возможности влияния на различные международные институты, в том числе и ООН, для экономической их изоляции, руководствуются отнюдь не заботой о спокойствии во всем мире, а исключительно своими собственными стратегическими интересами, география которых после разрушения Советского Союза и социалистического лагеря приобрела глобальный характер. Это позволяет США жестко насаждать свои порядки на Среднем Востоке, на Балканах и в других важных геостратегических регионах мира, используя самые крайние меры давления вплоть до массированных ракетных бомбардировок, яркими примерами которых являются их карательные операции «Лиса в пустыне» в Ираке в декабре 1998 г. или «Решительная сила», осуществлявшаяся в Сербии с марта 1999 г. Нет необходимости доказывать тот факт, что у иракцев или сербов, провожающих в последний путь своих близких, погибших под бомбардировками натовских самолетов и живущих в постоянном страхе возможности новых налетов, с понятием «международный терроризм» ассоциируется не их собственная страна, а именно США.

Представляется, что события 1999 г. в Югославии расставили все точки над *i*, так как в этот раз американцы не только проигнорировали позицию своего «стратегического партнера» России (к этому наши чиновники от политики уже давно привыкли — утратившая былую военную мощь и авторитет на международной арене страна не принимается во внимание развитыми государствами при проведении ими в жизнь важных геополитических решений), но даже не сочли целесообразным согласовать с ООН свое решение совершить откровенную агрессию в отношении суверенного государства.

Двойственность позиции США, на словах не устающих декларировать свое стремление истребить международный терроризм, а на деле активно его взращивающих, проявлялась и раньше. Можно по этому поводу вспомнить тесные контакты американцев с пакистанскими террористами, афганскими талибами или скандал, возникший в 1996 г. по поводу американского содействия поставкам оружия из Ирана боснийским мусульманам в разгар гражданской войны в 1994 г. Тогда в причастности к тайным операциям по вооружению хорватских боевиков был обвинен посол США в Хорватии П. Гэлбрайт. Однако проведенное по этому поводу расследование показало, что имевшая место противоправная акция не была частной инициативой дипломата, а являлась частью плана по реализации стратегических

внешнеполитических замыслов на Балканах государственного департамента и администрации президента США. Таким образом, руководство США, официально объявив Иран «спонсором» международного терроризма, по существу совместно с этим государством приняло участие в спонсорстве мусульманских боевиков в Боснии.

Факт наличия двойного стандарта у американцев при оценках проявлений международного терроризма отмечался представителями некоторых арабских стран, принимавших участие в работе конференции в Шарм аш-Шейхе в марте 1996 г. Анализируя итоги самого форума, официальные круги Саудовской Аравии, например, подчеркивали явное стремление США придать ему произ-

154

раильскую направленность и обвинить в терроризме только арабов. Об этом, в частности, заявлял саудовский министр Сауд Аль-Феисала.

Представляет интерес и то обстоятельство, что «двойная игра» американцев в области борьбы с международным терроризмом зачастую оборачивается против них самих. Так, например, в публикациях либеральной американской прессы отмечается тот факт, что именно правительство США стояло у истоков международного исламского терроризма, поощряя и субсидируя в 80-х годах вербовку и вооружение в мусульманских странах наемников для ведения войны в Афганистане. Теперь же бывшие афганские моджахеды составляют ядро террористических группировок, действующих на Ближнем Востоке, Филиппинах, в других регионах. Подчеркнем, что моджахеды проповедуют идеи панисламизма и рассматривают в качестве своего главного врага именно США.

И все же именно трагические события, развернувшиеся на многострадальной югославской земле весной 1999 г. окончательно сорвали маску «радетелей за всеобщий мир и благополучие» с американского руководства и продемонстрировали всему миру его лицемерие. Для всех стало понятно, что под шитой белыми нитками риторикой о защите интересов малых народов скрывалось неумное стремление к распространению влияния США на весь мир. Как известно, безнаказанность преступника поощряет его к совершению новых преступлений. Бомбежки Ирака в конце 1998 г. проводились американцами под предлогом предотвращения производства оружия массового уничтожения. Прикрываясь лозунгом защиты прав косовских албанцев, они осуществили агрессию против Югославии. Возникает вполне естественный вопрос: какая страна и по какому поводу станет следующей жертвой неумных амбиций США? Этот вопрос носит принципиальный характер для России, так как в зависимости от ответа на него будет формироваться внешняя политика нашей страны и корректироваться концепция национальной безопасности.

Представляется, что выбор американцами и места развязывания очередной войны и, самое главное, способа начала агрессии совсем не случаен. Проверив свои силы в других регионах мира и убедившись в том,

что реакция главы Российской Федерации на откровенно агрессивные действия США в отношении других стран будет страусиной, Вашингтон решил заколотить в земной шар табличку «Собственность США», избрав для этого не просто центр Европы, но и район исторически сложившихся геополитических интересов России — Балканы. А в период, когда на беззащитную Югославию ежедневно осуществлялись сотни боевых самолето-вылетов, вместо решительного осуждения американского посягательства на международный правопорядок и столь же решительной и всесторонней поддержки жертвам агрессии Кремлем за счет российского налогоплательщика был направлен в Европу специальный высокопоставленный фельдъегерь в лице отставного премьера, которому было поручено возить ультиматумы стран НАТО в Югославию.

В этих условиях перспективы развития международной обстановки выглядят весьма мрачными. Представляется, что американцы по отработанной в Югославии технологии, используя механизм превентивного устрашения, попытаются поставить на колени любое государство, стремящееся к проведению независимого политического курса. Логика подсказывает, что одной из очередных жертв агрессии может стать Белоруссия. Необыкновенно близорукой

и губительной для будущего России представляется в этой ситуации нежелание ее руководства максимально ускорить процесс объединения со стремящейся к такому объединению Белоруссией. Ведь от этого зависит уровень национальной безопасности обоих государств. Если же и Минск будет оставлен наедине с агрессором, то прекращение существования Российской Федерации как независимого суверенного государства также станет лишь вопросом времени. Тем более что этот суверенитет уже сейчас поражен метастазами сепаратизма, и это обстоятельство активно используется руководителями ряда стран дальнего и ближнего российского зарубежья в своих интересах.

Возвращаясь к аспекту терроризма в американской агрессии против Югославии, подчеркнем, что вместо главного борца с терроризмом США ясно обозначили себя основным и самым опасным субъектом террористической деятельности в современном мире. Подчеркнем, что действия американцев и их партнеров по НАТО в Югославии — именно терроризм, так как они содержат все отличительные элементы этого нелегитимного социально-политического явления: политическая цель, двухэтапный механизм ее достижения, превентивное устрашение и принуждение правительства суверенной страны к принятию выгодных для США решений.

К сожалению, и американские политики не делают никаких полезных выводов из истории человечества, и само человечество в очередной раз убедилось, что вирусы опасных политических болезней при отсутствии профилактических мероприятий со стороны мирового сообщества способны оживать и провоцировать серьезные рецидивы. Можно вспомнить в этой связи, что в XX веке в Европе уже наблюдался клинический случай

стремления к мировому господству. Кстати, тогда фашистской Германией также активно использовались методы государственного терроризма для достижения глобальных политических целей.

Рассуждая о терроризме, следует отметить, что терроризм терроризму рознь. Можно сравнить, например, терроризм палестинцев, пытающихся путем проведения террористических атак освободить оккупированные Израилем территории, или акции терроризма, осуществляемые представителями Курдской рабочей партии для привлечения внимания мировой общественности к проблеме отсутствия собственной государственности, с массированными высотными бомбардировками натовскими войсками территории Югославии, жертвами которых становились в том числе и «защищаемые» американцами косовские албанцы.

Между прочим, если американцы последовательны в своем стремлении защитить всех представителей угнетаемых нацменьшинств, почему бы им не обратить свой взор на положение курдов? Почему бы НАТО в этой связи не нанести ракетно-бомбовый удар по Турции, развязавшей настоящую войну против курдского народа (а ведь количество курдов исчисляется десятками миллионов, это многократно больше, чем албанцев в Сербии).

Похоже, слишком быстро отказались в России от объективных оценок агрессивной сущности американского империализма, неоднократно демонстрировавшейся и в прежние годы. Как представляется, сегодня американцы преподнесли очень дорого обошедшийся нам, но, вероятно, все же необходимый урок политграмоты. И для «революционеров-реформаторов», бездумно

156

предававших во время так называемой перестройки в середине 80-х годов наших друзей в странах Восточной Европы и готовивших развал собственной державы во имя «общечеловеческих идеалов», и для членов «чрезвычайной тройки», подписавших смертный приговор собственной стране в Беловежской пуще, и для всего мирового сообщества.

Сейчас предпринимаются попытки поставить в один ряд натовскую агрессию в Югославии и действия российских федеральных сил в Дагестане и Чечне по наведению в этих регионах конституционного порядка и уничтожению незаконных вооруженных формирований. Существует даже точка зрения, в соответствии с которой «Россия повторяет в Чечне югославский эксперимент американцев». Однако общими здесь можно назвать лишь элементы тактики использования авиации в военном противостоянии. На этом параллели заканчиваются. Действительно, если в России верховная исполнительная власть впервые за последние годы внятно обозначила свой политический курс на Северном Кавказе и принимает меры к наведению порядка **в собственном субъекте федерации**, то американцы и их партнеры по НАТО грубо вмешались во внутренние дела суверенного государства. Российские силовые структуры ведут борьбу с террористами, боевиками и международными преступниками. Американцы вели военные действия против законно избранного правительства, а по большому счету —

против народа Югославии и свободы выбора им пути развития. Таким образом, действия федеральных сил в Чечне сегодня — это борьба с международным терроризмом, а агрессия стран НАТО против Югославии — это типичное его проявление на государственном уровне.

ПРОГНОЗИРОВАНИЕ

Ю. И. Авдеев

Основные тенденции современного терроризма

Несмотря на большое различие конкретных исторических условий существования тех или иных государств и народов мира, на нынешнем этапе развития общества, в различных регионах земного шара действует несколько долговременных однотипных социальных процессов, которые устойчиво детерминируют широкие масштабы использования насилия в политической борьбе, в том числе в форме терроризма.

Среди многообразия этих процессов в первую очередь должны быть упомянуты постоянно воспроизводящиеся в различных странах и регионах мира обострение социально-экономического неравенства между социальными группами и государствами, формирование значительного дисбаланса потребностей и возможностей отдельных социальных групп и стран, распространение радикализма и экстремизма в политической идеологии и политической борьбе, сохранение и обновление в практике международных отношений экономического и политического гегемонизма, тенденций установления диктата и проведения политики неокOLONиализма со стороны некоторых наиболее развитых стран в отношении слаборазвитых и зависимых государств, приобретение национализмом и религиозным экстремизмом значения глобальных политических факторов.

Выражая глубинные социальные противоречия современного мира, названные процессы сопровождаются на определенной стадии их развития резким обострением социального напряжения, усилением политического и идеологического противостояния различных общественно-политических сил, возникновением конфликтных ситуаций и кризисов внутри отдельных стран и на международной арене, нередко в острой форме конфронтации. В силу специфики терроризма как одного из видов нелегитимного политического насилия, его применение становится все более распространенной формой разрешения данных кризисов и конфликтов, используемой одной или обеими противоборствующими в этих конфликтах сторонами.

Современные условия и цели использования терроризма в политической борьбе на национальном (государственном) и международном уровнях ведут к существенному изменению содержания терроризма, равно как его организации и тактики. Соответствующие изменения в развитии терроризма во второй половине XX века выражаются в ряде более или менее отчетливых тенденций,

158

изучение которых имеет важное значение не только для понимания роли терроризма как глобальной угрозы человечеству, многим странам мира в настоящем и в обозримом будущем, но и для научно обоснованной

разработки системы мер, необходимых для эффективного противодействия этой угрозе.

Одной из наиболее важных тенденций развития терроризма является рост его общественной опасности как для международных отношений, международной безопасности, так и для национальной безопасности, конституционного строя и прав граждан самых различных по уровню своего развития стран мира. Основные факторы, которые определяют нарастание опасности терроризма, следующие:

Во-первых, это общий рост масштабов и активности политического экстремизма в большинстве районов мира, распространение в мировой политике и внутривнутриполитической борьбе многих стран практики применения насилия для достижения насильственным путем политических целей отдельных государств, политических движений, партий и общественных организаций. В середине XX века и его второй половине в человеческом обществе накопился огромный конфликтогенный потенциал во всех основных сферах общественной жизни, который, по справедливому замечанию В. Витюка, обусловил возникновение и развитие специфических форм политического насилия, в том числе терроризма¹.

Многие авторитетные террологи отмечают, что во второй половине XX века на общем фоне расширения практики использования политического насилия в невиданных ранее масштабах происходит применение террора. Так, У. Александер утверждает, что «...почти каждая политическая и идеологическая группа при определенных обстоятельствах — будь-то правительство или оппозиционные силы — обращались к терроризму»².

Во-вторых, это развивающийся процесс вовлечения все более значительных слоев и групп населения (прежде всего на национал-экстремистской и религиозно-политической, а также левацкой и неонацистской основе) в различные течения политического экстремизма практически на всех основных континентах мира, но особенно в таких районах, как Ближний и Средний Восток, Латинская Америка, Северная Африка, Юго-Восточная Азия, Западная Европа³.

В-третьих, это все более широкое применение, прежде всего в рамках международного и внутреннего терроризма, особо опасных форм и методов политически мотивированного насилия и увеличение разрушительного потенциала средств осуществления террористических акций, к которым могут при определенных условиях обратиться или уже обращаются экстремисты различных направлений (например, средства массового поражения людей, в том числе химические и биологические средства поражения, ядерные взрывные

¹ См.: Некоторые аспекты терроризма в контексте современных конфликтов* ситуаций (соображения террологов). *Витюк В. В.* // Социальные конфликты. Экспертиза, прогнозирование, технологии разрешения. №4. Терроризм. М., 1993. С. 67.

² Цит. по: *Hahlweg W.* *Moderater Guerikrieg und Terrorismus. Probleme und Aspekte ihrer theoretischen Grundlagen als Widerspiegelung der Praxis //*

Terrosismus. Hrsg. von M. Funke. Bonn, 1977. P. 118

³ См. об этом: *Rosie G. The Directory of Interriatinal Terrorism*. N. Y., 1986. P. 20-22; *Орешкина Т. Ю. Современный терроризм и борьба с ним*. М., 1992. С. 10 и др.

159

устройства, а также современные виды обычного вооружения, обладающие повышенными поражающими возможностями)⁴.

В-четвертых, это устойчивое изменение деятельности террористических организаций различной идейно-политической направленности в сторону повышения устрашающего воздействия терроризма посредством выбора в качестве объектов применения насилия или угрозы его применения граждан или групп граждан, не имеющих отношения к политическим противникам субъектов терроризма (персонал различных учреждений, скопления людей в общественных местах и т.п.), а также объектов повышенной опасности для окружающих (АЭС, воздушные суда и т.п.).

Уже на относительно ранней фазе изучения терроризма и его отдельных проявлений политические деятели и террологи западных стран стали рассматривать угрозу терроризма не только в личном, но и в глобальном плане. «Мы вынуждены признать, — отмечает М. Функе, — возможность личной, национальной и даже планетарной катастрофы в любое время. Злоупотребление ядерными веществами, вплоть до заражения воды и атмосферы, создание и применение "дешевых" ядерных бомб так же трудно исключить, как и опасность того, что каждый из нас может стать очередной жертвой нападения, потенциальной жертвой насилия»³.

Усиление общественной опасности терроризма для внешней и внутренней безопасности стран СНГ, в том числе и для Российской Федерации (впрочем, как и для многих других государств мира) приобрело вполне очевидные подтверждения. Они заключаются в нарастании количества политически мотивированных преступлений на их территории в последние годы, в увеличении числа жертв терроризма, в распространении пропаганды насилия как якобы допустимого способа ведения политической борьбы и т. д. В условиях общего обострения внутривнутриполитической борьбы во многих странах СНГ терроризм становится заметным средством достижения политических целей борьбы за власть прежде всего в районах с высоким уровнем распространения национализма, межконфессиональных противоречий, криминализации общества, развития организованной преступности, особенно в так называемых горячих точках.

Вместе с тем, террористические акции, сопровождаемые прямым применением насилия, а особенно угрозами его применения, входят в практику политической борьбы экстремистских сил различных направлений за власть, для оказания дестабилизирующего влияния на политических противников, силового давления на органы власти или отдельных их представителей, сведения счетов в противоборстве клановых и мафиозных структур. Нередко террористические акции в реалиях общественно-

политической жизни этих стран являются также демонстративным выражением протеста отдельных лиц или групп лиц против политической линии центральных или местных властей либо определенных общественно-политических сил. В условиях углубления кризиса правопорядка, законности и распространения политической конфронтации в России и ряде других стран СНГ подобные проявления могут приобрести в краткосрочной и среднесрочной перспективе еще более широкие масштабы.

⁴ См.: *Dobson C, Payne R. The Terrorists. Their Weapons, Leaders and Tactics. N.Y., 1979. P. 15, 16* *Funke M. Terrorismus — Ermittlungsversuch zu einer Herausforderung // Terrorismus. Hrsg. Von M. Funke. Bonn, 1977. P.9.*

160

Другая важная тенденция современного терроризма — расширение его социальной базы, вовлечение в террористическую деятельность во многих странах мира значительного числа представителей различных слоев населения, а также формирование относительно устойчивых кругов «симпатизантов», т. е. лиц, в той или иной мере разделяющих политические устремления определенных террористических структур и оказывающих им ту или иную поддержку.

Исследуя эволюцию терроризма, многие зарубежные террологи отмечают, что социальное развитие общества со многими его противоречиями и конфликтами идет в сторону увеличения рахтичных видов социальных групп, могущих принять участие или участвующих в акциях терроризма. Социальные, экономические и другие проблемы будут нарастать и поэтому с ними будет расширяться социальная база терроризма⁶.

Расширение социальной опоры терроризма, по крайней мере в регионах и отдельных странах с высоким уровнем политической нестабильности и распространением политического экстремизма, представляет собой в настоящий период не только объективный процесс эволюции данного общественно-опасного явления, но и выступает как задача самих террористических организаций. Как видно из работ идеологов и практиков терроризма, необходимость наличия такой базы рассматривается как необходимая предпосылка активной деятельности террористических структур и самого существования данного общественно-опасного явления⁷.

Важнейшим назначением социальной базы терроризма, по свидетельству зарубежных исследователей, является обеспечение морально-политической поддержки террористов и их политики извне «террористической сцены» — со стороны более или менее широких слоев населения, а также обеспечение необходимого притока свежих сил в террористические структуры и оказание им той или иной помощи и поддержки со стороны более узких групп населения, прежде всего «симпатизантов» (систематических или разовых услуг, например, в форме предоставления убежищ, конспиративных квартир, посредничества в доступе к интересующей террористов информации и т.п.) .

Названная тенденция сопряжена с активизацией разнообразных по

характеру террористических проявлений, в том числе в различных демонстративных, пропагандистских формах, со спекуляциями террористов вокруг вопросов некоей легитимности их деятельности, ее «народного одобрения», с расширением политико-правовых, социальных и технических возможностей развертывания обширной инфраструктуры террористических организаций, с получением поддержки определенных групп населения. Наконец, расширение социальной базы терроризма связано также с обращением к деятельности террористического характера лиц, не относящихся к каким-либо устойчивым террористическим организациям, экстремистским движениям, в частности, со стороны участников различных акций социального протеста.

См.: *Terrorism and Beyond. An International Conference on Terrorism and Low-Level Conflict* // Brian Yenkins. Conference Director. December 1992. P. 92.

⁷ См.: *Regis Debray. Kritik der Waffen — Wohin geht die Revolution in Lateinamerika?* // *Terrorismus*. Hrsg. M. von Funke. Bonn, 1977. P. 145, 146.

⁸ См.: *Nollau G. Politischer Terrorismus und Inere Sicherheit* // *Terrorismus*. Hrsg. M. von Funke. Bonn, 1977. P. 314.

161

Тенденция расширения социальной опоры терроризма связана с возникновением в ряде стран мира трудностей политико-правового характера в вопросах выявления и пресечения правоохранительными органами террористических акций, деятельности их исполнителей и организаторов, в противодействии притоку в террористические структуры новых кадров. Характерно в этом смысле признание, содержащееся в анализе причин относительно быстрого восстановления деятельности одной из ведущих западногерманских террористических организаций левацкой направленности «Фракции Красной Армии», сделанном в докладе бывшего министра внутренних дел ФРГ Ф.Циммермана в январе 1987 г.: «Несмотря на все успехи органов безопасности, террористы смогли набрать новых членов. Плохо здесь то, что существует поддерживающее террористов окружение, которое укрывает их и оказывает им помощь в подготовке преступных актов»⁹.

Расширению социальной базы терроризма содействуют:

- расширение, на основе возникновения или углубления социально-экономических и идейно-политических противоречий во многих странах мира, масштабов участия в социально-политической борьбе различных, часто не обладающих высокой политической культурой слоев и групп населения, подверженных в сильной степени влиянию политического экстремизма;
- обострение во многих странах или районах мира межнациональных противоречий, резкая активизация на этой основе националистических процессов экстремистского и сепаратистского характера, вовлечение в них широких кругов населения;
- распространение в различных регионах межконфессиональных противоречий, развитие религиозного и религиозно-политического экстремизма (прежде всего исламского характера), формирование на этой

основе устойчивых очагов политических конфликтов межгосударственного и внутригосударственного характера с участием больших масс населения;

- обострение во многих регионах мира регионального сепаратизма, возникновение большого числа очагов вооруженной борьбы за пересмотр государственного устройства ряда стран, изменение государственно-правового статуса отдельных территориальных единиц этих стран, за противоправное изменение на этой основе внутренних границ в ряде существующих государств, а нередко и межгосударственных границ;

- периодическое возникновение в различных странах мира согласованных или спонтанных выступлений участников «специфических групп протеста», то есть структур, специализирующихся на достижении с помощью насилия узко обозначенных социально-политических целей, К этим группам, зарубежные исследователи, в частности, относят организации «зеленых», противников ядерного вооружения, строительства ядерных электростанций, создания аэродромов вблизи городов и т. п.¹⁰;

Zimmermann F. Innere Sicherheit — Garant der Freiheit // Bulletin d. Presse- und Informationsamt der Bundesregierung. 1987. № 8. P. 58.

См.: *Terrorism and Beyond. An International Conference on Terrorism and Low-Level Conflict // Brian M. Jenkins, Conference Director. December 1982. P.93.*

162

- формирование в ряде регионов, — в связи с изменениями, происшедшими в конце 80-х - начале 90-х годов в странах Восточной Европы и в республиках бывшего Советского Союза, — очагов острых политических противоречий, создание обстановки политической конфронтации, чреватой массовыми проявлениями политического насилия.

Политическая обстановка в странах СНГ, в том числе в России, свидетельствует об общем нарастании в большинстве из них массовых процессов политического экстремизма, приобретающих различные общественно-опасные формы (массовые антиобщественные проявления с применением насилия, расширение практики использования оружия в актах политического экстремизма и т.п.) и являющихся питательной средой для расширения социальной базы терроризма. В значительной мере этот процесс связан с консервацией негативных результатов в экономическом и социальном развитии общества в силу допущенных ошибок на стадии перестройки и демократического реформирования, с кризисом надежд значительной части населения на улучшение своего социального положения, растущим разочарованием широких слоев населения в действительности провозглашенных демократических институтов, с падением авторитета власти, сохранением в обществе серьезных политико-идеологических противоречий и активным противоборством общественно-политических сил различной направленности. В результате подобного развития политической обстановки, наряду с ростом аполитичности части населения, неверия в возможность позитивных изменений в обществе, происходит возрастание политической активности другой его части. Под влиянием определенных

радикальных сил (главным образом выступающих с националистических и религиозно-экстремистских позиций) известная часть населения, поддерживающая эти силы, проявляет стремление к непосредственному, «прямому» воздействию на ход политических событий в экстремистских, чаще всего массовых формах.

Одновременно рост вовлеченности населения в общественно-политическую борьбу, в том числе и в различные процессы политического экстремизма, отражает и дальнейшее имущественное расслоение населения, углубление разрыва между наиболее и наименее обеспеченными слоями общества, высокий уровень протестного движения в стране (в связи с долговременными невыплатами социальных пособий, заработной платы и т.д.), охватывая нередко целые социальные группы (прежде всего по профессиональному и территориальному признакам). Возникающие на этой почве экстремистские проявления массового характера, имеющие в основе своей социально-экономический характер, приобретают обычно такие общественно-опасные формы силового давления, как забастовки с ультимативными требованиями, блокада коммуникаций, захват помещений администрации и т. п. При определенных условиях они могут выливаться и в более острые проявления политического насилия, в том числе террористического характера.

Наконец, чрезвычайно важным и в значительной степени специфически российским фактором на современном этапе эволюции России, который обуславливает расширение социальной основы политического экстремизма, и терроризма как его наиболее острого проявления, следует рассматривать периодически обостряющуюся борьбу за передел собственности в стране. Анализируя значение данного фактора, необходимо подчеркнуть такие его

163

особенности, как включение в этот процесс значительной части населения и осуществление указанного передела посредством применения противоправных, в том числе силовых методов в относительно широких масштабах. Данное обстоятельство подчеркивается как на научном уровне, так и на уровне оценок правоохранительных органов¹¹.

Заслуживающей серьезного внимания тенденцией в развитии терроризма является также приобретение им значения долговременного фактора в современной политической жизни. Терроризм за последние несколько десятилетий превратился в устойчивый феномен социально-политических отношений в основных регионах мира. Он приобрел социальную устойчивость в значительной мере за счет вовлечения на разных этапах послевоенной истории в экстремистскую, террористическую деятельность все новых групп населения и общественно-политических объединений, несмотря на активные усилия по его локализации и искоренению, предпринимаемые как в рамках отдельных стран, так и на уровне мирового сообщества. Другой фактор определяющий долговременность существования терроризма состоит в недостаточной

эффективности антитеррористической деятельности, отсутствии у общества оптимальных подходов к определению результативных путей противодействия терроризму.

Современная борьба с терроризмом, которая уже длительное время ведется в целом с возрастающей, хотя и не одинаковой в различных странах активностью на всех континентах земного шара, не может, однако, при нынешней ее организации, в силу целого ряда причин, иметь серьезные шансы на успех. Она ограничивается в основном правовыми и силовыми мерами предупредительного и репрессивного характера, по преимуществу направлена на нейтрализацию и ликвидацию уже существующих террористических организаций, других субъектов террористической деятельности и не приобрела еще многопланового комплексного предупредительного характера, не сориентирована на целенаправленное воздействие прежде всего на те социальные условия, которые порождают терроризм и серьезно ему способствуют. Даже западные страны, которые имеют наибольший опыт изучения терроризма и ведения борьбы с ним, не добились, по свидетельству авторитетных террологов, каких-либо серьезных успехов в борьбе с этим злом, особенно в сфере профилактики терроризма, по причине слабости рычагов воздействия на те социальные и психологические факторы, которые являются причиной данного явления¹². Современные реальности общественного развития, несмотря на снижение идеологического противоборства в некоторых его областях (например, в международных отношениях в связи с устранением конфронтационности, существовавшей между западным миром и восточным блоком, во внутриполитических отношениях многих стран мира ввиду резкого ослабления коммунистического движения в связи с ликвидацией КПСС и общим распадом международного коммунистического движения), характеризуется сохранением многих старых и возникновением ряда новых долговременных глобальных,

См.: Материалы конференции «Политический экстремизм в Российской Федерации и конституционные меры борьбы с ним» (31 марта - 1 апреля 1998 г.). М., 1998. С. 18.

См.: *Антонян Ю.М.* Терроризм. Криминологическое и уголовно-правовое исследование. М., 1998. С. 55-56.

164

региональных и внутригосударственных противоречий, которые продуцируют острые конфликтные ситуации и насильственные формы их разрешения.

; В частности, следует заметить, что наряду с существованием в странах, относящихся к западной рыночной модели общественного устройства, давно известных и действующих в настоящее время социальных, в том числе классовых, социально-экономических и политических противоречий, которые длительное время являются источником правого и левого экстремизма, государственного и международного терроризма, в современных условиях все более опасный характер приобретает также

действие целого ряда новых противоречий, также имеющих долговременный характер. Часть из них носит как социально-экономический, так и политический характер, в значительной мере затрагивает многие страны, относящиеся к прежним противостоящим общественным системам.

В частности, речь идет о возникновении мощных миграционных процессов и неадекватных реакций на них части населения, что чревато острыми межнациональными конфликтами, различными — нередко массовыми — экстремистскими проявлениями. Инициаторами последних систематически выступают многочисленные неофашистские, расистские формирования, образовавшиеся в послевоенный период и продолжающие свою деятельность и в настоящее время под лозунгами обеспечения «чистоты нации» и необходимости изгнания «неполноценных», «нежелательных» иностранцев (США, ФРГ и др.)¹³.

Другой терророгенный аспект миграционных процессов и возникающих на их основе общественно опасных конфликтов состоит в формировании на территории многих западных стран из числа переселенцев (преимущественно из восточно-европейских государств, стран СНГ, ближневосточного региона) преступных этнических групп.

Наконец, в странах — объектах массовой миграции наблюдается создание различных по идейно-политической направленности общественно-политических организаций, в том числе и экстремистского и террористического характера, перенос на новую почву их политических установок и методов насильственной политической деятельности. Центральное место среди них, как правило, занимают структуры, выступающие с позиций исламского экстремизма и фундаментализма или под прикрытием исламских лозунгов. Террористические экстремистские организации иностранцев, находящиеся на территории принявших их стран, формируют новые линии террористической деятельности. Как правило, эти структуры осуществляют свою экстремистскую деятельность в двух направлениях. Во-первых, участвуют в борьбе со своими основными, «традиционными» политическими противниками на данной территории. Во-вторых, ведут с этой территории экстремистскую политическую деятельность против своих политических противников на территории третьих стран. Наконец, территория страны, принявшей иностранцев, используется этническими террористическими организациями как база для раз-

См. об этом: *Смит Б. Л., Морган К. Д.* Террористы правые и левые; попытка характеристики американских террористов // *Человек. Образ и сущность (гуманитарные аспекты). Природа насилия.* М., 1995. С. 140-141; *Robert B Links- und Rehtsterrorismus in der Bundesrepublik Deutschland von 1970 bis Heute.* Bonn, 1995. P. 257.

вертывания экстремистской деятельности на территории «своей страны»¹⁴ Процессы международной миграции постепенно приняли во второй половине XX века, особенно после распада Организации Варшавского Договора и Советского Союза, глобальный характер, что в

условиях сохранения многих прежних и формирования новых внутригосударственных и международных противоречий способствует усилению их терророгеиноного значения и долговременное™ существовашига самого терроризма как социально-политического явления.

Другая часть новых противоречий стала опасно проявлять себя как источник противоправного политического насилия ввиду качественного изменения геополитической обстановки в ряде регионов мира, в первую очередь на Балканах, в Закавказье, на Ближнем Востоке, в Средней Азии и некоторых других. В частности, резкое ослабление прежних социалистических государств (Югославия), бывших советских республик (РСФСР, Республики Закавказья, Республики Средней Азии), способствовало возрождению или появлению устойчивых гегемонистских и даже прямых экспансионистских притязаний к ним со стороны некоторых реакционных политических кругов ряда иностранных государств (Турция, Афганистан, Пакистан, Саудовская Аравия и др.) на политической, религиозной, национальной и другой основе. Эти притязания, нередко принимая форму открытого вмешательства во внутренние дела бывших республик СССР с целью их дестабилизации, ослабления или расширения сферы своего влияния, сопряжены с такими проявлениями терроризма, как инспирирование и поддержка террористических формирований на территории этих государств, засылка групп боевиков на их территорию, создание в их пределах лагерей по подготовке террористов и непосредственное участие своих эмиссаров и боевиков на этой территории в проведении тех или иных террористических акций (например, на Северном Кавказе, в Таджикистане, Киргизии и некоторых других регионах постсоветского пространства).

В числе новых источников терроризма, имеющих долговременный характер, необходимо назвать и появление новых линий социальной напряженности в странах, где происходит процесс перехода от одного общественного строя к другому (прежде всего в некоторых странах Восточной Европы и особенно в республиках бывшего СССР)¹⁵.

В данном случае речь идет о результатах возникновения новых внутренних социально-экономических и социально-политических противоречий, выливающихся в острые социальные конфликты между отдельными социальными группами работающих по найму и при этом из-за отсутствия в стране устойчивых демократических традиций и соответствующих им эффективных механизмов снятия социальной напряженности и разрешения социальных конфликтов,

Проблема борьбы государств, принимающих в значительном количестве мигрантов из зарубеж-ных стран, систематически рассматривается властями этих стран в контексте борьбы с преступностью иностранцев, с международным терроризмом и оценивается как серьезная угроза национальной и международной безопасности. См., например, об этом: *Xchpanger K. D. Weltweiter Terrorismus, na-tionale und Internationale Aspekte, Notwendigkeit zur internationaler Kooperation // Bundesgrenzschutz*

(BGS). 1989. №1. P. 5, 7.

О критическом состоянии развития России в 90-е годы см.: *Осинов Г.* Социология и политика М., 1995. С. 335 и др.

последние часто развиваются до общественно опасной стадии, приобретают экстремистский характер, форму террористических и терророподобных проявлений.

К числу основных тенденций современного терроризма относится также *процесс повышения уровня его организации*. Данная тенденция находит выражение прежде всего в создании относительно устойчивой системы различных террористических структур как в государственном механизме ряда стран, так и в рамках наиболее значительных экстремистских движений, формировании идейно-политических доктрин по использованию террора в политических целях, а также в осуществлении террористических акций, наиболее мощными террористическими организациями, на планомерной систематической основе.

Важнейшим проявлением данной тенденции является, в частности, само формирование разветвленной системы террористических структур, относящихся к основным регионам мира и к различным направлениям политической экстремизма. Возникнув во многих странах и регионах мира уже в период второй мировой войны и в первое послевоенное десятилетие в связи с острой борьбой за свои политические интересы колониальных и антиколониальных сил в условиях распада мировых колониальных империй, эти структуры в последующие годы, несмотря на разгром или самороспуск некоторых из них, существуют уже в течение нескольких десятилетий. Не менее важным является то обстоятельство, что социальные условия современного мира с постоянно возникающими внутригосударственными, региональными и глобальными кризисами и конфликтами периодически воспроизводят в различных масштабах и с разной активностью вместо распадающихся или ликвидируемых террористических структур новые организации аналогичного характера.

Базисное значение для эффективной организации многих террористических структур имеет и наличие доктринальных основ терроризма. Правда, некоторые террологи оценивают идеологические концепции террористов лишь как прикрытие их преступной деятельности. Однако, большинство специалистов в целом адекватно характеризует роль террористической идеологии, подчеркивая ее значение как источника целеполагания для террористических структур, средства обеспечения их единства и привлечения новых участников в свои ряды, фактор нейтрализации действия общепринятых моральных норм¹⁶. Формирование идеологических установок терроризма касается в настоящее время всех основных разновидностей политического экстремизма, хотя, конечно, в различной для разных стран мира степени.

Для националистических или обычно тесно связанных с ними религиозно-политических экстремистских движений «освободительного», часто сепаратистского направления доктринальные установки на применение

террористической и иной насильственной деятельности обычно включаются в политические концепции повстанческой борьбы, национального сопротивления, борьбы с империализмом и т.д. Это, например, характерно для многих движений исламского терроризма, для движения афганских моджахедов. Идеино-политическую основу доктринальных установок в этом случае составляют различные исламские концепции — исламского возрождения, исламского социализма,

См.: *Нобе К.* Zur ideologischon Begrundung des Terrorismus. Bonn, 1979. P. 8-10.

исламского фундаментализма, содержащие установки на необходимость или возможность использования насильственных, террористических методов для достижения политических целей¹⁷. Многочисленные национал-экстремистские концепции, базирующиеся на крайностях идеологии традиционного национализма, нередко — с социалистической фразеологией, распространены, можно сказать, на всех континентах. О действительном содержании этих идеологических мотиваций очень метко заявляет один из ведущих террологов У. Лаккер: «Во всех этих случаях (т. е. при анализе националистического терроризма в Ирландии, Испании, Канаде и Палестине. — Ю.А.) очевидно, что мотивацией не является революционный социализм, даже если националисты прибегают к социалистической риторике. Действительный мотив вполне ясен — национализм, ксенофобия, иногда религия»¹⁸.

Многие левацкие движения уже в течение длительного времени руководствуются в террористической деятельности концепциями, утверждающими историческую необходимость и моральную оправданность использования насилия в политической борьбе, особенно концепциями партизанской освободительной борьбы, стратегией городских партизан, стратегией напряженности и иными аналогичными концепциями, направленными на втягивание населения в революционную борьбу при отсутствии революционной ситуации в различных странах мира. В частности, последнее характерно для ряда левых экстремистских организаций Европы, Латинской Америки, Юго-восточной Азии, где, по их мнению, необходимо преодоление определенной политической пассивности населения систематическими методами «революционного» использования террористических и иных насильственных актов и постепенного создания массового революционного потенциала. На этих позициях уже длительное время стоит, например, левацкая организация РАФ в ФРГ, «Красные бригады» в Италии, «Прямое действие» во Франции, ДЭФ-СОЛ в Турции и др."

Крайне правые, неофашистские движения и организации террористической направленности, занимая в принципе антидемократические, авторитарные, националистические и иногда расистские позиции, после целой серии политических поражений в ряде стран Европы, Латинской Америки, Азии и Африки, в настоящее время не свернули свою деятельность, укрепляют инфраструктуру своих организаций

и обычно прибегают к маскировке своих идейно-политических установок на применение насилия в политических целях²⁰. Открытая пропаганда такого рода лозунгов имеет определенные рамки, ограничиваясь преимущественно постулатами о необходимости борьбы за «чистоту нации», против «инострannого засиления», «беспомощности либерализма» и т.п. В боль-

См.: *Kreis K. M. Der Internationale Terrorismus // Terrorismus. Hrsg. M. von Funke. Bonn, 1977. P. 161, 165.*

Lagueur W. The Anatomy of Terrorism // The Years of Terrorisv. Collected Views. London, 1979. P. 11.

См. об этом: *Рубинштейн Р. Е. Алхимики революции: терроризм в современном мире. М., 1989. С. 7; Rabert B. Links- und Rechtsterrorismus in der Bundesrepublik Deutschland von 1970 bis Heute. Bonn, 1995. P. 93; Hobe K. Zur ideologischen Begründung des Terrorismus. Bonn, 1979. P. 15, 16.*

См.: *Смит Б. Л., Морган К. Д. Террористы правые и левые: попытка характеристики американских террористов//Человек: образ и сущность (гуманитарные аспекты). Природа насилия. М., 1995. С. 141, 143, 144; Rabert B. Links- und Rechtsterrorismus in der Bundesrepublik Deutschland von 1970 bis Heute. Bonn, 1995. P. 263.*

168

шинстве случаев пропаганда упомянутых выше лозунгов опирается на факты массовой миграции в страны Европы и некоторые страны Северной Америки из слаборазвитых стран. Антидемократические и националистические лозунги выдвигаются многими организациями этого направления также и против их политических противников на так называемой «левой сцене».

Планомерность и систематичность террористической деятельности, как показатель высокого организационного уровня терроризма, характерна прежде всего для наиболее значительных и активных террористических структур. Она опирается на разработанные этими организациями долговременные стратегические цели, вытекающие из идеологии терроризма тех или иных направлений, и призвана обеспечивать наибольшую эффективность в их достижении. Серьезное значение для организации планомерной террористической деятельности имеет появление у многих террористических организаций различных направлений необходимых материальных и организационных возможностей для действий в динамично меняющихся условиях политической обстановки: создание механизмов постоянного слежения за своими политическими противниками, обеспечение мобильности передвижения собственных сил в рамках оперативного пространства, организация эффективной связи с исполнителями, внедрение в практику террористической деятельности «передовых технологий» и др. При этом многие исследователи данного вопроса совершенно справедливо подчеркивают высокую степень адаптации террористических структур к результатам научно-технической революции, особенно в области передачи информации и связи, и их использования в целях организации террористической деятельности²¹.

Как характерное проявление тенденции повышения уровня организации терроризма следует расценивать также развитие инфраструктуры террористической деятельности экстремистских организаций различной «окраски», наличие у многих террористических организаций развитых связей как внутри «собственной» страны, так и за рубежом.

Этот процесс выражается в формировании в рамках различных по характеру террористических организаций целого ряда специализированных звеньев центрального и регионального управления, подразделений по обеспечению безопасности, материально-технического обеспечения, пропагандистской работы, создание сети конспиративных квартир, тренировочных лагерей в своей стране и за рубежом и т. п.

Очень ярко эту особенность терроризма характеризует В. Витюк: «Современные террористические организации, — отмечает он, — это иногда целые концерны с внутренним разделением труда, с мастерскими, складами, убежищами, типографиями, госпиталями, лабораториями, коммерческими предприятиями. Их "персонал" нередко состоит из идеологов и практиков, руководителей и исполнителей, специалистов по убийствам, диверсиям, угону автомашин, изготовлению фальшивых документов, ответственных за разведку, финансы, связь с прессой, профессиональных подпольщиков, получающих регулярно

²¹ См.: *Amy Sands Redlick. The Transnational Row of Information as a Cause of Terrorism // Terrorism: Theory and Practice. Colorado, 1979. P. 73, 76.*

содержание, и лиц, ведущих легальный образ жизни, внедренных в различных звенья государственного аппарата, промышленного и финансового мира»²².

Стремление террористических организаций различных направлений к формированию столь сложного механизма связано с необходимостью создания значительной и устойчивой финансовой базы. Наряду с приобретением в этих целях крупных «спонсоров» — источников финансирования из предпринимательской среды, сферы преступного бизнеса и т.п., многие террористические организации все шире прибегают к непосредственному «самофинансированию» за счет совершения противоправных операций по «изъятию» финансовых средств (ограбления банков, сберегательных касс и т.п.). Иностраные террологи утверждают, что эта практика обеспечения «самодостаточности» имеет корни в Латинской Америке и быстро распространяется на других континентах .

Указанные проявления этой тенденции повышают возможности большого числа террористических организаций по их адаптации к меняющимся внешним и внутренним условиям, повышает оперативность решения выдвигаемых задач.

Тенденция к укреплению идейных и организационных начал, существенно повышая опасность терроризма, прежде всего чревата следующими реальными «перспективами»:

- во-первых, превращением терроризма со второй половины XX века в

постоянно действующий и активно используемый фактор политической борьбы как на международной арене (прежде всего в условиях современных локальных войн, при особо резком обострении политических конфликтов между отдельными государствами, в условиях противоборства между неоколониалистскими державами и силами национального сопротивления отдельных зарубежных стран), так и внутри отдельных государств, особенно со стороны диктаторских правящих режимов либо со стороны экстремистской оппозиции, выступающей против властей;

- во-вторых, укреплением тесных отношений между террористическими организациями и различными политическими движениями и структурами, возникшими в последние десятилетия преимущественно на националистической, религиозной, а также левой и правой экстремистской основе, и оказании этими движениями и структурами прямого или косвенного влияния на общую направленность, задачи, формы и методы деятельности соответствующих террористических формирований;

- в-третьих, подчинением многими террористическими организациями своей деятельности долговременным стратегическим политическим целям (подготовка свержения существующего режима, освобождение от иностранной зависимости, дезорганизация управления на контролируемых политическими противниками территориях и т.п.);

Витюк В. В. Некоторые аспекты терроризма в контексте современных конфликтных ситуаций

(соображения террологов) // Социальные конфликты: экспертиза, прогнозирование, технологии

разрешения. №4. Терроризм. М., 1993. С. 68.

23

См.: *Dobson C, Payne R.* The Terrorists. Their Weapons, Leaders and Tactics. NY, 1979. P. 14.

170

- в-четвертых, усилением возможностей осуществления террористической деятельности, в том числе увеличением разнообразия объектов этой деятельности, успешным противодействием террористов усиливающимся мерам безопасности со стороны властей в отдельных странах, а также мирового сообщества на международном уровне.

В России и других странах СНГ данная тенденция проявляется в настоящее время с меньшей отчетливостью, чем в регионах с более ранним возникновением и большим распространением терроризма, например, таких, как Латинская Америка, Ближний и Средний Восток, Западная Европа и др. Это объясняется отчасти тем, что террористические проявления в странах СНГ нередко возникают на стихийной или индивидуальной основе. Кроме того, как правило, акты террора совершаются со стороны многоцелевых экстремистских организаций (националистических, религиозно-экстремистских, сепаратистских и др.), использующих террористические действия наряду с иными формами политической борьбы.

Однако в отдельных районах СНГ, прежде всего связанных с высоким

уровнем политического экстремизма, следует считаться с возможной перспективой формирования при определенных условиях устойчивых террористических структур на различной идейно-политической основе. К числу таких условий могут быть отнесены особое обострение внутривосточной обстановки в отдельных странах СНГ, переход экстремистских сил к ведению бандитско-повстанческой деятельности, использованию преимущественно подпольной формы борьбы против законных властей, создание долговременных «горячих точек», возрастание роли терроризма в общей системе используемых политическими противниками средств и методов политической борьбы, а также активизация усилий иностранных спецслужб и зарубежных экстремистских националистических и клерикальных организаций по инспирированию создания террористических структур в отдельных регионах постсоветского пространства. Подобная деятельность в той или иной мере фиксируется, в частности, в отношении России, прежде всего на Северном Кавказе, а также в Таджикистане, Киргизии и некоторых других регионах бывшего СССР.

Важную тенденцию в развитии терроризма представляет также *создание «блоков» террористических организаций в рамках отдельных стран и на международной арене*, что существенно повышает общий потенциал их угрозы для международной и национальной безопасности.

Здесь следует в первую очередь иметь в виду развитие процессов установления и осуществления сотрудничества между террористическими структурами, близкими или одинаковыми по своим идейно-политическим позициям. Этот процесс характерен для террористических организаций различной направленности: для структур левацкого и крайне правого толка (особенно в Западной Европе, Латинской Америке), для организаций националистического типа (в Западной Европе, в Юго-Восточной Азии и др.), для формирований религиозно-экстремистского, особенно «исламского» характера (в регионе Ближнего и Среднего Востока, Северной Африки). Хотя процессы блокирования различных террористических структур проходили с наибольшей интенсивностью в различные периоды послевоенной истории, тем не менее общий значитель-

171

ный подъем в развитии данному процесса, по мнению многих специалистов, начался в 60-70-е годы²⁴.

Данная тенденция, расширяясь в дальнейшем в своем содержании, находит выражение в таких формах, как согласование идейно-политических позиций, стратегических и тактических установок (путем проведения координационных совещаний, создания координирующих органов, использования международных средств коммуникации, Интернета и др.), обмен информацией, оказание взаимной помощи в организации террористической деятельности. Последнее находит, в частности, проявление в оказании содействия по приобретению необходимых документов прикрытия, средств совершения отдельных террористических акций, в подготовке террористов в совместных учебных центрах, предоставлении

укрытий, согласовании времени проведения террористических акций, в совместном участии в конкретных террористических операциях²⁵.

Одной из важных организационных форм объединения террористических организаций является создание более или менее стабильных групп и совокупностей террористических формирований. Этот процесс имеет место практически на всех основных идейно-политических направлениях терроризма, хотя длительность существования таких объединений, как правило, непродолжительна. Это относится и к правым, и к левым террористическим организациям, формированиям палестинского терроризма и др.

Тенденция к блокированию террористических организаций, отражает их стремление к повышению эффективности своей деятельности. Она обусловлена в значительной степени взаимодействием тех политических сил, которые нередко стоят за теми или иными террористическими организациями, а также общностью или близостью политических целей самих этих организаций. Например, на основе общности политических целей уже в 80-е годы в Западной Европе рядом левых организаций была предпринята попытка создания «Антиимпериалистического фронта Западной Европы». Активное участие в деятельности по объединению сил в рамках «фронта» приняли «Красные бригады», «Прямое действие», «ЭТА», «ВИРА», «РАФ», «Рабочая партия Курдистана».

Вместе с тем, блокирование указанных структур нередко определяется сложностью политической и оперативной обстановки, в которой они действуют, и недостаточностью собственных сил для решения выдвигаемых ими задач. Как свидетельствует ряд зарубежных исследователей, особенно широкий процесс блокирования террористических организаций, как отмечалось выше, проходил в 70-е годы. При этом многие террористические организации посредством формирования тесного сотрудничества пытались добиться самостоятельности, уменьшения зависимости от источников получения оружия, предметов материального оснащения, а также повышения уровня подготовки террористов, эффективности конкретных террористических акций. Добсон К. и Пейн Р. фиксируют, например, тесную координацию действий между арабскими и западно-германскими, арабскими и японскими террористическими организациями в различных областях сотрудничества. К часто применяемым

См.: *Russell C. L., Banker I., J. Out-Inventing the Terrorists // Terrorism: Theorie and Practic. Colorado. 1979. P. 7; Dobson C, Payne R. The Terrorists. Their Weapons, Leaders and Tactics. N.Y., 1979. P. 137.*

См. об этом: *Althammer W. Der Rechtsstaat ist nicht wehrlos // Gegen den Terror. Texte, Dokumente. Munchen, 1977. P. 10, 11.*

172

ими формам взаимодействия относятся, в частности, согласованное проведение акций в поддержку друг друга различными террористическими структурами. Скажем, обращения к правительству ФРГ со стороны террористов группы РАФ, захвативших видного промышленника Г.

Шлейера, с требованием освободить своих единомышленников из тюрьмы Штаммхайм, поддерживались организациями палестинских террористов, которые захватили с этой целью самолет западно-германской компании Люфтганза «Боинг-747», совершавший рейс с немецкими туристами²⁶.

На территории стран СНГ, в регионах с высоким уровнем развития политического экстремизма наблюдаются различные по степени выражения признаки блокирования некоторых экстремистских организаций, прежде всего националистического и религиозно-политического характера, использующие методы насилия, в том числе террора для достижения политических целей. В качестве возможных условий такого рода освобождения следует рассматривать усиление сепаратистских настроений в соответствующих регионах, активизацию борьбы националистической и религиозно-политической экстремистской оппозиции против законной власти, поддержку указанных политических сил зарубежными спецслужбами и экстремистскими центрами.

Серьезное политическое и оперативное значение имеет *тенденция к смыканию терроризма и организованной преступности*. В различных странах мира этот процесс находится на разной ступени развития, что во многом объясняется разным уровнем организованной преступности в этих странах, различием в степени и формах ее притязаний на участие в политической власти, а также идейно-политической окраской представленных в конкретной стране террористических структур. Однако в целом, несмотря на общее принципиальное расхождение структур организованной преступности и террористических организаций в их конечных целях, этот процесс характеризуется нарастанием его масштабов. Можно согласиться с рядом российских авторов, исследующих данный вопрос, в том, что тенденция смыкания данных структур при определенных условиях может существенно углубиться и стать необратимой.

Процесс смыкания терроризма и организованной преступности осуществляется на широкой объективной и субъективной основе, что серьезно усложняет попытки противодействия ему.

Организованная (корыстная, экономическая) преступность обладает по своей природе высоким потенциалом применения насилия в преступных целях. Ее структуры располагают специальными силами и средствами для его использования (отряды боевиков, структуры безопасности и т.п.), систематически прибегают к нему в повседневной практике, в том числе для решения таких задач, как обеспечение безопасности собственной организации, борьба с конкурентами в преступном мире, оказание силового воздействия на объекты — источники их преступного обогащения, приобретение позиций в государственном аппарате и др.

При определенных условиях структуры организованной преступности обращаются к применению террористического насилия, а также к исполь-

²⁶ См.: Dobson C, Payne Я The Terrorists. Their Weapons, Leaders and Tactics. N.Y., 1979. P. 138. См.: Основы борьбы с организованной преступностью / Под редакцией В. С. Овчинского, В.Е. Эминова, М.

П.Яблокова. М., 1996.

зованию самих террористических организаций для достижения конкретных политических целей, подчиненных в конечном счете их коренным экономическим интересам. В данном случае речь идет об использовании методов террористического характера для срыва политических мероприятий властей (по устранению коррупции, наркомафии и т.д.), для поддержки угодных им политических сил, проведения в органы власти собственных представителей или создания собственного лобби в государственных институтах, либо, наоборот, для отстранения определенных политических сил от власти, для оказания целенаправленного силового воздействия в интересах формирования нужного общественного мнения, осуществления влияния на поведение избирателей в проводимых избирательных компаниях посредством запугивания сторонников нежелательных общественных деятелей и политических организаций.

В подобных случаях система организованной преступности в масштабах страны, региона) использует имеющиеся в ней или созданные дополнительно структуры для совершения насильственных акций по достижению политических целей либо вступает во взаимодействие с экстремистскими политическими, в том числе террористическими, организациями на основе совпадения их ближних или дальних целей.

Одна из главных причин постановки указанных задач структурами организованной преступности состоит в том, что сама ее природа как негативного социального явления предполагает определенную связь с властью либо то или иное участие в структурах власти, в том числе и на высших уровнях управления (в масштабе страны, отдельных регионов), в политических партиях, общественных организациях и т.п., что призвано обеспечить безопасность и экономические интересы структур организованной преступности.

Обращение террористических организаций к использованию структур организованной преступности в интересах политического терроризма определяется обычно стремлением определенных террористических организаций или стоящих за ними экстремистских политических сил использовать дополнительные (иногда решающие) противоправные ресурсы этих структур в борьбе за захват или удержание власти, за решение задач национального или регионального сепаратизма, за мобилизацию в своих интересах тех или иных слоев населения в целях противодействия политике властей и т. п.

Другой основой для смыкания террористических организаций со структурами организованной преступности является потребность террористов в получении финансовых средств для продолжения своей деятельности, приобретения оружия и других средств преступной деятельности. Зарубежные исследователи терроризма уже достаточно давно фиксируют относительно широкую практику участия террористических организаций в различных видах незаконного бизнеса и сотрудничества с преступными сообществами. В 70-е годы, как отмечает У.Лакер, терроризм

становится участником крупного бизнеса в некоторых регионах и приобретает все черты транснациональных корпораций²⁸. В ходе решения связанных с этим задач террористические организации нередко обращаются к сотрудничеству со структурами организованной преступности на кратковременной или на относительно длительной основе в тех или

²⁸ См.: *Lagueur W. The Anatome of Terrorism // Ten Years of Terrorism. Collected Views. N.Y., 1979. P. 20.*

174

иных видах преступного бизнеса либо самостоятельно организуют соответствующие виды «коммерческой» деятельности. Одним из известных вариантов такого сотрудничества являются, например, участие некоторых террористических организаций Латинской Америки, Ближнего Востока, Западной Европы в наркобизнесе²⁹.

Смыкание терроризма и организованной преступности ведет к значительному расширению финансовых, материальных и чисто оперативных возможностей террористических организаций, усилению их инфраструктуры.

В развитии криминогенных и криминальных процессов на территории стран — бывших республик СССР, в том числе Российской Федерации, на определенной стадии имеет место развитие обоих аспектов смыкания терроризма и организованной преступности. Наиболее ярко выражен этот процесс в крупных индустриальных и политических центрах отдельных государств, в регионах с особым обострением межнациональных, конфессиональных, региональных и клановых противоречий {например, в некоторых республиках Закавказья, Таджикистане, в Российской Федерации — на Северном Кавказе и др.}. В частности, структуры организованной преступности в ряде этих регионов выступают длительное время как один из влиятельных факторов инициирования и поддержки националистических и религиозно-экстремистских формирований, проводимой ими противоправной политически мотивированной насильственной, в том числе террористической деятельности против законных властей или иных их политических противников.

Другим проявлением рассматриваемой тенденции смыкания организованной преступности и терроризма в отдельных странах СНГ, в частности, в России, является крайне опасная практика взаимодействия соответствующих преступных сообществ в сфере использования незаконного оружейного бизнеса, подпольной торговли оружием в интересах боевого оснащения экстремистских структур, поддержания необходимого для решения выдвигаемых ими задач уровня материально-технического обеспечения, участия в наркобизнесе, осуществления крупных экономических преступлений.

Характеризуя тенденции современного терроризма, нельзя не отметить *продолжения, а в ряде случаев и усиления тесной связи между государственным, международным и внутренним терроризмом.* При всем различии субъектов и целей этих видов терроризма следует иметь в виду, что

при определенной расстановке политических сил одни из них по отношению к другим играют ведущую роль, вследствие чего последние выступают в роли их своеобразного инструмента либо развиваются под их определяющим влиянием.

В частности, государственный терроризм отдельных стран, придерживающихся экспансионистской внешней или реакционной внутренней политики, может определять направленность и содержание как международного, так и внутреннего терроризма. Вместе с тем, внутренний терроризм может оказывать аналогичное влияние на определенные аспекты международного терроризма. В свою очередь, международный терроризм может оказывать стимулирующее влияние или осуществлять поддержку внутреннего, антиправительственного терроризма в отдельных странах, и т.д.

Подробнее об этом см.: Основы борьбы с организованной преступностью. М., 1996. С. 25.

175

При этом следует оговориться, что в данном случае рассматриваются взаимосвязи различных видов терроризма, для которых характерна общая идейно-политическая основа: крайне правая, в том числе фашистская, неофашистская; левацкая, ультрареволюционная, анархистская, антикапиталистическая; агрессивная, захватническая, неоколониалистская; националистическая, сепаратистская и т. п.

Развитие тенденции к усилению взаимной связи между различными видами терроризма свидетельствует как о расширении сферы террористической деятельности тех или иных субъектов терроризма (отдельных государств, экстремистских организаций и др.), так и о процессе активизации блокирования, сотрудничества различных террористических структур.

Рассмотрение типологии взаимосвязи разновидностей современного терроризма имеет серьезное теоретическое и прикладное значение. Сложность этой проблемы диктует необходимость организации специальных научных исследований тех процессов, которые происходят в рамках тенденции развития современного терроризма. Тщательное выявление наличия и содержания возможных связей субъектов террористической деятельности применительно к проблеме взаимодействия различных видов терроризма является одним из необходимых условий для принятия скоординированных внутригосударственных и международных мер защиты общества от угрозы терроризма.

Изучение тенденций современного терроризма как негативного социально-политического явления показывает, что он превратился в многоаспектный, в высокой степени опасный и долговременный фактор развития современного общества, оказывающий на последнее серьезное дестабилизирующее воздействие, ставящий под угрозу самые необходимые условия прогрессивного развития человечества. Эволюция целей, средств и методов терроризма превратила его в крупную угрозу для жизненно важных интересов общества, государства и личности в большинстве стран мира.

Эффективность борьбы с терроризмом всегда будет зависеть от адекватности той системы мер, которую создает мировое сообщество, каждое государство для защиты от этой угрозы. Действенность этой системы мер в решающей степени зависит от объективности и своевременности выявления изменений, которые совершаются в содержании, организации и тактике терроризма, от глубины анализа этих изменений и прогнозирования их дальнейшего развития.

Применительно к современной России сказанное выше имеет тем большее значение, что развитие терроризма в России осуществляется в значительной мере в уникальных исторических условиях. Глубокий социальный поворот в развитии страны, связанный с действием многих специфических для современного периода ее эволюции условий, накладывает отчетливую печать на все тенденции развития терроризма в России. Находясь в общем спектре мировых тенденций развития современного терроризма, терроризм в нашей стране сопровождается проявлением в нем многих особенностей, которые в значительной мере усиливают его опасность³⁰.

См. *Литонян Ю. М.* Криминологическое и уголовно-правовое исследование. М., 1998. С. 177, 190 и др.; Социальные конфликты: экспертиза, прогнозирование, технологии разрешения. Выпуск 4. Терроризм. М., 1993. С. 7, 72, 73 и др.

ТЕХНОЛОГИИ ПРЕДОТВРАЩЕНИЯ ТЕРРОРИЗМА И БОРЬБЫ С НИМ

Информационный аспект

О. М. Хлобустов

Средства массовой информации и борьба с терроризмом

Проблема роли средств массовой информации (СМИ) в борьбе с терроризмом ныне актуальна для всего мира, ибо имеет целый ряд аспектов.

Важнейший из них связан со стремлением террористов использовать СМИ для осуществления дополнительного «нажима» на власти, усиления страха и паники среди населения.

Другой аспект связан собственно с позицией СМИ в освещении террористических актов, особенно таких, как захват заложников, имеющих, как правило, достаточно продолжительный характер.

Немаловажным аспектом проблемы является также стремление властей, и прежде всего правоохранительных органов, использовать СМИ для предупреждения террористических актов и, в частности, предотвращения их трагических исходов.

Многим памятна «прямая трансляция» проведения операций по штурму дагестанского села Первомайское, наблюдая которые чеченские «командос» могли получать ценную информацию о деятельности спецназа по их нейтрализации.

В этой связи представляет значительный интерес обращение к международной практике организации взаимодействия правоохранительных

органов и средств массовой информации по вопросам противодействия преступности и, в частности, терроризму.

На распространенность террористических проявлений влияют, по-видимому, в основном те же факторы, что определяют и рост общеуголовной преступности.

На VIII Конгрессе ООН по предупреждению преступности и обращению с правонарушителями (далее — КПП и ОП) отмечалось, что такими

факторами, наряду с бедностью, безработицей, нехваткой жилья и несовершенством системы образования, является также распространение средствами массовой информации идей и взглядов, ведущих к росту насилия, неравенства и нетерпимости¹.

Как подчеркивал старший криминолог Австралийского института криминологии Г. Вардлоу, очень часто целью террористов является стремление добиться освещения своих действий СМИ.

Утверждение многих директоров программ новостей СМИ, что они «имеют обязательства представлять аудитории события так, как они происходят», без изъятий и сокращений, считает Вардлоу, позволяют террористам, игнорируя потенциальные последствия, так режиссировать свои акции, чтобы они наверняка получили всемирное освещение. В этой связи он считал необходимым правительствам, законодателям и представителям СМИ определить свои взаимные права и обязанности с тем, чтобы выработать согласованную политику по недопущению террористов к СМИ, не покушаясь при этом на свободу слова².

Следует отметить, что это предложение нашло понимание не только научной общественности. В специальной резолюции «Террористическая преступная деятельность» от 7 сентября 1990 г. VIII КПП и ОП государствам предлагалось — рассмотреть вопрос о выработке руководящих принципов для СМИ «в целях недопущения создания сенсаций и оправдания террористического насилия, распространения стратегической информации о потенциальных целях, и распространения тактической информации в тот период, когда продолжаются террористические акты, поскольку это может поставить под угрозу жизнь невинного гражданского населения и сотрудников правоохранительных органов или помешать принятию эффективных правоохранительных мер в целях предотвращения таких актов или борьбы с ними и ареста правонарушителей»³.

На IX КПП и ОП, проходившем в апреле-мае 1995 г. в Каире, отмечалось, что СМИ нередко искажают информацию о содержании и эффективности борьбы правоохранительных органов с преступностью, а также что их аудитория не информируется объективно о криминогенных факторах, равно как и о путях предупреждения преступных посягательств.

При этом подчеркивалось, что при желании СМИ могут «формировать культурные рамки», которые способствовали бы предотвращению роста преступности.

Наконец, через СМИ возможно оказание воздействия на лиц, которые

потенциально могут встать на преступный путь⁴.

Часть 2 статьи 10 Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод, ратифицированной Госдумой России 20 февраля 1998 г., в отношении прав на свободу выражения мнений и деятельности СМИ подчеркивает,

. См.: Криминология и организация предупреждения преступности. М., 1995. С. 56-57.

См.: *Wardlaw G. Political terrorism: Theory, tactics and counter-measures.* Cambridge. 1989. P. 25-26.

См.: Международное сотрудничество в области прав человека. Документы и материалы. Выпуск 2. М., 1993. С. 509.

Иванов Э. А. Средства массовой информации и борьба с преступностью: союзник или наблюдатель? // Преступность: стратегия борьбы. М., 1997. С. 96-97.

178

что «пользование этими свободами, поскольку это согласуется с обязанностями и ответственностью, может быть предметом таких формальностей, условий, ограничений и наказаний, предусмотренных в законе и необходимых в демократическом обществе в интересах национальной безопасности, территориальной целостности или публичного порядка в целях предотвращения беспорядков и преступлений, для защиты здоровья и морали, а также для защиты репутации или прав других лиц, для предотвращения утечки информации, полученной конфиденциально, или поддержания авторитета и беспристрастности правосудия»³.

На семинаре в рамках IX КПП и ОП о роли средств массовой информации в предупреждении преступности было сделано предложение о необходимости активизировать разработку кодексов поведения и соответствующих норм (основных принципов), касающихся освещения СМИ проблем борьбы с преступностью, а равно и создания механизмов, которые бы обеспечивали их соблюдение.

Хотя, на наш взгляд, в отличие от других стран, в России такой механизм уже формально существует в виде Палаты по информационным спорам при Президенте РФ, но его потенциал не задействован в полную силу.

Следует также подчеркнуть, что недавно в целом ряде государств — Австрии, Бельгии, Канаде, США, а также в Совете Европы, участником которого Россия стала в феврале 1996 г., были приняты общие принципы поддержки СМИ общественно-моральных норм. Следует отметить, что ранее высказывавшаяся в нашей стране идея создания своеобразного «кодекса профессиональной этики журналиста»⁶ получала поддержку и на международном семинаре «Средства массовой информации в поэтоталитарных обществах», проходившем в Москве в ноябре 1997 г.

Однако, на наш взгляд, целесообразно также обратиться к зарубежной практике и опыту взаимоотношения между средствами массовой информации и правоохранительными и антитеррористическими органами.

При захвате в 1990 г. в колледже в Беркли (штат Каролина, США) 33

заложников, террорист мог по телевизору наблюдать все действия полиции. А сообщение репортера о том, что «полицейские группы особого назначения окружили место происшествия», вызвано заявление террориста «о немедленном расстреле одного из заложников».

Впоследствии освобожденные заложники заявили: «Следя вместе с террористом за репортажами, передающимися по вашему каналу, мы просто не могли поверить своим глазам и ушам. Ваши несерьезные и негативные комментарии не просто злили преступника — они ставили под угрозу жизнь 33 человек. Ваши передачи вызывали новые угрозы применения насилия, чего ни одна серьезная станция не должна была допустить».

Таким образом, проблема определения роли и места СМИ в борьбе с терроризмом (а позиция последних как «стороннего наблюдателя» в кризисных ситуациях вряд ли уместна) требует участия в ее разрешении как редакторов

См.: Права человека. Сборник универсальных и региональных международных документов. М., 1990. С. 89.

См., например, журнал «Политика», 1997, №7.

и журналистов, так и юристов, в конце концов — всего общества, которое ныне все чаще становится коллективным заложником в руках террористов.

Полицейские нового Южного Уэльса (Австралия) после одного из захватов заложников пояснили, что именно их тревожит в сообщениях СМИ:

- своего рода «возвеличивание» преступников и их действий (в зависимости от того, какое место отводилось им в публикациях);
- возможное влияние интервью с преступниками на проводимые полицией переговоры;
- взятие интервью у детей — жертв террористов;
- постоянное рассекречивание размещения, численности и оснащения полиции, пытающейся разрешить инцидент;
- ненужное травмирование родных и близких жертв;
- потенциальное воздействие на ход предстоящего судебного процесса.

Но наибольшую опасность, по-видимому, представляет подталкивание неуравновешенных людей к стремлению подражать известным террористам путем широкого и неадекватного освещения имеющих место инцидентов.

Поэтому эксперты убеждены, что руководители СМИ, включая редакторов и журналистов, должны оценивать публикуемую ими информацию о подобных происшествиях с точки зрения возможного подражания.

Это особенно актуально сегодня для России, явно стремящейся к приобретению лидерства по числу совершаемых терактов.

В этой связи интересам обеспечения безопасности общества отвечает продуктивное взаимодействие СМИ с властями, в том числе и правоохранительными органами, в плане противодействия угрозе терроризма.

Поэтому не может не вызывать удивления тот факт, что в состав

Межведомственной антитеррористической комиссии России не введены представители Роскомпечати, одной из задач которого является выработка информационной политики государства в плане повышения культуры массовой коммуникации и контроля за соблюдением законодательства о СМИ и который наделен соответствующими полномочиями для этого.

По мнению индийского «Журнала полиции», имеются следующие основные варианты негативного воздействия СМИ на исход инцидента:

- усиление беспорядков, включая и возможное подражание «понравившимся» кому-то террористам;
- создание нервной обстановки и угрозы жизни заложников во время переговоров (из-за раскрытия важной информации тактического характера);
- влияние на процесс переговоров, проводимых правоохранительными органами;
- усиление беспокойства общественности, которая начинает оказывать больший нажим на власти в целях достижения скорейшего разрешения конфликта, невзирая на интересы правосудия.

180

В этой связи австралийский национальный аш и террористический план предлагает представителям СМИ исходить из следующих принципов: СМИ должны при освещении террористических актов помнить, что предоставляемая ими информация может привести к убийствам и помешать мирному разрешению конфликта, а также послужить целям и задачам террористов.

Они должны также помнить, что представители правоохранительных органов являются профессионалами в разрешении подобных конфликтов и зачастую кажущееся бездействие может скрывать активную работу «за кулисами» или просто означать успешный ход переговоров с террористами. Важно, чтобы именно они, а не СМИ, контролировали атмосферу и задавали тон этим переговорам.

Австралийская полиция рекомендует журналистам придерживаться следующей линии поведения:

- не предпринимать никаких независимых или неразрешенных действий, которые могут подвергнуть еще большему риску жизни заложников;
- следить за тем, чтобы не быть самим вовлеченными в конфликт (это может как подвергнуть опасности их жизни, так и еще больше усложнить ситуацию и усилить угрозу жизни заложников);
- стараться не стать рупором для выражения платформы и программы действий террористов, избегать прямой трансляции интервью с террористами по радио и телевидению (что, помимо всего прочего, может быть использовано последними для передачи информации и сигналов своим единомышленникам вне зоны конфликта). Констатация требований террористов должна быть свободна от риторики и пропаганды. Идеально, если они будут перефразированы, и даже если им будут даны

соответствующие правовые комментарии;

- избегать прямых контактов с террористами, поскольку это может затруднить работу профессионалов и подвергнуть еще большей опасности жизни заложников.

Залогом успеха при предотвращении последствий террористических актов, считают зарубежные эксперты из правоохранительных органов, является конструктивное сотрудничество СМИ, полиции и органов власти.

Правовой аспект

Е.В.Сарбатов

Правовые проблемы

борьбы с захватом заложников

как формой террористической деятельности

С давних времен террористическая деятельность использовалась в качестве не законного, но острого и эффективного средства для разрешения политических и социальных противоречий. В настоящее время она превратилась в серьезнейшую проблему, которую вынуждены решать многие государства мирового сообщества. Постоянно, с течением времени, изменяются формы, методы и средства проведения террористической деятельности, опирающиеся на последние достижения науки и техники. Никто сегодня не имеет абсолютной гарантии от всепроникающей опасности терроризма — ни простые граждане ни государственные деятели. Одной из наиболее опасных форм террористической деятельности является захват заложников.

Международная конвенция о борьбе с захватом заложников, одобренная 34-й сессией Генеральной Ассамблеи ООН и открытая для подписания государств в Нью-Йорке 18 декабря 1979 г., была разработана специальным комитетом, учрежденным для этой цели Генеральной Ассамблеей ООН в 1976 г. Специальный комитет, в состав которого входили представители 35 государств, в том числе и СССР, обсудил и согласовал основные положения конвенции¹.

Международная конвенция о борьбе с захватом заложников по форме и содержанию тесно связана с соглашениями, касающимися сотрудничества государств в борьбе с международным терроризмом (например. Токийская конвенция 1963 г. о преступлениях и иных актах, совершенных на борту самолета, Гаагская конвенция 1970 г. о борьбе с незаконным захватом воздушных судов, Монреальская конвенция 1971 г. о борьбе с незаконными актами, направленными против безопасности гражданской авиации), и вместе с тем, она достаточно специфична, что определяется условиями ее разработки, объектом и предметом соглашения, а также особенностями ряда ее положений.

Конвенция явилась результатом работы специального комитета, где приняли наиболее активное участие главным образом представители стран Запада, чрезвычайно обеспокоенные актами захвата заложников, затрагивающими международные отношения, а также актами национального, политического и уголовного терроризма.

См: Колосов Ю. М., Кривчикова Э. С. Действующее международное право, Т. 3. М., 1996. С. 23-30.

182

В тот период отношение представителей СССР к вопросам терроризма характеризовалось сдержанностью, ибо СССР осуждал акты международного терроризма и, в частности захваты заложников, но государство они серьезно не затрагивали. Вместе с тем, следуя миролюбивому и конструктивному внешнеполитическому курсу, направленному на укрепление и развитие сотрудничества, чество во всех областях международной жизни, представители СССР участвовали в выработке соглашения, добиваясь четкого содержания его положений. Соответствия их основополагающим нормам и принципам современного международного права, а также иным конвенциям, касающимся международного терроризма.

Международная конвенция о борьбе с захватом заложников состоит из преамбулы и 20 статей. В преамбуле отмечается приверженность государств-участников конвенции целям и принципам Устава ООН, направленные на обеспечение международного мира, безопасности и отношений сотрудничества между народами. Захват заложников, как проявление международного терроризма, объявляется преступлением, вызывающим серьезное беспокойство у международного сообщества.

Статья 1 определяет признаки такого преступления, как захват заложников:

«1. Любое лицо, которое захватывает или удерживает другое лицо и угрожает убить, нанести повреждение или продолжать удерживать другое лицо для того, чтобы заставить третью сторону, а именно: государство, международную межправительственную организацию, какое-либо физическое или юридическое лицо или группу лиц — совершить или воздержаться от совершения любого акта в качестве прямого или косвенного условия для освобождения заложника, совершает акт захвата заложников по смыслу настоящей Конвенции.

2. Любое лицо, которое:

а) пытается совершить акт захвата заложников или
в) принимает участие в качестве сообщника любого лица, которое совершает или пытается совершить акт захвата заложников, также совершаемое преступление для целей настоящей Конвенции».

Согласно этим положениям, объектом правонарушения могут быть отношения внутригосударственные (национальные) и международные. Кстати, лишь статья 13 конвенции несколько уточняет объект ее действия: «Конвенция не применяется в тех случаях, когда преступление совершено в пределах одного Государства, когда заложник и предполагаемый преступник являются гражданами этого Государства и когда предполагаемый преступник находится на территории этого Государства».

Из текста конвенции не ясно, к какому виду правонарушений следует отнести захват заложников — к международному преступлению лица (грубо

пы лиц) или уголовному преступлению, затрагивающему международные отношения, к уголовному преступлению или политическому национальному преступлению, затрагивающему международные отношения. Ссылки в лрсам' буле на акт захвата заложников как проявление международного терроризма¹ не только не вносят ясности, ибо до сих пор нет общепринятого понятия «международный терроризм», но и еще более затрудняют решение этого вопроса.

Как было отмечено выше, акты международного терроризма являются международными преступлениями лица (группы лиц). Некоторые из такого рода преступлений организуются и направляются государствами, заинтересованными в нагнетании международной напряженности в том или ином районе земного шара. Нерешенность в Конвенции вопроса о характере и степени общественной опасности совершения акта захвата заложников, организованного или поощренного государством, чревата в дальнейшем серьезными последствиями для ее действенности. Если признать, что захват заложников совершает лишь индивид (группа индивидов), не связанный с государством, то и сотрудничество государств в борьбе с ним должно быть, например, на уровне право-рой взаимопомощи государств. Если же рассматривать захват заложников как Проявление международного терроризма, то есть международного преступления, совершаемого лицом (группой лиц), а в некоторых случаях организуемого Я поощряемого государством, то и уровень сотрудничества государств в борьбе с ним должен быть иным.

На сессиях специального комитета ставился вопрос о том, будут ли подпадать под действие соглашения акты захвата заложников, совершенные государством. Четкий ответ не был дан ни на сессиях, ни в Конвенции.

Конвенция предоставляет каждому государству-участнику определить вид и меру наказания за совершение акта захвата заложников (ст. 2). При этом оговаривается, что при всех условиях должен учитываться его тяжкий характер.

Статья 4 предусматривает принятие всех практически осуществимых мер по предотвращению подготовки в пределах их соответствующих территорий к совершению этих преступлений в пределах или вне пределов их территорий, включая принятие мер для запрещения на их территории незаконной деятельности лиц, групп и организаций, которые поощряют, подстрекают, организуют или участвуют в совершении актов захвата заложников.

Органы конкретного государства должны принять все меры для облегчения положения заложника, в частности, обеспечения его освобождения и содействия, если это необходимо, его отъезду после освобождения. Если в распоряжении государства-участника соглашения оказывается объект, который преступник приобрел в результате захвата заложника, то оно возвращает его законному владельцу (ст. 3).

В соответствии с положениями Конвенции, требующими учета национальным законодательством стран-участниц, государство должно

принять необходимые меры для установления юрисдикции в отношении преступления — захвата заложников, предпринять шаги к задержанию преступников и проведению предварительного расследования. В целях обеспечения прав всех участников процесса расследования, возникшего в связи с этим преступлением, включая гарантии прав предполагаемых преступников, государство безотлагательно сообщает либо непосредственно, либо через Генерального Секретаря ООН о принятых мерах всем заинтересованным государствам (ст. 6).

Статья 8 устанавливает: «Государство-участник, на территории которого находится предполагаемый преступник, если оно не выдает его, обязано без каких-либо исключений и независимо от того, совершено ли преступление на его территории, передать дело своим компетентным органам для целей

184

уголовного преследования посредством проведения судебного разбирательства в соответствии с законодательством этого государства. Эти органы принимают решение таким же образом, как и в случае обычного преступления тяжкого характера в соответствии с законодательством этого Государства».

Преступник должен быть либо осужден за совершение захвата заложников, либо выдан государству места совершения преступления, либо государству, гражданином которого преступник является, либо государству, в наибольшей мере пострадавшему от акта захвата заложников. В связи с действием этого принципа предполагается отказ от учета мотива совершения преступления конкретным лицом (лицами) и претерпевание им (ими) в обязательном порядке уголовной ответственности, согласно положению ст. 9 конвенции, которая гласит:

«1. Просьба о выдаче предполагаемого преступника в соответствии с настоящей Конвенцией не удовлетворяется, если у Государства-участника, к которому обращена просьба о выдаче, имеются веские основания считать:

а) что просьба о выдаче за совершение преступления, указанного в ст. 1, была направлена с целью преследования или наказания лица по причинам, связанным с его расовой, религиозной, национальной или этнической принадлежностью или политическими взглядами; или

в) что позиции данного лица может быть нанесен ущерб:

- по любой из причин, упомянутой в подпункте а) настоящего пункта;
- по той причине, что соответствующие власти государства, имеющие право на осуществление прав защиты, не могут связаться с ним.

2. Что касается преступлений, указанных в настоящей Конвенции, положения всех договоров и соглашений о выдаче, применимых между Государствами-участниками, изменяются в отношениях между Государствами-участниками в той мере, в какой они несовместимы с настоящей Конвенцией».

Другими словами, получается, что предполагаемый преступник выдан не будет, но будет осужден и уже не за совершение акта захвата заложников,

а за его расовую, религиозную, национальную, этническую принадлежность или политические взгляды, ибо в основе Конвенции лежит принцип «выдай, либо суди». На практике это означает, что применение положений ст. 9 может привести к ослаблению ее действенности.

Статья 14 указывает, что положения конвенции не могут быть истолкованы как оправдывающие нарушение территориальной целостности или политической независимости какого-либо государства вопреки Уставу ООН.

В заключительных статьях 17-20 соглашения определяется порядок и сроки подписания и введения в действие Конвенции, процедура присоединения и денонсации.

Международная Конвенция о борьбе с захватом заложников является сложным по своей юридической и политической сущности соглашением. Серьезным ее недостатком является сведение вопроса о субъекте преступления лишь к физическому лицу (лицам), отказ от определения той роли, которую в ряде случаев играет государство в организации и совершении акта захвата заложников. Необходимо отметить беспрецедентность одобрения представителями почти всех стран международного сообщества соглашения о борьбе с довольно специфичным явлением, которое вызвано к жизни субъектив-

ными и объективными факторами социально-политической, национальной и международной жизни. Захват заложников, как и иные международные преступления, не должны использоваться государствами.

Ввиду того, что такие террористические акции, как захват заложников, могут происходить и на земле, и в воздухе, и на море — несколько слов о морском терроризме, как имеющем некоторые особенности. Терроризм на море незначительно отличается от известного с незапамятных времен пиратства. Террористы, как и пираты, прибегают к захвату заложников, освобождение которых обуславливается выкупом или удовлетворением других требований террористов. При этом они обычно объясняют требование выкупа политическими мотивами, как это было, например, при захвате 18 июля 1990 г. сомалийской антиправительственной группировкой СНД рыболовного морозильного траулера «Кафф» с 27 советскими моряками на борту. «Штраф» налагался якобы в связи с признанием незаконности лицензии, выданной на ведение рыболовного промысла сомалийским правительством².

Террористы, совершающие преступные действия на море, нуждаются в быстроходных судах, дорогостоящем вооружении, квалифицированных членах экипажа. В связи с этим, к такого рода терроризму обычно прибегают организованные группировки, ведущие освободительную борьбу, а также эмигранты и другие участники антиправительственной борьбы, пользующиеся поддержкой влиятельных кругов и чаще — иностранных правительств, заинтересованных в достижении террористами преследуемых ими целей.

Борьба с международным терроризмом вообще и с терроризмом на

море в частности может быть эффективной лишь при устранении вызывающих их причин. Основной причиной возникновения морского терроризма являются конфликтные ситуации в отдельных географических регионах. Действующих универсальных международных соглашений, регламентирующих борьбу государств с терроризмом на море, в настоящее время нет. Однако вполне могут быть использованы соответствующие статьи по борьбе с пиратством Женевской конвенции об открытом море 1958 г. Кроме того, имеется немало международных правовых актов, регулирующих борьбу с терроризмом вообще³.

Законодательства большинства западных стран устанавливают повышенную уголовную ответственность за террористические акции. Так, в США действует федеральный закон о диверсиях на воздушном транспорте, принятый на основе Монреальской конвенции, в котором подробно рассматриваются возможные противоправные акции на борту самолета. В США, в среднем, приговоры за воздушный терроризм и захват заложников предусматривают 28 лет тюрьмы, за вмешательство в действия экипажа — 13 лет. В Англии с 1974 г. действует закон «О предупреждении терроризма», предоставляющий полиции право задержания на 48 часов лиц, подозреваемых в террористических актах. Принятый в 1977 г. Закон устанавливает уголовную ответственность за финансирование террористической деятельности, недонесение о готовящихся актах террора, укрывательство террористов. Уголовный кодекс Федеративной Республики Германии предусматривает ответственность за захват заложников в виде

См: *Моджорян Д.Л.* Терроризм на морс. М., 1991. С. 110, См: там же. С. 111.

лишения свободы на срок не менее 5 лет. Во Франции в 1971 г, принят Закон о пожизненном заключении лиц, признанных виновными в захвате заложников.

Проблемы борьбы с террористической деятельностью и, в частности, в форме захвата заложников не обошли и нашу страну. С началом бурных и противоречивых изменений, захлестнувших общественную и политическую жизнь России в последнее десятилетие, терроризм стал в нашей стране повседневной реальностью, которая ежедневно напоминает о себе страшными, жестокими примерами. В этой связи организация действенной борьбы с этим опасным социально-политическим явлением превратилась в одну из приоритетных задач общества, государственных правоохранительных органов и спецслужб.

Динамика совершения захватов заложников в последние годы в России характеризуется следующими цифрами: в 1990 г. был зарегистрирован 1 случай захвата, в 1991 - 0, в 1992 - 3, в 1993 - 51, в 1994 - 118, 1995 - 113, 1996 — 99, 1997 — 114. По вступившим в законную силу приговорам всеми судами Российской Федерации было осуждено лиц: в 1991 — 0, в 1992 — 0, в 1993 - 15, в 1994 - 93, в 1995 - 88, в 1996 - 62, в 1997 - 112⁴. В качестве примеров можно вспомнить: 1973 г. — захват самолета с 40 пассажирами на борту в аэропорту Внуково, 1979 г. — ликвидация террориста в

американском посольстве в Москве, 1982 г. — захват 25 учеников в Сарапуле, 1986 г. — захват самолета с заложниками в Уфе, 1988 г. — захват 31 ученика с учительницей бандой Якшиянца в Орджоникидзе, 1993 г. — захват 11 детей в Ростове, 1994 г. — захват автобуса с заложниками в аэропорту Минеральные Воды,

1997 г. — захват представителя шведского посольства в Москве. Этот список, к сожалению, можно продолжить.

Законодатель, учитывая характер и степень общественной опасности захвата заложников, относит его к числу тяжких преступлений, а при квалифицирующих обстоятельствах — к особо тяжким и предусматривает максимальное наказание до 20 лет лишения свободы (ст. 206 УК РФ). Это преступление нарушает общественную безопасность, ставит под угрозу жизнь и здоровье нередко значительного числа лиц, ограничивает личную свободу и нарушает неприкосновенность человека, гарантированные ст. 22 Конституции Российской Федерации.

С этимологической точки зрения в русском языке слово «захват (захватить)» означает «силой овладеть кем-нибудь», а «удержание (удержать)» — «остановить или заставить остаться». Следовательно, основной неотъемлемой характеристикой захвата и удержания является их насильственный характер. Отсюда в уголовно-правовом смысле под захватом следует понимать незаконное насильственное ограничение свободы передвижения человека, а под удержанием — незаконное насильственное воспрепятствование в оставлении лицом определенного места нахождения. О состоявшемся захвате заложника можно говорить лишь тогда, когда заложник, окружающие лица осознают факт незаконного ограничения свободы передвижения, либо воспрепятствования лицу в таком передвижении и вынуждены починиться виновным под влиянием применения насилия или угроз его применения.

См: Преступность, статистика, закон. М., 1997. С. 197.

По своим объективным и субъективным характеристикам захват заложников весьма схож с такими преступлениями, как похищение человека и незаконное лишение свободы. В связи с этим встает вопрос об их разграничении, а также о квалификации по совокупности. В качестве разграничительного признака в специальной литературе и судебной практике чаще всего указывается на отсутствие при незаконном лишении свободы и похищении людей цели воздействия на третьих лиц для выполнения этими лицами определенных требований. Соглашаясь с таким подходом, необходимо отметить, что только этим отличие захвата заложников от названных преступлений не исчерпывается, а имеются и другие разграничительные признаки.

Во-первых, при захвате заложников виновных лиц интересуют не столько личности захваченных (как при незаконном лишении и похищении), сколько возможность использования их в качестве средства давления на адресата. Виновные лица здесь не имеют личных взаимоотношений с заложниками, которые обуславливали бы их соответствующие действия. Не

имеют они и личных претензий к заложникам. В этом смысле личность заложника (заложников) безразлична для захватчиков. В отличие от этого, при незаконном лишении свободы или похищении человека (группы лиц) виновные лица по тем или иным причинам заинтересованы в конкретной личности потерпевшего (как это бывает, например, при взыскании долга и т.п.).

Во-вторых, при похищении человека и лишении свободы виновные стремятся избежать огласки; информирование заинтересованных лиц (например, родственников похищенного при желании получить выкуп) осуществляется лишь в силу необходимости. При захвате заложников, наоборот, виновные стремятся к обнаружению своего умысла, как в отношении захвата или удержания заложников, так и в отношении характера предъявляемых требований. Нередко, чтобы усилить эффект и иметь более мощный и действенный рычаг давления на адресатов, этим требованиям придается намеренно широкий резонанс, в том числе и путем маскировки под какие-то политические формы и высказывания. В качестве примеров можно сослаться на имевшие место случаи захвата заложников на Северном Кавказе и в уголовно-исправительных учреждениях.

Наконец, в-третьих, при захвате заложников виновные лица руководствуются побуждениями, вытекающими из специальной цели — побуждения к совершению или воздержанию от совершения определенных действий как условия освобождения заложников. Одновременная квалификация по ст. 206 и 126 или 127 возможна лишь при реальной совокупности преступлений, например, когда помимо заложников незаконно лишается свободы или похищается иное лицо.

При кратком анализе террористических акций, связанных с захватом заложников в России и за рубежом, можно констатировать, что требования, выдвигаемые террористами, весьма широки. Они могут ограничиваться требованиями освободить находящихся в заключении единомышленников или передать определенную денежную сумму, а могут и доходить до требования изменить государственный строй. Объектами насильственных действий террористов при подобных акциях являются не только непосредственные жертвы

188

(граждане), но и некоторые элементы конституционного строя — экономическая и военная мощь государства, общественная безопасность и другие.

Что же касается субъектов террористической деятельности, то в их качестве могут выступать: государство, его спецслужбы, различные террористические центры, группы граждан и даже отдельные лица. Основой возникновения политически мотивированного насилия служит столкновение интересов в политической и социальной сфере.

Относительно Российской Федерации, по мнению наших специалистов (ученых и практиков, занимающихся антитеррористической деятельностью), причинами, провоцирующими различные террористические акции и, в

частности, захват заложников, являются: падение жизненного уровня населения, обострение политической борьбы, наличие проблем межнационального характера, политизация рвущейся к власти преступности, несовершенство российского законодательства и ряд других причин. При этом подрывные акции зарубежных спецслужб, в качестве фактора, инспирирующего террористические проявления в России, стоят далеко не на первом месте. Имеет место реальное преобладание внутренних угроз над внешними.

Принимая во внимание нарастание случаев захвата заложников в Российской Федерации, негативные последствия для общества от реализации или угроз реализации таких террористических акций, борьба с этим социальным злом превратилась в настоящее время в общенациональную проблему. Все это требует создания общегосударственной системы мер борьбы с различными формами проявления терроризма, которые включали бы в себя организационно-политические, правовые, воспитательные и специальные меры.

Решение для России проблемы борьбы с захватом заложников представляет собой сложную и в то же время актуальную задачу. Только силами органов безопасности и внутренних дел решить ее невозможно. Для этого необходима политическая воля исполнительной и законодательной власти, взаимодействие всех здоровых сил в стране, государственных институтов, общественных объединений, законопослушных граждан.

В. А. Кригоузов

Борьба правоохранительных органов России
с похищением людей и захватом заложников
на Северном Кавказе

Проблема борьбы с такими видами преступлений террористического характера, как похищение людей, захват заложников остро встала перед правоохранительными органами России с начала 90-х годов. С тех пор неизменно растет их количество, расширяется география. Анализ показывает, что эти виды преступлений могут осуществляться: а) в качестве средства достижения политических целей, и, по существу, являются разновидностью терроризма; б) для получения материальных благ; в) в целях предъявления требований освобождения отбывающих наказания преступников; г) в целях приобретения рабской, бесплатной рабочей силы.

Характерной чертой этих преступлений, чаще всего совершаемых на Северном Кавказе, является то, что заведомо преступным и меркантильным целям самими преступниками и нередко российскими средствами массовой информации придается политическая окраска и некий ореол «робингудства». В то же время, несмотря на очевидную опасность этих преступлений, перед правоохранительными органами стоит крайне ответственный выбор основных приоритетов их действий в случае конкретного захвата преступниками заложников и выдвижения ими требований: бескомпромиссная борьба с преступниками или освобождение заложников при минимальных рисках для их жизни и здоровья. Как бы мы ни пытались

доказывать, что для нас важно сохранить жизнь заложников и наказать преступников, к сожалению, при подобного рода обстоятельствах одновременно эффективно решить сразу обе проблемы не всегда представляется возможным, поскольку это связано с определенным риском. Например, несогласованность участников в процессе проведения правоохранительными органами операции по локализации террористической группы в аэропорту Минеральные Воды в 1994 г. привела к взрыву вертолета и гибели нескольких заложников. Неоднозначность подходов к этой проблеме в нашем обществе не дает единого подхода к ее реализации и затрудняет возможности объективной оценки действий правоохранительных органов и спецслужб в случае проведения ими операций по освобождению заложников или похищенных лиц. Так, до настоящего времени эта проблема не урегулирована на доктринальном уровне, а организационные и тактические подходы нельзя признать вполне определенными и совершенными.

Выбор методов борьбы с захватом заложников и освобождения похищенных лиц определяется уголовно-правовой базой, Концепцией национальной безопасности, отношением самого общества к борьбе с такого рода преступлениями, конкретно сложившимися историческими, социальными и иными

обстоятельствами, оказывающими влияние на направленность преступной деятельности некоторых категорий российских граждан, опытом решения соответствующих проблем другими государствами, возможностями самих российских спецслужб в борьбе с преступностью, специализирующейся на захвате заложников и похищении людей. Современное понимание российским обществом этой проблемы неоднозначно и поэтому представляется необходимым провести анализ сложившихся в мире подходов к ее решению, а также обстановки, в которой проходит противоборство преступных сообществ и правоохранительных органов, выявить складывающиеся тенденции и предложить меры по повышению эффективности этой борьбы.

В мире сложилось два основных подхода к решению проблемы освобождения заложников. Условно их можно разделить на так называемые «восточный» и «западноевропейский». Наиболее яркими представителями этих подходов являются такие страны, как Израиль и ФРГ. При общем для этих двух подходов отношении к захватам и похищениям людей, как общественно опасным деяниям, признании необходимости решительной борьбы с ними и важности использования комплекса политических и специальных мер, в том числе — привлечения спецподразделений, следует отметить существование в каждом из них своих приоритетов.

Так, для западного метода освобождения заложников характерен доминирующий принцип, в соответствии с которым основная оценка деятельности спецслужб зависит от того, насколько при проведении спецопераций обеспечивается безопасность (жизнь и здоровье людей). Высшим приоритетом при этом является жизнь граждан, попавших в

ситуацию, явившуюся как бы отрицательным результатом упущений в деятельности всей правоохранительной системы государства. При этом государство, рассматривая себя в качестве последней инстанции в острой, кризисной ситуации, может пойти на сколь угодно широкие уступки преступникам ради сохранения жизни своих сограждан, случайно оказавшихся заложниками. Поэтому операции по освобождению заложников спецслужбы проводят при создании условий максимального обеспечения безопасности граждан и минимизации рисков.

Восточный метод, напротив, предполагает такую направленность действий правоохранительных структур, где основными показателями являются эффективность действий специальных служб по борьбе с преступниками: решительность пресечения их действий и нейтрализация. Уступок террористам не делается, хотя из тактических соображений возможность их может оговариваться. При этом основным требованием выступает результативность самой борьбы с преступниками (своевременность пресечения, максимальное сковывание их действий, гарантированность вывода их из активных действий и т.д.), и операции проводятся в условиях, допускающих значительные риски. Поэтому в процессе действий израильских спецслужб по освобождению заложников имеют место случаи гибели случайно оказавшихся в эпицентре трагических событий законопослушных граждан и самих заложников, в том числе, в результате действий сотрудников израильских спецслужб. Видимо поэтому у нас в стране сложилось достаточно распространенное мнение на бытовом уровне, что наиболее отличительным признаком восточного метода освобождения заложников считается его жесткость и, в том числе, по отношению к самим

заложникам. И поэтому методы борьбы с терроризмом, используемые израильскими спецслужбами с позиций гуманизма, для нас принято считать не совсем подходящими.

Естественно, что различие восточного и европейского методов борьбы с терроризмом заключается не только в «жесткости» израильтян и «гуманности» немцев. В выборе методов заложены исторические, социальные причины. Рассмотрим их.

Отличительными особенностями социально-политической обстановки западноевропейских государств является то, что в них, при отсутствии высокой социально-политической напряженности в обществе, проявляется тенденция к снижению активности организаций террористической и экстремистской направленности и масштабы акций захвата заложников. Особых трудностей с локализацией негативных последствий (даже если при этом были допущены значительные уступки террористам), в силу достаточно эффективной деятельности правоохранительных органов, обычно не бывает: преступникам сложно скрыться, за преступлением следует наказание.

С появлением государства Израиль израильтяне стали испытывать значительные проблемы, связанные с противодействием их государству и политике со стороны арабских государств. При этом значительную опасность

представляли крайние формы политического экстремизма мусульманских радикальных организаций. А если вспомнить, что Саудовская Аравия и ряд других мусульманских государств неоднократно объявляли джихад в борьбе за ликвидацию, например, последствий израильской агрессии против арабских стран, особенно за освобождение Иерусалима и мусульманских святынь, то можно представить, с каким количеством разведывательных служб, мусульманских террористических организаций, религиозных фанатиков и лиц, желающих «отомстить» или обогатиться на почве выкупа похищенных людей, вступали в противоборство спецслужбы Израиля. При этом израильтяне особенно не церемонились с тем, гражданами каких государств или чьими подданными являются террористы, а сами акты возмездия за совершенные преступления могли осуществляться в любой точке земного шара. В создавшихся конкретно-исторических условиях уступки террористам, отказ от постоянного силового прессинга в отношении преступных лиц и организаций, непринятие жестких силовых методов для пресечения этого рода преступлений могли бы способствовать расширению социальной базы преступников, значительно расширить масштабы заложничества и еще в большей степени подвергнуть риску еврейское население.

Здесь уместно отметить, что сравнение спецслужб и правоохранительных органов Израиля и России в решении проблем борьбы с захватом заложников и похищением людей далеко не в пользу последних, хотя условия, в которых они действуют сегодня, очень схожи. В свое время Израиль решал проблему сохранения государственности от посягательств извне в условиях противостояния всему арабскому миру. И перед Россией также стоит сегодня задача сохранения территориальной целостности в условиях нарастающего национал-экстремизма, сепаратизма и религиозного фанатизма, также нередко инспирируемых извне. Так, основные базы террористов и других вооруженных преступных формирований находятся на территории Чеченской Республики, в основном, однако, закрытых для правоохранительных органов России.

192

Поэтому можно сделать вывод, что эффективность борьбы с преступными сообществами будет зависеть от того, в каком объеме решаемых вопросов спецслужбы России могут в дальнейшем опираться на правоохранительные органы республики, будет ли достигнута договоренность или принято соответствующее политическое решение с руководством ЧР о возможности в исключительных случаях самостоятельных действий федеральных спецслужб или во взаимодействии с местными органами безопасности в Чеченской Республике, являющейся, в соответствии с Конституцией Российской Федерации, территорией нашего государства. Настойчивость федеральных властей в этом вопросе оправдана не только с точки зрения обеспечения безопасности России и ее граждан, но и самой обстановкой в Чечне.

Для обеспечения эффективности решения указанных выше задач

российскими спецслужбами и правоохранительными органами требуется осуществление целого комплекса политических, экономических мер, оказывающих благоприятное влияние в целом на обстановку и исходящих от руководства России. При этом также следует иметь в виду, что своевременно не решая проблему борьбы с преступностью в форме похищения людей и захвата заложников, само руководство Чеченской Республики в обозримом будущем станет жертвой этой же преступности. Все управление обществом в этом случае сведется к противостоянию военизированных группировок, и усиление одной из них только на время снизит активность других. Механизм по стабилизации обстановки в республике мало эффективен. Многие государства запрещают своим гражданам посещать Чеченскую Республику, поскольку иностранцы все чаще — пока только с целью выкупа — похищаются преступными группировками. Республика все более изолируется от мирового сообщества.

Второй вывод заключается в том, что Россия, в отличие от большинства государств, имея свои особенности во внутренней и внешней сферах существования и обеспечения безопасности, испытывает необходимость устранения угроз, исходящих с Северного Кавказа. Это обуславливает необходимость использовать преимущественно так называемые «восточные» меры борьбы с терроризмом (а на европейской территории не исключены и «западные»).

Для чего столь подробно останавливаться на описании вышеназванных различий в методах борьбы с похищениями и захватом? Как один, так и другой метод находятся в полном соответствии со всеми стандартами международного права, распространяющегося на борьбу национальных спецслужб с терроризмом и захватом заложников. Для нас важно однозначно определиться в выборе наиболее эффективного на сегодняшний день метода. Это позволит добиться четкой ориентации спецслужб на жесткое, бескомпромиссное отношение к преступникам и решительность действий в случае принятия решения. Российские граждане, зная о таком подходе государства к этой проблеме, во-первых, будут предпринимать меры к тому, чтобы не оказаться в заложниках, во-вторых, стремиться к самостоятельному освобождению из плена, в-третьих, будут обеспечивать собственную безопасность во время проведения операции по их освобождению силами спецслужб. Потенциальные террористы будут знать о том, что ни на какие политические уступки федеральные власти не пойдут, а, захватив заложников, они лишь подвергают себя дополнительным реальным угрозам. Некоторые политические деятели, так называемые «правозащитники», представители «общественности» не смогут вмешиваться

в проводимый спецслужбами процесс освобождения заложников и предпринимать в этой связи популистские меры, наносящие вред безопасности. Будут исключены факты уголовно наказуемой торговли людьми, в том числе в форме их выкупа у преступников. В средствах массовой информации с пониманием будут восприниматься действия правоохранительных органов и спецслужб по пресечению преступной

деятельности террористов, уголовников, посягающих на жизнь и здоровье людей. Такой подход к борьбе с этими видами преступлений ближе к практике международного сообщества, в которой все активнее доминирует тенденция в переговорах с террористами не допускать «никаких политических уступок» в обмен на жизнь заложников, чему свидетельством последние события в Перу, США, где так и решено было поступать.

В этой связи представляется уместным привести примеры. Трудно однозначно оценивать проведенную специальными службами России операцию на территории посольства Швеции в 1998 г., в результате которой погибли террорист и его добровольный заложник, сотрудник органов ФСБ. Известно, что преступник, хотя и представлял определенную общественную опасность, однако не являлся представителем организованной преступности или какой-либо из террористических групп. Участники отмечают, что у них срыв произошел в результате значительного психологического давления, вызванного повышенной ответственностью за результат операции. Напряжение в обстановке можно было бы заметно снизить, и, возможно, избежать при этом ошибок, если бы сотрудники спецслужб воспринимали обстановку и действовали адекватно возможным негативным последствиям. В то же время в 1995 г., в угоду политическим решениям ближайшей перспективы, не была осуществлена операция по пресечению террористической деятельности возглавляемого Ш. Басаевым незаконного вооруженного формирования во время его рейда в г. Буденновск. Последующие события показали ошибочность принятого решения, результатом которого явилось резкое увеличение масштабов терроризма, захватов заложников и похищения людей.

Наряду с анализом зарубежного опыта не менее важным является и исторический опыт России в борьбе с заложничеством, похищениями людей на Кавказе. Наиболее масштабно эта проблема стала в период Кавказской войны 1817-1864 гг. Тогда и у чеченцев, и у казаков существовала система заложничества, когда одна сторона обменивалась с другой захваченными как во время военных кампаний и походов, так и во время перемирия лицами. Если людей на обмен не хватало, то для достижения «полного счета» обеими сторонами осуществлялись набеги в стан врага. Обмен осуществляли, исходя из социальной принадлежности пленных: солдат обменивали на рядовых участников горского повстанческого движения, российских военачальников — на набов или родовых авторитетов горцев. В мирное время старались взять заложников уже с учетом тейповой, клановой или родственной принадлежности предполагаемых похитителей, что делало последних более сговорчивыми. В таких случаях преступники вступали в конфликт не только с внешними врагами в лице российских властей, но и с непричастными к преступлениям собственными родственниками. Официальные российские власти на Кавказе самым жестоким образом расправлялись с лицами, пытавшимися обогатиться на продаже людей: похитители преследовались даже после освобождения или выкупа заложников. Из анализа литературных источников можно понять,

что официальную практику обмена захваченными лицами из числа гражданского населения и военных ввел известный по войне с Наполеоном генерал А. Ермолов. Форма денежного выкупа существовала скорее в качестве редких исключений. Все эти меры сдерживали масштабность захвата заложников с обеих сторон.

Выбор методов борьбы с похищением людей, захватом заложников, видимо, нельзя рассматривать отдельно от складывающейся на Северном Кавказе политической и оперативной обстановки.

Как было отмечено выше, особенностью настоящего периода является то, что происходящим на Северном Кавказе преступлениям данного вида самими преступниками придается политическая окраска, и вес они увязываются с негативными последствиями имевших место в Чеченской Республике событий 1991-1996 гг., в первую очередь, — с боевыми действиями российских войск. Безусловно, эти трагические для наших народов события играют свою роль в увеличении количества совершаемых преступлений, но отнюдь не основную. Совершенно очевидно, что преступления, под каким бы идеологическим обоснованием они не совершались, остаются преступлениями. Но вместе с тем, для выявления источников, приносящих политическую окраску, оказывающую самое непосредственное влияние на состояние и перспективы борьбы с похищением людей и захватом заложников, следует более подробно провести анализ внутренней и внешней основы политического экстремизма в Чеченской Республике.

Внешняя вызвана неурегулированностью отношений России с Чечней, неопределенностью статуса республики, стремлением находящейся у власти политической элиты к государственной самостоятельности. А проводимая федеральными властями политика в отношении Чечни, рассматривающая ее в качестве субъекта федерации с особым статусом и находящаяся в полном соответствии с Конституцией РФ, в ряде случаев наиболее непримиримыми чеченскими лидерами рассматривается в качестве посягательства на государственную самостоятельность республики. Вопрос о статусе Чеченской Республики, начиная с 1999 г., будет все более актуализироваться и достигнет своего максимума в 2001-2002 гг., когда будет приниматься окончательное решение вопроса о ее статусе, и некоторые политики уже действуют с расчетом на этот период.

На выбор республикой статуса оказывают влияние разнополярные политические силы. Россия, в составе которой республика находится более двухсот лет, искренне озабочена кризисным состоянием прежде всего чеченского общества и поиском путей выхода из него. Тогда как лидеры некоторых иностранных государств рассматривают республику в качестве «рычага» в реализации своих внешнеполитических и религиозных притязаний или в качестве дестабилизатора региона, способного в перспективе повлиять на политику «большой нефти». Мнения в самом чеченском обществе разделены на тех, кто стремится к созданию независимого государства и на их противников, ориентированных на тесный

союз с Россией. В ряде случаев противостояние политически полярных сил принимает террористический характер, что проявляется в физическом уничтожении противников либо похищении их или их родственников. В этой связи захват заложников, похищение людей деструктивными силами может осуществляться: 1) в целях оказания давления на Российское правительство и принятия для них выгодного решения в отношении Чечни, демонстрации перед мировым сообществом слабости всей федеральной правоохранительной системы на Северном Кавказе и ее неспособности справиться с преступностью; 2) в целях дискредитации союза России и Чечни перед иностранными партнерами, искренне желающими мира на северном Кавказе в рамках существующих границ; 3) в целях дестабилизации социально-политической обстановки в республиках Северного Кавказа и активизации деятельности местных сепаратистских группировок, нужного перераспределения политического влияния местной элиты. В этой связи похищаются и захватываются в качестве заложников ответственные российские чиновники, иностранные граждане, представители горских народов. В этой массе похищаемых обращают на себя внимание лица, занимающие активные антисепаратистские и экстремистские позиции.

Эффективной борьбе с этими видами преступлений в значительной мере препятствует несколько факторов: отсутствие четкого разграничения полномочий федеральных и республиканских органов по борьбе с преступностью, недостаточная активность правоохранительных органов ЧРИ в выдаче некоторых политических преступников (может быть, в связи с политической ангажированностью, когда Россия рассматривается в качестве врага номер один для республики), разными подходами федеральных и местных властей к пониманию термина «особо опасный преступник», дислокацией на территории республики международных террористических центров и их влиянием на некоторых представителей правящей чеченской элиты. Поддерживаемые извне центры подготовки террористов постоянно пополняют ряды преступников. Все это самым отрицательным образом сказывается на эффективности борьбы с преступлениями и не способствует реализации одного из основных принципов — неотвратимости наказания за совершенные преступления. Спекулируя на враждебном отношении к России, мести за причиненный войной ущерб и потерях среди гражданского населения Чечни, в сферу похищения людей, захвата заложников втягиваются многие из незаконных вооруженных формирований, поделившие сферы своего влияния в республике или действующие под их прикрытием преступные сообщества. Территория республики компактна, и всем, кто заинтересован, в значительной мере известно, какие из группировок втянуты в незаконную торговлю людьми. Правоохранительные органы республики значительным влиянием не пользуются, в ряде случаев не могут противостоять незаконным вооруженным формированиям и действуют в условиях отсутствия действенных механизмов реализации законов и единства в рядах правящей элиты. Захват заложников, похищения людей приобретают все более вызывающий и дерзкий характер, что действительно

требует от республиканских и федеральных правоохранительных органов адекватной реакции. На этом фоне немало отдельных групп, руководствуясь конкретно меркантильными интересами, стремятся обогатиться на фоне общего беззакония и псевдополитических лозунгов.

Внутриполитический аспект проблемы заключается в том, что, в нарушение ст. 71 Конституции Российской Федерации, договоров между Россией и Чечней, а также вопреки европейским стандартам и, в частности, Конвенции о защите прав человека и основных свобод 1950 г., в республике и поныне действуют ограничения и запреты на занятие определенными видами профессиональной деятельности, на работу в государственном аппарате бывших и действующих оппозиционеров, отсутствуют законы о реабилитации

лиц, сотрудничавших ранее с ориентированными на тесный союз с Россией правительствами (1994-1996 гг.). Предпринятая Президентом А. Масхадовым попытка пригласить в правительство профессиональных управленцев из числа чеченцев, не являющихся сторонниками нынешних республиканских властей и постоянно проживающих в России, явилась одной из причин нынешнего правительственного кризиса. Всегда при таком противостоянии в самом чеченском обществе найдутся радикальные силы, которые в политических целях (для усиления конфронтации, срыва сотрудничества с РФ и тому подобного) будут ориентироваться на проведение акций по захвату заложников и похищению людей из числа чеченцев. Под радикальным идеологическим обоснованием конфронтации уже действуют преступные группировки, специализирующиеся на захвате людей и руководствующиеся своими корыстными интересами. До настоящего времени немало чеченцев, настроенных прежде всего пророссийски, опасаются ехать на историческую родину, небезосновательно полагая, что они могут быть задержаны не столько правоохранительными органами республики, сколько представителями всевозможных незаконных вооруженных формирований и криминальных структур по пресловутому обвинению в «пособничестве враждебному государству» и недоказанным обвинениям «в хищении принадлежащих Чечне средств», в «сговоре с представителями враждебного государства». Всем достаточно очевидно, что по различным причинам вряд ли дело дойдет до суда, но моральные и материальные издержки окажутся значительными. Некоторые представители руководства республики являются активными сторонниками легализации деятельности преступных формирований по похищению политических оппонентов действующего режима, либо их ближайших родственников. Поэтому волна захвата заложников и похищения людей в самом чеченском обществе обращена в первую очередь к лицам, находящимся в оппозиции нынешним властям, или к их родственникам. При этом принципиального значения национальность жертв не имеет, хотя в более сложном положении в республике находится русскоязычное население. В настоящий период немало лидеров оппозиции, занимающих позицию тесного союза с Россией, или их родственники подвергались похищению с являющейся выкупом. Поэтому, если

федеральные власти не примут меры по пресечению этой преступной деятельности, защите чеченских лидеров, являющихся активными противниками сепаратизма, экстремизма, терроризма, то влияние Центра в республике заметно ослабится. Неспособность противостоять политическому терроризму и защитить своих политических союзников не даст возможности России полноценно участвовать в политическом урегулировании конфликтов на Северном Кавказе. Например, самым отрицательным образом на обстановке в республике сказалось взятие заложником родного брата Р.Хасбулатова в 1996 г. в период кампании по подготовке к выборам президента Чечни, что повлияло на решение последнего о снятии своей кандидатуры.

Наряду с политическими, важное влияние на рассматриваемые нами вопросы оказывают и экономические проблемы. Нефтеперерабатывающий и нефтехимический комплекс, обеспечивавший в годы наибольшего развития республики до половины валового национального дохода, требует для восстановления и модернизации значительных капитальных вложений. Инвесторы, по причинам политической нестабильности, опасаются вкладывать значительные средства в экономику республики, даже в такие высокоприбыльные про-

изводства, как нефтепереработка и нефтехимия. Необходимые специалисты-нефтяники, основу которых составляет русскоязычное население, по тем же причинам проживают вне пределов республики. Немалая часть нефтегазодобывающей промышленности находится вне государственного контроля, проблема ликвидации многочисленных частных нефтеперегонных заводов в интересах всего населения так и не решена. Надо полагать, что экономика поделена на сферы влияния группировок, поддерживаемых незаконными вооруженными формированиями. В этой связи бюджет республики, обремененный в том числе излишними затратами на силовые структуры, не покрывает всех расходов. Надежда руководства на иностранные инвестиции не оправдывается, реальных условий для их получения властями не создается. Имеются основания считать, что направляемые в республику из федерального бюджета даже небольшие средства на социальные выплаты не всегда доходят до нуждающихся. Все это способствует дальнейшему обнищанию населения, безработице, которая является базой для пополнения незаконных вооруженных формирований и преступности. Наиболее радикально настроенные официальные лидеры республики стремятся с помощью средств массовой информации внушить населению, что создавшееся тяжелое экономическое положение республики вызвано исключительно происками российских властей. Все это усиливает фон негативного отношения к России. Объективной разъяснительной работы среди населения об истинных причинах сложившегося состояния промышленности федеральными властями не проводится. Таким образом, политический экстремизм усиливается негативным влиянием кризисного состояния экономики республики и вводит ее в еще более кризисное состояние. Стабилизация экономики возможна только после политической

стабилизации чеченского общества, создания условий по привлечению в экономику инвестиций и высококвалифицированных специалистов, резкого снижения уровня преступности в Чечне.

В целях более полного анализа рассматриваемой проблемы, наряду с политическим аспектом, необходимо рассмотреть, насколько законодательство Чеченской Республики обеспечивает адекватность борьбы и насколько эффективна правоприменительная деятельность.

В Уголовном кодексе Чеченской Республики Ичкерия, утвержденном ее Президентом 08.07.96 г., отсутствует статья, прямо относящаяся к ответственности за похищение людей. Однако целый ряд статей УК могут быть применимы для профилактики и расследования уже совершившихся преступлений: ст. 21 — о соучастии, являющемся следствием осуществления преступного сговора, ст. 22 — о соучастии без предварительного сговора, ст. 24 — о преступном сговоре, ст. 26 — о содействии в совершении преступления. УК ЧР предусматривает также ответственность должностных лиц за действия, могущие относиться к рассматриваемой проблеме: по ст. 89 ответственность должностного лица, которое нарушает требования закона с целью нанесения вреда или оказания покровительства тем или иным лицам, по ст. 91 — должностного лица, которое отказывается произвести арест или способствует побегу заключенного. УК ЧР предусмотрена также ответственность лиц, препятствующих расследованию этого вида преступлений: по ст. 97 — за дачу ложных показаний, по ст. 99 — за противодействие должностному лицу, находящемуся при исполнении своих обязанностей, по ст. 100 — за отказ от оказания помощи должностному лицу, по ст. 107 — за укрывательство преступника или

198

предоставление ему приюта, по ст. 108 — за получение вознаграждения за освобождение преступника от наказания, а также по ст. 143 — за применение силы в преступных целях, 144 — за устрашение, 162 — за насильственный увод, 163 — за принуждение к труду, 164 — за незаконное задержание, 165 — за незаконный арест, 176 — за выманивание.

В соответствии с Уголовным кодексом, в качестве одной из мер наказания предусмотрена такая норма как воздаяние равным (ст. 28), поскольку нередко похищению сопутствует нанесение увечий, ранений и убийств. Здесь же могут быть применимы следующие статьи Уголовного Кодекса ЧР: ст. 42 — о возмещении за убийство, увечье или ранение; ст. 44 — о том, в пользу кого присуждается выплата возмещения за убийство, увечье или ранение; ст. 45 — о том, кто должен выплачивать возмещение за убийство, увечье или ранение и каким образом это возмещение взыскивается с виновного.

Несмотря на обилие статей уголовного кодекса, которые в той или иной степени можно использовать правоохранительными органами республики в борьбе с преступностью, посягающей на жизнь и здоровье людей, эффективность их деятельности еще незначительна. Здесь играют свою отрицательную роль политическая зашоренность, значительное

влияние на все сферы жизни республики незаконных вооруженных формирований, отсутствие среди действующей элиты единства во взглядах, политическая, экономическая нестабильность. Параллельно с деятельностью местных правоохранительных органов в самом чеченском обществе, проблема борьбы с похищением людей в немалой степени решается самими пострадавшими либо их родственниками.

Если вновь обратиться к указанным выше статьям Уголовного кодекса, то обращает на себя внимание наличие многочисленных отсылок к исламскому праву и нормам Шариата, подлежащих непосредственному применению по уголовным делам. А введение в уголовное законодательство принципа «воздаяния равным» фактически допускает возможность внесудебных расправ потерпевших с преступниками.

Именно невысокая активность правоохранительных органов Чеченской Республики, а также возможность руководствоваться в своих действиях адата-ми и нормами Шариата диктуют жителям республики условия, в соответствии с которыми они предпринимают меры по освобождению своих родственников из рук преступников. При этом в расчет берется только соотношение сил преступников и клана родственников похищенных. Ни один уважающий себя в чеченском обществе род выкупа не платит. Также не оплачивается информация о месте нахождения похищенных, о преступниках и тому подобное. Среди чеченцев принято считать, что за такую информацию, которая касается жизни и здоровья человека, деньги могут востребовать только враги. Поэтому отношение к требующим оплаты информаторам со стороны родственников похищенного может быть самое жестокое. Естественно, что в этих условиях лидеры оппозиции нынешнему режиму в вопросах освобождения заложников, похищенных могут рассчитывать в основном только на себя или своих родственников.

Сложно судить, сколько лиц втянуты в процесс похищения людей, взятия заложников, но можно отметить, что уже работает целый теневой сектор, месячный оборот которого составляют десятки миллионов долларов США. Ежегодно не одна сотня лиц разных национальностей подвергаются похищениям. Заметно усиливается тенденция постепенного увеличения количества

актов похищения людей за пределами Чечни, в соседних республиках, краях и областях. Единичные акты похищений своих соотечественников со стороны преступных чеченских группировок наблюдаются и в Москве. Все эти торговые операции людьми, проводимые как в ЧРИ, так и на территории России, можно разделить на несколько видов: а) те, в которых о подготовке похищения знает одна сторона (преступники, которые действуют либо самостоятельно, либо под прикрытием незаконных вооруженных формирований, либо правоохранительных органов ЧР); б) те, в которых об этом знают две стороны (похитители и соучастники преступления из числа коррумпированных представителей правоохранительных органов РФ и ЧР, выступающие в качестве прикрытия); в) и наконец, об этом осведомлены три стороны, когда и заложники сами знают, кто их будет похищать, кто

добиваться освобождения, и где они будут все это время находиться. Причем все эти схемы упрощены, поскольку, наряду с основными действующими группировками (похитители, освободители), действует немало посреднических структур.

Увеличению количества преступлений, связанных с похищением людей и взятием заложников, помимо изложенных выше обстоятельств, существенное влияние оказывает и то обстоятельство, что в некоторых случаях федеральные структуры занимают соглашательскую позицию по отношению к преступным сообществам и вступают с ними в операции денежного выкупа незаконно удерживаемых российских граждан, иностранцев или их обмена на уголовников.

С учетом изложенного можно сделать выводы:

1. В нынешних условиях совершаемые на Северном Кавказе преступления, связанные с захватом заложников, похищением людей, следует рассматривать как одно из основных средств, используемых сепаратистами, национал-радикальными элементами и поддерживаемыми ими деструктивными силами и преступными сообществами для дестабилизации политической жизни в национальных республиках. Причем самое жестокое преступное давление оказывается в отношении влиятельных северокавказских лидеров движений пророссийской направленности и их ближайших родственников. Если федеральные органы власти не смогут защитить поддерживаемых массами, активных и конструктивных приверженцев союза республик, то уже в ближайшее время можно ожидать заметного ослабления влияния России на Северном Кавказе. Поэтому проблема с похищением людей, взятием заложников должна выступить в деятельности правоохранительных органов на передний план.

2. Россия, в отличие от других государств, является евроазиатской страной, что должно учитываться и в вопросах борьбы с преступностью, связанной с похищением людей и взятием заложников. Это обуславливает необходимость использовать на Северном Кавказе так называемые «восточные» методы борьбы с терроризмом, являющиеся наиболее эффективными для специфики этого региона. Эти методы, несмотря на внешнюю жесткость, полностью соответствуют всем стандартам международного права, распространяющимся на борьбу с терроризмом.

В. Е. Петришев

Российское законодательство: профилактика терроризма

Сто лет назад, в 1898 г. в Риме, по инициативе итальянского правительства была проведена первая международная конференция, посвященная поиску путей защиты государств от анархо-терроризма. Российскую империю представлял директор Департамента полиции С. Э. Зволянский. Участники этой встречи, прибывшие из 20 государств, подписали итоговый документ конференции — акт, предлагавший главам правительств государств-участников осуществить разработку ряда превентивных антитеррористических мер административного, законодательного и политического характера.

За прошедшее столетие человеческая цивилизация проделала огромный путь. К сожалению, активно развивался и терроризм. Сегодня кинжалы, револьверы и самодельные бомбы террористов прошлого века кажутся безобидными игрушками по сравнению с современным арсеналом и техническими возможностями их преемников. Вот только некоторые примеры. В 1972 г. в США при аресте членов правозэкстремистской группы «Орден восходящего солнца» было изъято 36 кг культуры возбудителей тифа, посредством которой предполагалось отравить системы водоснабжения Чикаго, Сен-Луи и других городов запада США. У членов другой неонацистской группировки в США в 1975 г. изъяли 115 кг цианидов, предназначенных для использования в аналогичных целях в Нью-Йорке и Вашингтоне. В 1984 г. в Париже, на квартире, снимавшейся членами леворадикальной группы из ФРГ, полиция обнаружила множество флажков, содержащих культуру бактерий, вырабатывающих токсин ботулизма. При осуществлении террористической акции в Международном торговом центре в Нью-Йорке в 1993 г. преступники начинили бомбы цианистым натрием (он не сработал из-за испарения ввиду высокой температуры взрыва). 20 марта 1995 г. японские религиозные фанатики из секты «Аум-сен-рике» с помощью самостоятельно изготовленных отравляющих газов зарина и ацетонитрила провели настоящую химическую атаку в токийской подземке, в результате которой 12 человек погибло и тысячи получили отравления. Во время ведения боевых действий в Чечне в 1995-1996 гг. Дудаев, а затем и террорист Радуев неоднократно заявляли о готовности использовать оружие массового поражения для уничтожения россиян.

Террористы сегодня имеют возможность применения таких наиболее общественно опасных форм устрашения населения и властей, которые не были доступны радикалам прошлого столетия: захват воздушного судна с сотнями заложников на борту, угроза взрыва атомной электростанции, чреватая развязыванием ядерного международного инцидента, внедрение в компьютерные технологии и т. д.

Однако не только рост технической вооруженности и воспроизводство новых способов совершения акций терроризма отличают террористов конца XX столетия от их собратьев образца XIX века. Пожалуй, самое страшное в метаморфозе терроризма заключается в утрате идейно-нравственных принципов, присущих террористам-одиночкам, террористическим группам и организациям прошлого. Действительно, террористы предыдущего столетия в своих поступках чаще всего руководствовались идеями тираноборства. Их акты терроризма были прицельны, непосредственная жертва террористической акции тщательно выбиралась из круга царствующих особ, высокопоставленных государственных чиновников или рядовых представителей органов исполнительной власти, олицетворявших для террористов деспотию. Сама процедура политического убийства носила ритуальный характер. Зачастую радикал-террорист использовал не огнестрельное оружие, а клинок, более соответствовавший традиции тираноборства, и даже не пытался скрыться с места совершения

политического убийства, что также предписывалось своеобразным кодексом чести террориста. Этот же кодекс чести не допускал убийства случайных людей. Известный террорист Савинков вспоминал, как член боевой группы эсеров Каляев, 2.02.1905 г. поджидавший с бомбой карету генерал-губернатора Москвы Великого князя Сергея Александровича и уже поднявший руку для смертельного броска, отложил теракт, так как увидел рядом с Сергеем Великую княгиню Елизавету и детей Великого князя Павла — Марию и Дмитрия. Проявившийся в этом акте «гуманизм» не помешал, однако, Каляеву взорвать карету генерал-губернатора через два дня, когда он был в экипаже один.

Сегодняшние террористы без сожаления расстались с романтическими идеалами своих предшественников как с досадным, мешающим делу атавизмом. При подготовке покушения на высокопоставленную особу используются по возможности наиболее действенные и мощные средства убийства. При этом возможность случайных жертв просто не берется во внимание. Мало того, современные террористы все реже посягают на жизнь важных чиновников. Последние имеют плотную, хорошо вооруженную и высокооплачиваемую охрану. Следовательно, покушение на них опасно и для самого террориста, а он, в отличие от народовольцев XIX века или эсеров начала XX столетия, бережет свою жизнь и не торопится с нею расставаться.

Наконец, современный терроризм, перерождаясь во все более жестокое и рациональное социально или политически мотивированное устрашение, становится все более «слепым». Это находит свое выражение в том, что зачастую непосредственную жертву террористического посягательства заранее не определяют, а готовят и осуществляют акцию терроризма таким способом и в таком месте, которые обеспечивают максимальное количество пострадавших и наибольший устрашающий эффект.

Такой терроризм называют еще рассеянным или бомбо-взрывным терроризмом (из-за основного способа осуществления его акций путем подрыва самодельных, штатных или комбинированных взрывных устройств).

Чаще всего «слепой» терроризм применяется как средство достижения определенных тактических целей: дестабилизации социально-политической обстановки в стране или регионе; нарушения установленного порядка управления; подрыва авторитета власти; инициирования недовольства населения

202

действиями правительства, неспособного навести надлежащий порядок и защитить собственных граждан от насилия. В качестве примеров проявления «слепого» терроризма можно привести активизацию террористической деятельности в Италии в 70-х годах; действия сикхских сепаратистов в отношении индийцев в штатах Джамму и Кашмир (Индия); непрекращающиеся с 1992 г. убийства сограждан мусульманскими фундаменталистами в Алжире, жертвами которых стали уже свыше 60 тыс. человек; наконец, «минно-взрывная война», ведущаяся в последние годы на территории Российской Федерации в регионе Северного Кавказа.

В условиях нарастания террористической угрозы в различных странах предпринимаются попытки усиления антитеррористического законодательства. Приняты новые законы или модернизированы уже имевшиеся в ФРГ, Франции, Турции, США, других государствах. Даже в Великобритании, известной своим консерватизмом в сфере обновления веками складывавшихся правовых норм, принято решение о подготовке и проведении через парламент общенационального закона о борьбе с терроризмом. В зарубежных странах совершенствование антитеррористического законодательства идет в основном в двух направлениях: усиления карательных санкций за совершение акций терроризма и активизации превентивных мер борьбы с терроризмом.

Данная проблема не обошла стороной и Россию, в которой терроризм «взорвался» с началом коренной ломки социально-экономических, политических и идеологических основ общества на рубеже 80-х - 90-х годов. Заметим, что терроризму вообще присуще качество резко активизироваться в периоды «революционных» потрясений, и это обстоятельство ярко проявило себя в современной России, где терроризм достиг небывалых доселе масштабов, уровня общественной опасности, агрессивности и цинизма. Статистика убедительно свидетельствует об увеличении количества террористических проявлений в нашей стране. Так, если в 1996 г. сотрудниками органов правоохраны и спецслужб было изъято 51 взрывное устройство, 450 и- взрывчатых веществ, около 1100 стволов незаконно хранившегося огнестрельного оружия, то за 1997 г. подлежали изъятию уже около 1000 взрывных устройств, примерно 3000 единиц огнестрельного оружия и свыше 2000 кг взрывчатых веществ. Можно только догадываться, сколько жизней мог унести этот арсенал.

Между тем, количество взрывов в общественных местах, захватов заложников, анонимных угроз о готовящихся акциях терроризма не уменьшается. Ситуация осложняется тем, что в последние годы произошло глубокое взаимопроникновение двух видов внутреннего терроризма: криминального, при котором методы террора используются преступниками для достижения корыстных целей (обогащения, устранения конкурентов по криминальному бизнесу, подчинения своей воле преступных группировок и т.д.), и терроризма, мотивация которого носит социально-политический характер и опирается на националистическую, расовую, религиозную, классовую идеологию. Слияние двух разновидностей терроризма усиливает и разнообразит последний, а также усложняет его структуру и затрудняет борьбу с ним.

В этих непростых условиях с конца 1996 г. под эгидой Комитета ГД ФС РФ по безопасности шла работа над созданием Федерального закона «О борьбе с терроризмом», утвержденного Указом Президента Российской Федерации

от 25.07.98 г. №130-ФЗ и с 4.08.98 г. (после публикации в «Российской газете») вступившего в силу. Что из себя представляет этот закон, каковы цели его принятия, какова идеология? Дает ли новый закон достаточную

правовую и организационную базу для борьбы с терроризмом в Российской Федерации, какие проблемы удалось решить с его принятием и какие остаются нерешенными? С учетом того, что автор с момента начала работы над законопроектом и до принятия Закона в Госдуме в третьем чтении в июле 1998 г. непосредственно участвовал в его разработке, хотелось бы высказать собственное мнение по этим вопросам.

Эффективность борьбы с терроризмом зависит от совокупности многих взаимосвязанных факторов (полнота и объективность выявления и учета причин и условий, благоприятствующих терроризму, или, напротив, сдерживающих это явление; степень технической и специальной оснащенности и профессиональной подготовки подразделений, непосредственно осуществляющих борьбу с терроризмом; уровень развития и действенности общегосударственной системы противодействия террористическим угрозам; степень осознания обществом тех опасностей, которые исходят от терроризма, и т.д.). Одним из фундаментальных обстоятельств, определяющих в правовом государстве успех предупреждения и пресечения возможных проявлений террористического характера, является создание адекватного социально-политической и криминальной обстановке в стране национального антитеррористического законодательства. При этом, по вполне понятным причинам, ввиду особой серьезности негативных последствий каждого покушения на совершение акции терроризма, главный акцент должен быть сделан на регламентации деятельности по раннему предупреждению, профилактике терроризма. Именно по этому пути пошло большинство зарубежных стран, которые, формируя или модернизируя национальное законодательство в сфере борьбы с терроризмом в последние 10-15 лет, не только ужесточают уголовные санкции за совершение преступлений террористического ряда, но и активизируют усилия по профилактике такого рода проявлений.

Терроризм, представляя собой серьезную опасность для жизни и здоровья граждан, нормального функционирования общественных и государственных институтов, требует адекватно жесткой реакции со стороны органов власти.

Однако при этом законодатель обязан так сформулировать правовые нормы и создать такой механизм их практической реализации, чтобы закон, защищая население и структуры государственного управления от террористической угрозы и незамедлительно применяя карательные санкции к субъектам терроризма, одновременно исключал возможность расширительной его трактовки и ущемления прав и свобод граждан, не имеющих отношения к противоправной деятельности.

В этой связи особая роль в сфере профилактики терроризма принадлежит уголовному законодательству.

Статья 213³ как естественная реакция государства на возрастание террористической угрозы в России была введена в УК РСФСР Федеральным законом от 1.07.94 г. № 10-ФЗ. Именно с этого момента дефиниция терроризма обрела и юридическое наполнение. В диспозиции названной

статьи законодатель определил терроризм как «совершение в целях нарушения общественной

безопасности либо воздействия на принятие решений органами власти взрыва, поджога или иных действий, создающих опасность гибели людей, причинения значительного имущественного ущерба, а равно наступления иных тяжких последствий».

То обстоятельство, что термин «терроризм» не входил в лексикон уголовного закона до 1994 г., совсем не означает, что ранее преступления террористического характера не преследовались в нашей стране. Деликты, представлявшие собой проявления терроризма, предусматривались иными статьями.

Так, уже в УК РСФСР 1922 г. террористические преступления рассматривались как тяжкие противоправные деяния и подпадали под диспозицию статьи 57, в которой было сформулировано общее понятие контрреволюционного преступления¹.

Наконец, с 1.01.97 г. в России введен в действие УК Российской Федерации, где законодатель определил терроризму правовую нишу в главе 24 (преступления против общественной безопасности) раздела IX (преступления против общественной безопасности и общественного порядка). В диспозиции статьи 205 он трактуется как «совершение взрыва, поджога или иных действий, создающих опасность гибели людей, причинения значительного имущественного ущерба либо наступления иных общественно опасных последствий, если эти действия совершены в целях нарушения общественной безопасности, устрашения населения либо оказания воздействия на принятие решений органами власти, а также угроза совершения указанных действий в тех же целях».

Представляется, что такое определение недостаточно адекватно сущности и содержанию собственно терроризма. Действительно, целью деятельности террористов (то есть лиц, осуществляющих акции терроризма) может быть не только стремление оказать воздействие на принятие решений органами власти. В самом широком смысле терроризм — это «способ управления социумом посредством превентивного устрашения»². В этой связи субъекты террористической деятельности могут иметь целью воздействие на людей, никакого отношения к органам власти не имеющих (социальные слои и группы; категории граждан, выделенные по национальной, расовой, политической, имущественной, конфессиональной или иной принадлежности; наконец, все население).

Кроме того, вызывает серьезное сомнение обоснованность отнесения устрашения населения к категории целей терроризма. Действительно, устрашение — важный, сущностный элемент терроризма, и в этом смысле упоминание о нем выгодно отличает статью 205 УК Российской Федерации от статьи 213³ прежнего Уголовного кодекса РСФСР, где он был упущен. Однако этот элемент играет роль инструмента для достижения целей терроризма, а не является самой целью.

Наконец, содержание диспозиции статьи 205 УК Российской

Федерации неадекватно содержанию терроризма, даже если рассматривать последний

См.: Дьяков С. В., Игнатьев А. А., Карпушин М. П. Ответственность за государственные преступления. М., 1988. С. 8.

Одесский М. П., Фельдман Д. М. Поэтика террора и новая административная ментальность. М., 1977. С. 19.

не как социально-политическое явление, а узко, как феномен исключительно криминальный. Нетрудно убедиться, что в данной статье законодателем представлен перечень проявлений терроризма, осуществляемых в различных формах (поджог, взрыв, иные действия).

Таким образом, статью правильнее было бы назвать «акция терроризма», а не «терроризм». Эта подмена понятий, осуществленная при подготовке УК Российской Федерации, имела свои негативные последствия и в ходе разработки проекта Федерального закона «О борьбе с терроризмом», о чем речь еще пойдет ниже.

Завершая краткий анализ статьи 205, следует отметить профилактический характер поощрительной нормы, содержащейся в примечании к данной статье: «Лицо, участвующее в подготовке акта терроризма, освобождается от уголовной ответственности, если оно своевременным предупреждением органов власти или иным способом способствовало предотвращению осуществления акта терроризма и если в действиях этого лица не содержится иного состава преступления». Содержание этой нормы вполне соответствует подходу законодателя во многих за рубежом странах при регламентации антитеррористической деятельности государственных органов (можно вспомнить в этой связи Законопроект №625 от 15.12.79 г., Закон №304 от 29.05.82 г. и Закон № 34 от 18.02.87 г. Италии, Закон об изменении Уголовного кодекса, уголовно-процессуального кодекса, а также о принятии положения о главном свидетеле обвинения в террористических преступлениях от 9.06.89 г. ФРГ, Закон о борьбе с терроризмом и посягательствами на государственную безопасность 1986 г. Франции). Впрочем, и в этой части статьи 205 некоторые ее комментаторы обнаруживают недостатки. Так, В. Н. Рябчук констатирует, что «формулировка примечания к статье 205... находится в коллизии со статьей 31 УК Российской Федерации, где освобождение от ответственности при добровольном отказе от приготовления к преступлению не связывается со своевременным предупреждением органов власти»³.

К ряду террористических деликтов законодателем вполне справедливо отнесены действия, описываемые диспозицией статьи 207 УК Российской Федерации — «заведомо ложное сообщение о готовящихся взрыве, поджоге или иных действиях, создающих опасность гибели людей, причинения значительного имущественного ущерба либо наступления иных общественно опасных последствий». Действительно, хотя речь в данной статье идет о ложном сообщении об акте терроризма, по существу уже само это сообщение является акцией психологического терроризма, так как рассчитано на достижение определенного, значимого для субъекта деликта результата через

устрашение населения, групп граждан или отдельных лиц. Кроме того, каждая такая акция сопряжена с нанесением экономического ущерба, так как приводит к дезорганизации нормальной работы предприятий и учреждений, администрация которых, как правило, принимает решение об эвакуации сотрудников при поступлении угрозы совершения акции терроризма.

«Игнорирование угрозы может привести к тяжелым последствиям. Хотя статистические данные и показывают,

Рябчук В. И. Уголовный кодекс Российской Федерации о борьбе с терроризмом // Актуальные проблемы борьбы ФСБ России и МВД России с терроризмом, организованной преступностью и коррупцией в современных условиях. М., 1997. С. 216.

206

что бомбы закладываются гораздо реже, чем делаются угрозы, тем не менее закладка и взрыв бомб все же случаются. Вот почему решение администрации об эвакуации персонала следует считать единственно правильным» .

Если даже преступники, заявляющие заведомо ложные сведения о подготовке актов терроризма, прямо не преследуют цели нарушения порядка управления или отвлечения внимания, сил и средств правоохранительных органов на «негодный объект», то такие негативные последствия наступают как имманентные издержки подобного рода акций психологического терроризма. Как справедливо отмечают А. А. Баев и М. Ф. Савелий, «на проверку такой информации затрачивается много времени и усилий правоохранительных органов, поскольку при сообщении о том, что в определенном месте может находиться взрывное устройство, эти органы всегда действуют исходя из предпосылки существования реальной опасности до тех пор, пока сообщение не будет опровергнуто»⁵.

К террористическим следует отнести еще несколько составов УК Российской Федерации. Так, признаки террористического деяния содержатся в преступлении, описываемом диспозицией статьи 206 «захват заложника»: «Захват или удержание лица в качестве заложника в целях принуждения государства, организации или гражданина совершить какое-либо действие или воздержаться от совершения какого-либо действия как условия освобождения заложника». Очевидно, что цель захвата заложника может быть и корыстной и политической, однако это не влияет на террористическую сущность преступления. Статья 206 также содержит поощрительную норму для преступника, добровольно или по требованию властей освободившего заложника. Но нельзя не признать наличия серьезного недостатка в этой норме, не содержащей указания на срок, в течение которого она действует. В нынешней редакции примечание к статье 206 гарантирует освобождение от уголовной ответственности субъекту преступления, удерживавшему заложника и в течение часа, и месяца, и более длительного времени, что, безусловно, не может считаться нормальным явлением. Такая норма действительно может считаться «поощрительной» с точки зрения поощрения к совершению подобного рода ненаказуемых

преступлений.

Как террористическое деяние рассматривает законодатель и посягательство на жизнь государственного или общественного деятеля (статья 277 УК Российской Федерации). В диспозиции статьи уточняется, что посягательство на жизнь государственного или общественного деятеля, совершенное в целях прекращения его государственной или иной политической деятельности либо из мести за такую деятельность, является террористическим актом. Критический анализ статьи 277 позволяет высказать мнение о том, что разработчики УК Российской Федерации при ее конструировании необоснованно сузили круг подпадающих под ее действие деликтов. В частности, в редакции статьи 66 прежнего УК РСФСР террористическим актом считалось и нанесение объекту посягательства тяжких телесных повреждений. По взгляд автора, этот подход

Нигматулин Т. Т. - К вопросу о совершенствовании работы по ликвидации угрозы взрыва // Проблемы борьбы с терроризмом в России на современном этапе. Владимир, 1996. С. 75.

⁵ *Баев А. А., Савелий М. Ф.* Организация некоторых мероприятий органов внутренних дел по предупреждению террористических актов (криминальных взрывов) // Материалы конференции «Международный терроризм: новые измерения». Москва. 24-26.03.97.

следовало бы использовать и в современной формулировке террористического акта, так как преступники зачастую изначально планируют не убить свою жертву, а морально сокрушить, произвести сильное психологическое воздействие, нанести увечья для устрашения и принуждения изменить линию своего поведения в политике или общественной жизни в выгодном для террористов направлении.

К ряду террористических преступлений следует отнести и предусмотренное статьей 360 УК Российской Федерации нападение на лиц или учреждения, которые пользуются международной защитой, если это деяние совершено в целях провокации войны или осложнения международных отношений. Такого рода противоправные действия необходимо рассматривать как проявления международного терроризма.

С учетом того обстоятельства, что акции терроризма могут осуществляться в различных формах (причем спектр последних имеет тенденцию к расширению), а по объективной стороне — совпадать с составами иных преступлений, предусмотренных УК Российской Федерации, целесообразно последние также рассматривать как деяния террористические, если они совершаются с применением метода устрашения и имеют целью через это устрашение принудить кого бы то ни было совершить выгодные преступникам действия. Такой подход, характерный для антитеррористических законодательств Турции, Франции, ФРГ и некоторых других стран, был взят на вооружение отечественным законодателем при разработке проекта Федерального закона «О борьбе с терроризмом». Так, в статье 3 последнего, дающей перечень основных понятий, применяемых в целях закона, устанавливается: «Преступления террористического характера

— это преступления, предусмотренные статьями 205-208, 277 и 360 Уголовного кодекса Российской Федерации. К преступлениям террористического характера могут быть отнесены и другие преступления, предусмотренные Уголовным кодексом Российской Федерации, если они совершены в террористических целях».

Представляется, что такой подход оправдан в условиях современной российской действительности. В качестве подтверждения этого утверждения можно привести кампанию физического и психологического террора, развязанного с начала 90-х годов, криминально-националистическим режимом в Чечне. В этой атмосфере исключительно уголовные, казалось бы, преступления (убийства, грабежи, разбой, изнасилования и др.) являлись частью общей системы геноцида по отношению к некоренным этническим группам населения с целью их «выдавливания» из «Республики Ичкерия», а потому должны быть отнесены к преступлениям террористического характера.

Попытки упорядочить механизм противодействия террористической угрозе путем правовой регламентации антитеррористической деятельности в масштабе всей страны предпринимались и до разработки проекта Федерального закона «О борьбе с терроризмом», однако они носили бессистемный, спорадический, а зачастую — и весьма противоречивый характер, что не могло способствовать повышению эффективности борьбы с терроризмом в Российской Федерации.

Можно вспомнить в этой связи Указ Президента РФ № 310 от 23.03.95 г. «О мерах по обеспечению согласованных действий органов государственной

208

власти в борьбе с проявлениями фашизма и иных форм политического экстремизма в Российской Федерации». Так, многих специалистов несколько озадачил в Указе, вступавшем в силу со дня опубликования и требовавшем в пункте 2 «задерживать и привлекать к ответственности лиц, распространяющих печатную продукцию, кино-, фото-, аудио- и видеоматериалы, направленные на пропаганду фашизма», пункт 5, в котором Российской академии наук предписывалось разработать и передать в Государственно-правовое управление Президента РФ «научное разъяснение понятия "фашизм" и связанных с ним понятий и терминов». Возникало сразу два вопроса. С одной стороны, неужели в стране, пятьдесят лет назад уничтожившей фашизм в Европе, до сих пор не знают, что же это такое? С другой стороны, если эта проблема еще не разрешена, как можно требовать незамедлительного применения карательных мер по отношению к лицам, пропагандирующим фашизм? Или другой пример. 7.03.96 г. подписан Указ №338 «О мерах по усилению борьбы с терроризмом». В его пятом пункте Генеральной прокуратуре РФ рекомендовано «усилить надзор за исполнением законодательства Российской Федерации при освещении средствами массовой информации событий, связанных с терроризмом». По логике, если требуется усилить надзор, значит, он уже существует. Но как он

может существовать и тем более усиливаться, если российское законодательство вообще на тот момент не регламентировало порядка освещения в средствах массовой информации вопросов, связанных с терроризмом? Аналогичное замечание можно было бы сделать и в адрес содержания Указа № 1143 от 27.10.97 г. «О Комиссии при Президенте Российской Федерации по противодействию политическому экстремизму в Российской Федерации» в связи с тем, что дефиниция «экстремизм» на момент подписания указа правового наполнения не имела не имеет она его и на момент написания данной статьи).

16.01.97 г. Постановлением Правительства №45 была образована Федеральная межведомственная антитеррористическая комиссия Российской Федерации (МВК). Целью ее создания было «обеспечение координации деятельности федеральных органов исполнительной власти по борьбе с терроризмом, повышения эффективности проведения специальных операций по предупреждению и пресечению террористической деятельности». В соответствии с Положением о Комиссии для достижения указанной цели предполагалось решение ряда серьезных масштабных задач общегосударственного характера: разработка и осуществление мероприятий в области выявления, предупреждения и пресечения террористической деятельности; внесение в Правительство Российской Федерации предложений по формированию системы мер по обеспечению безопасности и защиты населения от терроризма; координация взаимодействия органов власти всех уровней при осуществлении мероприятий по борьбе с терроризмом и др.

Однако возможность эффективного функционирования Комиссии и достижения декларируемой в Постановлении Правительства цели изначально вызывала серьезные сомнения. Действительно, во главе МВК был поставлен директор ФСБ России, а пунктом 8 Положения устанавливалось, что организационно-техническое обеспечение работы Комиссии осуществляется Федеральной службой безопасности Российской Федерации, а информационно-аналитическое обеспечение ее деятельности возлагалось на Антитеррористический центр (ныне — Департамент по борьбе с терроризмом) ФСБ России.

Таким образом, вся тяжесть ответственности за организацию и обеспечение борьбы с терроризмом в масштабе огромной страны, переживающей сложный период своей истории, по существу возложена сегодня на руководителя одного из ведомств — ФСБ России. Причем этот руководитель не обладает соответствующими властными полномочиями, необходимыми людскими, транспортными, материально-техническими и финансовыми ресурсами для создания и поддержания на должном уровне общегосударственной системы профилактики, выявления и пресечения терроризма (именно терроризма как сложного и многоаспектного социально-политического явления, а не отдельных криминализованных уголовным законом террористических акций). На первом же заседании Комиссии присутствовавший на нем Председатель Правительства Российской

Федерации В. С. Черномырдин пообещал, что руководство страны поможет с оснащением ее необходимой специальной техникой и оборудованием: «Оснащение должно быть высочайшее, должно отвечать всем требованиям сегодняшнего времени. По-другому — это будет бесполезный разговор и болтовня»⁶. Практика доказала справедливость высказывания Председателя Правительства — сколько-нибудь значимых средств для должного оснащения МВК выделено не было. И это обстоятельство опровергло другое утверждение руководителя Правительства: «Руководство страны считает совершенно нетерпимой даже малейшую недооценку остроты и общественно-государственной значимости проблемы борьбы с распространением терроризма»⁷.

При разработке проекта Федерального закона «О борьбе с терроризмом» проблема повышения статуса Комиссии вновь встала на повестку дня. Когда 10.09.97 г. на пленарном заседании Госдумы закон был принят в первом чтении, в нем устанавливалось, что Федеральная межведомственная антитеррористическая комиссия создается при Правительстве Российской Федерации, а ее руководителем является Заместитель Председателя Правительства. Одновременно прописывалась структура межведомственных антитеррористических комиссий на местах в субъектах Российской Федерации и региональных). Однако уже при подготовке документа ко второму чтению по настоятельному требованию президентской стороны положение, устанавливавшее новый статус МВК, было изъято из законопроекта и заменено никем и ни к чему не обязывающей формулировкой: «Для координации деятельности субъектов, осуществляющих борьбу с терроризмом, решениями Президента Российской Федерации и Правительства Российской Федерации могут создаваться антитеррористические комиссии на федеральном и региональном уровне»⁸.

Вопрос точного установления и законодательного закрепления статуса МВК является далеко не праздным. В частности, он играет решающую роль в плане создания эффективной общегосударственной системы мер, направленных на борьбу с терроризмом. Так, следует признать, что отдельные права Комиссии, закрепленные пунктом 4 Положения о МВК и долженствующие обеспечить выявление и устранение факторов, благоприятствующих распространению терроризма в стране, остаются декларативными, если они не ПОД-

Стенограмма заседания Комиссии от 6.05.97. Там же.

Замечания к проекту Федерального закона «О борьбе с терроризмом» Президента РФ. Исх. №Пр-1705 от 18.10.97.

210

креплены властными полномочиями на правительственном уровне. Действительно, сложно представить в современных российских условиях, как будут, например, выполняться распоряжения руководителя Комиссии — директора ФСБ России по реализации следующих мер: принятие решений, необходимых для организации и совершенствования взаимодействия федеральных органов исполнительной власти в области предупреждения,

пресечения и ликвидации последствий акций терроризма; востребование у федеральных органов исполнительной власти, органов власти субъектов Российской Федерации информации, необходимой для работы Комиссии; привлечение специалистов предприятий, учреждений и организаций Российской Федерации (по согласованию с их руководителями) для предупреждения, пресечения и ликвидации последствий актов терроризма.

Серьезным недостатком, ограничивающим возможности по реализации задач, стоящих перед МВК, является и отсутствие в ее инструментарии механизма профилактики терроризма. Об этом неоднократно заявляли и сами члены Комиссии. Так, заместитель министра внутренних дел Российской Федерации П.М.Латышев, подчеркивая приоритетность предупредительных мер борьбы с терроризмом, призывал коллег сосредоточить усилия именно на этом направлении деятельности, рассматривая в качестве основных задач «проведение совместных межрегиональных и межгосударственных комплексных оперативно-профилактических мероприятий»⁹. Весьма остро поставил вопрос о необходимости всемерного расширения функции профилактики терроризма и исполнявший тогда обязанности председателя Комиссии, директор ФСБ России Н.Д.Ковалев: «Задача состоит в первую очередь в предупреждении террористической деятельности на стадии ее подготовки и устранения причин и условий, благоприятствующих совершению террористических акций... Раньше был такой инструментарий как профилактика... Сейчас этого инструментария нет. Нам нужен этот самый рычаг профилактического воздействия. Обязательно»¹⁰.

Следует подчеркнуть, что создание «инструментария профилактики» в сфере борьбы с терроризмом — задача весьма непростая. В условиях, когда правоохранительные органы и спецслужбы Российской Федерации лишены даже права на объявление официального предостережения лицам, стоящим на пороге совершения противоправного деяния, возникает проблема воссоздания правовых основ профилактической деятельности, некогда игравшей важную роль как в борьбе с преступностью, так и в сфере обеспечения безопасности страны.

Об этой проблеме говорят и многие специалисты-правоведы. В частности, профессор Э. А. Астемиров констатирует: «Традиционный уголовно-политический подход... не отвечает современному криминологическому пониманию системы борьбы с преступностью. Он не учитывает главного направления этой борьбы — предупреждение, профилактику, необходимость его развития, активизации и эффективизации»¹¹.

Стенограмма заседания МВК от 7.08.97. Там же.

Астемиров Э. Л. О соотношении социальной системы борьбы с преступностью и уголовного законодательства // Преступность и законодательство. М., 1997. С. 146.

Определенные шаги в направлении решения проблемы воссоздания института профилактической деятельности предпринимаются. Так, Правительством Российской Федерации 5.04.97 г. принято Постановление

№397 «О дополнительных мерах по укреплению общественного порядка и профилактике правонарушений в Российской Федерации». С 1996 г. проводится работа по подготовке закона о профилактике правонарушений.

Между тем, некоторые юристы высказывают серьезные сомнения в самой возможности создания такого специализированного закона. Так, например, анализируя ситуацию, связанную с процессом разработки закона о профилактике правонарушений, профессор А. Х. Миндагулов замечает: «Сфера профилактики преступлений настолько разнообразна, в ней настолько сложно переплетаются экономические, политико-правовые, социально-психологические, воспитательные, медицинские и другие аспекты, что трудно, практически невозможно очертить ее рамки»¹².

А. Х. Миндагулов, сам принимавший участие в разработке указанного законопроекта, подтверждает свою точку зрения о бесперспективности продолжения этой работы статистикой: «В систематизированный перечень норм, относящихся к профилактике преступлений и других правонарушений, были включены нормы из более ста источников — законов и подзаконных актов... Только по отраслевому признаку в указанный перечень было включено около 3000 норм, выделенных из 26 законов и подзаконных актов, а также 26 законов и подзаконных актов в полном объеме»¹³. В результате ученый приходит к выводу: «Профилактика преступлений, и в этом ее особенность, не может быть урегулирована одним законом»¹⁴.

Однако законодательная база федерального уровня, регламентирующая деятельность министерств и ведомств по профилактике различных видов преступлений, крайне необходима сегодня для организации и повышения эффективности многоаспектной профилактической деятельности. И решать ее нужно безотлагательно. Исходя из этой посылки строили свою работу участники создания проекта Федерального закона «О борьбе с терроризмом». Докладывая документ в первом чтении на пленарном заседании Государственной Думы 10.09.97 г., председатель Комитета по безопасности В.И.Илюхин отмечал: «Авторы законопроекта отказались от внесения каких-либо изменений и дополнений в Уголовный кодекс Российской Федерации и сделали главный упор на законодательное закрепление форм и методов профилактики терроризма и борьбы с ним... Законопроект определяет, во-первых, компетенцию каждого органа, во-вторых — целую систему профилактики и предупреждения терроризма»¹⁵.

Бтавенство превентивных мер при организации и осуществлении борьбы с терроризмом в Российской Федерации является стержнем идеологической концепции закона. Уже во второй его статье в качестве одного из основных

Миндагулов Л. Х. Нужен ли закон о профилактике преступлений? // Преступность и законодательство. М., 1997. С. 313.

¹³ Там же. С. 314.

¹⁴ Там же. С.315.

Стенограмма пленарного заседания ГД ФС РФ от 10.09.97.

принципов борьбы с терроризмом, следующего непосредственно после

принципа законности, назван принцип приоритета мер предупреждения терроризма.

Пожалуй, самым главным направлением в профилактике терроризма является установление и устранение факторов, его воспроизводящих. В этой связи нельзя не согласиться с констатацией Правового управления Аппарата Совета Федерации Федерального Собрания Российской Федерации: «Для активизации террористической деятельности в России сложился целый комплекс предпосылок социального, национального, идеологического, психологического характера... Правовая борьба с терроризмом предполагает... возвращение в той или иной мере к профилактике преступлений, к устранению социально-политических, подобно перечисленным выше, предпосылок, порождающих терроризм»¹⁶.

О важности устранения причин, детерминирующих терроризм в России, говорили и депутаты Государственной Думы на пленарном заседании 10.09.97 г. Так, депутат Т. М. Гудима заметила: «Для того, чтобы уничтожить любое явление или бороться с ним, надо уничтожать причину, его порождающую. Причина терроризма в России продолжает функционировать. Я имею в виду прежде всего передел собственности, который набирает, по-моему, обороты»¹⁷.

Разработчики законопроекта, разделяя точку зрения цитируемых источников, также исходили из необходимости создания общегосударственного механизма общей профилактики терроризма в стране, в связи с чем в статье 5 закона в числе одной из главных целей борьбы с терроризмом названы выявление и устранение причин и условий, способствующих осуществлению террористической деятельности.

Кроме того, в проекте закона (в редакции, выносившейся на обсуждение в первом чтении) содержалась специальная статья, посвященная регламентации деятельности МВ К, где предусматривалось расширение ее полномочий в сфере профилактики терроризма. В частности, в ее компетенцию предполагалось ввести решение следующих задач: «выработка рекомендаций, направленных на повышение эффективности работы по выявлению и устранению причин и условий, способствующих возникновению, развитию и реализации террористических угроз; направление от имени Правительства Российской Федерации обязательных предписаний руководителям министерств и ведомств, государственных и негосударственных предприятий и учреждений, общественных организаций, чьи действия (или бездействие) порождают причины терроризма или обстоятельства, благоприятствующие совершению преступлений террористического характера». Однако эти положения не удалось сохранить¹⁸ в окончательной редакции закона ввиду настоятельных рекомендаций его высокопоставленных оппонентов, включая Президента Российской Федерации, отказаться от пересмотра действующего Положения о МВК. Автор считает, что данное обстоятельство нанесло существенный ущерб действенности профилактического потенциала закона.

Предложения и замечания по концепции проекта Федерального закона

«О борьбе с терроризмом» Исх. №5.1-243 от 24.03.97.

Стенограмма пленарного заседания ГД ФС РФ от 10.09.97.

Из проекта Федерального закона «О борьбе с терроризмом».

Эффективность профилактики терроризма в России во многом зависит и от того, насколько прицельно и наступательно реализуют профилактические антитеррористические меры в границах своей компетенции все участники борьбы с терроризмом. Последние и сами зачастую осознают важность таких мер. Например, руководство Федеральной авиационной службы России, рассмотрев проект Федерального закона «О борьбе с терроризмом», отметило: «На наш взгляд, следует расширить пределы участия в антитеррористической деятельности заинтересованных министерств и ведомств Российской Федерации и соответствующих структурных подразделений в субъектах Российской Федерации, предусмотрев в законопроекте их обязанность по созданию и поддержанию ведомственных превентивных мер противодействия совершению преступлений террористического характера»¹⁹.

Следует, однако, отметить, что далеко не все субъекты борьбы с терроризмом в Российской Федерации проявили государственный подход и столь высокий уровень осознания опасности, исходящей от терроризма. Так, болезненно отреагировала на предпринятое в законопроекте уточнение функций по борьбе с терроризмом Служба внешней разведки Российской Федерации. Руководство последней в своем отзыве на проект закона заявило: «Статья 9 проекта возлагает на СВР России новые задачи по обеспечению безопасности учреждений и граждан Российской Федерации за пределами России, что противоречит пункту 1 статьи 11 Федерального закона "О внешней разведке". По нашему мнению, вопросы компетенции СВР России, отраженные в проекте, не должны выходить за рамки полномочий, определенных Федеральным законом "О внешней разведке"»²⁰. Следует подчеркнуть, что если бы законодатель руководствовался приведенным мнением СВР России, он вынужден был бы возложить ответственность за осуществление борьбы с терроризмом в Российской Федерации лишь на два ведомства: ФСБ России и МВД России, так как задача противодействия терроризму в тех или иных формах до принятия Федерального закона «О борьбе с терроризмом» была законодательно закреплена лишь за ними (в Федеральных законах №40-ФЗ от 3.04.95 г. «Об органах ФСБ в Российской Федерации», №27-ФЗ от 6.02.97 г. «О Внутренних войсках Министерства внутренних дел Российской Федерации», а также Указе Президента Российской Федерации № 1039 от 18.07.96 г. «Об утверждении Положения о Министерстве внутренних дел Российской Федерации»). Одновременно необходимо иметь в виду, что Федеральный закон может расширить функции или перечень задач, решаемых министерствами и ведомствами в соответствии с ранее принятыми нормативными правовыми актами.

Таким образом, законодатель установил шесть основных субъектов борьбы с терроризмом в Российской Федерации: ФСБ России и ее территориальные органы, МВД России, СВР России и другие органы

внешней разведки, ФСО России. ФПС России и Министерство обороны Российской Федерации.

Однако задача реализации профилактической функции противодействия террористической угрозе в стране возлагается и на другие органы исполни-

¹⁹ Замечания и предложения по проекту Федерального закона «О борьбе с терроризмом». Исх. №1.32-310 от 21.03.97.

²⁰ Предложения и замечания по проекту Федерального закона «О борьбе с терроризмом». Исх. №190/187 от 26.09.97.

тельной власти, перечень которых определяется Правительством Российской Федерации. Эти органы, включая и их структуры в субъектах Российской Федерации, участвуют в борьбе с терроризмом, в частности, посредством: разработки и реализации профилактических, режимных, организационных, воспитательных и иных мер предупреждения, выявления и пресечения террористических акций; создания и поддержания в необходимой готовности ведомственных систем противодействия совершению преступлений террористического характера²¹.

На превенцию терроризма нацелена и статья 9 закона «Содействие органам, осуществляющим борьбу с терроризмом», в которой закрепляется обязанность органов исполнительной власти субъектов Российской Федерации, органов местного самоуправления, общественных объединений и организаций независимо от форм собственности, должностных лиц оказывать содействие органам, осуществляющим борьбу с терроризмом. В этой же статье определено, что «сообщение граждан правоохранительным органам о ставших известными им сведениях о террористической деятельности и о любых других обстоятельствах, информация о которых может способствовать предупреждению, выявлению и пресечению террористических акций, а также минимизации и ликвидации последствий указанных акций является гражданским долгом каждого».

Функция общей профилактики терроризма нашла свое отражение и в главе III «Проведение контртеррористических операций». И хотя она полностью посвящена вопросам регламентации пресечения акций терроризма, то есть организации и проведения специальных операций, однако в ее статье 14 «Ведение переговоров с террористами» устанавливается, что «при ведении переговоров с террористами в качестве условия прекращения ими террористической акции не должны рассматриваться вопросы о выдаче террористам каких бы то ни было лиц, передаче им оружия и иных средств и предметов, применение которых может создать угрозу жизни и здоровью людей, а также вопрос о выполнении политических требований террористов». По замыслу законодателя, закрепление серьезных ограничений в возможных уступках террористам должно убеждать потенциальных субъектов террористической деятельности в бесперспективности совершения актов терроризма для достижения целей, которые изначально недостижимы из-за политико-юридических барьеров, воздвигнутых государством.

Как уже отмечалось, Федеральный закон «О борьбе с терроризмом» не лишен недостатков. Выше говорилось о том, что на его качестве отрицательно сказалась неудачная формулировка диспозиции статьи 205 УК Российской Федерации. Поясним, в чем конкретно это проявилось.

При подготовке законопроекта к первому слушанию разработчики в статье 3 «Основные понятия» определили терроризм как «социально-политическое явление, заключающееся в противоправном насилии или угрозе его применения в отношении физических лиц и организаций, а также уничтожении (повреждении) или угрозе уничтожением (повреждением) имущества и других материальных объектов, осуществляемых в целях нарушения общественной безопасности, международного правопорядка или установленного порядка управления путем принуждения органов государственной власти

См.: Ст. 8 Федерального закона «О борьбе с терроризмом».

к принятию выгодных террористам решений». Однако в процессе обсуждения законопроекта от субъектов права законодательной инициативы поступило большое количество однотипных замечаний, в которых их авторы настоятельно рекомендовали разработчикам документа привести дефиницию «терроризм» в соответствие со статьей 205 УК Российской Федерации. К сожалению, эта позиция возобладала в Комитете ГД ФС РФ по безопасности, и в результате понятие «терроризм» было заужено до перечисления криминализированных актов терроризма, соответствующих статьям 205, 207, 277 и 360 УК Российской Федерации. Это не могло не привести и к сужению сферы приложения профилактической функции в борьбе с терроризмом.

И все же, Федеральный закон «О борьбе с терроризмом», обладая, вероятно, отдельными недостатками, создает, тем не менее, достаточную законодательную базу противодействия террористической угрозе, ориентируя правоприменительные органы на приоритетное использование профилактических мер борьбы с терроризмом. Насколько он будет эффективным — покажет время. Ведь в нашей стране написано так много хороших законов, которые так плохо исполняются.

Действительно, закон — не панацея от всех опасностей террористического свойства. Сама природа последних предполагает необходимость тщательного анализа генезиса террористических проявлений в целях построения адекватной и эффективной системы мер борьбы с этим социальным злом.

В чем же сущность терроризма? Иногда его называют «оружием слабого». Это, впрочем, не означает, что субъекты террористической деятельности всегда уступают своим оппонентам в технической или военной оснащенности. Так, например, террористические методы могут использоваться и узурпировавшими власть людьми, опирающимися в борьбе с собственным народом на мощь подчиненных им полицейских и военных структур. Когда говорят, что «террорист слаб», имеют в виду в первую очередь нелегитимность, антидемократичность, противоправность его действий с точки зрения международного законодательства. Изначально

ощущая невозможность достижения своих целей (устранения политических противников, захвата или удержания власти, завоевания национальной независимости и т.д.) конституционным, демократическим путем, субъект террористической деятельности прибегает к «запрещенным приемам», используя силу, устрашение, жестокие методы борьбы.

Зачастую к терроризму прибегают лица, партии, движения, которые, даже допуская возможность достижения декларируемых ими целей легитимным путем, просто не хотят ждать. Считая, что этот длительный процесс следует максимально ускорить, они в качестве катализатора последнего выбирают террористические методы.

Следует отметить еще одно важное обстоятельство, характеризующее природу терроризма, которое необходимо учитывать при организации борьбы с ним. Любой акт терроризма есть продукт взаимодействия неких терророген-ных субъективных и объективных обстоятельств. К первым следует отнести национальные, психологические, возрастные особенности субъектов террористической деятельности, мировоззрение, политические и религиозные взгляды экстремистской направленности, наличие криминального опыта и т.д. Объективными обстоятельствами, провоцирующими терроризм, являются кризисные явления в социальной, экономической, политической, правовой сферах

общественной жизни, нерешенность межнациональных проблем, отсутствие стратегически ориентированной и понятной населению внешней и внутренней политики, нарушения принципов демократии и другие. Террористическое проявление «вызывает» достаточно длительное время, при этом субъективные и объективные факторы взаимно подпитывают друг друга до тех пор, пока их качественно-количественные взаимодействия не приводят к акту терроризма.

Если согласиться с представленной картиной генезиса террористических проявлений, следует признать, что борьбу с этим социальным злом нужно вести по трем направлениям: во-первых, воздействовать на субъективные факторы, осуществляя юридический всеобуч, проводя разъяснительную и воспитательную работу среди тех категорий населения, которые могут быть вовлечены на той или иной основе в экстремистские, противоправные процессы; во-вторых, выявлять, устранять, локализовывать или хотя бы максимально ослаблять негативное воздействие на людей тех факторов объективного свойства, которые детерминируют террористические проявления; в-третьих, вносить дисфункцию в процесс криминогенного взаимодействия субъективных и объективных факторов.

Какое из перечисленных направлений важнее? Однозначного ответа на этот вопрос нет, так как он будет зависеть от анализа конкретной социально-политической ситуации. Например, если речь идет о стабильном обществе с высоким уровнем развития экономики, широкими свободами для граждан, значительным духовным потенциалом, определяющим элементом в воспроизводстве террористических проявлений безусловно будут

девиантные процессы в психике и мировоззрении отдельных лиц (или их групп), прибегающих к терроризму для достижения каких-то значимых для них целей. Если же мы имеем дело с обществом нестабильным, для которого характерны жесткая политическая конфронтация, болезненные антагонистические процессы, кризисные явления, попытки органов власти решать любые проблемы преимущественно силовым путем, здесь активная роль в детерминации терроризма будет принадлежать объективным факторам. Следовательно, и воздействие в первом случае должно оказываться в первую очередь на лиц с отклоняющейся психикой и поступками, а во втором — на факторы объективного свойства, то есть на сами условия общественной жизни.

К сожалению, Российская Федерация сегодня являет пример неблагополучного общества, раздираемого социальными противоречиями, зараженного вирусами национализма и сепаратизма. Следует признать, что доминирующим базисным фактором в воспроизводстве экстремизма, насилия, общеуголовных преступлений и проявлений террористического характера является глубочайший и всеобъемлющий кризис, поразивший в последние годы буквально все сферы нашей жизни: экономику, политику, право, духовность, демографические процессы.

В этой ситуации реализация самых жестких карательных мер, подкрепленных самой обстоятельной правовой регламентацией борьбы с терроризмом, не решит проблемы, если не будут задействованы рычаги ликвидации самих социальных, экономических, политических, идеологических детерминант этого опасного, разрушающего нашу страну и жизнь наших граждан явления.

МЕЖДУНАРОДНЫЙ ОПЫТ

Правовой аспект

В. Е. Петрищев

Антитеррористическое законодательство за рубежом

Терроризм, превратившийся в конце XX столетия в серьезную угрозу для безопасности отдельных государств, регионов мира и всего мирового сообщества, поставил перед органами власти и законодателями различных стран проблему поиска путей построения адекватной данной опасности общегосударственной системы мер борьбы с терроризмом. Для достижения этой цели были предприняты и предпринимаются до настоящего времени усилия по совершенствованию уголовных законов в связи с все более разнообразящимися формами криминализации террористических проявлений, по созданию рычагов экономического, политического, правового воздействия на общественную ситуацию в направлении снижения вероятности террористических намерений, и ликвидации содействующих им факторов.

Представители спецслужб и правоохранительных органов, главы государств различных стран стали чаще встречаться специально с целью объединения усилий по борьбе с терроризмом, благодаря чему в этой сфере международного сотрудничества позиции отдельных государств постепенно

сближаются. В этой связи постепенно выстраивается перспектива сближения национальных антитеррористических законодательств вплоть до выработки единых и обязательных для всех государств международных правовых антитеррористических актов. Однако было бы нецелесообразно форсировать этот сложный, а потому требующий значительных усилий и времени процесс.

Во-первых, терроризм многообразен по своей природе, движущим силам, целям, формам. Он по-разному проявляет себя в различных странах и регионах мира. Следовательно, он требует создания такой же многообразной по формам и сферам приложения усилий адекватной системы мер противодействия. Во-вторых, каждая отдельно взятая страна по-разному ощущает угрозу терроризма, а сам терроризм имеет различные, характерные именно для данной страны объекты посягательства, что исключает возможность быстрой унификации национальных антитеррористических законодательств и их слияния в единый для всех государств комплекс правовых норм. В-третьих,

218

в современных условиях власти каждой страны, формируя и проводя в жизнь свою внутреннюю и внешнюю политику, руководствуются своими национальными интересами. В силу того факта, что эти интересы у разных государств различны, они могут не только не совпадать, но и противостоять друг другу. Данное обстоятельство накладывает свой отпечаток и на организацию антитеррористической деятельности в каждом отдельном государстве, что также исключает возможность простого суммирования усилий международного сообщества в противодействии любому террористическому проявлению. Здесь неминуем «двойной стандарт» в оценках террористической угрозы, подтверждающий эмпирическим путем выведенную формулу: «Каждому государству угрожает свой террорист».

Проиллюстрируем данное утверждение конкретной ситуацией, связанной с затяжным военно-политическим конфликтом между США и Ираком. 8 октября 1997 г. госсекретарь М. Олбрайт в соответствии с ежегодным ритуалом огласила список организаций, официально признанных Госдепартаментом террористическими. В этот список вошло 30 организаций из 17 стран. Госсекретарь объявила: «С сегодняшнего дня мы считаем преступлением любую форму дотации — предоставление финансов, оружия и другой ощутимой поддержки какой-либо из перечисленных организаций»¹. Характерно, что в оглашенном списке не было ни одной организации, дислоцирующейся на территории Ирака. Это не помешало, однако, в очередной раз объявить Ирак государством-спонсором международного терроризма. С учетом этого обстоятельства, Закон США «О борьбе с терроризмом и применении смертной казни» 1996 г. под страхом лишения свободы до 10 лет запрещает американским гражданам заключать и совершать финансовые сделки с партнерами из Ирака². Кроме того, в законе содержится требование к представителям США в международных финансовых институтах (международный банк реконструкции и развития,

Международная ассоциация развития, Международный валютный фонд и др.) использовать все свое влияние для противодействия предоставлению любых заемных средств «государствам-террористам»³, в число которых, помимо Ирака, американской администрацией внесены Иран, Куба, Ливия, Северная Корея.

Нетрудно убедиться в том, что США, объявив Ирак «государством-террористом» и используя для его экономической изоляции все возможности влияния на различные международные институты, в том числе и ООН, руководствуются своими национальными интересами, география которых, после разрушения Советского Союза и социалистического лагеря, приобрела глобальный характер. Это позволяет США укреплять свои позиции на Среднем Востоке, не пренебрегая никакими средствами, вплоть до использования массированных ракетных бомбардировок территорий отдельных стран.

Нет необходимости доказывать тот факт, что у иракцев, живущих в постоянном страхе налетов американской авиации, с понятием «международный терроризм» ассоциируется не их собственная страна, а именно США. И эту позицию иракцев вполне можно понять.

См.: Русский телеграф, 10.10.97. См.: Раздел 321 указанного Закона. См.: там же, раздел 327.

Однако жесткое противостояние между Ираком и США небезразлично и для других государств. Так, в крайне неблагоприятном положении оказалась в этой ситуации Россия. Каждый месяц и день санкций против Ирака, проведенных американцами через ООН и осуществляемых в силу принятых на себя обязательств, в том числе и Российской Федерацией, наносят колоссальный ущерб российской экономике, так как Ирак прежде традиционно был надежным стратегическим партнером нашей страны. Вместе с тем, если даже абстрагироваться от политических, экономических и геополитических интересов России, ущемляемых в угоду американской стороне при поддержке антииракских санкций, и рассматривать конфликт между США и Ираком исключительно под углом зрения противодействия международному терроризму, можно продемонстрировать объективное наличие элементов такового именно в действиях США. Амбициозные заявления представителей высшего эшелона американской исполнительной власти о том, что США не нуждаются в санкциях Совета безопасности ООН для нанесения ракетно-бомбовых ударов по Ираку, свидетельствуют о преследовании американцами на Среднем Востоке исключительно собственных целей, никак не связанных с устранением якобы существующей угрозы безопасности всему международному сообществу. Кроме того, действия американских властей явно неадекватны тем гипотетическим опасностям, которые, по утверждениям Вашингтона, воспроизводит режим Саддама Хусейна. Фактический отказ США решать возникающие разногласия с Ираком исключительно политическим путем и наращивание американского военного присутствия в Персидском заливе, очевидно, рассчитаны на устрашение иракцев и направлены на устранение нынешнего

главы Ирака от власти любым путем. Таким образом, налицо признаки международного государственного терроризма: во-первых, наличие явно политической цели в действиях США и, во-вторых, угроза применения насилия как устрашающего средства, посредством которого эту цель предполагается достичь.

На примере данной сложной конфликтной международной ситуации, в которой тесно переплетаются геополитические национальные интересы различных государств, в том числе и Российской Федерации, можно убедиться в справедливости тезиса о невозможности выработки и принятия однозначного, удовлетворяющего все страны понятия «терроризм».

Это не означает, однако, что изучение и анализ подходов различных стран как к пониманию сущности и содержания терроризма, так и к организации борьбы с этим опасным социально-политическим явлением бесперспективно с точки зрения научной и практической значимости. Напротив, изучение зарубежного опыта противодействия террористической угрозе, рассмотрение различных аспектов этой деятельности и разнообразных форм реагирования государства на факты подготовки, покушения и реализации террористических посягательств вооружают аналитиков инструментарием, позволяющим более объективно оценить существующие опасности террористического свойства и выработать наиболее эффективную именно для данной страны систему общегосударственных мер профилактики, выявления и пресечения акций терроризма.

Действительно, при всем разнообразии и исключительной уникальности и неповторимости национальных государственно-правовых систем противодействия терроризму, каждая из них формировалась под воздействием единого

220

комплекса внешних и внутренних факторов, к которым следует отнести: уровень и характер внешних угроз, состояние внутривнутриполитической, социально-экономической и криминальной обстановки, наличие и степень остроты внутренних конфликтов долговременного характера и различной природы, историю народа, национальные и религиозные обычаи и традиции, уровень общей и юридической культуры населения, состояние правовых институтов и т.д. Исследуя механизм воздействия этого комплекса обстоятельств на формирование антитеррористического законодательства в различных странах, можно попытаться применить его к аналогичному набору факторов, характеризующих обстановку в данном государстве, для получения оптимальной модели общегосударственной системы мер противодействия терроризму. Такой подход позволяет сэкономить время, силы и средства на эмпирической проработке возможных вариантов организации антитеррористической деятельности, максимально использовать зарубежный опыт законодательства и повысить научность и эффективность этого процесса в собственной стране.

Так, например, традиционно жестко реагирует на угрозу терроризма

национальное законодательство Турции. 12.04.91 г. в этой стране был принят Закон № 3713 «О борьбе с терроризмом», в статье 1 которого последний трактуется как «различного рода деятельность, проводимая одним человеком или группой лиц, являющихся членами организаций, которые при помощи одного из методов налета, насилия, сильного запугивания, пыток и угроз ставят своей целью изменение политического, правового, социального, светского и экономического устройства, закрепленных в конституции республики, подрыв государственных начал, национальной и государственной целостности, подвержение опасности существование государства и республики, подрыв авторитета государства (уничтожение или захват власти), нарушение основных прав и свобод, причинение вреда общественному строю и общественному здоровью».

Характерно, что при формировании идеологии Закона «О борьбе с терроризмом» турецкий законодатель применил достаточно широко распространенный и в других странах (Франция, ФРГ и др.) подход, в соответствии с которым вся совокупность криминализированных деяний террористического ряда подразделяется на две группы: 1) представляющие собой собственно проявления терроризма и 2) общеуголовные преступления, оцениваемые, однако, как террористические при наличии определенных квалифицирующих признаков. Так, Законом №3713 к терроризму отнесены преступления, предусмотренные статьями 171 и 172 Уголовного кодекса Турции. Вместе с тем, в соответствии со статьей 4 Закона террористическими считаются и преступления, указанные в §2 статьи 499, в статьях 145, 150-155, 157, 169 Уголовного кодекса Турции, а также в пунктах «В», «С», «Е» статьи 9 Закона № 2845 «О создании судов государственной безопасности и методах судебного разбирательства», если эти преступления совершены в террористических целях. Заметим, что если совершенное общеуголовное преступление признается террористическим, наказание за него может превышать предусмотренный санкцией соответствующей статьи верхний предел и способно достигнуть 36 лет строгого тюремного режима. Вероятно, турецкий законодатель, устанавливая такие суровые меры преследования террористов, имел целью не только и даже не столько гарантировать адекватно жесткое содеянному возмездие со стороны государства, сколько предупредить возможное совершение новых преступлений террористического ряда

со стороны лиц, склонных к экстремизму и насилию. Тот факт, что уголовное законодательство в целом и криминализация отдельных видов правонарушений в частности обладают профилактическим потенциалом, давно известен и эффективно используется в законотворческой деятельности, направленной на борьбу с терроризмом. Так, например, советник Генерального прокурора Российской Федерации профессор Э. Ф. Побегайло, комментируя в 1996 г. проект нового Уголовного кодекса Российской Федерации, отмечал, что в целях усиления именно общепрофилактической роли уголовного закона было принято решение поднять санкции за наиболее опасные преступления насильственного характера. В частности, ужесточены

меры наказания за акты терроризма⁴.

Другим примером острой реакции государства на разрастание угрозы терроризма может служить Перу, где 6.05.92 г. был принят Нормативный акт № 25475 «Преступления, связанные с терроризмом», где терроризм понимается как «провоцирование, создание или поддержание беспокойства, тревоги либо страха у населения или у какой-то его части»⁵.

Акт № 25475 устанавливает весьма жесткую ответственность за участие в террористической деятельности. Это обстоятельство объясняется и традициями национального перуанского законодательства, и фактом существования и активного функционирования в Перу различных террористических организаций и группировок («Сендеро луминосо», «Тупак Амару» и др.). Один лишь факт принадлежности человека к террористической организации карается лишением свободы на срок не менее 30 лет. Лидерам, руководителям, генеральным секретарям и лицам, занимающим в террористических структурах аналогичные посты «на национальном уровне», грозит пожизненное тюремное заключение.

Особенностью перуанского уголовного законодательства в части борьбы с терроризмом является сближение понятий «терроризм» и «измена родине». Такой вывод можно сделать, проанализировав содержание Нормативного акта №25659 от 13.08.92 г. «Преступления, связанные с изменой родине». Акт, весьма широко трактующий само понятие измены родине, сохраняет этот расширительный подход и при очерчивании круга субъектов данного преступления: «а) руководители террористической организации; б) члены вооруженной группы, банды, истребительных отрядов или аналогичных террористических формирований, занимающихся физической ликвидацией людей; в) лица, предоставляющие, обеспечивающие, распространяющие сообщения, сведения, планы, проекты и другую документацию террористам, обеспечивающие доступ террористов в здания и помещения, находящиеся в ведении или под охраной этих лиц, в целях совершения преступлений, связанных с изменой родине».

Можно предположить, что введение жестких уголовных санкций за действия, которые по своему содержанию не должны квалифицироваться как терроризм или измена родине (хранение нитрата аммония, предоставление планов или сведений и др.), продиктовано стремлением перуанского законодателя криминализировать те поступки, которые гипотетически могут рассматриваться как стадии подготовки акций террора. Следовательно, и здесь преследуется

См.: *Побегайло Э. Ф.* Терроризм и уголовная ответственность // Актуальные проблемы Европы, 1997. С. 199.

•Из ст.2 Нормативного акта №25475.

222

цель наделить закон по возможности наибольшей эффективностью в плане превенции терроризма.

Еще одним примером попыток властей Перу устранить угрозу терроризма на ранней стадии ее формирования может служить Нормативный

акт № 25880 от 26.11.92 г. «Оправдание преподавателями измены родине», который устанавливает суровое наказание вплоть до пожизненного заключения для преподавателей и учителей, внушающих своим ученикам идеи, оправдывающие терроризм.

На усиление превентивной антитеррористической функции перуанского закона направлен и особый порядок уголовно-процессуальных действий по делам, связанным с терроризмом. Такого рода дела рассматриваются военными трибуналами, на треть сокращаются сроки проведения судебного процесса, обвинительный приговор может быть вынесен в отсутствие обвиняемого, осужденные за преступления, связанные с терроризмом, не могут воспользоваться ни одной из привилегий, установленных Уголовным кодексом Перу и Кодексом исполнения наказаний Перу и т. д.

Полувековой опыт борьбы с терроризмом накоплен государством Израиль, которое столкнулось с этой проблемой практически с момента своего образования и до настоящего времени пытается найти наиболее эффективные пути ее решения. Еще в 1948 г. Временный государственный совет Израиля издал Указ «О предотвращении терроризма», в котором к разряду террористических организаций относились «группы людей, применяющие насильственные действия, способные привести к смерти человека или к нанесению телесных повреждений, или прибегающие к угрозе применения насилия». В последующие годы законодатель вводил новые правовые нормы, направленные на усиление борьбы с терроризмом и отвечающие изменяющейся военно-политической и криминальной обстановке в регионе.

Заметим, что проблема терроризма постоянно была и остается для Израиля острой. В значительной степени это объясняется враждебным отношением арабского населения в соседствующих с Израилем государствах и наличием дислоцирующихся на их территориях террористических организаций антиизраильской ориентации. Однако объективный анализ причин формирования такой неблагоприятной для израильтян ситуации приводит к необходимости констатировать тот факт, что и возникновение жесткого арабо-израильского противостояния, и проведение акций терроризма в отношении граждан Израиля организациями «Хамас», «Исламский джихад», «Хезболлах» и другими, по существу, являются продуктом агрессивной захватнической антиарабской политики, проводимой самим Израилем. К такому выводу пришел, например, заместитель декана Джорджтаунского университета Д. Ньюсам, который в статье «Эпизоды восстания», опираясь на конкретные факты, констатирует: «Краеугольным камнем израильской оккупации всегда было насилие... Израиль избивал, травил газом, производил массовые аресты, выселял людей, разрушал их жилища, вводил комендантский час, применял другие формы сурового массового наказания».

Израильское правительство и спецслужбы всегда остро реагировали на попытки совершения акций терроризма в отношении собственных граждан.

Так, весной 1972 г. руководитель «Моссад» Зви Шамир обратился к правительству

Голды Меир с требованием ответить адекватными террористическими санкциями на успешно проведенную палестинской организацией «Черный сентябрь» при поддержке экстремистов из «Японской красной армии» акцию, в ходе которой в тель-авивском аэропорту Лод были убиты 26 человек и 85 получили различные ранения⁶. После расстрела «сентябристами» осенью 1972 г. израильских спортсменов на XX Олимпийских играх в Мюнхене премьер-министр Израиля выступила перед нацией и публично пообещала использовать все средства для осуществления мести за смерть соотечественников. Примером реализации провозглашенной Израилем политики жестких мер в борьбе с терроризмом может служить проведенная 4.07.76 г. израильскими десантниками, разведчиками-коммандос группы «Саерет Голани» пехотной бригады «Голани» и соединением «269» («Саерет Миткаль») операция «Джонатан» по освобождению евреев-заложников, удерживавшихся палестинскими и западногерманскими террористами в угандийском аэропорту Энтеббе⁷.

Британская газета «Обсервер» в мае 1996 г. обнародовала следующий факт: в апреле 1996 г. несколько сотрудников созданного более 20 лет назад специального подразделения вооруженных сил Израиля «Егоц» под видом гражданских лиц прибыли на территорию Южного Ливана в Кванту, в район расположения лагеря ООН для беженцев, где, по мнению израильтян, скрывались боевики исламской террористической организации «Хезболлах». Разведчики «Егоц» передали по радиосвязи своему командованию точные координаты лагеря и покинули его территорию, после чего по нему были нанесены артиллерийские и авиационные удары. В результате погибло более 100 беженцев.

Декларируя и последовательно проводя на практике жесткую линию на неотвратимость возмездия за террористическую деятельность, правительство Израиля не останавливается на тактике рефлексивного противодействия состоявшимся террористическим посягательствам. Законодатель предпринимает попытки выявить и предупредить опасность на начальных стадиях ее формирования. Для реализации этой профилактической задачи принят ряд законов, в соответствии с которыми те или иные действия, способные благоприятствовать возникновению и осуществлению умысла совершить террористическую акцию, криминализированы. Так, например, израильским законодательством объявляются поддерживающими террористическую организацию, а потому преступными, действия, выражающиеся в устном или письменном восхвалении, одобрении или поощрении насильственных действий; хранении материалов, пропагандирующих деятельность террористической организации; демонстрации солидарности с террористической организацией (поднятие флага, демонстрация эмблемы или лозунга, распевание гимна в общественном месте) и т. п. действиях.

Профилактическую антитеррористическую направленность

законодательства Израиля можно проиллюстрировать с помощью анализа санкций за незаконное хранение и оборот оружия. При этом просматривается четкая тенденция: меры наказания дифференцированы в зависимости от степени вероятно-

См.: *Ревяко Т. И.* Террор и антитеррор: покушения, взрывы, убийства. Минск, 1997. С. 231. См.: *Миллер Д.* Коммандос: формирование, подготовка, выдающиеся операции спецподразделений. Минск: Харвест, 1977. С. 396-403.

224

сти гипотетического использования данного правонарушения в террористических целях.

Так, лицо, незаконно владеющее оружием или хранящее оружие, наказывается лишением свободы на срок 7 лет. Если оружие не просто хранится, а переносится или перевозится, санкция увеличивается до 10 лет. Лицо, незаконно производящее, импортирующее или экспортирующее оружие, осуждается к лишению свободы на срок 15 лет. Такая же санкция предусмотрена для лица, имеющего законное право на продажу или передачу оружия, если оно продает или передает оружие лицу, не имеющему права на его хранение.

Строгость превентивных мер, ориентированных на предупреждение широкого спектра преступлений, включая террористические, демонстрируется и жесткими санкциями за хранение холодного оружия. Например, Законом №33 1991 г. устанавливается, что лицо, хранящее нож за пределами своего дома и двора и не доказавшее правомерности такого хранения, наказывается лишением свободы на срок 5 лет. Заметим, что хранение и использование ножа в пределах своего двора противоправным не является. Интересно и то обстоятельство, что данная статья закона практически прекращает действие одного из основополагающих принципов права — презумпции невиновности, так как обвиняемый сам должен доказывать отсутствие у него злого умысла при хранении ножа вне места проживания.

Другой статьей того же закона предусматривается лишение свободы на срок 7 лет для лиц, занимающихся торговлей, изготовлением или ввозом ножей, не предназначенных для профессионального использования или с использованием в домашнем хозяйстве.

В качестве профилактической меры с позиций борьбы с терроризмом могут рассматриваться и установленные израильским уголовным законом санкции за проведение несанкционированных правительством инструктажа или обучение правилам пользования оружием и правилам выполнения военных упражнений или действий. При этом лишение свободы на срок 3 года грозит как тем лицам, которые тренируются или обучаются правилам пользования оружием и правилам выполнения военных упражнений или действий, так и тем, кто такую учебу проводит.

В израильском законодательстве нашел отражение и тот факт, что терроризм может проявляться не только в применении насилия, но и в угрозе

применения такого. Такого рода проявления представляют собой выражение психологического аспекта терроризма. В этой связи законодатель объявил преступными действия, выражающиеся в распространении, передаче или высказывании слухов или информации, способных вызвать страх и панику среди населения или нарушить общественное спокойствие, если лицо, распространяющее панические слухи, заведомо знало или имело основания полагать, что эта информация ложна⁸.

Как уже отмечалось, при формировании антитеррористического законодательства в той или иной стране большую роль играет национальная специфика, совокупность обстоятельств, определяющих общественно-политическую,

Аналогом этого законодательного положения в России является статья 207 УК Российской Федерации (заведомо ложное сообщение об акте терроризма).

криминальную ситуацию. Так, например, в Испании постоянным раздражителем общественного спокойствия являются акции баскской сепаратистской террористической организации «Эскауди та Аскатасуна» (ЭТА). В этой связи испанский законодатель, ориентируясь на формы и методы деятельности сепаратистов, представляющей серьезную опасность для безопасности государства и общества, сблизил понятия «вооруженная банда», «террористическая организация», «мятежная организация». Эти термины употребляются в испанском уголовном праве практически как синонимы, в диспозициях конкретных статей законов непременно используется их перечисление, причем санкции за участие в бандитской, террористической или повстанческой деятельности имеют одинаковые пределы.

Анализ испанского законодательства, с точки зрения оценки его эффективности в предупреждении акций терроризма, позволяет сделать вывод о его слабой дифференциации и недостаточной направленности на выявление и устранение факторов, благоприятствующих реализации террористических посягательств. Закон ориентирован главным образом на пресечение акций терроризма, а не на их профилактику. К антитеррористическим мерам профилактического характера можно было бы отнести пункт 5 статьи 515 Уголовного кодекса Испании, утвержденного Законом №10/1995 от 23.11.95 г., которым признается преступной и наказуемой деятельность незаконных объединений, «пропагандирующих дискриминацию, ненависть либо провоцирующих насилие в отношении отдельных лиц, групп или объединений по причине идеологических, религиозных различий, принадлежности их членов к определенной национальности, расе или этнической общности, полу, сексуальной ориентации, семейному положению, по заболеванию».

Если в израильском уголовном законе преступным считается уже сам факт несанкционированного государством хранения огнестрельного и даже холодного оружия, то в соответствии с испанским законодательством (ст. 573 УК Испании) «хранение оружия или боеприпасов, хранение или владение

взрывчатыми, горючими, зажигательными, удушающими веществами или средствами либо их компонентами, равно как и их производство, торговля, транспортировка или поставка в любой форме, а также установка или применение таких веществ, средств или соответствующих устройств и приспособлений» влекут за собой уголовную ответственность лишь при наличии дополнительных условий — «совершение перечисленных деяний лицами, принадлежащими к вооруженным бандам или террористическим организациям, оказывающими им содействие либо сотрудничающими с ними».

Более дифференцированным и гибким, с позиций реагирования на разнообразные угрозы террористического характера, представляется законодательство Италии. Понятие терроризма формально вошло в итальянский юридический лексикон после убийства 9.05.78 г. членами организации «Красные бригады» ранее похищенного ими председателя Христианско-демократической партии Италии Альдо Моро. В Италии был принят Закон № 191 от 18.05.78 г., в котором в самом общем виде терроризм определялся как систематическое применение насилия против личности и имущества в целях создания во всем обществе или в его части напряжения и неконтролируемого страха для достижения определенного политического результата.

226

Новая волна террористических акций, осуществленных левыми радикалами и неофашистами, привела к внесению дополнений в антитеррористическое законодательство. Законопроектом №625 от 15.12.79 г. («Срочные меры по защите демократического порядка и общественной безопасности») и Законом № 15 от 6.02.80 г. (так называемый Закон против терроризма) криминализировались действия организационного и подготовительного характера, имеющие перспективу перерастания в акции терроризма. В Уголовном кодексе Италии такие действия были закреплены в диспозициях статей 2701 (создание организаций с целью совершения акта терроризма и саботажа общественного порядка) и 280 (покушение с целью совершить акт терроризма или саботажа). При этом лица, обвиняемые в совершении преступлений террористического ряда, подлежали обязательному аресту, их временное освобождение не допускалось. Предварительное заключение рассматривалось в данном случае как мера социальной профилактики и инструмент усиления защиты общества от угрозы терроризма.

Были также предприняты попытки выработки позитивной нормы в зависимости от индивидуального поведения обвиняемых. Применение института деятельного раскаяния поощряло отход от террористической деятельности и включение в процесс противодействия терроризму его бывших сторонников и даже активных участников. Поощрительные нормы, содержащиеся в статьях 4 и 5 Законопроекта №625 от 15.12.79 г. и допускавшие снижение (вплоть до отмены) наказания обвиняемым в случае их деятельного сотрудничества с полицией и судебной властью, не только

ослабляли ряды террористов, | но и позволяли предупреждать совершение новых преступлений.

Эта профилактическая тенденция получила свое развитие в Законе № 304 от 29.05.82 г. («Меры по защите конституционного порядка»), больше извест- • ном как «закон в пользу раскаявшихся террористов», а затем и в Законах f №663 от 10.10.86 г. («Изменения к закону об уголовном порядке и о мерах по лишению и ограничению свободы») и № 34 от 18.02.87 г. («Меры в пользу лиц, отказавшихся от террористической деятельности»). Практика подтвердила правильность избранной итальянским законодателем линии в нормотворче-ской деятельности, которая, наряду с повышением профессионализма в деятельности полиции и следственных органов, а также постепенным ростом общественного осознания террористической опасности, к концу 80-х годов помогла ввергнуть итальянский терроризм в состояние глубокого кризиса.

Близко к итальянскому антитеррористическому законодательству по своей идеологии, выражающейся в гибком и адекватном реагировании на изменения во внутривнутриполитической, оперативной и криминальной обстановке, активном использовании поощрительных норм, а также по профилактической направленности законодательство ФРГ, пережившей всплеск терроризма в 70-х годы. Как отмечает профессор Э. Йессе из г. Хемница, «кульминационным моментом терроризма стал 1977 г., когда были убиты федеральный прокурор Загфрид Бубак, представитель правления Германского банка Юрген Понто, а также президент Союза предпринимателей Ганс Мартин Шляйер и его спутники» . Однако следует отметить, что власть и общество в ФРГ сумели верно оценить масштабы террористической опасности и консолидировали свои усилия

Йессе Э. Позиция по отношению к терроризму // Актуальные проблемы Европы, 1997. №4 С.121.

в борьбе с ней. Характерно, что в этой борьбе карательные меры играли далеко не ведущую роль. Главным направлением было выявление и устранение социальных и политических детерминант терроризма. И можно в этой связи согласиться с утверждением профессора Э. Йессе, что «прекращение деятельности террористических групп левого толка в Германии — в значительной степени результат развития демократии в ФРГ»¹⁰.

Подчеркнем, что и после прохождения пика террористической активности в Германии власти этой страны не ослабили внимания к проблеме борьбы с терроризмом, ориентируя на ее решение и законодателя. Так, 19.12.86 г. в ФРГ был принят Закон о борьбе с терроризмом. В статье 3 данного нормативного акта устанавливалось, что к террористическим относятся действия, преследующие цели: а) нанесения ущерба целостности, а также внешней или внутренней безопасности ФРГ; в) устранения, прекращения действия или подрыва конституционных основ; с) нанесения ущерба безопасности размещенным на территории ФРГ войскам иностранных государств-участников Североатлантического договора или

присутствующим в Земле Берлин войскам одной из трех держав. В качестве способов совершения акций терроризма перечислялись уже криминализованные Уголовным кодексом ФРГ деяния: преднамеренное убийство (§211 УК), убийство простого вида (§212), взятие заложников (§ 239в), квалифицированный поджог (§ 307), производство взрыва применением ядерной энергии (§310в, абз.1), злоупотребление ионизирующими лучами (§311а, абз.2), производство опасного для жизни затопления (§312) б нападение на воздушный транспорт (§316 с, абз.1), угрожающее общественной безопасности отравление (§319).

Закон вносил изменения в УК ФРГ (в частности, вводился § 129а — создание террористических объединений), в Закон о судоустройстве, в Четвертый закон об изменении государственного права. Процесс совершенствования антитеррористического законодательства был продолжен и в последующие годы. 9.06.89 г. принят Закон об изменении Уголовного кодекса, Уголовно-процессуального кодекса, а также о принятии положения о главном свидетеле обвинения в террористических преступлениях. В этом законе получили свое развитие понятия о наиболее часто используемых террористами способах совершения преступлений: похищение (§239а, абз.1 УК), взятие заложников (§239в), препятствие обеспечения населения жизненно важными продуктами (водой, светом, теплом, электроэнергией) (§318в, абз.2).

Закон от 9.06.89 г. вносил коррективы и в порядок проведения собраний. Этими изменениями законодатель преследовал цель если не исключить, то в значительной степени минимизировать возможность использования публичных собраний для провоцирования массовых беспорядков и совершения иных насильственных противоправных действий. Так, например, новая редакция § 17а Закона о порядке проведения собраний запрещает «иметь при себе во время проведения публичных собраний под открытым небом или по пути следования к месту их проведения оружие или предметы, которые могут быть использованы в качестве таковых»; «принимать участие или направляться на мероприятия в одежде, которая способна помешать установлению

Из материалов конференции «Терроризм — самая большая угроза мировому сообществу». Москва. 11-13.03.96.

228

личности»; «иметь при себе предметы, предназначенные для затруднения установления личности их владельца».

Статья 4 Закона от 9.06.89 г. устанавливает поощрительные нормы для участников террористических объединений, преследуемых в соответствии с § 129 УК ФРГ, в случае, если он проинформирует орган уголовного преследования о фактах, знание которых может способствовать задержанию преступника, раскрытию преступления и, главное, предотвращению новых преступлений. Главный прокурор ФРГ, с согласия коллегии по уголовным делам Федерального суда, может даже отказаться от уголовного преследования такого лица, если поступившая от него информация, особенно

в плане предотвращения будущих преступлений, делает это оправданным в сравнении с его собственными противоправными действиями.

То обстоятельство, что уголовное антитеррористическое законодательство ФРГ содержит много поощрительных норм, а санкции за совершение преступлений, связанных с применением политически мотивированного насилия, невысоки в сравнении с наказаниями, применяемыми в аналогичных ситуациях в других странах, свидетельствует о достаточно высоком уровне демократии и правовой культуры населения в германском обществе. Преимущественно профилактическая направленность уголовного закона в сфере борьбы с терроризмом также может служить примером для законодателей других стран.

Активная работа в плане повышения эффективности борьбы с терроризмом осуществляется законодателем США. Это обстоятельство объясняется повышенным вниманием американского руководства к проблеме противодействия террористической угрозе. Под личным контролем президента США развернута многоаспектная деятельность, направленная на выявление источников возможной опасности терроризма, моделирование чрезвычайных ситуаций, связанных с террористическими акциями, их предупреждение, локализацию и разрешение. Так, например, 26.02.97 г. в Конгрессе США был изложен обстоятельный доклад Б. Клинтона о возможностях правительства США по адекватному реагированию на террористические инциденты с использованием оружия массового поражения. В названном докладе, в частности, констатируется: «События последних лет указывают на повышение вероятности осуществления акций терроризма с использованием оружия массового поражения. В 1993 г. бомба взорвалась в Международном торговом центре в Нью-Йорке, в 1995 г. японские экстремисты предприняли успешную химическую атаку в токийском метро, в том же году взрывом бомбы уничтожен административно-культурный центр в Оклахома-Сити»¹¹.

Убедительную статистику, демонстрирующую нарастание угрозы терроризма, приводит Государственный департамент США: «В 1996 г. было совершено 296 актов международного терроризма... 311 человек было убито и 2652 ранено... Две трети террористических нападений представляли собой фугасные и зажигательные взрывы... Примерно одна четверть актов терроризма (73) были направлены против США... 24 американских гражданина погибли в результате нападений международных террористов в 1996 году...».

Report on Government capabilities to respond to terrorist incidents involving weapons of mass destruction-message from, the President of the United States // Материалы конференции «Международный терроризм: новые измерения». Москва. 24-36.03.97.

Стремясь адекватно реагировать на террористические угрозы, правительство США уделяет серьезное внимание созданию и поддержанию на должном уровне общегосударственной системы антитеррористических мер. К их реализации привлекаются Федеральное бюро расследований,

Министерство энергетики, Министерство обороны, Федеральное агентство по управлению в условиях чрезвычайной ситуации, Министерство здравоохранения и социального обеспечения, десятки других федеральных министерств и ведомств, их подразделения на местах, а также власти отдельных штатов.

Организационно-политические, предупредительные, режимные и иные меры обеспечиваются и серьезной законодательной проработкой проблем противодействия терроризму. Так, например, 24.04.96 г. в США был принят Закон о борьбе с терроризмом и применении смертной казни. В этом специальном законе, предусматривающем внесение изменений в уголовное право, судопроизводство по делам о терроризме, а также в ряд других нормативных актов Свода законов США, весьма подробно регламентируются правовые и организационные вопросы борьбы с международным и внутренним терроризмом. Реальность достижения декларируемой законом цели — сдерживания терроризма обеспечивается выделением крупных финансовых средств из федерального бюджета. При этом необходимые дополнительные ассигнования, направляемые на усиление борьбы с терроризмом, постатейно закрепляются в законе для нужд каждого из участников антитеррористической деятельности: ФБР, Таможенной службы, Службы иммиграции и натурализации, Министерства юстиции и других.

Существенно, что новый закон ужесточает ответственность за совершение акций терроризма и расширяет полномочия спецслужб и правоохранительных органов США в борьбе с этим опасным социально-политическим и криминальным явлением. В разделе VII (изменения в уголовном праве, касающиеся борьбы с терроризмом) статьей 702 в главу 113 В раздела 18 Свода законов США, относящуюся к терроризму, вносится новая статья 2332в. В последней к акциям терроризма, распространяющимся за пределы государственных границ США, законодатель относит следующие преступления: «убийство, похищение, нанесение увечья, нападение, повлекшее за собой тяжелые телесные повреждения, или нападение с применением опасного оружия в отношении любого лица в пределах США; создание существенного риска нанесения серьезных телесных повреждений любому другому лицу путем разрушения и нанесения ущерба любому строению, транспортному средству либо другому недвижимому или личному имуществу в пределах США, а также попытки и сговор совершить такого рода деяния», если эти деяния «рассчитаны на оказание давления или нанесения ущерба действиям правительства путем угроз и шантажа, либо путем принуждения, или рассчитаны на осуществление мер возмездия, направленных против действий правительства». Указав в качестве квалифицирующего признака цель совершения противоправных действий, направленных против правительства, и относящихся в этой связи к «преступлениям по федеральному уголовному праву, связанным с терроризмом», законодатель дает достаточно широкий перечень деяний, уже криминализированных действующим законодательством (более 30). Таким образом, если эти преступления совершаются с целью оказания давления на

правительство США, в качестве мести ему или

230

для затруднения его нормальной деятельности, они автоматически относятся к разряду террористических и влекут за собой более высокое наказание.

Американский законодатель продемонстрировал понимание проблемы возрастания угрозы новых форм терроризма, связанных с привлечением современных технологий. Эта проблема является действительно крайне актуальной и требует адекватной реакции и правительств отдельных стран, и всего мирового сообщества. Так, исследования российских и зарубежных специалистов свидетельствуют, что использование оружия массового поражения в террористических целях является не просто гипотетически допустимой возможностью, но и стало уже реальностью. Еще в 1972 г. в США при аресте членов пра-возэкстремистской группы «Орден восходящего солнца» у них было изъято 36 кг культуры возбудителей тифа, посредством которой предполагалось отравить системы водоснабжения Чикаго, Сен-Луи и других городов запада США. У членов другой неонацистской группировки в США в 1975 г. изъяли 115 кг цианидов, предназначенных для использования в аналогичных целях в Нью-Йорке и Вашингтоне. В 1984 г. в Париже, на квартире, снимаемой членами леворадикальной группы Майнхов из ФРГ, полиция обнаружила множество флажков, содержащих культуру бактерий, вырабатывающих токсин ботулизма. При осуществлении упоминавшейся уже террористической акции в Международном торговом центре в Нью-Йорке в 1993 г. преступники начинили бомбы цианистым натрием (он не сработал из-за испарения ввиду высокой температуры взрыва). Во время ведения боевых действий в Чечне в 1995-1996 гг. Дудаев, а затем и террорист Радуев неоднократно заявляли о готовности использовать оружие массового поражения для уничтожения россиян¹².

В Законе о борьбе с терроризмом и применении смертной казни нашло отражение и утверждение о том, что в руки террористов могут попасть оружие массового поражения или компоненты для его создания. Однако констатация в пункте 7 статьи 501 закона того факта, что «продажа таких материалов из Евразии и Восточной Европы часто осуществляется на черном рынке на территории ФРГ, балтийских государств, республик бывшего Советского Союза и Центральной Европы», вызывает серьезные сомнения с точки зрения объективности. В подобного рода голословных утверждениях прослеживается некий политический прицел. Кстати, такой же вывод напрашивается и при ознакомлении с докладом «Российская организованная преступность», подготовленным Центром стратегических и международных исследований США под общим руководством бывшего директора ЦРУ и ФБР У.Х.Уэбстера в августе 1997 г. Постоянно муссируя вопрос о снижении в Российской Федерации контроля за ядерными материалами, авторы проекта не приводят ни одного конкретного факта попыток передачи таких материалов преступным элементам, если не считать ссылки на случай в Майями, когда там в июле 1997 г. «были арестованы два литовца,

пытавшиеся продать тактическое ядерное оружие переодетому сотруднику американской таможни»¹³. Пример также малоубедителен, если

¹¹ См.: Проблемы борьбы с химическим и биологическим терроризмом // Химическое оружие и проблемы его уничтожения, 1997. № 3. С. 32-14.

Доклад ЦСМИ «Российская организованная преступность», глава 4 «Актуальность проблемы организованной преступности», раздел «Дестабилизация в России: ослабление контроля за ядерными материалами».

принять во внимание отсутствие в нем какой бы то ни было конкретики. Явно политические цели преследуются и в законодательном закреплении установок о недопустимости оказания помощи государствам, которые определены руководством США как государства, поощряющие терроризм (см., например, статьи 321, 324-327 закона).

Впрочем, присутствие политической конъюнктуры в мотивации актуальности борьбы с ядерным, химическим или бактериологическим терроризмом не умаляет сущностных достоинств Закона о борьбе с терроризмом и применении смертной казни, которые, на мой взгляд, заключаются в детальной прогностической проработке возможных террористических угроз с использованием оружия массового поражения, а также в подробной регламентации профилактических мер, нацеленных на недопущение совершения масштабных акций терроризма, способных привести к огромным человеческим жертвам.

Профилактика терроризма, использующего взрывчатые вещества, современное вооружение и технологии, достигается американским законодателем путем усиления режимных мер и повышения ответственности за их поддержание, а также за счет криминализации действий, которые либо являются подготовительными стадиями в организации акций терроризма, либо благоприятствуют совершению таких действий или акций. Так, например, статья 503 закона обязывает генерального прокурора и министра обороны осуществлять личный контроль за количеством и объемом краж с военных складов огнестрельного оружия, взрывчатых веществ и других материалов, которые потенциально могут быть использованы террористами, а также представить в шестимесячный срок конгрессу США доклад, содержащий заключения и выводы по данной проблеме.

Статья 511 закона ужесточает наказания за незаконный оборот биологического оружия и усиливает контроль за его хранением и применением в научных целях. В частности, на министра здравоохранения и социального обеспечения возлагается ответственность за составление, утверждение и по мере необходимости уточнение списка биологических препаратов, представляющих потенциальную угрозу общественному здоровью и безопасности. Министр должен также организовать выработку и осуществление мер безопасности при передаче и использовании опасных биологических веществ, для чего он обязан обеспечить: квалифицированную подготовку и выработку соответствующих навыков в обращении с такими веществами; надлежащее лабораторное оборудование для их хранения; меры, исключающие доступ к ним лиц, намеренных использовать биологические

вещества в террористических целях; меры, нейтрализующие возникающую опасность в случае хищения опасных биологических веществ.

В VI разделе закона обстоятельно регламентируются меры по выполнению Конвенции о пластиковых взрывчатых веществах¹⁴.

Конвенция о маркировке пластических взрывчатых веществ в целях их обнаружения разработана Международной организацией гражданской авиации — специализированным учреждением ООН в целях борьбы в первую очередь с террористическими акциями на борту воздушных судов, осуществляемых посредством взрывов. Толчком к разработке конвенции послужил взрыв бомбы на борту рейса 103 компании «Пан Ам» над Локерби (Шотландия) в декабре 1988 г. Конвенция подписана 1.03.91 г. в Монреале. Следует подчеркнуть, что значение данного международного нормативного

В последнее время серьезную озабоченность вопросами борьбы с терроризмом проявляет лейбористское правительство Т. Блэйра в Великобритании. Актуальность этой проблемы объясняется, в первую очередь, наличием затянувшегося этноконфессионального кризиса, возникшего в конце 60-х годов (хотя его исторические корни расположены еще глубже) в Северной Ирландии и переросшего в острый социально-политический конфликт с использованием для его разрешения методов терроризма обеими сторонами: Ирландской республиканской армией и партией Шин Фейн у католиков, ультраюнионистскими, роялистскими партиями и военизированными организациями Ольстера — у протестантов. Как отмечает М. Е. Орлова, «в Ирландии сложилась традиция исторической оправданности обращения к оружию для защиты своих этнокультурных ценностей»¹⁵.

Помимо наличия проблем внутреннего характера, Великобритания в последние годы все чаще ощущает на себе и угрозу международного терроризма. Согласно опубликованной официальным Лондоном статистике, за последние 20 лет в Великобритании зарегистрировано 80 актов международного терроризма. Ярким примером перенесения акций глобального терроризма на территорию Соединенного Королевства может служить упоминавшийся уже взрыв рейса 103 компании «Пан Ам» над шотландским г. Локерби 21.12.88 г., причиной которого явилась пластиковая бомба, вмонтированная в корпус бытового магнитофона¹⁶.

Деятельность британских спецслужб и правоохранительных органов в сфере борьбы с терроризмом регламентируется в основном двумя временными правовыми актами: Законом о чрезвычайных полномочиях в Северной Ирландии 1973 г. и Законом о предотвращении терроризма 1974 г. Оба названных закона возникли как реакция властей Великобритании на участвовавшие проявления политического экстремизма и терроризма в Северной Ирландии. Они принимались в качестве временных правовых актов, позволявших силам безопасности более решительно бороться с терроризмом в провинции. Однако ввиду того, что конфликт в Северной Ирландии принял затяжной характер, британский парламент вынужден был

неоднократно продлевать срок их действия, одновременно внося в них необходимые дополнения и изменения.

Вкладом законодателя Великобритании в организацию общегосударственных и международных мер борьбы с терроризмом является разработка и принятие специальных законов, регламентирующих вопросы реализации установок международных антитеррористических конвенций. Так, 30.06.78 г. был принят Закон о борьбе с терроризмом, введивший в действие на территории Соединенного Королевства Европейскую конвенцию по борьбе с терроризмом. Последняя была разработана в рамках Совета Европы, подписана в Страсбурге 27.01.77 г. и вступила в силу 4.08.78 г. Как отмечают некоторые исследователи, «главной целью конвенции является обеспечение того, чтобы некото-

акта выходит за рамки борьбы с воздушным терроризмом, так как позволяет повышать эффективность предупреждения и раскрытия любых террористических акций, совершаемых с использованием взрывчатых веществ.

Орлова Ы. Е. Политический экстремизм и терроризм в Ирландии в период ольстерского кризиса (конец 60-х — 90-е годы) // Актуальные проблемы Европы, 1997- №4. С. 85. ¹⁶ См.: *Ревяко Т. И.* Террор и антитеррор: покушения, взрывы, убийства. Минск, 1997. С. 324.

рые преступления не рассматривались как политические преступления или преступления, связанные с политическими преступлениями либо вызванные политическими мотивами, для целей выдачи»¹.

Международная конвенция о борьбе с захватом заложников, принятая в качестве приложения к резолюции 34/146 от 17.12.79 г. Генеральной Ассамблеи ООН, введена в действие в Соединенном Королевстве 13.07.82 г. Законом о захвате заложников.

Закон О борьбе с терроризмом 1989 г. особым разделом выделяет ответственность за финансовую помощь террористам. Всякое лицо, которое субсидирует террористическую деятельность либо склоняет к этому других лиц, считается виновным в принадлежности к терроризму. Законодатель вводит новые нормы судопроизводства. Так, существенно упрощается процедура рассмотрения уголовных дел, связанных с террористической деятельностью. Отменено право на ведение таких дел в суде присяжных, в течение установленного срока задержанные лишаются возможности встречаться с адвокатом, ограничивается их право освобождения под залог. Более того, вероятно, ввиду чрезвычайности ситуации в сфере борьбы с политическим и этноконфессио-нальным терроризмом, в Соединенном Королевстве законодатель практически отменил принцип презумпции невиновности, ибо любое лицо, обвиняемое в принадлежности к терроризму, в случае обнаружения у него оружия, боеприпасов или взрывчатых веществ обязано само доказывать, что эти предметы не предполагалось использовать для совершения акций терроризма.

В рамках широкомасштабной реформы и обновления законодательной базы в Соединенном Королевстве принято решение о разработке и принятии

через парламент общенационального и постоянно действующего закона о борьбе с терроризмом. Основу этого документа составят предложения, подготовленные комиссией лорда Ллойда, специально созданной в этих целях в декабре 1995 г. Предполагается, что новый закон расширит толкование термина «террористическая деятельность», подведя под эту дефиницию «действия, выражающиеся в применении опасных насильственных действий для достижения политических, социальных или идеологических целей».

В 1986 г. во Франции принят Закон о борьбе с терроризмом и посягательствами на государственную безопасность. В отличие от большинства зарубежных аналогов, французский антитеррористический правовой акт не дает общего определения терроризма. Отнесение того или иного преступления, уже криминализированного другими статьями Уголовного кодекса Франции, к разряду террористических, определяется двумя условиями: во-первых, это преступление должно совершаться с умыслом опасного нарушения общественного порядка; во-вторых, при его совершении используются методы террора (запугивания).

Закон ввел в Уголовно-процессуальный кодекс Франции новую главу (глава 15), посвященную регламентации особого порядка ведения дел о терроризме. В частности, оговаривается, что срок задержания лица, подозреваемого в террористической деятельности, может быть продлен вдвое (с 48 до 96 часов).

В 1987 г. к закону 1986 г. французским законодателем была принята поправка, в соответствии с которой действие закона распространялось и на преступления, совершенные до его принятия. Таким образом, закон приобретал

Морозов Т. И. Терроризм — преступление против человечества. М., 1997. С. 69.

234

обратную силу, что, будучи юридическим нонсенсом, свидетельствовало о серьезном отношении властей Франции к угрозе терроризма. Вместе с тем, как и в антитеррористических законодательствах Италии, ФРГ и некоторых других стран, предусматриваются поощрительные нормы для лиц, которые, будучи причастны к террористической деятельности, помогают органам правоохраны или судебным властям задержать исполнителей или соучастников совершения акции терроризма либо предупреждают их о готовящемся преступлении в целях принятия исчерпывающих мер для предотвращения совершения террористических акций.

Таким образом, законодатели всех стран, осознавая высокую общественную опасность и глобальные масштабы террористической угрозы, стремятся совершенствовать национальные антитеррористические законодательства, соизмеряя правовые нормы и меры борьбы с терроризмом со спецификой его проявлений в конкретной стране. В свою очередь, анализ зарубежного опыта законодательства в сфере борьбы с терроризмом

позволяет в известном смысле облегчить аншюгичный процесс в собственной стране. Более того, такой подход, при котором выработка правовых антитеррористических норм в национальном законодательстве сверяется с достижениями в этой области в зарубежных государствах, позволяет привлечь прогрессивные, полезные и апробированные практикой алгоритмы борьбы с терроризмом и двигаться по пути сближения национальных антитеррористических законодательств во всем мире. Именно такой подход был избран российским законодателем при разработке отечественного Федерального закона «О борьбе с терроризмом», вступившего в силу 4.08.98 г.

Военный аспект

В.Л.Суворов

Мировой опыт антипартизанских
и антиповстанческих действий армии
как формы борьбы с терроризмом

События последнего десятилетия в различных регионах нашей планеты, в том числе и на территории России, показывают, что одной из самых опасных угроз для человечества становится международный терроризм. Опасность его в современном мире заключается в том, что объединяясь в транснациональные террористические организации, экстремисты используют сегодня любые возможности для вмешательства во внутренние дела того или иного государства, в том числе и открытое вооруженное противостояние. Примером тому является война на Кавказе, которая во многом была спровоцирована и ведется на деньги международных террористических центров.

В создавшейся обстановке у многих ученых и политиков, дипломатов и военных возникает вопрос о роли, задачах и формах использования армии в борьбе с международным терроризмом и экстремизмом. Одним из основных способов противодействия этим явлениям, как показывает мировой опыт, являются противопартизанские и противоповстанческие действия.

Противопартизанские и противоповстанческие действия — комплекс военных, разведывательных, политических, психологических и административных мер, проводимых силами специального назначения совместно со всеми видами вооруженных сил, полицейских формирований и местной администрацией на территории, охваченной партизанским и повстанческим движением. Впервые этот термин был использован и закреплен в уставе морской пехоты США ГМ 31-11 «Операции против партизанских сил» на основе опыта боевых действий во Вьетнаме. Впоследствии это понятие получило более широкую трактовку и стало использоваться для описания различных форм ведения «неконвенционной войны» между регулярными вооруженными силами и иррегулярными.

В современной зарубежной и отечественной науке понятие «противопартизанские и противоповстанческие действия» рассматривается в рамках теории борьбы с иррегулярными (повстанческими) силами, к которым во многих странах принято относить партизан и специальные

(разведывательно-диверсионные) формирования противоборствующей стороны. По мнению военных экспертов, основными направлениями этой теории являются вопросы защиты (охраны и обороны) территорий и важных объектов, режимные и контрразведывательные мероприятия, действия по выявлению и уничтожению иррегулярных (повстанческих) сил, а также диверсионно-подрывная деятельность.

236

В число основных действий по выявлению и уничтожению повстанческих сил в соответствии с современной теорией входят разведка и непосредственно боевые действия войск. При этом данные, добытые разведкой, должны обеспечивать, по мнению специалистов, ведение боевых действий против повстанческих сил и создание благоприятных условий для их локализации и ликвидации. С этой целью могут привлекаться силы и новейшие технические средства агентурной, войсковой, воздушной, радио- и радиотехнической разведки.

В качестве способов ведения боевых действий против партизан и других специальных формирований используются: окружение, наступление с последующим переходом к преследованию; засады и налеты; установка минно-взрывных заграждений: штурмовые атаки боевых вертолетов.

Важная роль в борьбе с повстанческими формированиями отводится ди-версионно-подрывной деятельности, включающей психологические операции, дезинформацию, антитеррор и осуществление мероприятий с использованием сил специальных операций. Цель указанных действий — ослабить силу и влияние на местное население иррегулярных сил и отколоть от движения сопротивление.

Появлению современной теории борьбы с иррегулярными (повстанческими) силами предшествовала многовековая история этого явления, которая восходит ко второй половине первого тысячелетия до н. э. Уже тогда в Древнем Китае в ходе многих крестьянских восстаний формируются основы искусства ведения непрямых боевых действий против партизан и повстанцев. В дальнейшем развитию этих взглядов способствовали «малые» войны в Римской империи (III-1 века до н. э.), Иудее (167 г. до н. э.), Индокитае (VI век до н. э.) и других странах, в которых хорошо подготовленные и организованные войска несли значительные потери, сталкиваясь с повсеместным яростным сопротивлением населения, плохо вооруженного и экипированного, но непокорного и непредсказуемого в своих действиях.

Значительные изменения в теории ведения противопартизанских и противоповстанческих действий произошли на рубеже XVIII-XIX веков, когда иррегулярные войска наряду с регулярными стали широко использоваться государствами для ведения оборонительных действий против страны-агрессора. Именно с такого рода боевыми действиями столкнулась сначала Франция в ходе захватнических войн с Испанией, Россией, Пруссией в конце XVIII - начале XIX века, а затем и многие другие государства, особенно в периоды I и II мировых войн.

Развитие стратегии и тактики ведения «нестандартных» боевых действий, связанных с борьбой против партизан и повстанцев происходило не только в ходе войн между крупнейшими европейскими державами, но и в процессе вооруженных конфликтов в других регионах мира. Фактически в течение десятков и сотен лет на огромных пространствах Азии, Африки и Америки шла «малая мировая война», в которой каждая из сторон придерживалась своего способа ведения боевых действий, одним из которых являлась проти-вопартизанская борьба. Противостояние афганцев английским колонизаторам, масштабные партизанские действия крестьянских армий в Мексике, повстанческие движения на Кубе, в Южной Америке и других частях света дают

нам ярчайшие примеры использования иррегулярных формирований против регулярной армии.

Определенный интерес для анализа различных аспектов противопартизанской и противоповстанческой деятельности представляет отечественный исторический опыт. Показательны в этом отношении действия русской армии на Кавказе, длившиеся почти половину прошлого столетия. В их ходе войска генерала А.П.Ермолова в тяжелой и изнурительной борьбе с горцами осваивали тактику ведения боевых действий с повстанцами. По мнению ученых, война на Кавказе дала значительный опыт боевого взаимодействия армии с казацкими формированиями, которые в условиях России прошлого века можно рассматривать как разновидность внутренних войск. При этом наибольшей эффективностью отличались мобильные рейдовые действия сводных отрядов из линейной пехоты и казаков.

Следующим этапом развития отечественной теории и практики противоповстанческой деятельности явилась борьба с басмачеством и 20-30-е годы XX столетия. Основанная на ведении боевых действий с различными бандформированиями как на окраинах России (Туркестан), так и в центральных районах (Тамбовская губерния и т. п.), система борьбы с бандитизмом включала в себя такие приемы, как занятие мятежных сел и городов, создание и действие истребительных и летучих отрядов, прочесывание и окружение района, а также применение авиации. При этом главной задачей войсковых операций, по мнению разработчика этой системы главкома вооруженных сил С. С. Каменева (1923 г.), являлось провоцирование партизан к уголовным и грабительским действиям, чтобы в конечном итоге лишить их поддержки местным населением, а следовательно, — и среды существования и воспроизводства.

Дальнейшее развитие отечественная теория противоповстанческой борьбы получила в ходе Великой Отечественной войны и в первые послевоенные годы, когда антисоветские повстанческие движения в прибалтийских республиках, на Кавказе, в западных районах Украины и Белоруссии, а также некоторых центральных областях (Брянская, Владимирская и т.д.), в течение нескольких лет являлись самостоятельным фронтом вооруженного противостояния. На обширных пространствах СССР шло необычайно жестокое и непримиримое противоборство советских

регулярных войск и специальных сил с мелкими партизанскими группами и отрядами, ставившими перед собой цель добиться активным затяжным сопротивлением восстановления довоенного статус-кво этих территорий.

Значительный вклад в формирование взглядов на эту проблему внесли войны и вооруженные конфликты послевоенной и современной эпохи, связанные, как правило, с вмешательством крупных государств, таких, как США, Великобритания, Франция в дела развивающихся стран. Это вмешательство представляло собой набор разноплановых акций — от свержения национальных правительств (Иран, Гватемала, Пакистан, Таиланд) до создания системы военных блоков и проведения вооруженных интервенций. При этом важно отметить, что, несмотря на сохранение общей стратегии ведения противоповстанческих операций в малых войнах 50-90-х годов, тактика их претерпевала определенные изменения. Это выразилось в том, что маневренные формы борьбы в них все больше стали превалировать над позиционными. Так, длительное

238

позиционное противостояние сторон отмечалось, по мнению специалистов, только во время войны в Корее, во всех других войнах и конфликтах подобные явления если и встречались, то только кратковременно. Кроме того, войны в Афганистане и в Персидском заливе, вооруженные конфликты на территории постсоветского пространства и на Балканах, боевые действия в Чечне обозначили контуры совершенно нового этапа в развитии теории и практики «малых войн». Его главная особенность заключается в коренном изменении характера и правил вооруженной борьбы, отказе от традиционных приемов вооруженного противоборства, на смену которым приходят иные формы ведения боевых действий, сочетающие как элементы общевойскового боя, так и методы противопартизанских и противоповстанческих действий.

Вряд ли явятся исключением из этой закономерности и возможные малые войны будущего. По мере возрастания мощи и быстродействия оружия, маневренности войска, из арсенала тактики все больше будут исчезать такие спутники позиционного противоборства, как прорыв, а также применение сплошной, глубоко эшелонированной обороны. Со временем, по мнению ученых, уйдет в прошлое определенный методизм в действиях войск, изменится «геометрия» поля боя, все больше приобретая «многомерный» характер.

Более того, по взглядам военных политологов, в XXI веке произойдут значительные изменения не только в тактике ведения, но и в содержании самих «малых» войн. По мере того, как методами ведения партизанской борьбы все больше овладевают различные сепаратистские и религиозные террористические вооруженные формирования, не имеющие определенной государственной принадлежности, характер ведения противопартизанских и противоповстанческих действий все больше будет приобретать антитеррористическую направленность, не имеющую строгих национальных границ и традиционных правил.

Обеспокоенность этой нарастающей тенденцией заставляет правительства различных государств принимать превентивные меры для решения этой проблемы. С этой целью во многих из них выработаны правовые механизмы, позволяющие эффективно вести противопартизанские и противоповстанческие действия. Их основные положения нашли отражение в боевых уставах и наставлениях вооруженных сил. К примеру, в США к таковым относятся боевые уставы армии США — FM 31-21.1955 «Партизанская война»; FM 31-21.1961 «Партизанская война и операция войск специального назначения»; FM 100-19.1993 «Внутригосударственные операции» и др.

Формирование нормативно-правовой базы, как правило, сопровождается постоянными изменениями в вопросах строительства вооруженных сил. В области подготовки армии западных государств к участию в малых войнах (противоповстанческой и противопартизанской борьбе), которые велись и ведутся в основном на большом удалении от их собственных территорий, первостепенное значение, по мнению специалистов, приобретают проблемы мобилизационной готовности экспедиционных сил, их стратегической и тактической мобильности, организационной структуры, управления и материально-технического обеспечения в разнообразных, порой специфических условиях различных театров военных действий.

В соответствии с этими установками в каждом государстве существуют силы и средства, предназначенные для ведения боевых действий подобного рода. К примеру, в США к таковым относятся силы специальных операций, которые имеются как в сухопутных войсках, так и в ВВС и ВМФ. Основу ССО (сил специальных операций) вооруженных сил США составляет объединенное командование специальных операций, в которое входят все соответствующие части и подразделения регулярных войск и резервов видов вооруженных сил. Основное штатное вооружение и имущество формирований специального назначения в сухопутных войсках — это стрелковое оружие, комплекты взрывных устройств, оптико-электронные приборы, средства радио- и спутниковой связи, легковые автомобили, парашютно-десантное снаряжение, а также легкие многоцелевые самолеты и вертолеты различных типов, таких как Ан-6 (огневой поддержки), Ми-6 и Ми-60 (разведывательные) и т.п.

Вооружение и оснащение ССО ВВС включают штурмовики специального назначения АС-1 ЗОН «Спектр», диверсионно-транспортные самолеты МС-130Е «Комбат Талон», самолеты ИС-130Р «Комбат Шэдоу», используемые для проведения поисково-спасательных операций, и т.д. Силы специальных операций ВМС США, состоящие из разведывательно-диверсионных отрядов, отрядов специальных транспортных средств, эскадры катеров специального назначения и т. п., также имеют соответствующее вооружение и оборудование. К ним относятся катера специального назначения, десантные корабли и специально оборудованные атомные подводные лодки типа «Стерджен», «Этен Атлен» и т.п.

В последние годы значительная роль в проведении специальных операций ВС западных государств отводится невоенным методам ведения противопартизанской и противоповстанческой деятельности. Усиление роли невоенных средств борьбы связано, по мнению специалистов, с тем, что, в отличие от обычной войны, «победа» в противоповстанческой борьбе означает не физическое уничтожение противника, а создание в стране (на территории) таких условий, в которых достижение повстанцами своих политических целей становится практически неосуществимым. Для этого в ходе проведения подобных акций вооруженными силами западных государств широко используются «психологические операции» с привлечением представителей церкви, деловых кругов, частных лиц, работников СМИ, профсоюзов и т.п. В ходе работы с населением создаются гражданские консультативные комитеты, которые помогают решить проблему создания на территории, охваченной повстанческим движением, новой системы политического контроля. Выбор преимущественно невоенных средств воздействия, по мнению специалистов, не обусловлен преобладанием пацифистских тенденций среди военно-политического руководства многих государств, а является просто трезвым прагматическим выводом относительно того, что такая линия поведения в противоповстанческой борьбе наиболее эффективна.

Такой опыт использования психологического воздействия на противника и на мирных жителей целесообразно было бы использовать и при проведении контртеррористической операции на территории Чечни. Умелое сочетание вооруженных средств борьбы и методов психологической обработки должно стать залогом успешных действий федеральных сил на Кавказе.